

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

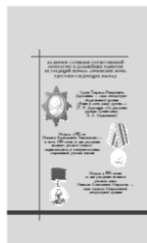
КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ



**ОРДЕНА Г.Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

ВЫПУСК 6



**ТУЛА
2016**

ББК 84 Р7 (Рос.-Рус.)
К 25

Альманах «Ковчег»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-7679-2336-6

В альманахе «Ковчег» вошли стихотворения и рассказы, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, родословные, литературоведческие работы и рецензии, песни, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самодельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широкий возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Москвы и Московской обл. (Серпухов, Подольск и Дзержинский), Тулы и Тульской обл. (Алексин, Щекино, Донской), Санкт-Петербурга, Самары и Тольятти, Томска, Сокола Вологодской обл., Батайска Ростовской обл. и Волгоградской области. Объединяет же всех — любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей.

© Авторы, 2016

© Шафран Яков Наумович, идея,
составление, оригинал-макет,
оформление, 2016

© Журнал «Приокские зори», 2016

© Издательство «Папирус», 2016

ISBN 978-5-7679-2336-6





ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА



ВЫСТУПЛЕНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА НА ВСТРЕЧЕ С МОЛОДЕЖЬЮ В ЛЕДОВОМ ДВОРЦЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ*

... Дорогие друзья! Для меня большая радость встретиться сегодня с вами. ... Я понимаю, что встреча с Патриархом для многих людей сегодня происходит в первый раз. Я сознаю ответственность, которая лежит на мне сегодня,— сказать нечто, что реально помогло бы вам в жизни.

... Что является самым главным для человека? К чему устремляются наши помыслы? К чему устремляется и на чем фокусируется наша жизненная энергия? Ответ на эти вопросы чрезвычайно важен. Конечно, существует много разных ответов на вопрос о том, что есть главное в жизни. Но, наверное, если свести к некоему общему знаменателю все частные выборы в пользу того или иного «главного в жизни», то это понятие можно описать одним простым человеческим словом: счастье. Если вы спросите человека: «Что вы хотите в жизни?» ... Ответов может быть множество, но если привести их к общему знаменателю, то ответ один: «Я хочу быть счастливым».

Мне приходится часто встречаться с пожилыми людьми. Бывало так, что я как священник напутствовал умирающих. Я имел возможность говорить с людьми, которые прожили уже всю свою жизнь, и должен вам сказать, что очень часто человек, приближаясь к концу жизни, не чувствует себя счастливым — жизнь прошла, а самая главная цель не достигнута.

... Я думаю, что счастье, о котором мы с вами рассуждаем сегодня, есть то, что возникает в сознании человека, как, может быть, некая иллюзия, как мечта. Но одни эту мечту осуществляют, а другие — нет. Более того, считая, что возникшая мечта есть реальный образ человеческого счастья, люди, достигнув того, о чем мечтали, вдруг к удивлению своему сознают, что они очень далеки от подлинного счастья.

А теперь давайте подумаем о том, как мы себе представляем человеческое счастье. Ну конечно, счастье — это благополучие, это здоровье, это хорошая семья, это материальный достаток, это хорошая работа, это образование. Из всех этих параметров и складывается не-

* Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей
<https://mospat.ru/ru/2009/05/29/news3093/>



кий образ счастливой жизни. И это правильное представление о счастье — счастье действительно определяется многими факторами.

Но вот что происходит в реальной жизни: человек начинает свой жизненный путь, в молодости у него ... есть мечта — своя собственная мечта, связанная с профессиональной, общественной деятельностью, с семейной жизнью, с личным успехом. А потом вдруг в какой-то момент оказывается, что эту мечту невозможно реализовать, и происходит изменение вектора жизни, мечта распадается, идеалы разрушаются, и человек становится совсем другим — в нем развивается цинизм и недоверие к жизни, он подвергает самой разрушительной внутренней критике свою мечту, называя ее чем-то наивным, нереалистичным. Высокие идеалы, которые чаще всего связываются с юношеской мечтой и вплетаются в понимание молодым человеком счастья, с течением лет подвергаются осмеянию и забвению, и можно слышать: «Ну, какими же мы были дураками! Во что мы верили!»

Вы помните, конечно, замечательный роман французского писателя-фантаста Жюль Верна, в котором речь идет о том, как люди путешествуют из одной части света в другую; вы помните, как сильно их путешествие зависит от такого технического приспособления, как компас. Если на компас ничто не воздействует, то движение осуществляется в правильном направлении, но если на компас оказать воздействие со стороны, то стрелка его отклоняется, и происходит нечто очень опасное: корабль сбивается с курса.

Каждый человек устремляется к своему счастью, но как много сторонних сил, которые воздействуют на человеческое сознание и меняют направление движения! Подобно компасу, этот чувствительный инструмент начинает терять верную ориентацию, и стрелка вдруг показывает совсем в другую сторону. И человек, у которого была мечта, который в детстве и юношестве эту мечту формировал, лелеял и желал ее достичь, вдруг сворачивает с пути, потому что компас показывает в другую сторону и нужно следовать туда, куда не хотелось идти. И ведь не разглядеть сразу, что явилось причиной этой подмены, и почему изменился курс! А курс меняется потому, что на человеческую личность оказывается колоссальное воздействие внешних сил, и оно часто выбивает человека из колеи.

Сегодня мы живем в условиях, когда на нас особенно сильно воздействует среда: через средства массовой информации, через стереотипы жизни, через моду ... и происходит это так, что мы просто не замечаем этих решающих для своей жизни воздействий со стороны внешней среды.



... Как же сохранить мечту, как сохранить идеалы, которые в молодости особенно ярки? Очень важно понимать, что является тем компасом, который указывает правильный путь. Имеет ли вообще человечество такой компас, который указывает направление к счастью? Позвольте мне сказать: человечество имеет такой компас, и он не является результатом приобретенных знаний или воздействия среды. Он является онтологической частью нашей человеческой природы — Бог, сотворив человека, пожелал этот компас вложить в его природу.

Этим компасом является врожденное нравственное чувство. ... Удивительно, но где бы ни жил человек, как бы он ни воспитывался, — всегда грех отражается в сердце человека болью. Эта боль есть голос нашей совести. ... Конечно, это ощущение можно снять, и для этого есть средства: можно выпить лишнего и забыться со стаканом в руках, можно употребить наркотики, а можно просто убедить себя, что все это предрассудки, что никакой совести не существует.

... Одним из самых сильных аргументов, помогающих нам заглушать голос совести, является попытка сравнивать себя с другими. Совершив что-то плохое, мы чаще всего говорим: а что же я особенного сделал? Вот сосед или товарищ по учебе, ведь он такой и сякой, и что мои небольшие проступки по сравнению с тем, что он делает? ... Это очень опасная и вредная методология, которая разрушает нравственное чувство; она направлена на то, чтобы заглушить голос совести. Вот так работает этот голос, и хотя его можно разрушить, его можно ослабить, но при этом он все равно действует, и мы чувствуем дискомфорт от зла и неправды, которые совершаем мы и которые совершаются в мире.

... Нет иного критерия, кроме критерия нравственного. ... Мы не соглашаемся с условиями жизни, если они несправедливы; люди не соглашаются с законами, если видят несправедливость этих законов. А мерилom является нравственное чувство, тот самый компас, который точно указывает человеку, куда нужно идти. Поэтому для того, чтобы не потерять ориентира в жизни, чтобы не потерять возможность достичь счастья, реализовать мечту, достичь высоких идеалов, нужно самое главное — защитить и сохранить свое нравственное чувство.

Почему мне представляется важным сказать вам об этом здесь, в молодежной аудитории? Потому что молодость есть период возрастания человека, возрастания и духовного, и физического. Природа молодого человека сама по себе такова, что он впитывает окружающую информацию и поступающие из окружающей среды сигналы



гораздо сильнее, чем человек зрелый. Так Бог устроил. На этом основывается весь процесс обучения — пожилым людям тяжелее учиться, потому что их сознание уже сформировано, они в самих себе уже имеют некое мерило для оценки того, что происходит. Молодой человек часто еще не имеет такого интеллектуального критерия, поэтому он открыт для восприятия. Мы посещаем лекции, слушаем преподавателей и доверяем им, и через усвоение знаний мы включаемся в поток человеческой мудрости. Но в то же время жизненно важно, чтобы вместе с этим потоком мудрости мы не усвоили вредные и отравляющие сознание и душу идеи.

... Мы с вами живем в такое время, когда нет никаких властных критериев, никакой идеологии, никакой государственной политики, направленной на их формирование. Есть только ваши сердца и ваши умы, и то, что вы сами в себе формируете,— это и есть критерий, используя который можно отсеять добрую информацию от злой, можно попытаться оградить себя от ложных и опасных для человека влияний, сохранить и реализовать свою мечту, достичь счастья.

Мне хотелось бы в связи с этим сказать еще вот о чем: действительно, сегодня особое время, когда человек сам определяет в полной мере свою судьбу. Но, с другой стороны, сегодня и очень опасное время, потому что информационное пространство наполняется различными идеями, философскими концепциями и просто жизненными взглядами и убеждениями; и для того, чтобы не потеряться в этом информационном потоке, мы должны сохранять и воспитывать в себе единственный объективный критерий, который существует вне времени и вне пространства, который один и тот же в России и в Папуа-Новой Гвинее — нравственный критерий. Конечно, каждый из вас знает, что существуют культурные различия между людьми — различия в обычаях, в обрядах, но фундаментальные нравственные ценности человечества едины для всех.

Как же эти ценности сохранить? Мы только что говорили о том, что нравственное чувство и совесть могут быть деформированы пьянством, наркотиками, неправильными жизненными установками. Как сохранить в чистоте эти нравственные силы? Для этого очень важно воспитывать свой ум. Образование есть образование ума, воли и чувств. На первом месте — ум, потому что сознание, если оно неправильно сформировано и воспитано, может разрушать нравственное чувство. Поэтому жизненно важно иметь подлинное образование. Когда я говорю об этом, я имею в виду не только образование, которое завершается получением диплома и обеспечивает доступ человека к той или иной профессии,— я говорю о формировании человеческо-



го образа. А в основу этого человеческого образа положен образ Божий. Бог возжелал, чтобы мы, люди, несли в себе, в своей природе, Его образ, Его качества. Таков Его замысел. И если образование, которое получает человек, раскрывает этот Божественный образ, эти силы разума, воли и чувств, то человек становится очень сильным, он становится непобедимым. Когда человек способен отбирать информацию, критически оценивать все, что происходит вокруг него, тогда он сам формирует свое сознание, свою жизнь; тогда он идет к своей мечте и реализует то, что называется человеческим счастьем.

Очень большую роль в формировании образа играет вера. Некоторые говорят, что можно быть человеком добрым и нравственным и при этом не быть верующим. Это действительно так: есть люди и добрые, и нравственные, и при этом не религиозные. И ответ на вопрос, почему так происходит, — в том, что Бог в наше сердце, в нашу природу заложил нравственный закон, и если мы не повреждаем этой природы, то живем в соответствии с Его законом, даже если и не очень много знаем о Боге. Но нередко — и чаще всего — бывает так, что под влиянием внешних обстоятельств, под влиянием факторов, которые сбивают «стрелку компаса», человек не способен удержать, сохранить в порядке свое нравственное чувство, и религия, вера в первую очередь предназначена для того, чтобы помогать человеку его сохранять.

... Когда человек вступает в контакт с Богом, тогда действия, направленные против Божия закона, становятся для него невозможными. Человек понимает, что этими действиями он разрушает эту дорогую для него связь; понимает, что Бог от него отступит и предаст своей собственной свободе — живи как хочешь, поступай как хочешь, делай как хочешь, — и в конце концов в самый тяжелый момент жизни без воли и помощи Божией мы вдруг проседаем и проваливаемся. Как важно, чтобы страх Божий — высочайшая духовная, нравственная категория, — присутствовал в нашей жизни! Тогда мы много раз подумаем: а следует ли нам нарушать Божий нравственный закон, жить против совести? Следует ли нам предавать любовь, дружбу? Следует ли нам искать человеческого счастья не в тех великих и светлых идеалах, которые чаще всего присутствуют в детском и молодом сознании? Следует ли нам подвергаться соблазну тех, кто хитроумно передвинул стрелку нашего жизненного компаса? Я глубоко убежден в том, что вера является силой, способной защитить наше нравственное чувство.

А теперь о самом главном. Почему жизнь в соответствии с нравственным законом должна непременно приводить нас к счастью?



Может быть, это очередная выдумка или исторический анахронизм? Вот сосед живет напротив — дом трехэтажный, машина дорогая — и подлец подлецом! А жена-то у него — ужас! Как говорят, пробу ставить негде, а какая благополучная и счастливая, какая одежда на ней красивая, и я так хочу! Или другой пример, когда не просто созерцание благополучия мерзавца, а реальное приглашение к жизни иным путем начинает доминировать в нашем сознании. Нередко случается, что подходит к молодому человеку кто-то во время перемены и просто так, запросто говорит: «Покурить травки не желаешь?» А через какое-то время: «Кольнуться не желаешь, кольнуться и забыться?» И ведь огромный соблазн — а почему нет, ведь мир иллюзий — такой прекрасный мир, он уводит от реальности, такой тяжелой и скверной! И человек делает в своей жизни непоправимый шаг. Или еще пример: человек живет в браке или желает вступить в брак с любимым человеком. И вдруг появляется некое искушение — знаете, как иногда человек желает приобрести какую-то вещь в магазине, а денег с собой не оказалось; пошел домой за деньгами, проходит мимо витрины другого магазина, а там — вещь не менее привлекательная: почему бы эту не купить? Иногда мы так поступаем со своими близкими — когда, допустим, обещаем вступить или уже вступаем в брак, когда связываем себя величайшими по своему значению обязательствами, и вдруг появляется другой человек, внешне не менее привлекательный, — почему бы не изменить курс, хотя бы на короткое время? Как часто мы делаем это и разрушаем свое счастье и свою жизнь!

Нужно помнить, и я думаю, с этой мыслью нужно жить: мы не знаем почему, это непостижимо для нашего разума, но Бог пожелал, чтобы человек был счастлив только в нравственной системе ценностей. И как бы нас ни учили, что нравственность относительна, как бы ни разрушались наши идеалы, как бы ни помрачалась наша мечта от цинизма жизни, какие бы учителя и искусители ни говорили нам, что все это не так, все это чушь и старорежимность, — это вечная и неизменная истина: человек может быть счастливым, живя в той нравственной системе ценностей, которая была создана Богом и вложена в его природу, и другого для нас не дано.

А как же внешние факторы, ведь для некоторых внешнее благополучие является непременным условием счастья? Зарплата, машина, квартира — деньги, деньги, деньги... Да, материальный фактор имеет отношение к полноте человеческой жизни, и было бы большим искушением, соблазном и неправдой утверждать иное. Некоторые, к сожалению, очень ригористически и негативно оценивают роль материального фактора. Однако не следует его так оценивать: материальный



фактор — важная составляющая человеческого благополучия. Но что происходит, когда он становится основной составляющей? А происходит вот что: стал человек хорошо жить, купил одно, другое, третье; обзавелся машиной, домом, а потом осматрелся — и оказывается, что коллеги живут лучше — и дом лучше, и машина лучше, а у руководителя — собственный самолет, да еще не один дом за границей! И вдруг тот самый дом, который был таким желанным, первая машина, которая казалась пределом счастья, становятся вовсе не такими желанными... И если нет внутреннего нравственного регулятора этого процесса, он бесконечен. Потребление может быть бесконечным, и тогда оно перестает приносить удовлетворение. ... Нет радости — все человек имеет, а радости от этого внешнего фактора уже не испытывает.

Приведу другой пример из жизни своей семьи. Мой дед, который на излете лет своих стал священником, был до этого мирянином, защищал Православную Церковь в трудные 20-е—30-е годы, имел большую семью — семь своих детей и приемная дочь. Вот этот человек оказался в заключении — время было тяжелое, и заключение это с небольшими перерывами продлилось почти тридцать лет. Множество тюрем, лагерей, ссылок, жизнь бомжа... С внешней точки зрения — абсолютно неудавшаяся жизнь. Умер мой дед в возрасте 91 года, он тогда уже стал священником, служил в Уфимской епархии, в Башкирии, потом стал слепнуть и ушел на покой. Перед самой его смертью я встречался с дедом, это была очень интересная беседа, многое из того, что он сказал, я в своей памяти храню всю жизнь. Я его спросил: «Дедушка, а ты был счастлив?» Станный вопрос к человеку, который тридцать лет в тюрьме просидел за веру, потому что боролся за единство Церкви против обновленческого раскола, а в страшные тридцатые годы защищал храмы от закрытия. Он прошел огонь и воду за эти годы заключения. Представьте себе: он не понял моего вопроса. Не понял потому, что он был действительно счастливым человеком, несмотря на все страдания, лишения и скорби. Он меня научил тому, что есть человеческое счастье.

И еще пример. Не буду называть имя этого всемирно известного человека, я тоже с ним был знаком. Это один из самых богатых людей на нашей планете, он жил в одной из европейских стран, состояние его измерялось десятками миллиардов долларов — этот человек мог позволить себе все. У него был сын — молодой, красивый, наследник всей этой колоссальной империи, у которого было все, о чем мечтают простые люди. Этот молодой человек, будучи психически здоровым, покончил жизнь самоубийством, не дожив до тридцати лет. Я спра-



шиваю самого себя: дед, просидевший значительную часть жизни в тюрьмах и лагерях, не желая предать Господа, и этот наследник великой финансовой империи — кто из них был более счастлив? А ведь эти примеры можно продолжать — в жизни каждого человека есть нечто, что поможет ему понять, что означает быть счастливым.

Еще раз повторю, потому что считаю это архиважным: если мы отрываем нравственную составляющую от нашего целеполагания, от нашей мечты, то мы обрекаем себя на несчастье. И каким бы ни было видимое благополучие безнравственного человека, он не может быть счастливым по определению, как теперь говорят. Но не по человеческому определению, а по определению Божию. Это особенно важно понимать, мои дорогие молодые друзья, в вашем возрасте, когда с легкостью могут подставить магнитик под стрелку вашего компаса, — так аккуратно, так деликатно, что даже не заметите. Старайтесь не допускать такой подмены курса, потому что сразу разобраться в том, что произошло, будет очень трудно — пройдет какое-то время, и только тогда, может быть, уже на завершающем этапе жизни кто-то скажет: а жизнь-то не удалась! Не давайте переформатировать свое сознание так, чтобы произошла смена курса. Вот именно поэтому нужно хранить в сердце веру — потому что вера помогает сохранить нравственное начало.

... Моя мечта о том, чтобы вы и вся молодежь нашей страны, и весь народ наш никогда не дали никому возможности изменить тот курс, следуя которым мы можем обрести счастье. ...Дай Бог, чтобы Отечество наше, народ наш на основании своего исторического опыта сумел сохранить и укрепить свою верность тому единственно правильному курсу на человеческое счастье, который коренится в нашей человеческой природе, ибо сам Бог вложил в нас это...

Я хотел бы всем вам пожелать мудрости, силы духа, способности защищать свое сознание от тех влияний, которые могут изменить правильное течение жизни. И одновременно желаю вам осуществить мечту — каждому свою. И дай Бог, чтобы эти мечты были светлыми и чистыми, чтобы они соответствовали тем высоким нравственным идеалам, которые только и способны дать человеку подлинное счастье.

Будьте счастливы и Богом хранимы!





ПРОЗА

ЕЛЕНА СЕМЕНОВА
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
ЯКОВ ШАФРАН
ГЕННАДИЙ МАРКИН
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ
ТАТЬЯНА РОГОЖИНА
СТАНИСЛАВ ВОРОНЦОВ
НАДЕЖДА МИРОНОВА

ОЛЬГА ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ

ИРИНА КЕДРОВА
ИГОРЬ КАРЛОВ
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ОЛЕГ СЕВРЮКОВ
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
ГАЛИНА КЛИНКОВА
АННА МАРТИНА
ЕЛЕНА БОГДАНОВИЧ



Елена СЕМЕНОВА

(г. Москва)



Писатель, поэт, публицист, драматург. Редактор литературно-общественного журнала "Голос Эпохи", портала "Архипелаг Святая Русь" и сайтов, посвященных Белому Движению. Автор 10 книг. Специалист по истории Белого Движения и 1-й половины XX века. Автор "На этнической войне", о геноциде русских в республиках бывшего СССР.

ОДЕССА

Глава из повести "Русский Жребий"



На черной от копоти стене явственно различался отпечаток чьей-то ладони. Ладонь какое-то время держалась, а затем поползла, поползла вниз, и след оборвался вместе с чьей-то задохнувшейся в ядовитом дыму жизнью...

Когда осенью на майдане начали «скакать», Роберт не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Начинаящий юрист, только что закончивший институт, он был занят совсем другими проблемами. Да нешто всякий раз оборачиваться, когда на этом дебильном киевском танцполе очередная дискотека развернется? Сколько их уже за последние годы было! «Геть» да «геть»! Да не быдло мы, да не козлы. Насчет быдла и козлов можно, конечно, дебатировать, а вот, что бездельники стопудовые — факт. Ибо только бездельник может позволить себе роскошь месяцами скакать в центре любимой столицы, питаясь халявными печенюшками. Впрочем, самые большие мастера по части скакания — это именно козлы, так что зря открестились от родства.

В феврале месяце казавшиеся ритуальными «скачки» вдруг обернулись кровью и беспределом. Будучи человеком дотошным и натасканным на поиск фактов, Роберт внимательно разбирал, что же все-таки происходило в сатанеющей столице. А происходило нечто похабное и жуткое.

Сперва сукин сын Янок не изволил дать оружия парням из «Беркута». У Роберта в «Беркуте» приятель хороший был, Пашка, приезжал потом, уже уволившись, рассказывал, трясаясь от негодования, как кинули их с дубинками — считай безоружных — против молодчиков с «коктейлями Молотова», битами и прочим добром, как те заживо



жгли их, а им и ответить было нечем. Даже водометов не дали — как же! Це ж дети, помэрзнут на февральской холодрыге!

Оружие лишь в последний день применять дозволили — да поздно! Уже и те оружием бряцали! И, презрев договоренности с властью, пошли толпой бить небольшой митинг «регионалов» (старичков и старух так отходили битами, что добро б всем выжить), а затем — палить офис правящей партии. Нет, само собой, большей части этой партии, начиная с Янока, место на нарах — в этом правоведе Роберт был убежден. Но прийти, забить до смерти вышедшего из офиса клерка, а затем спалить здание с еще двумя сотрудниками, находящимися внутри... Даже и не верилось. Но Пашка настаивал, что было именно так.

С этого-то и покатило колесо по человечесему насту, позвонками хрустывая... Стычка, другая... И, вот, снайперы заработали — чьи, откуда? Леший знает! Пашка божился, что не их. Да и как могли быть их, коли и по ним же стреляли, как и по той стороне? Из одной точки по обеим сторонам, провоцируя! И ведь ни одна пуля не попала в какого-нибудь бешеного молодчика из «ПСов» или «Свободовцев». Так, в массовку, ни шиша не понимающую... В девчонку-медсестру, прибежавшую на помощь раненому, которой горло пробило насквозь...

Раненые... Это, вообще, отдельная страшная страница. Если раненый «беркутовец» оставался «на территории противника», был утащен туда, «взят в плен» — пиши «пропало». Врагам поборники демократических ценностей помощи не оказывают. А иные еще и истязают беспомощную жертву. Одному пленнику выкололи глаз прямо перед камерой, и никто, ничто не дрогнуло в опьяневшей от крови и вседозволенности стае.

В конце концов, раненых затащили в Дом Профсоюзов, а затем этот дом... загорелся... Случайно или нет, вряд ли узнать когда. И сколько людей там погибло — не узнать также. Пашка знал точно, что именно в этом «крематории» нашел свою смерть его сослуживец.

Кстати, о крематориях. Это раньше захватывали телефоны и телеграфы. Новые революционеры захватили крематорий. И тот работал сутками на фоне бушующего безудержного грабежа, насилия, беспредела.

Янока, конечно, в тот момент в Киеве уже не было. Этот похититель меховых шапок в общественных сортирах, избранный украинским народом своим президентом, благополучно бежал, пока истекающий кровью «Беркут» еще защищал легитимность его презираемой без исключения всеми власти...



После победы Майдана Пашка не раздумывал — прихватил табельное оружие и пока суть да дело рванул в Крым, зная наперед, что этот анклав не позволит прийти восторжествовавшей в Киеве мегамразе на свою землю.

Пашка оказался прав. В Крыму и прежде-то не давали «баловать», даже флот НАТО-вский на свою территорию не пустили, а уж «поезда дружбы» от товарищей Яроша, Фарион, Тягнибока и прочих, звавших омыть русской кровью украинскую незалежность, и подавно.

Народ в Крыму поднялся быстро и массово. Заполнилась площадь Севастополя русскими флагами, и раздалось забытое, столько времени к забвению принуждаемое, а с той поры рефреном звучавшее, в единый глас народный слившееся: «Мы — Русские!» И, кажется, замерло все в ожидании — чья переважит, да какой кровью станет, да в какой срок?..

А прошло все неожиданно быстро, без сучка и задоринки. Референдум, возвращение в Россию, торжественная встреча в Кремле и ставшая знаменитой речь российского президента... Пашка звонил из Севастополя счастливый — он теперь российский гражданин!

Ветер крымской весны весь Юго-Восток овеял надеждой, разбудил, взбудоражил. Если Крым смог, то почему бы и нам не сделать то же? Не с этим же бандеровским отребьем жить! Хватит, нажились в чужой стране, пора и «до дому, до хаты» — в Россию! И хотя не сказать, чтобы прежде всем виделась современная Россия с ее властителями такой уж прекрасной страной, но сейчас ничего не хотелось вспоминать, что бы марало светлый лик замаячившей совсем рядом Родины, которая, кажется, сама протянула руки, позвала: бегите, дети, а я помогу, укрою...

Роберт, не без основания ругаемый друзьями и домочадцами «сухарем», хотя и разделял общее желание, но не выходя из своей колеи. Несколько раз он был, конечно, на Куликовом поле, но... Душа его еще не созрела для борьбы, и борьба эта казалась ему какой-то ненастоящей. В сущности, какие у нее перспективы? Одно дело, когда в Севастополе на площади весь город собрался, а в Одессе на Куликовом — сколько? Большинство горожан продолжало жить своей повседневной жизнью и тоже не было готово к борьбе. Сходить на референдум, проголосовать и вступить в состав России — пожалуй. Но бороться?

Осознавая это, Роберт смотрел на активистов Куликова, как на прекрасных чудаков, упорство и вера которых восхищают, но которые ничего не смогут добиться. Потому и не стоял с ними Роберт в



одном строю, а сидел в своей конторе, исправно оформляя юридические документы...

Как же он жалел об этом сейчас! Как же жалел! Вечером второго мая он, как обычно, завершил рабочий день, краем глаза успел увидеть в новостях, что футбольные фанаты подрались с кем-то из «куликовцев», но не придавал этому значения (фанаты всегда дерутся), потому что спешил на свидание с Яной. Их отношения тянулись уже несколько месяцев и, хотя давно уже стали близкими, не налагали никаких обязательств на обоих. Роберта это вполне устраивало, так как он еще не чувствовал себя готовым к созданию семьи, не питал ни к кому серьезных чувств, а с веселой и беспечной Яной ему просто нравилось проводить время.

Ту проклятую ночь он провел именно с ней. Вино, легкий ужин, жаркие янины ласки... Он даже телефон отключил, чтобы никто не испортил приятного вечера и ночи. А едва включил утром, как раздался звонок, и обрывающийся голос матери сообщил, что «бандеровцы» разгромили лагерь на Куликовом Поле и сожгли Дом Профсоюзов вместе с пытавшимися укрыться в нем от расправы активистами. И что тетя Сима с дядей Лешей до сих пор не могут найти Юру и Иру...

Юра Лоскутов, музыкант и поэт, был лучшим другом Роберта со школы. Юрка, один из последних романтиков, веривших, что мир можно изменить Словом, стихами, конечно, был одним из самых горячих активистов Куликова с первых дней. Он почти безотлучно находился там, рисовал плакаты, сочинял песни, горел, как факел, освещая все и вся вокруг себя. Его нельзя было не любить, им нельзя было не восхищаться. Он не жил, он парил над землей, витал в одному ему ведомых горных высотах. А еще он по-детски трогательно любил Россию, и своих родителей, и друзей, и Иру... Ира была, наверное, самой прекрасной девушкой, какую когда-либо видел Роберт. Чистый ангел двадцати двух лет с сияющими звездами-глазами и чудной улыбкой. Они с Юркой, казалось, были рождены друг для друга. Две половинки, два лебедя высокого полета...

Ну и забава у людей —

*Убить двух белых лебедей!**

* Здесь и далее: В. Высоцкий. «Баллада о коротком счастье». Песня написана для кинофильма "Стрелы Робин Гуда".



Эта строчка Высоцкого пребольно резанула сердце уже в первый миг, но Роберт еще надеялся на лучшее, еще не верил в возможность такого ужаса. Мать успела сказать, что погибло не меньше полусотни человек, а дальше он уже не слушал, а мчался к Куликову — искать, спасать, помогать...

Но спасать было уже некого... Обугленный остов Дома Профсоюзов выглядел жутко, но еще жутче были глаза людей, чьих родных поглотила эта гигантская печь... Им еще предстояло тяжкое испытание — опознать в изуродованных телах тех, с кем еще вчера они попрощались, не подозревая, что это — в последний раз.

Одна за другой всплывали из рассказов страшные подробности. Как футбольные «ультрас» из Днепропетровска, вотчины выродка Бени, были спровоцированы на драку молодчиками, нацепившими георгиевские ленточки, но не снявшими красных шевронов «ПСов», как последние завели их в лагерь, как начался погром, в который, уже не скрываясь, влились фашисты. Как забивали битами тех, кто не успевал убежать, как жгли палаточный городок, как спасающиеся от избиения закрылись в Доме Профсоюзов. Как убийцы ворвались и туда, крушили топорами двери, за которыми искали спасения жертвы, а потом убивали их, экономя патроны. Как распылили какой-то ядовитый газ, а затем закидали Дом бутылками с зажигательной смесью, подожгли и несколько часов не давали подъехать пожарным, а несчастных, бросающихся из окон, добивали на земле...

Так, на земле, был до смерти забит семнадцатилетний студент. Его мать прибежала к горящему дому и умоляла убийц позволить ее сыну выйти. В ответ нелюди посмеялись: пусть попробует — получишь калеку. Она получила лишь растерзанное тело...

Когда же пожар окончился, убийцы вошли внутрь, чтобы заснять на камеры мобильных тела своих жертв и еще поглумиться над ними...

Казалось бы, это — предел кошмара. Но нет, зло не имеет предела. Волна ликования пронеслась от сетевых отмороzków до высокопоставленных киевских узурпаторов. Они восхваляли «подвиг патриотов» и потешались над «жареными колорадами», «майским шашлыком».

И милиция арестовывала не убийц, а их уцелевших жертв, которые якобы подожгли себя сами...

Юру и Иру нашли лишь на следующий день. Они, как рассказывали, сидели на полу, обнявшись. Их тела почти не обгорели. Они просто задохнулись в пылающей газовой камере... Какие слова говорил



он ей в последние мгновения? Что отвечала она? Только Господь Бог слышал их, принимая чистые лебединые души в свои чертоги.

*Они упали вниз вдвоем,
Так и оставишись на седьмом,
На высшем небе счастья.*

Однако и это не было последней каплей кошмара, в который обратилась в те дни жизнь Роберта. Просматривая со всей въедливостью юриста многочисленные видеозаписи, выложенные в Сети, он наткнулся на сюжет о девушках, готовивших «коктейли Молотова» для убийц. Вот они — веселые, бодрые. Проворно и со знанием дела готовят мучительную смерть для людей, которых никогда не видели, которые ни им, ни кому бы то ни было не сделали ничего дурного. И вдруг среди этих смеющихся лиц промелькнуло... Роберт не поверил своим глазам, отмотал назад, еще раз, еще... Но видео упрямо показывало одно и то же лицо — лицо его родной младшей сестры Лили, которая все эти дни была молчалива и угнетена, что приписывалось естественному потрясению от трагедии...

Не помня себя, Роберт бросился в комнату Лили:

— Ты!.. Ты!..— заревел с порога, захлебываясь от ярости.

Сестра смотрела на него испуганными, затравленными глазами, вжимаясь в угол кровати.

— Я не хотела... Я не хотела...— залепетала она.— Я же не знала, что так получится... Что Юра с Ирой...

— Заткнись!— завопил Роберт.— Не смей произносить их имен! Юра с Ирой?! А остальные семьдесят человек, которых ты убила?!

— Я не... я не... убивала...— глаза Лили наполнились слезами.— Я только...

— Нет! Это ты! И твои подружки! Вы убили семьдесят человек! Вы... вы... Твари! Нежить!

— Не надо! Перестань!— вскрикнула сестра, заслоняя ладонями уши.

— Сука! Убийца!— докончил свою тираду Роберт.— Будь ты проклята!

При этих словах Лили сникла всем телом, сползла с кровати и, как тень, скользнула мимо него, вжав голову в плечи, точно боясь, что он ударит ее.

Он не ударил, он словно окаменел и не двинулся с места, пока ее торопливые шаги и всхлипы не стихли на лестнице, а затем тяжело опустился на ее кровать, стиснув руками голову.



Лилька была младше его на восемь лет. Роберт любил ее, конечно, но никогда не принимал всерьез — маленькая сестра, ребенок и только. А надо было принимать, еще как надо! Особенно, когда стала она водить дружбу с этим «небыдлом-некозлом» в нацистских татушках. Только сейчас запоздало понялось, что это не дружба никакая была, а втрескалась девчонка по уши в урода. Может, уже и спала с ним... Ей, конечно, только шестнадцать, но в наши дни — дело обычное. Стало быть, все из-за этого ублюдка. Как там его? Стасик, что ли? Неважно. Окрутил малолетнюю дуреху, попросил пособить — бутылки зажигательные сделать. Понятно, не говорил, что людей жарить собираются — так, оружие самообороны. Разве ж могла дуреха любимому отказать? Разве думала, что делает, и к чему это может привести? Конечно, нет... Млеющая от каждого его слова, просто выполнила просимое.

А ведь он, Роберт, видел и Стасика этого, и как сестра на него смотрит, и не обращал внимания. Считал, что не следует мешаться в чужую личную жизнь, не будучи тем паче сам в ней образчиком. Донемешался... Юрист хренов! Судил-рядил о происходящем с приятелями за кружечкой пивка, да вон в Фейсбуке, а собственной сестре положение дел пояснить не судьба была. Мала еще — зачем ей? Ни разу не поговорил с ней серьезно, ни разу не поинтересовался, что у нее на душе и в мозгах делается. Все работа да приятели, да Янка-шалава (почему-то сейчас воспоминание о Яне было особенно неприятным) — нормальный современный деловой человек без «законов» и «крайностей»: таким видел себя Роберт, таким нравился себе. А сейчас внезапно испытал к этому «нормальному человеку» жгучую ненависть.

Не он ли должен был заботиться о сестре, защищать ее, помогать ей? Не он ли должен был стоять плечом к плечу вместе с Юрой и Ирой и, если надо, погибнуть с ними? А он валялся в постели Яны, ни о чем не заботясь. «Нормальный человек», значит? Просто эгоистичная скотина...

И вот, какое право он имел так говорить с Лилей, будучи сам виновен в том, что с ней случилось, допустив это своим равнодушием? Никакого не имел... Скорей бы уж возвращалась она. Надо будет извиниться и, наконец, поговорить по-человечески. Матери обо всем этом знать, конечно, не надо. Незачем, чтобы еще и она страдала. И без того намучилась двоих детей поднимать после смерти отца, которого не стало через год после рождения Лильки.

Куда, кстати, убежала она? Уж не к этому ли своему?.. Или к подругам? Отчего-то на душе стало беспокойно, и Роберт, отступив от



собственного правила «не вмешиваться в жизнь сестры», стал обзывать всех Лилькиных подруг...

Увы, ни одна из них ничего о ней не знала. Вечером с работы вернулась мать и, глубоко встревоженная исчезновением дочери, начала второй виток звонков с прибавкой больниц и моргов.

Уже чувствуя, что случилось что-то непоправимое, Роберт отправился на поиски сестры. Сжимая в кармане нож (времена-то какие), он обходил двор за двором, улицу за улицей, побывал на вокзале и набережной, но Лильки не было нигде.

Ее нашли утром. Повесившейся... В кармане у нее была короткая записка: «Я виновата. Я убийца. Я не могу с этим жить. Простите». Прочитав эти строки, Роберт почувствовал убийцей себя. Безмятежный мир «нормального человека» рухнул окончательно, рассыпался в прах. Он ненавидел себя и не находил себе места. Все, решительно все, отторгало его, гнало прочь.

Он не мог находиться дома, где зияла пустотой Лилькина комната, а в ней — ее фотографии, плакаты с импортными артистами, мягкие игрушки... В том углу кровати, где сидела она в тот проклятый день, теперь сиротливо жался большой белый медведь, ее любимец, которого Роберт выиграл для нее меткой стрельбой в тире. Когда Лильке бывало грустно, она сидела, обхватив его руками, уткнувшись носом в его голову. Роберту казалось, что и теперь она сидит так и смотрит на него затравленными глазами — как в последний раз...

Он сглатывал подкатывавший к горлу ком и спешил уйти. Он не в силах был видеть и убитую горем мать. На счастье из Херсона приехала тетя Клава, ее любимая младшая сестра, и взяла на себя заботу о ней.

Роберт не ходил на работу, избегал встреч с приятелями. Эти «нормальные» и «адекватные» люди теперь страшно раздражали его. Им все нипочем. Лишь бы работа, заработок — лишь бы их не трогали. Тронут! Непременно тронут! Всех... Когда-нибудь...

Случайно завидев на улице Янку (ее плещущее через край жизнелюбие и яркий наряд виделись оскорбительными в такие дни), поспешил перейти на другую сторону. Она — спасибо ей — все поняла правильно, не полезла с утешениями-соболезнованиями. Или, может, просто сторонилась чужого горя, боясь, что оно и ее заденет, оберегая свою бесстыжую радость жизни?.. Не так ли, бывало, поступал и он сам?..

Все гнало его прочь из родного дома, с родных улиц, из родного города... Да и город-то точно иным стал. Прежде шумливый и весе-



лый, он затих теперь, в испуге ожидая, что же будет дальше. Этим страхом пропитались, кажется, сами стены... Перешепот: выживших ищут и добивают... Слухи ползут один другого страшнее. А те, что убивали, и сами вот не отваги полны. Слияли из города тайком. Стасик тот же... Страх, тишина, пустота... С темнотой уже редко кто отваживается выйти из дому, а ведь на дворе май — самая лучшая пора для прогулок, свиданий и прочей прекрасной ерунды, оставшейся в другой жизни. Пуста Потемкинская лестница, пуста набережная, одиноко взирает на свое детище Дюк, подле которого впервые не резвятся влюбленные парочки. Город в трауре, город пытается понять, как это именно в нем, славящемся своей веселостью и беспечностью, в 21-м веке, в мирное (казалось бы) время могла случиться новая Хатынь? И как с этим жить? И что делать?

Делать, конечно, ничего не будут... Кроме некоторых единиц, «подполья», которое ничего не изменит. Судьбе Юго-Востока не здесь решаться. Здесь обыватель слишком разнежен, расслаблен. А теперь еще и запуган до конца своих дней.

Люди, впрочем, каждый день шли и шли к Дому Профсоюзов, несли цветы, фотографии. Выродки по ночам норовили убрать их, даже сожгли крест на могиле одного из убитых: «Спокойно спать будете в России!»... Пришел на 9-й день после смерти Лильки и Роберт. Долго-долго ходил, узнавая места, виденные на фотографиях и видео. Вот, в этом кабинете отморозок сломал хребет женщине. Ее крики слышны были снаружи. Над ними смеялись, записывая на камеры. Одной «самкой колорада» меньше... Роберт уже знал поименно всех погибших, знал, кем они были и какую смерть приняли. Лица, лица, лица... Он долго стоял на месте, где нашли Юру с Ирой, зажег большую свечу, положил цветы. Он уже точно знал, что делать дальше. Если прошлая жизнь не позволяет тебе вернуться в нее, а на твоей душе лежит невыносимый груз вины, то единственный способ освободиться — бросить эту самую жизнь на алтарь чего-то, за что не стыдно умереть. Лишь теперь стало осознаться, что и жить надо только тем, ради чего умереть не стыдно. Все, что не стоит смерти, и жизни не стоит. Это понимал своей чистой душой Юра. Это понимала Ира. И все, кто погиб здесь, понимали. И пошли до конца...

Матери о своем решении Роберт ничего не сказал, соврав, что, не имея возможности найти новую работу в Одессе, хочет попытать счастья в России. Мать не возражала. Тетя Клава уговорила ее погостить у нее в Херсоне, и это было к лучшему. Однако, выговориться все-



таки хотелось. Долго ища, кому бы излить душу, Роберт отправился к Михалычу. Михалыч — старый рыбак, человек простой и грубый, но притом цельный и отличавшийся природным здравомыслием — был другом отца Роберта. Но после его смерти Роберт почти не встречался с ним. А вот теперь вдруг вспомнил о нем. Вспомнил, как часто в детстве «ходил» с Михалычем и его ребятишками в море, рыбачил. А потом занесся... Образованный человек, успешный молодой юрист, которому прочили хорошую карьеру. О чем ему было говорить со старым рыбаком? И вот появилось о чем...

Михалыч жил в крохотной комнатухе старого дома. Кроме железной, похожей на больничную, койки, стула, стола, сбитой собственноручно полки и старого, разошедшегося сундука, в ней ничего не было. Но даже здесь все как будто пропахло рыбой, от духа которой Роберт поморщился.

Старик гостю не удивился:

— Седай,— кивнул на койку,— помянем.

Водку Роберт не любил, но помянуть — дело святое. Впрочем, это и не водка была, а что-то сильно худшее, от чего зарбило в глазах.

— Слабак,— махнул рукой Михалыч.— Отец твой крепше был. О горе вашем знаю. Прости, что не зашел. Я, сам видишь, как бомж теперь, хоть и с крышей над головой. Сомневался, что тебе и твоей матери будет отрадно мою морду видеть. Рад, что сам пришел, вспомнил старика.

— Я попрощаться пришел,— сказал Роберт, уже оправившись от выпитого «зелья».

— Уезжаешь?

— Уезжаю.

— На войну?

— Как вы угадали?

— А я не угадывал. Я отца твоего знал. Мужик был. Хотелось бы, чтобы и ты в него пошел. А мужику сейчас место на войне. Я бы и сам... кабы не мои годы. А так — разве что Бовочку своего порешить тут,— старик нахмурился.— Знаешь ли, что Бовочка-то, падлюка, в фашисты записался? То-то! У Дома Профсоюзов был, да. С другой стороны! Я как узнал, сказал: «Я тебя, сучонка, породил, я тебя и пришибу, чтобы имя мое не позорил. Пусть оно и не славное, но честное!»

Роберт только рот открыл, не веря своим ушам. Бовочку, старшего сына Михалыча, он помнил хорошим, бойким парнем. Именно он, Бовочка, учил когда-то Роберта и другую «малышню» плавать. А теперь?..



— Правосек... — аттестовал рыбак сына непечатным словом, качая заросшей седым волосом головой. — Перед людьми стыдно, веришь? Что от моего семени этакая гадина выросла.

— Что же с нами случилось, Иван Михалыч? — тихо спросил Роберт. — Моя сестра готовила для них «зажигалки», ваш сын бросал их в здания... Мой лучший друг с невестой погибли там. А ведь мы же росли вместе, мы все были — одно! Мы учились в одних школах, говорили на одном языке, в наших жилах течет одна кровь, а теперь они убивают нас?!

— А нам ничего не остается, как убивать их, чтобы не быть убитыми, чтобы не позволить им убивать безнаказанно...

— Почему?

— Почему-почему... Потому что в одних дьявол вселился и гонит их бить, жечь, уничтожать... Тех, кому он еще не указчик. Нас.

— Вы разве верите в Бога?

— Да не то, чтобы... Сам понимаешь, нас воспитывали без всяких там... религий. Но вот в дьявола я, глядя на все теперешнее, начинаю верить. Не обошлось здесь без козлобородого, точно не обошлось. А раз он есть, так, значит, и Бог должен быть... Я-то уж вряд ли эту заковыку пойму, а ты поймешь! — Михалыч округлил красноватые глаза и пристукнул кулаком по столу.

— Почему вы думаете?

— Ты на войну идешь. Война тебе и ответит. А ты мне расскажешь, ежели живой вернешься, и ежели я прежде того не помру. Обещаешь? — старик лукаво прищурился.

— Обещаю, Иван Михалыч.

— Ну и добре. Поезжай с Богом. Предложил бы я тебе на посошок накатить, да вижу мой самогончик тебе кишки шибко жгет. Ступай, Робочка. Воюй честно и вертайся с победой. А я постараюсь тебя дожидаться.

С этим напутствием и покинул Роберт родной город, захватив с собой лишь деньги и смену белья. «Тебе бы снайпером быть!» — сказал когда-то хозяин тира, где он выиграл медведя для Лили. Снайпером или не снайпером, но за всех погибших, за Юру, за Иру, за сестру он этим гадам отплатить сумеет. А попутно, может, и самого себя на войне отыщет, и поймет что-то, что не дается пониманию «нормальных людей»...





Ирина КЕДРОВА

(г. Москва)



Прозаик и драматург. Член Союза писателей России. Член Академии Российской литературы. Член редколлегии альманаха «Московский Парнас» и литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Дипломант международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции», литературного конкурса «Золотой диплом». Доктор педагогических наук, профессор Московского городского педагогического университета.

ПОЕДЕМ В ПРАГУ, ДОРОГОЙ!

Рассказ

Великое дело — поездки в другие страны. Когда-то русские их боялись и не признавали. Давно это было — в начале восемнадцатого века царь Петр самолично выгнал детей боярских за границу: чтобы мир посмотрели и разные ремесла-науки освоили. С середины того же века поездки в дальние земли стали условием образованности русских дворян. Княгиня Дашкова повезла сына в Европу на обучение. Так, наверное, и написала в прошении: пусти, мол, меня, матушка-царица, за границу, чтобы сын мой там уму-разуму набрался.

С тех пор и до известного семнадцатого года ездила российская знать в далекие края: мир посмотреть, себя показать, здоровье подлечить. В советские времена заграница для многих оказалась закрытой. Разве что члены государственных семей да дипломаты, иногда журналисты и актеры могли там побывать. А простому народу это не нужно. Учиться у иноземцев нам негоже, поскольку мы, как поется в одной известной песне, «впереди планеты всей».

Шпионов всяких и вербовщиков там завались. Ехал русский Вася в загранку по случаю и всего боялся: в бордель не заманили бы, в магазинах ихних, опять же, обманут. В ресторан пойти — так у них любая забегаловка называется — денег не хватит. Только война, будь она неладна, помогла советскому человеку мир увидеть и себя показать.

В девяностые годы наметился перелом. На каждой улице и в каждом доме турфирмы сидят — в мир зазывают. Денег немного подсобрал — в Турцию поплывешь. Скопил побольше — самолетом в Европу полетишь. Много денег набрал — дорога твоя протекает на Канарские или Гавайские острова.

Муж мой накопил на поездку в Прагу.



Сидим в аэропорту, ждем отлетного часа, и не верится. Неужели это я в Европу еду? Царя Петра упрасивать бы не пришлось. Уж я бы скоро навострилась: маменька, папенька, вы тут щи хлебайте, а я в дальние страны, как царь-батюшка велел, спешу. Да не про то сейчас речь.

Народ в нашей туркомпании попался разный: от заядлых интеллигентов до квадратных мужиков. Квадратные — коротко стриженные, в мозгу две извилины, где-то кого-то пообманули в перестроечные времена, капитал сколотили, хозяевами стали. Давай, Маруся, в мире богатство приобретенное покажем, песни блатные попоем, текилой ихней кактусовой обопьемся. Интеллигенты — те в очках, себя уважают. Сто рублей в кармане, но за границей — «белые люди», требую, чтобы их обслуживали по высшему классу.

Мы с мужем из интеллигентов. Гол как сокол, только виду не показывай: фирмачи, в теннис играем, о кортах мечтаем.

— Слушай, а не пойти ли нам по пиву? — перебивает муж мои размышления. — Самолет еще не скоро, а здесь без буфетной наценки.

Он пиво обожает, иногда думаю, сильнее, чем меня. Когда домой поздно приползает, еле двигаясь, не от водки, от усталости, обязательно приносит с собой пиво. Молча в бокалы разливает, в кресло садится, ноги вытягивает, пиво попивает, в себя приходит. Я рядом сижу, на него гляжу и тоже наслаждаюсь пивом. С молодых лет помню приговорку: пейте пиво пенное, морда будет офигенная. Морда, по-нашему лицо, у мужа — нормальная. Зато живот, как шутят — трудовой моль, уже значителен. То ли от пива, то ли от многосидячей работы.

— По пиву, говоришь? Пойдем, мне все равно, где ждать.

В буфете покупаем бутылочное пиво. Муж долго и терпеливо разливает его в кружки: желто-коричневое, с пряным запахом, чуть с горчинкой, пены немного. Приступаем к ритуалу питья золотистого напитка. Я пью маленькими глотками: пиво холодное, а у меня после холодного всегда горло болит.

— В Праге обязательно будем пиво пить. Чешское на весь мир славится, а в нем более ста марок, — радостно сообщает муж.

— Например, какие? — спрашиваю, чуть сомневаясь в его познаниях.

— Старопрамен, Будвар, Праздрой, Бернард. У каждого свой вкус. Тебе, наверное, понравится Будвар — с нежным вкусом и легкой горчинкой, или Бернард. У него густая пена и мягкий вкус.

— Слушай, давай заведем ритуал: будем фотографировать тебя в каждом городе с кружкой пива. Получится интересная коллекция: ты и пиво разных народов.

Конечно, можно было предложить фотографировать меня. Я выгляжу гораздо интереснее, но мужу приятно — о нем думают, его



хотят запечатлеть на фотопленке, которая, между прочим, лет через пять пожелтеет и потеряет ценность. Мы все не лишены мании величия. Величие моего мужа безгранично, впрочем, во вполне реальных масштабах. И что мне стоит чуточку поддержать это величие, чтобы насладиться великолепием поездки?

Объявляется посадка. Как хорошо, что летим, а не трясемся в поезде! Часа через два будем в Праге — в «красавице Праге». Ее «золотую недаром зовут», — звучит во мне радостно строка песни, слышанной с детства.

Пиво-пиво, далось оно мне. Раздумываю о нем в самолете. Между прочим, есть и русское пиво. В старые времена оно олуем называлось или олониной. «Плесни-ка мне, братец, олуя», — сказала бы я домовитому хозяину средневековой Москвы. Нет, не сказала бы: сидела бы взаперти на женской половине, сама бы себе пива наливала, поскольку тогда мужья за женщинами не ухаживали и за границу жен не возили. В те далекие времена олуй варился в пивоварнях при кабаках и в домах зажиточных горожан, имевших на то разрешение. Ячмень, овес, рожь или пшеница становились основой для пива. Хранили его, чтобы не испортилось, в ледниках, вроде современных погребов, под снегом и льдом. Было оно вкусным, как утверждали заезжие иностранцы, но мутным.

И что меня в историю понесло? В Прагу лечу. Вот уже видны из самолета красные крыши Чехии. Скоро-скоро вступлю в мир другой жизни.

Впечатления от Праги разные и все с восхищением и удивлением!

Вот мы на Национальном проспекте, бегущем куда-то вдаль, в неизвестность. Я уже люблю эту неизвестность и знаю, мне здесь будет уютно. Шумный и яркий проспект, по которому торопливо спешат по делам пражане и медленно прогуливаются туристы.

Вечером течет по проспекту городской оркестр, веселит народ бравыми маршами. За музыкантами следом торопятся, стараясь не отстать, прохожие. Целеустремленно преследует оркестр женщина, одетая в цветочно-молодежном стиле. Кто она и почему так направленно стремится за бравой музыкой? По возрасту ей уже о-го-го сколько лет. Галантные французы говорят: нет на земле женщин, примиренных со старостью. И убеждают весь мир: женщине столько лет, на сколько она выглядит. Эта женщина выглядит на многие годы жизни. А душа ее бьется в молодежной моде, в громкости и праздничности марша! Завороженная звуками марша, я думаю: умеют же пражане превратить будни в праздник!

Храм святого Вита. О нем я рассказывала ученикам на уроках истории. Говорила о красоте витражей и скульптур, но и представить не могла, насколько они великолепны. Так бывает: с убежденностью рас-



сказываешь детям о том, чего доподлинно не знаешь. Теперь я знаю. И буду рассказывать: «Матье из Арраса, французский архитектор, заложил кафедральный собор святого Вита. Строили собор очень долго: начали в четырнадцатом столетии, а закончили лишь в начале двадцатого. И какой великолепный храм построили! Один из самых красивейших в Европе! Яркие, солнцем залитые витражи, обилие золото льющих скульптур, ажурные решетки окон, дверей и стен создают впечатление необычного, сказочного видения. А башни собора, летящие ввысь, увлекают за собой. Так бы и полетела в небесное безбрежье!».

Выходим на Староместную площадь. Огромная! На знакомство с ней можно потратить целый день, у нас же лишь пара часов. Окружают площадь дома разных стилей и величин. Возвышается башня Староместной ратуши, напротив которой крепко стоит храм святого Николая, по-чешки — Микулаша. Перед храмом с высокого пьедестала смотрит на горожан величественный Ян Гус, знаменитый проповедник и ректор Пражского университета начала пятнадцатого века.

Разместились на площади художники и ремесленники. Постой немного и понаблюдай за их славной работой: как крендельки выпекаются, салфетки вышиваются, платки разрисовываются, ножи затачиваются. Не хочешь стоять? Можно прокатиться в экипаже по площади и близлежащим улочкам.

— Давай прокатимся,— с мальчишеским задором предлагает муж. Его начальственность исчезла, со мной рядом идет веселый и открытый миру человек.

— Это, наверное, дорого стоит?— отвечаю, по привычке считая семейную копейку.

— Ну и что? Зато увидим Прагу не только из окон автобуса. Поехали,— скомандовал он, и я, разумеется, не сопротивляюсь, поскольку появилась возможность немного пофантазировать.

Возница в чешском костюме погоняет свою приятельницу-лошадь. Я — знатная жительница Праги — проезжаю мимо Яна Гуса. Строг, больно непримирим к моим женским прелестям, как и непримирим к ненавистным ему католикам.

— Ах, магистр искусств,— шепчу я в запале,— создатель народных песен и литературного чешского языка, не сердись, не католики мы.

— Да,— отвечает мне великий проповедник,— христианин должен искать правду, даже рискуя жизнью.

О чем это Ян Гус? О чем это я?.. Да размышлять некогда, спешу питать магию города.

Веселый художник махнул мне рукой, будто старый знакомый.



Дома высокие и низкие, и каждый особенный — со своим необыкновенным украшением: скульптурами, строением готических окон, узорами, надписями, росписями.

Улочки узкие и широкие. На широких нас обгоняют машины.

Старина и современность — «в одном флаконе». В стилизованной средневековой повозке город лучше виден: не высоко — не низко, не быстро — не медленно, сидишь — наблюдаешь. Успеваешь рассмотреть в деталях. Жаль: поездка окончена, дальше идем пешком.

Почти кукольная Золотая улочка. Когда-то здесь жили стрельцы Града и золотых дел мастера. Интересно, как они умещались в маленьких домиках, выстроенных, будто для сказки?

На романтически-живописных улочках Градчан все дышит любовью и интимностью. Так и кажется: сейчас пробежит молодая пражанка по улочке, бегущей резко вниз, торопливо перебирая ножками по высоким ступенькам к таинственному дому, чтобы укрыться там в любовной неге.

На Масариковской набережной в кафе мы присели перекусить и, конечно, насладиться пивом. К заказанному салату официант принес ложку и вилку. Надо же, до сих пор я знала: салат едят с помощью ножа и вилки. Оказывается, этот салат из капустной феерии едят ложкой. Большие бокалы с пенящимся пивом Старопрамен поставлены на стол.

— Подожди, дорогой, сейчас наведу фотоаппарат. Не крути головой. Замри. Снимок готов, назовем его «Пиво на Масариковской».

Мы пьем сочный пенистый напиток и прокладываем по карте Праги дальнейший маршрут. Вдруг краем глаза ухватываю невольного свидетеля нашей радости. Говорю мужу:

— Смотри на крышу дома напротив. Ангел сидит и на нас глядит.

Ангел кажется реальным, и я не выдерживаю, обращаюсь к нему:

— Друг, спускайся, угостим тебя пивом.

— Не богохульствуй, — смеется муж. Он на секунду задумался, ухмыльнулся. — А помнишь наш студенческий закон? В хорошем теле хороший дух, не пей на трех, а пей на двух.

Ох, этот закон. Мы, действительно, никого не пускали в нашу маленькую компанию. Реализовывались друг в друге настолько, что не нужны были ни друзья, ни родственники. С годами единство укреплялось, хотя по своей противоречивости мне всегда хочется куда-то выскочить.

Ангел необыкновенно выразителен. Кажется, сейчас прыгнет, подсядет к нам и скажет:

— Наливайте, вздрогнем вместе.



Хотя нет, он, наверное, скажет по-чешски, что-нибудь вроде: «С вэлким помешением, едно малз пиво» (так звучит в разговорнике: «С большим удовольствием, один маленький бокал пива»).

Проходя мимо одного из прилавков пражского рынка, остановила взгляд на кукле, ведомой продавцом с помощью ниток. Веселый рыжий клоун в голубом берете, с широким галстуком, в широченных штанах, замечательно отплясывал, протягивая между подскоками свои руки ко мне. Я сразу поняла: это Франтишек, и он должен быть с нами. Так появился у меня пражский приятель.

Он и сейчас рядом, по всей видимости, радуется, что вспоминаю его родину. Франтишек — первая кукла моей коллекции. У мужа — фотографии с пивом, у меня — национальные куклы.

Долго-долго едем в автобусе. Мария, Зденек и Войтех стали нашими друзьями. Мария — чешка, высококлассный гид, провезла нас от Праги по всему маршруту. Много рассказывала, умудряясь не утомлять обилием сведений, организовывала экскурсии и терпеливо ждала нас с прогулок. Зденек и Войтех — отличные водители. Мы восхищались их умением и спокойствием. Терпеливо они приучали нас к чешской музыке, которая заполняла в поездках сердца неугомонных экскурсантов. Ах, эти «Праздничные чешские пляски»! Под них неустанно плясалось на автобусном сиденье. «Йожин з Бажин» проник в самое сердце. Мелодичная «Ночко» звала к нежности. А уж когда услышались знакомые с детства слова «Сладко спишь ты, Марианна», мне стало окончательно ясно: вся моя жизнь связана с Чехией.

И вот наступил последний день в прекрасном городе Праге, завтра самолет поднимется ввысь и унесет из сказки в реальность. Мария позвала нас в милый ресторанчик на окраине города:

— Будет музыка, вино и пиво по желанию, вкусная еда. Поедем?

Конечно, кто же откажется от приглашения?

— Dobry veser, — слышали мы пожелания доброго вечера и так же отвечали.

— Prosim, pritel, — по-дружески обращались к нам хозяева.

«Decuji vam», «Decuji vam mnohokrat», — всюду слышались слова благодарности.

Звучала музыка, и мы танцевали, особенно увлекаясь чешской полькой, с детства знакомой и сейчас захватившей в плен! Вспомнились Вольдемар Матушка, Хелена Вондрачкова и Карел Готт — певцы, часто звучавшие когда-то по советскому радио, мне казавшиеся представителями загадочного мира. Произносились тосты за чудных и добрых жителей Праги. Поднимались бокалы и осушались до дна.



Музыканты в национальных костюмах с народными инструментами пели веселые чешские песни. Мы дружно аплодировали. Они затянули грустную песню, и, хотя настроение было веселым, эта песня пришлась кстати: она успокаивала и напоминала о доме.

В какой-то момент два «квадратных» парня нашей компании, изрядно поддав, стянули с себя рубашки, засверкав толстыми голыми животами. Так и вспомнилось из детства: «...Хлоп по пузу кулаком». Один из них подошел к певцам:

— Не-а, то не наши песни,— пьяно объявил он, отодвигая музыкантов.— Я щас сам для вас сбачаю.

Квадратный взял гитару, повернул ее струнами вниз, заколошматил по деке ладонями и заорал:

*Мы вместе грабили одну и ту же хату,
В одну и ту же мы проникли щель,—
Мы с ними встретились, как три молочных брата,
Друг друга не выдавшие вообще...*

Одна из трагичных песен Владимира Высоцкого звучала, словно блатная пустышка. Никто не подхватил, парень орал один, однако что-то до него дошло, и он вдруг умолк.

Могли мы дальше веселиться? Вечер был испорчен. Конечно, мы еще сидели, не уходили. Конечно, мы попросили Марию, чтобы она извинилась за нас перед хозяевами ресторанчика и музыкантами, и они нас, разумеется, извинили. Но до сих пор я вспоминаю тяжелое чувство стыда и досады, охватившее меня в тот вечер.

И все же красавица Прага осталась доброй памятью в сердце. Мы долго бродили по ее ночным волшебным улицам. Улетать не хотелось. А надо было возвращаться домой, к делам и проблемам.

— Ты знаешь,— грустно сказал муж,— я устал от беготни, хочу домой.

«Госка по Родине! Давно разоблаченная морока!» — произнесла я строки Марины Цветаевой, которая когда-то мечтала вернуться отсюда домой, и потом, когда вернулась, неистово желала оказаться снова в Праге.

Так и я. Рвалась в Москву, к шумным ярмарочным улицам, к русской речи, бьющейся через край весельем и радостью, к важным делам, ожидавшим моего возвращения. И знала, что скоро буду рваться сюда, в мир удивительной красоты и свободы.

Каждый раз, рассматривая фотографии нашего первого выезда за границу, мне так и хочется сказать: «Поедем в Прагу, дорогой!».



Евгений СКОБЛОВ

(г. Москва)



Прозаик, член МГО Союза писателей России, Академии российской литературы. С 2006 по 2015 год отдельными изданиями вышли три книги рассказов, два романа, две книги миниатюр и афоризмов, повесть для молодежи старшего школьного возраста. Участник многих периодических литературных изданий, сборников и альманахов. Три книги Евгения Скоблова включены в действующий фонд ФГУ Российская Государственная библиотека. Лауреат литературных премий имени А.П. Чехова, имени М.Ю. Лермонтова, дипломант конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2008—2010», «Лучшая книга 2011—2013» и «Лучшая книга 2013—2015»

ЧИППИ-ЧИППИ, ЧИП-ЧИП

Рассказ

Однажды, по космическим меркам недавно, а по меркам обычной человеческой жизни — в другой, давно забытой реальности, в одном, очень отдаленном военном гарнизоне жила-была ватага веселых мальчишек. Гарнизон был настолько далек от родных осин, что мальчишки просто жили ожиданием (в оставшееся от других забот время) счастливого времени отпусков своих отцов, чтобы напиться березового сока или броситься в объятия родной речки, в обществе неисчислимого множества старых друзей своих дворов. Там, на Большой земле, ласково называемой «Союзом».

Но это счастье выпадало лишь раз в году, поскольку отцы наши трудную службу несли вдали от России, а мамы гордились тем, что тоже в деле.

Ну, так что же мальчишки в далеком гарнизоне? Да как все мальчишки во всем остальном мире: дружили, дрались, с любовью и стеснением поглядывали на сверстниц, собирали гильзы... ну, положим, гильзы собирали не все. Еще был дворовой футбол, редкие, но не шутейные «зарубы» в настольный теннис и бильярд в комнате отдыха, когда офицеры и сверхсрочники были на службе. Драки, к слову сказать, были в чести: почти каждый желал отстоять свое «я», а «я» товарища сделать немного поменьше, чем свое собственное. Разборки возникали по поводу и без, по случаю и просто так. Симпатии и антипатии наметились почти сразу, после того, как все оказались на



этой «подводной лодке», состоящей из трех домов офицерского состава на окраине небольшого городка в Северной Моравии. А борьба за влияние или старшинство в ватаге, началась минут через двадцать...

Небезынтересно и то, что многие заводили дружбу или что-то вроде приятельских отношений в соответствии с воинскими званиями и/или должностями своих родителей. Это было странно и глупо, но именно так. Ведь и родители тоже придерживались установок и традиций, ориентированных на строгую армейскую иерархию. Словом, через некоторое время ребята разделились на группировки, которые то враждовали между собой, то мирились, то просто забывали о существовании друг друга.

Мне выпала не очень-то и завидная, учитывая возраст юный, участь «свободного», а значит, не примкнувшего ни к одной из компаний члена мальчишеского сообщества. Я прибавлялся то к одной, то к другой группе, но в основном был сам по себе. Конечно же, были и те, кто постоянно от меня чего-нибудь хотел, например, как-то унизить или показать свое превосходство. Зачем? А кто знает, может быть, во мне видели потенциального аутсайдера, с которым можно себя таким образом «реализовать». В результате, ссоры-драки, драки-сплетни (да-да! сплетни среди детей), науськивание и снова драки. Но я как-то держался.

Ну и... было много увлечений. Книги, в основном книги. Именно тогда я впервые прочитал, а потом семь раз перечитал «Приключения Тома Сойера». А однажды в пустом классе, на последней парте случайно заметил кем-то забытый томик избранных произведений Николая Васильевича Гоголя и, несмотря на то что до знакомства с великим классиком я еще, мягко говоря, не дорос, прочитал его. Были и разные пацанячьи «ценности», вроде заграничных безделушек, значков, моделей гоночных автомобилей и, конечно, почтовых марок.

Вообще-то, взрослые в наши дела не очень-то и вникали, но мне казалось, что некоторые из родителей (в основном мамы, которым особенно заняться было нечем) в какой-то мере пытались формировать отношение кое-каких ребят ко мне. Чем-то я им не нравился, возможно, тем, что не был похож на остальных, то есть был не таким, как все: то ли слишком «задумчивым», то ли не в меру любознательным... Впоследствии я часто ощущал подобное отчуждение, уже будучи сначала юношей, а после и взрослым мужчиной. Что-то в



личности? В потоках, которые излучает большинство людей, и не всем эти потоки подходят? Не знаю... впрочем, может быть, тогда мне просто это все казалось.

Однажды маме моего дружка Юрки, Людмиле Сергеевне, необходимо было лечь в больницу «на обследование» (это я услышал из разговора мамы с отцом), потому что она ждала ребенка, а его отец должен был ехать на очередные учения (как и мой, и все остальные). Людмила Сергеевна попросила мою маму, чтобы Юрка пожил у нас с недельку. Мама согласилась, ну а моей радости не было предела. Надо же! Такое счастье выпадало нечасто (никогда), мы же ведь будем вместе сутками (мама приготовила вторую кровать в моей комнате) и в школе, и после уроков во дворе, а по вечерам, перед сном будем объедаться жареным арахисом, болтать, сколько влезет, и все будет здоровски.

Поначалу все так и было. Что до меня, то я старался изо всех сил, чтобы угодить другу. Примерно два дня все, по моему мнению, было хорошо, а потом стали происходить какие-то странности-нелепости. Юрка, казалось, ни с того, ни с сего вдруг стал каким-то равнодушным и отстраненным. Я не мог понять, в чем дело. Вообще-то, если честно, долгие периоды его молчания и странный взгляд куда-то в сторону я воспринимал, как обыкновенную тупость. Умом он, что называется, не блистал, хотя и был популярен в «наших кругах» и даже среди немногих очень занятых и важных старшекласников, поскольку для своего возраста был крупный и спортивный.

И вот как-то я, Юрка и еще несколько ребят и девчонок собрались на «посиделках» дома у одной девочки. «Посиделки» были одним из наших многих и почти самых интересных увлечений, поскольку девчонки... Мы болтали, выкаблучивались друг перед другом, жевали жвачку и пили «кафолу» (аналог американской кока-колы). На крутом советском транзисторе (кажется «VEF-СПИДОЛА») шла потоком, чего никогда не случалось на Родине, популярная западная музыка, которую мы в общем еще не очень понимали, но слушали с удовольствием. Вот тут-то я и услышал (я слышал и раньше, но не вслушивался) мега-супер вещицу еще тогда только набиравшей популярность британской группы «Middle of the road». Разумеется, тогда я не знал ни кто играет, ни что играет (песенка называлась незамысловато, что в русской транскрипции звучало как «Чиппи-чиппи, Чип-чип»), но меня эта штука увлекала, уносила за собой в «жаркие» страны — неведомые края. Я был почти уверен, что



поют китайцы, хоть и по-английски. В тембре голоса солистки что-то такое было. Позже, когда я уже всерьез стал заниматься музыкой, эту вещь я так и не смог отыскать в бескрайнем море поп-музыки семидесятых, а потом и восьмидесятых, ну и так далее.

Вот здесь, прямо посреди праздника жизни, мы с Юркой вдруг поссорились. Даже не поссорились, а так, сказали друг другу (совершенно, по-моему, без причины) по паре резких слов. Полная чепуха, даже по нашим детским меркам, ведь мы тогда ссорились и мирились по десять раз на дню. Но тут вдруг все оказалось слишком серьезно. Настолько, что Юрка оттопырил нижнюю губу и заявил, что больше со мной не дружит (никогда), и вообще уходит от нас. В смысле, до выхода из больницы его мамы, он у нас больше жить не будет.

Я открыл рот от удивления и так и не смог закрыть его. Потому что, честно говоря, был не просто сбит с толку, а испугался. Я же ведь понимал, что Юру оставили у нас, а точнее, поручили присмотр за ним моей маме не просто так, а взрослые *договорились* между собой, а это уже не шуточки. И получалось, что в том, что Юра уходит, виноват не кто-нибудь, а я. Виноват без вины, ничего ведь не произошло! Но Юра в этот же вечер (очень решительно, молча, сопя) забрал свои вещи и ушел... к Толику.

Толик был сыном командира полка, и у него была старшая сестра (ученица десятого класса), которая вела себя так, чтобы все (и взрослые в том числе) понимали, какое высокое положение в нашем местном обществе она занимает среди ребят и девчонок всех возрастов и всех компаний. Уже будучи взрослым и вспоминая те времена, я понял, что она, в общем-то, брала пример со своей мамы, которая, по мнению многих взрослых (в том числе и моих родителей), частенько вела себя не лучшим образом в отношениях с окружающими.

Юрка ушел. Я же поведал обо всем маме. Сказать, что мама расстроилась, значит, не сказать ничего. Она была подавлена, хотя я честно рассказал, как было дело. И я понимал, что ей будет очень неудобно (очень-очень неудобно) перед мамой Юры. И вообще вся история выглядела как-то неправдоподобно, глупо и натянуто. Что-то во всем этом было не так — никчемушная ссора, переход не к кому-нибудь, а к Толику...

Мама быстро накинула пальто и пошла узнавать, в чем дело, в квартиру сына и дочери Командира. Поход вышел неудачным, хотя его надо было совершить, чтобы внести ясность и обозначить свое



отношение, можно сказать, позицию. Неудача состояла в том, что Старшая сестра, которая встретила маму на пороге, в довольно хамской форме (начинающиеся и закрепляющиеся ухватки Хозяйки жизни) сказала маме, что Юрию делать у нас нечего и что Юрий останется у них. Это было унижительно, весьма унижительно, но мама была сильным человеком (она всегда была такой) и стойко перенесла это, в общем-то, «сопливое» дело.

Время пролетело быстро, и Людмила Сергеевна вернулась из больницы. На следующий день она просто и по-человечески поблагодарила маму, и я оказался еще перед одной загадкой. За что же благодарность, ведь Юрка же ушел от нас, да еще из-за меня!

На том история и закончилась. Она бы и ушла в информационное поле Земли навсегда, подобно многим миллиардам, не очень ясным «нескладухам-недоразумениям», происходящим в мире ежедневно и растворяющимся во времени и пространстве. Но что-то во всем этом было до неестественности загадочным, и эта загадка сидела где-то в глубинах моего подсознания, притаившись и ожидая, когда придет очередь до ее решения.

И, представьте, относительно недавно (где-то на прошлой неделе), более чем через сорок лет, я ее решил, причем всю и сразу. Решение задачки детства просто вырвалось из подсознания в анналы активной памяти, когда я, ковыряясь в своей фонотеке на «компе», включил ту самую песенку «Чиппи-чиппи, Чип-чип». Я все же отыскал ее в прошлом году в Сети, слава Интернету! Поскольку вместе с воспоминаниями обо всем деле в целом, обрисовались еще кое-какие детали, которые мое сознание в те далекие времена отметило, но не проанализировало. Картина предстала целиком как небольшой детективный рассказ. Пришло время, как говорят, приподнять завесу тайны...

Значит так.

Как только Юрка стал жить у нас, его стал «обхаживать» еще один наш общий приятель — Толик, которому тоже очень хотелось круглосуточно находиться вместе с другом. Я же с Толиком никогда не ладил, а сказать прямо, мы открыто ненавидели друг друга и враждовали. Толик, конечно же, привлек к делу старшую сестру. Я с поразительной ясностью вспомнил, что один или даже два раза, ставшимся невольным свидетелем разговоров то ли Толика, то ли Старшей (вот как ее зовут, я так и не вспомнил) с Юркой. Общий



смысл этих «бесед» сводился к такому: мол, чего ты у них там, давай к нам, мы же ведь друзья получше будем, чем «этот» (то есть я). И вообще у нас, дескать, круче и веселей, а места — хоть на велике катайся! А он, он кто такой? Да и не друг он тебе вовсе, а так... и все в таком духе. Тогда я не придавал значения этим коллизиям, но теперь понятно, что в итоге они все же сумели обработать Юрку.

Далее перед Юрой встал вопрос: а как бы поудачнее проверить операцию с кодовым названием «Переход в другую семью»? Просто так сказать: «Знаешь, меня пригласил к себе пожить Толик, и я буду жить у них, пока мама не приедет» — у него не хватило духа. Это никак не подходило. Надо было повернуть ситуацию так, что он *вынужден* был переселиться из-за ссоры со мной, например. В этом случае он — жертва, он в белом, и вообще, несчастный ребенок, у которого мама в больнице, а те, на кого его оставили, не оправдали... В общем, ушел из «недостойной» семьи и зажил привольно и счастливо у «друзей». Возможно, такой вариант подсказал ему Толик (он был очень умный мальчик), и еще, очень возможно — его Старшая сестра, ее интеллект был вообще вне обсуждения. Кстати, ее не очень-то и любили старшие дети ее «круга», возможно, подобные проделки уже имели место быть.

В общем, Юра так и сделал. Он выждал удачный момент, спровоцировал ссору и изобразил «ужасную» обиду на «посиделках» под «Чиппи-чиппи, Чип-чип». А потом с «чистой» совестью собрал манатки и свалил к Толику. Я уже говорил, с какой легкостью он это проделал.

Конец истории?

Нет. Людмила Сергеевна... Она же ведь не зря от души благодарила мою маму, когда вернулась из больницы. Юра прожил у нас два дня, и нам разрешалось все, что позволительно мальчикам в возрасте Тома Сойера и Гекльберри Финна. Мы не спали до поздней ночи, болтали, хохотали, мечтали, рассказывали «страшные истории» и грызли жареный арахис, благо, у меня была отдельная комната.

Когда Юрка ушел, в его жизни кое-что изменилось, а вернее, изменилось все. Он сразу же попал в подчиненное положение человека, которому сделали великое одолжение, а именно, приютили, «спасли» от «страшно неприятных» людей. Посему и вести себя он должен соответственно. Жесткий, настоящий армейский распорядок впредь мешку с в общем-то понятными (но не совсем) требованиями и командами Старшей сестры, которая уже тогда (как мне кажется) нуж-



далась в помощи опытного психолога. Никакой болтовни по ночам, никакой ржачки и жареного арахиса. Иди туда, делай это, с утра физзарядка, сядь здесь и сиди тихо, или что-то примерно так. И вообще, ты находишься в доме Командира, и одно это обстоятельство обязывает тебя держаться по команде «смирно» и только иногда «вольно». Но только иногда...

Может быть, Юрка и хотел бы вернуться, но дороги назад уже не было. А вскоре мама вернулась из больницы, и все закончилось. На вопрос мамы: «Почему так вышло? Только не смей мне врать! (Людмила Сергеевна, насколько я помню, любила предельную ясность во всех делах) — Юра просто, по-детски все рассказал. Поэтому следующим вечером Людмила Сергеевна пришла к нам домой и лично поблагодарила маму за все хорошее... По-моему, там даже была коробка конфет, но точно не помню.

Вот как все, примерно, было. Потом «по жизни» у меня тут и там происходили всякие разные по форме, но очень похожие по содержанию несуразицы и глупые ситуации. Многие, очень многие люди, поступающие, как тогда поступил Юра (остаться «в белом» в неоднозначной ситуации, ни в коем случае ни-ког-да не брать на себя ответственность!), повстречались мне по дороге. Они приходили и уходили всегда «в белом», а если дело требовало испачкаться (жизнь так устроена, что иногда люди пачкаются, сами того не желая), то для этого поблизости у них всегда был человек, вроде меня. Они использовали случай и исчезали, чтобы уже больше никогда не появиться на моем горизонте. Некоторые из них даже успевали мне понравиться, некоторые называли себя друзьями, но разбираться с проблемами совместными усилиями не хотел почти никто. Хотя, по правде сказать, я справлялся всегда в одиночку, и за себя, и за тех, кто был в тот момент рядом, а потом исчез.

К сожалению, наша жизнь наполовину состоит из плохого, и если вовремя от него не очищаться, а сваливать на других, то выбраться на свет Божий просто нереально.

Идея в том и состоит, правда ведь? В очищении, в общем.





Игорь КАРЛОВ

(г. Подольск Московской области)



Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова, член редколлегии журнала «Приокские зори».

АЭРОПОРТ. УТРО

Как все-таки однобоко людское представление об устройстве Божьего мира! Раз Африка, значит, обязательно должно быть жарко. А вот, не угодно ли, африканский предрассветный холод. Юноша с бледным порочным лицом, служащий аэропорта Йоханнесбурга, одиноко скучает за стойкой своей авиакомпании, кутается в форменное пальто, поглаживает себя по плечам. Он бесстрастным взором оглядывает надоевшую, вечно куда-то движущуюся космополитичную толпу. На долю секунды, лишь на долю секунды его внимание привлекает попрыгивающий, как воробей, странный субъект в легкомысленно-московской футболочке («Как раз для августа и Африки!»). Равнодушно-электрическая исполинская кубатура зала вылетов постепенно блекнет, а небо, напротив, начинает сереть, сравнившись по цвету с глазами человека у стойки. Почему-то хочется узнать, что за мысли бродят в его светловолосой кудрявой голове, какая музыка звучит в его украшенных серьгами ушах. Но догадаться об этом невозможно, ибо его отсутствующее лицо выражает единственное желание: поскорее сдать смену и забыться сном. Небо над Йоханнесбургом гораздо понятнее и ближе: оно румянится, розовеет, просыпается к жизни. Становятся видны очертания расположенных неподалеку от летного поля деревьев. Что за деревья — разобрать невозможно, понятно лишь, что среди клубящихся лиственных крон зазубренной пилой выделяется вершина какого-то хвойного растения. «Вот... Оказывается, в Африке есть и хвойные», — отмечаешь ты про себя, заранее догадываясь, что эта информация никогда не пригодится тебе в жизни. Но сейчас измученному бессонницей, озябшему мозгу сделанное открытие кажется чрезвычайно важным. Так всегда: чужому для всех, никому не интересному транзитному пассажиру значительным представляется то, что никого больше не занимает.

ДОЖДЬ НАД МАПУТУ

Теплый африканский дождь накрыл Мапуту. Стоявшую в воздухе влагу даже дождинками нельзя было назвать, настолько незаметны,



почти невосприимчивы они были. Чудилось, что на город наложили дымчато-прозрачную, волгую, глянцевою кальку, дабы скопировать силуэты многоэтажек, пальм и вилл, а затем перенести контур заэкваторного города куда-то, где его беззаботный вид кого-то утешит или порадует. Перенести в какое-то неведомое место. Может быть, на другую планету, где люди могут быть счастливы?

ПАЛЬМЫ

Какое, однако же, это увлекательное занятие — наблюдать за тем, как колышутся на ветру пальмовые ветви! К концу дня, когда жидкое золото настоится в прозрачной лазури неба и превратится в тягучий солнечный напиток, нижние ветки пальм пьяно качаются, словно бес- сильные зелено-желтые крылья обреченных птиц. Зато верхние молоденькие веточки поворачивают полоски листьев перпендикулярно земле, чтобы не дать немилосердному светилу сжечь их сочную юность. В знойный предзакатный час лишь пожилые нижние ветви проявляют желание дать земле немного тени: они готовятся оставить наш мир, и им хочется задержаться в нем подольше, пусть даже бледной сенью воспоминаний, пусть даже мимолетной благодарностью в душе невольника-прохожего, принужденного тащиться по делам в такую жару. Верхние же ветки озабочены лишь самосохранением. Они своим шелестом и движениями приветствуют приход ветерка: «Да, да! Мы жаждали тебя! Освежи хотя бы единым порывом застой нашего существования!»

Сначала следишь за смятием пальмовой листвы, доверчиво раз- вернувшейся к тебе всей плоскостью, рассеянно, как за живым флюге- ром, показывающим направление и силу нерешительного ветра. Но по- степенно изумрудные штрихи верхних веток складываются в узоры, а узоры — в ожившие рисунки. Оказывается, в кронах пальм поселились стада лошадей! Их продолговатые морды тянутся в разные стороны, ища небесного корма. Их шеи украшены ниспадающими гривами, а лбы — с вызовом вскинутыми чубчиками. Нет, это не хаотично колышущиеся при движении атмосферного воздуха отростки деревьев! Это наделенные инстинктом (а может быть и разумом!) существа. Они плавно повдоят выями вслед налетевшему дуновению, они неторопливо кивают зефиру, как старому знакомому, они грациозно потряхивают гривами, отгоняя не- видимых насекомых, они даже пытаются стронуться с места... А вот встревожено закинули головы, слышно их настороженное шуршащее ржание. Табун беспокойных зеленых зебр в десятке метров над землей.



Яков ШАФРАН

(г. Тула)



Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат Всероссийских литературных премий «Левша» им. Н.С. Лескова (2013 г.) и «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова, заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор и составитель альманаха журнала «Приокские зори» «Ковчег».

СТРОЙКА

Живет, дышит стройка — растет объект, наращивает остов свой, а далее и стены, и облицовка появятся. И засверкает он на солнце окнами, улыбаясь хорошей погоде и хмурясь в ответ на пасмурную, дождливую. Но всегда зоркими будут глаза-видеокамеры, наблюдая окрест — не идет ли кто со злым умыслом. Да разве разглядишь умысел-то. Разве что потом облик восстановить можно по памяти-записи...

А пока что, как эмбрион в утробе матери, растет себе, через пуповину — трассу рабочую — втягивая в себя все необходимое для роста и развития, выпуская только порожнее и ненужное.

Требовательно взывает мотор остановившегося у проходной грузовика, самосвала или бетоновоза. Потом машина замирает на пару минут, водитель вежливо ждет, куда сметливый прораб, держащий в уме весь текущий план стройки и все ее сиюминутные потребности, направит груз. А когда направление получено, машина спокойно, не торопясь, потрясывая формами, пыхтя и отдуваясь, нагруженная ценными материалами для роста эмбриона-здания, проезжает далее.

На входе-проходной, чертыхаясь то на жару, то на ветер, дождь и холод сидят охранники и зорко следят — не пройдет ли возможно вредный чужеродный элемент для растущего организма, способный навредить или унести что-либо ценное. Они-то и получают распоряжения из прорабского мозга стройки, направляют необходимое по назначению. Вот и Виталий сейчас держит у уха рацию, слушает, что говорит прораб.



А рядом, как прокуренный насквозь курильщик, пытит бульдозер: долгий хриплый с клекотом и скрежетом вдох — набирает в свою «руку» крупный дорожный щебень — и сиплый короткий выдох — рассыпает на нужном месте и ровняет его.

Вереница угрюмо-сосредоточенных рабочих, еще в «гражданке» движется вначале в городок, где стоят бытовки-вагончики, затем уже в спецовках — на стройку. Потом в обратном порядке — на обед и уже веселее с обеда, а в конце смены, вечером, уставшие — домой. Разноцветье касок, желтые и оранжевые полосы на серых, зеленых и синих спецовках — словно по реке плывут сорванные где-то и брошенные в воду лепестки цветов.

Рабочие из Юго-Восточной, Центральной и Западной Украины, прекрасно уживающиеся друг с другом, Белоруссии, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, мало туляков. Есть даже люди с экзотическим сочетанием немецкой и киргизской крови — целая бригада. Далеко родной дом строителей, здесь живут в пригороде, в общежитиях, возят их на маршрутках. Тяжело вдали от родины, в чужой среде, особенно среднеазиатам. Потому так чувствительны на добро и улыбку. Отзываются ответной добротой и откровением.

— Сегодня в обед привезли бетон,— рассказывает высокий молодой белозубый парень-таджик,— пришлось работать без обеда.

— А что, позже нельзя было пообедать?— спрашивает Виталий.

— Не-не,— тянет он с обычной среднеазиатской интонацией.— Мы ходили... потом... обед уже вонал,— говорит.

«Какая чувствительность у них к свежести пищи,— думает Виталий.

Недавно встретил он земляка с Гомельщины, из Светлогорска, недалеко от Брагина, где родился. Когда тот узнал, что дом Виталия в Туле, даже виден из строительного городка, сказал с тоской: «Хорошо, когда дом близко...»

Вечером все разошлись, разъехались, пусто стало, один ветер прохладный, приятный после испепеляющей дневной жары, завывает среди строительных конструкций, бытовок-вагончиков, кустов и веток дубовой посадки вдоль дороги и несет пыль дальше на восток, к поселку новых многоэтажных домов. Ветер неиссякаем, видимо, там, на юго-западе, откуда он дует, большой запас его сил.



Солнце садилось в перистые облака, и те переливались оттенками красного. Огромное небо нависло над опустевшей стройкой. И после дневного размеренного звучания разумно-целесообразно работающих, снующих по песку желтых машин, той же расцветки поднимающих грузы кранов и пеканисок, подобно гармошкам раскладывающихся и складывающихся для перемещения по вертикали производящих работы строителей, наступила полная тишина, изредка прерываемая шумом проезжающих по шоссе авто, пением редких, еще сохранившихся птиц и лаем собак. Стая их прижилась, прикормилась на стройке, благодаря стараниям сердобольных рабочих. Среди них выделялась худюшая, с впалыми боками и вечной тоской в глазах сука с уже подросшими щенками. Все же хорошо чувствовать рядом живое, когда вас всего четверо на огромном, еще недавно кишевшем людьми пространстве под куполом начинающего темнеть вечернего неба.

То тут, то там в городе, что замер в отдалении, стали зажигаться огни, и вскоре он засиял их разноцветьем. А в небе также постепенно стали появляться звезды.

Привезли генератор. Он долго не хотел заводиться от шнура, но, в конце концов, загрохотал, распугав собак и всех птиц по кустам, так что на верхней проходной никого рядом на ночь не осталось. Ничего уже не было и слышно от его шума. Зажегся фонарь и свет в вагончике, и сразу темнота вокруг усилилась и окутала все, кроме яркого большого пятна света от фонаря и блестящего огнями вдали города. Небо стало совсем черным, и обильные звезды повисли над землей, словно протяни руку и возьмешь. И то ли ветер сменился на северный, то ли что, но сразу похолодало.

Казалось, дневная жара была давным-давно, в другое время года. На ум Виталию пришли строчки, сочиненные днем:

*Как стара дева от скорбей —
Давно без женихов, —
Земля иссякла без дождей.
Но дул пустынный суховей
И песню нес песков.**

Ночь прошла спокойно, без происшествий. Как будто уткнулась незаметно

* Стихи автора рассказа.



куда-то. Небо на северо-востоке засветилось рассветом. И уже в семь утра вереница рабочих людей, уставших за предыдущий двенадцатичасовой трудовой день на солнце и ветру, поев и поспав, но не отдохнув как следует, вновь с притухшими сердцами и тоскливыми взглядами, молча, шли на такой же изо дня в день труд. Еще стояла тишина, не было слышно гудения машин и механизмов, только шелест шин проезжающего на машинах начальства и стук башмаков молчаливых строителей нарушали ее.

Прошло минут тридцать, и, шепча что-то и побряхтывая, самосвал начал высыпать щебень, а затем, довольно похлопывая себя навесной крышкой по корме, отъехал. Щебенка переливается в косых лучах солнца золотистым и серебристым оттенками, в зависимости от породы. Бульдозер тут же усердно и проворно растаскивает ее по площадке.

Люди идут и идут. Кто-то кивает, кто-то говорит слова приветствия, но большинство идет молча. Только один человек, Володя-энергетик — добрый, он и есть добрый — всегда подойдет с улыбкой и хорошим словом и поздоровается с каждым охранником за руку.

Глядит Виталий поверх голов, и взору открывается огромная стройка, за пять лет самая крупная в городе. Стоят вздыбленные над землей крупные сваи и башенные краны. Кое-где даже видны перекрытия. Энергией и рабочими руками строителей, умом и сметливой хваткой инженеров и прорабов, усилиями приводимой в ход и разумное действие техники возводится величайшее во всей истории города здание. И здание это — будущий торгово-развлекательный комплекс — ни много, ни мало — «Гипергалактика».

А вокруг как ни в чем не бывало цветет желтый репешок, голубой цикорий и лиловый иван-чай (кипрей). Только вот все кустарники и растения под толстым слоем пыли — от работ, проезжающих машин, щебня и песка — и выглядят блеклыми.

Но совсем недалеко, в километре, рядом с поселком новых домов, в овраге — зона как бы не от мира сего: свежий воздух, свежая зеленая растительность, благоухание цветущих трав... и родник. А рядом два креста в честь двух святых. Родник ухожен заботливыми руками, и дает людям чистую вкусную и целебную воду.



Сергей КРЕСТЬЯНКИН

(г. Тула)



Член Союза писателей России и Академии российской литературы. Имеет около двух тысяч различных публикаций в газетах, журналах, альманахах и сборниках. Является зав. отделом прозы альманаха «Ковчег». Автор пятнадцати книг.

БИБЛИОТЕКА ОТЦА*

В память об отце

Олеге Александровиче Крестьянкине.

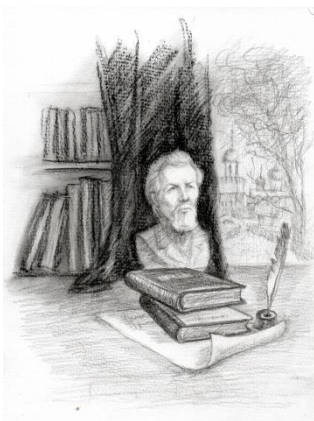
К 85-летию со дня его рождения

Детство мое пришлось на то время, когда отголоски войны, спустя полтора десятилетия, уже не были слышны. Советский Союз, благодаря совместным усилиям граждан, довольно быстро восстал из руин. Наше государство открыло космическую эпоху — став первым в освоении космоса.

Поэтому ничего удивительного не было в том, что 7—9-летние пацаны и девчонки мечтали стать космонавтами. Всем казалось, раз дверь открыли, то в течение десяти лет мы начнем осваивать Луну и ближайшие планеты: Марс, Венеру...

Многие хотели быть врачами, учителями, строителями, крановщиками и водителями. А дети военных видели себя, конечно же, летчиками, танкистами, подводниками, разведчиками.

Я, в отличие от других, мечтал стать журналистом. Почему?— загадка для самого себя. Ни в роду, ни в близком окружении у меня не было ни одного знакомого, владеющего пером. С корреспондентами общаться не доводилось, так как мы — дети военнослужащих жили в основном в военных городках, которые располагались в лесистой



* Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)



местности, и порой до цивилизации приходилось добираться на автобусах.

Конечно, все выписывали газеты и журналы, а вот телевизоры черно-белые были не у многих.

Но почему-то мечтал я о журналистике.

Мне нравилось участвовать в создании стенгазеты — писать заметки о школьной жизни, рассказывать интересные случаи, делиться наблюдениями за животными. Но все это уже выходило за рамки журналистики и называлось писательским творчеством. Кроме того, я познавал азы стихосложения и из под моего пера выходили рифмованные строчки. Мне нравилось сочинять сказки и добрые, светлые истории с хорошим окончанием.

В глубине души мечтал стать писателем, после того как наберусь опыта в журналистике, но это было очень глубоко и никому про такое не рассказывал.

Такие мечты, наверное, появились благодаря книгам, которые окружали меня с детства.

Книг у нас было великое множество: исторические романы, все произведения классиков, приключения, фантастика и научная фантастика, всевозможные словари, справочники и энциклопедии, сказки, стихи... Вместе с ними здесь находились журналы: «Юность», «Роман-газета», «Новый мир», «Уральский следопыт», «Юный натуралист», «Юный техник», «Пионер».

Мой отец — Олег Александрович являлся истинным целителем хорошей книги.

Надо сказать, что отец был кадровым военным — после школы, в конце 40-х годов, поступил в военное училище и, окончив его, стал офицером Советской армии. Всю жизнь посвятил служению Родине и защите ее от врагов.

Он не был коллекционером, в том смысле, который вкладывался в это слово — не искал старинные, дорогие, редкие книги, хотя в нашей библиотеке встречались издания XIX века, и была одна книга, очень потрепанная — ровесница Пушкина, — изданная в год его рождения в XVIII веке и называлась «Брынский лес». О чем она — не знаю, так как читать написанное по-старому, с «ятями» сложно и муторно, особенно в юношеском возрасте, когда душа рвется к поискам приключений.

Мы играли в индейцев, лазили по деревьям, строили смотровые на-



блюдательные пункты в ветвях, изучали близлежащие леса — составляли подробные карты, забредали на старые водокачки и котельные и чувствовали себя первооткрывателями новых земель. Забрасывали в пруды Германии и затопленные подвалы разрушенных домов веревку с крюками и магнитами и частенько выуживали трех- и четырехгранные штыки от ружей и каски немецкого образца. Штыки были покрыты ржавчиной, в некоторых местах проеденные насквозь, но иногда удавалось освободить их от ржавчины и даже частично отполировать.

Дух приключений и романтики вселялся в нас конечно же из книг Фенимора Купера про индейцев, из «Всадника без головы», «Трех мушкетеров», «Графа Монте Кристо», произведений Стругацких, Ивана Ефремова, Конан Дойля, Рэя Брэдбери — все эти книги и многие другие находились у отца в библиотеке.

Любовь к печатным изданиям отцу передалась по наследству. Он с детства видел, как его отец и дед приобретали журналы и книги и, прочитав, не выбрасывали, не передавали кому-либо, а ставили на полку в шкаф. Периодически доставали их оттуда, перечитывали сами, давали читать детям, друзьям. В то время это и библиотекой назвать нельзя было — всего-то несколько десятков книг и журналов XIX — начала XX века. Но за то время, пока маленький Олег подрастал, количество печатной продукции увеличилось в несколько раз, и теперь она занимала большой книжный шкаф до потолка с десятью полками.

Спустя некоторое время сначала дед, а затем и отец ушли в невозвратные дали. Особых капиталов они не нажили, да и когда? Сначала — революция, затем войны: Первая мировая, Гражданская, Вторая мировая... А богатством они считали книги. Внуку и сыну завещали любить, ценить и беречь книги, журналы, альманахи, не за дорогой переплет или красивую обложку, а за содержание, считая их кладезью мудрости и знаний. С детства они приучили отца и двух его сестер к бережному отношению к книгам. Был даже составлен целый свод правил, как обращаться с литературой, написанный чернилами красивым почерком, который затерялся во времени. Спустя пару десятилетий отец по памяти восстановил основные пункты этих правил и сделал памятку уже для нас — своих детей и друзей. Правила были просты. «Перед тем, как взять книгу, — помой руки — они могут быть не грязными, но — жирными. Обложку обязательно оберни бумагой,



дабы она не затиралась, и случайно на нее не капнуть. Перелистывая страницы, не слюнявь пальцы. Если перестал читать, то для запоминания страницы не загибай ее угол — используй закладку. Не читай книгу во время еды — это и на здоровье пагубно отражается, и книгу заляпаешь. Не клади на подоконник под солнце печатное издание — выцветают страницы. Не читай лежа — и листы мнутся, и зрение портишь». Вот часть тех правил, которые сейчас пришли мне на ум. Помню, у отца памятка висела на шкафу и состояла более чем из двадцати пунктов.

После школы поступил в летное военное училище и успешно его окончил. Женился. И началась кочевая жизнь — каждые несколько лет переезды на новое место службы — военные городки в лесу, аэродромы. До школы, порой, приходилось добираться на автобусе. Нас — детей военнослужащих возили специальным рейсом. В каждом новом месте жительства появлялись друзья, школьные товарищи и просто приятели. Они очень удивлялись, когда заходили в гости и видели такое изобилие типографской продукции. Конечно, они становились читателями нашей семейной библиотеки. Ведь в обычной библиотеке надо записываться в очередь и ждать, когда она до тебя дойдет, чтобы получить заветную книгу — всю потрепанную и с рваными листами. А здесь, пожалуйста, тебе и Дюма, и Конан Дойль, Дрюон, Ефремов, Казанцев и кое-что из Стругацких, исторические романы, воспоминания, приключения, фантастика, все произведения классиков, которые изучают в школе.

Тут надо пояснить, что в 60-х—70-х годах прошлого столетия купить в магазине хорошую книгу было проблематично. В лучшем случае они там появлялись, но тут же, мелькнув, исчезали с прилавков, и их можно было купить уже из-под полы. Некоторых авторов власть опасалась — вроде бы пишут фантастику, но уж очень она реальной получается и ложится на сегодняшний день, а значит, будоражит умы людей. Нет, этих именитых авторов, конечно же, печатали, но старались издавать их в журналах «Наука и жизнь», «Уральский следопыт», растягивая роман или повесть на несколько номеров и в сокращенном варианте. Такое практиковалось с братьями Стругацкими. Или выпускали книги в других республиках: Молдавии, Казахстане, Литве, либо — за Уральскими горами и малыми тиражами — подальше от Москвы и центральной России. Этому подвергался



Иван Ефремов. Но в целом книги все равно доходили до читателей, и кто хотел — мог найти, достать и прочитать.

Жизнь военных — постоянное движение. Только обустроишься, привыкнешь к городу, познакомишься с людьми, обретишь друзей, а тебя уже направляют в другую часть. И ты собираешь чемоданы, упаковываешь коробки, перевязываешь книги, прокладываешь тряпками и бумагами каждую тарелку и чашку, чтоб не разбились, заказываешь трех- и пятитонные контейнеры и укладываешь в них вещи. Отправляешь тихой скоростью по железной дороге на твое место службы, а с собой берешь лишь самое необходимое.

Часть зарплаты отец тратил на приобретение книг. Договаривался с продавцами книжных магазинов; ходил по рынкам; рылся в букинистических магазинах; ездил в Москву на знаменитый Кузнецкий мост, где торговля печатными изданиями была поставлена на широкую ногу, соблюдая конспирацию, как у разведчиков, иначе угодишь в милицию за спекуляцию; покупал у друзей и знакомых, иногда за бутылку водки, иной раз ему дарили, а бывало просто отдавали — рваную и без обложки.

В 80-х годах появились специальные приемные пункты макулатуры «Стимул», куда можно было принести 15-20 килограмм бумаги или картона и на обмен получить талон с названием дефицитной книги, которую выкупали в книжном магазине. Этим, как нам говорили, мы сохраняем деревья от вырубки. Отец, конечно же, подключился к процессу, и я ему в этом помогал. Уж не знаю, сколько нам с отцом удалось спасти деревьев, но книг мы выкупили более двадцати.

И вновь контейнеры. Упаковываем вещи. Переезжаем.

Отслужив 26 календарных лет, отец демобилизовался и вышел на пенсию. Но какой из него пенсионер — ему не было и пятидесяти лет — конечно, пошел работать. Уже будучи пенсионером, трудился еще в течение пятнадцати лет.

Ставшему гражданским отцу пришлось привыкать к новой жизни. Нужно было учиться ложиться спать, не думая о том, что ночью могут объявить тревогу, придется спешно собираться, хватать тревожный чемоданчик, с самым необходимым, который у офицеров всегда находился рядом, и бежать в расположение части, так как это может оказаться не учебная тревога. Такое уже было в 1968 году в Чехословакии.

Постепенно жизнь вошла в стабильный режим, и отец стал пополнять свою библиотеку новыми типографскими изданиями. Он подпи-



сался на 200 томов Большой Всемирной литературы, двухтомники Пушкина и Маяковского и на некоторых других авторов. Превратился в постоянного клиента букинистического магазина. Какой радостью светились его глаза, когда он приходил домой и показывал цветной шеститомник стихов Сергея Есенина или четырехтомник Альфонса Доде, басни Сергея Михалкова или прозу Юрия Бондарева, Василия Белого, Михаила Булгакова...

Вскоре я заметил на столе у отца, где он обычно подклеивал страницы ветхих книжек не только клей ПВА и папиросную бумагу, но и шило, молоток, нитки, кусочки картона, цветную бумагу, рулоны кожзаменителя и, как говорил отец, «ледерина» или «лейдерина». Я даже не знал, как пишется это слово. Мало того, что отец в домашних условиях научился профессионально делать обложки для книг, не имеющих их совсем, прошивал тома суровой ниткой, чтобы ветхие листы не рассыпались, но он еще приобрел аппарат для выжигания, золотистую и серебряную специальную бумагу, словно копировальную и делал оттиски — подписывая книги, которые уже восстановил. И каждое отремонтированное издание у него получалось все лучше и аккуратнее. Он словно вдыхал в них новую жизнь. Для восстановленных томов отец купил еще одну полку и ставил их отдельно, любясь проделанной работой, и с гордостью показывал свое детище родственникам и друзьям. Более пятидесяти книгам отец восстановил обложки, и это не считая тех изданий, которым требовался мелкий ремонт — подклеить рваный листик или отпечатать на пишущей машинке и вклеить недостающий текст.

Книги с трудом помещались в трех шкафах до потолка и семи полках, и это не считая журналов, альманахов и всевозможных альбомов, которые располагались в платяных шкафах и антресолях.

Все издания отец расставлял, как в настоящей библиотеке, по жанрам. В одном шкафу — фантастика и приключения, в другом — пару полок занимали стихи, чуть ниже — современные прозаики, на отдельных полках — книги для детей, словари и справочная литература.

Отец мечтал, что его труд по подбору литературы для домашней библиотеки не пропадет даром и прививал нам любовь к книгам. И мы с детства читали их с жадностью. Мало того, ко мне приходили друзья, школьные товарищи, институтские знакомые и тоже с удовольствием пользовались коллекцией отца. Я даже в библиотеках: школьных, рай-



онных, городских был очень редким посетителем, так как почти любую книгу, любые произведения классиков, изучаемых в учебных заведениях, отыскивал в собранной библиотеке у отца. Так что мечта моего отца сбылась — его труд не пропал даром, а оказался востребованным: и дети читали и до сих пор читают, и, самое главное, внуки, когда подросли, тоже продолжили эту славную традицию — читать настоящие книги. Хотя наступил век компьютеров и интернета и любое произведение можно скачать и ознакомиться, но внуки все равно покупают бумажные книги и радуются, когда им дарят друзья типографские издания.

За свою жизнь отцу удалось собрать около десяти тысяч книг, журналов, альманахов. Будучи военным, переезжая с места на место, приходилось оставлять старые стулья, мятые тазы, кастрюли с отбитой эмалью, поломанные игрушки, но ни одной книги или журнала отец не оставил и не выбросил. Отец считал это настоящим богатством, но не в денежном эквиваленте — за сколько можно продать дефицитную книгу, — а богатством, из которого состоит внутренний мир человека.

В конце 70-х годов прошлого века отцу предлагали продать его коллекцию за хорошие деньги или поменять на автомобиль «Волга» ГАЗ -2410 (а в то время это была престижная машина). Да, соблазн был велик, но отец не раздумывал ни минуты — отказался. Он сказал, что это труд всей его жизни и его мечта, чтобы эти тома прочитали дети и затем передали внукам и правнукам.

Отца уже давно нет с нами, а мечта его исполнилась, и память о нем живет. С удовольствием наблюдаю, как жена перечитывает рассказы Чехова, сын вникает в «Мастера и Маргариту», дочь восторгается «Маленьким принцем». И сам открываю томик Достоевского и растворяюсь в его времени.

Я представляю, как бы радовался отец, когда бы увидел, что меня печатают в журналах, альманахах, сборниках, как бы бережно он перелистывал мои собственные книги, изданные в типографии, и как бы он жал мне руку, поздравляя со вступлением в Союз писателей России. Он бы с гордостью пополнил свою библиотеку книгами сына.

Жаль, что он не дожил до этого времени, но я уверен — отец был бы счастлив.



Геннадий МАРКИН

(г. Щекино Тульской области)



НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ

*Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии имени Н.С. Лескова «Левша» (2009 г.).
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские*

зори».

Стоял жаркий июль 1907 года. В полицейском участке было душно, и урядник Сидоров Николай Иванович открыл настежь окно, но прохладнее от этого не стало. Чертыхаясь вполголоса, он расстегнул пуговицу на тесном вороте мундира и, вернувшись за рабочий стол, собрался разбирать очередную жалобу местной крестьянки. В это время и вошел к нему сельский староста деревни Городна Яков Семенович Марьюшкин. Растворив с шумом дверь, он снял с головы картуз и начал им отряхивать с себя пыль.

— А ну-ка, баба, выйди отсель, нам поговорить надоть, — тоном, не терпящим возражения, проговорил он, обращаясь к сидевшей на стуле напротив Сидорова крестьянке. Та поежилась нехотя, но осталась сидеть на своем месте, лишь сжав губами конец платка. — Сказано тебе, выйди отсель! — вновь проговорил Марьюшкин, повысив голос.

— Иди, Анна, в коридор, побудь там, я тебя позже кликну, — распорядился Сидоров, обращаясь к посетительнице, а когда та вышла, повернулся к Марьюшкину. — Ты что это, Яков, здесь раскомандовался? Что себе позволяешь? — беззлобно спросил он, но Марьюшкин замахал руками.

— Беда, Николай Иваныч! — произнес он и, не спрашивая разрешения, взял стоявший на сейфе графин с водой и припал к нему сухими потрескавшимися губами. Пил он жадно, проливая воду себе на грудь. Затем поставил графин на место и, тяжело дыша, вытер тыльной стороной ладони мокрые усы и бороду. — Беда! — вновь повторил он.

— Да что ты заладил: беда-беда! Ты можешь толком все объяснить?! — повысил голос урядник, но вместо объяснения староста, озираясь по сторонам, достал из-за пазухи небольшой лист бумаги.

— Читайте, Николай Иваныч, — произнес он и передал лист уряднику.



Николай Иванович надел очки, и начал вчитываться в написанный на листе текст. И с каждой прочитанной строчкой все сильнее и сильнее хмурились его брови. Закончив читать, он достал из кармана форменных брюк носовой платок и стал вытирать им еще более прежнего вспотевшее лицо.

— Ты где это взял?!— строго спросил он, потрясая в воздухе листом.

— Нынче утром, как только выгнали скотину, я шел по деревне и заметил сидящим на выгоне около своего дома односельчанина Сафронова Петра. Он держал вот этот самый лист, что я вам отдал, и читал написанное в нем стоявшим перед ним женщинам. Я прислушался, а когда услышал содержание, тотчас же вырвал у него эту бумагу. Спрашиваю у него: где взял эту дрянь? А он мне отвечает, что ему и Василию Якущеву эти листовки дал Лукашин Алексей.

— А где же сейчас этот Лукашин? Ты был у него?— спросил урядник, складывая принесенный ему бумажный листок и убирая его в портфель.

— Не могу знать, как только я эту листовку отобрал, так сразу к вам поехал, ни к Лукашину, ни к Якущеву не заходил,— ответил Яков, но увидев строгий взгляд урядника съезжился.— Ну, чтобы их не спугнуть раньше времени,— пояснил он.

— Правильно, Яков, ты поступил, что не пошел к ним,— кивнул головой Николай Иванович.— Поехали в Городну!— распорядился он после недолгого молчания.

Возможно, именно так начинались те события, о которых речь пойдет ниже. Возможно иначе, теперь мы об этом уже не узнаем. Известно лишь, что события те явились поводом для дознания, проводимого при Тульском губернском жандармском управлении по обвинению крестьянина деревни Городна Ясенковской волости Алексея Тихоновича Лукашина в преступлении, предусмотренном 3 п. 199 ст. Уголовных уложений, начатого 13 июля 1907 года.

Как видно из документов дела, полицейский урядник Сидоров, прибыв в Городну 4 июля, приступил, как сейчас сказали бы, к проведению следственных действий. Вот как он отразил их в рапорте, поданном на имя Крапивенского уездного исправника, цитирую: «1907 года, июля, 4 дня, полицейский урядник по Ясенковской волости Сидоров вследствие полученных сведений от сельского старосты д. Городна Якова Семенова Марьюшкина, который показал, что он шел по деревне и заметил сидящим на выгоне у своего дома односельчанина Петра Степанова Сафронова, который держал в руках прокламацию, содержание которой он высказывал женщинам. Сафронов пояснил, что прокламацию эту ему дал Алексей Лукашин. Также Василий Иванов Якущев объяснил, что недели две тому



назад к нему в избу пришел односельчанин Алексей Лукашин и дал две прокламации, но узнав неодобрительное их содержание, он одну прокламацию сжег в печке, а другую у него кто-то взял. Он слышал, что Лукашин раздавал такие прокламации и другим людям. Алексей Тихонов Лукашин объяснил, что две прокламации он поднял на дороге, ведущей в Ягодное на Троицын день, когда ходил в лес. Листовки эти он принес домой и прочитал их некоторым крестьянам в своей избе, но кому именно, не помнит. Проведенным обыском в доме крестьянина Лукашина ничего противозаконного не обнаружено. При сем прилагаю прокламацию». К рапорту была приложена та злосчастная прокламация, которую мне хочется процитировать полностью с сохранением стилистики речи и орфографии. «Российская социал-демократическая рабочая партия. К крестьянам. Земли крестьян представляют разрозненные жалкие участки, вокруг которых кольцом стиснули земли помещиков и дворян. Крестьяне не имеют возможности благодаря этому держать скот. Ведь собака на дворе великого князя Николая Николаевича (*Видимо здесь речь идет о Н.Н. Романове — авт.*) и та каждый день мясо получает. А крестьяне нешто они видали когда его, кроме как в большие праздники, да и то в урожайные годы. А теперь вот и праздник встречали — так зубы с голодухи стучат. Корки хлеба, поди, во рту не было. Пишите своим депутатам в госдуму, чтобы ни копейки они помещицкому правительству не давали и не доверяли им. Долой безответственное правительство помещиков. Да здравствует полномочное народное представительство!»

Спустя несколько дней, а именно 10 июля, крапивенский уездный исправник переправил данное дело по подследственности — в Тульское губернское жандармское управление, сопроводив его письмом следующего содержания: «МВД Крапивенского уездного исправника, июля 10 дня 1907 года. В конце июня сего года крестьянин д. Городна Алексей Лукашин позволил себе распространить прокламации, так по показанию крестьянина того же селения Василия Иванова Якущева ему Лукашиным были переданы две прокламации. По объяснению сельского старосты Якова Марьюшкина им отобрадена прокламация под заглавием «К крестьянам» у Петра Сафронова. Так как по негласным сведениям Лукашин заподозривается в политической неблагонадежности, то он мною, на основании 21 ст. Положения об усиленной охране, арестован при полиции, о чем имею честь сообщить вашему высокоблагородию с приложением дознания и моего постановления по обвинению Лукашина». В тот же день дело, которое в виду особой важности было доставлено не почтой, а нарочным, было рассмотрено лично начальником Тульского губернского жандармского управления полковником Шафаловичем. Он вынес следующее постановление: «1907 года июля 10 дня, я отдельного



корпуса жандармов полковник Шафалович, принимая во внимание имеющиеся в Тульском губернском жандармском управлении сведения о личности крестьянина Алексея Тихонова Лукашина, на основании ст. 21 Положения о Государственной охране, высочайше утвержденного 14 августа 1881 года, постановил: названного Лукашина впредь до разъяснения обстоятельств настоящего дела содержать под стражею в крапивенской уездной тюрьме, о чем ему и объявить. Копию с сего постановления препроводить в места заключения и господину прокурору тульского окружного суда». Спустя трое суток по результатам проверки было возбуждено дознание, и состоялся первый официальный допрос Лукашина. Цитирую: «13 дня в г. Туле я, отдельного корпуса жандармов штабс-ротмистр Корсаков, на основании ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства в присутствии прокурора Тульского окружного суда Васильева допрашивал в качестве обвиняемого крестьянина Алексея Тихонова Лукашина в преступлении, предусмотренном 125 ст. Уголовных уложений. Крестьянин д. Городна Ясенковской волости Крапивенского уезда А.Т. Лукашин родился 9 дня марта месяца 1873 года (34 лет от роду) в д. Городна, православного вероисповедания. Имеет избу со двором и задворок, кирпичный амбар, на гумне рига. Две лошади, две коровы и телку на двудесятинадельной земле. Род занятий — хлебопашество. По воинским делам зачислен в ратники ополчения 1-го разряда. Под судом и следствием никогда не состоял. Имеет мать Варвару Васильевну — 60 лет, жену Авдотью Петровну — 30 лет. Четырех детей: Дмитрия — 10 лет, Михаила — 8 лет, Александру — 5 лет, Ивана — 3 года. Лукашин показал: родители его д. Городны временно обязанный крестьянин Тихон Алексеев и его жена Варвара Васильева православного вероисповедания. Имена восприемников (*крестных — авт.*) той же деревни Игнатьев и д. Колпны временно обязанного крестьянина господина Кулешова Степана Васильева жена Мария Николаева. В конце июня месяца, на Троицын день он, Лукашин, пошел в лес и по дороге, ведущей в д. Ягодное, нашел две листовки с прокламацией. Эти листовки он читал в своей избе некоторым крестьянам, но кому именно не помнит».

А тем временем, когда на крестьянина Лукашина всей своей мощью обрушилась жандармско-полицейская лавина, его родные не сидели сиднем, а искали всевозможные пути и выходы на людей, способных повлиять на ход событий. Одним из таких людей был секретарь Льва Николаевича Толстого Владимир Григорьевич Чертков. Он 17 июля направил письменное обращение. Данное обращение мне хотелось бы процитировать полностью. «Милостивый государь Виктор Александрович. (*Видимо здесь речь идет о тульском вице-губернаторе В.А. Лопухине — авт.*) Хотя я имел удовольствие видется с вами только раз у Льва Николаеви-



ча Толстого, надеюсь, вы не посетуете на меня за то, что решаюсь побеспокоить вас этим письмом. В находящейся в моем соседстве деревне Городна был на этих днях арестован крестьянин Алексей Тихонов Лукашин, который в настоящее время находится в заключении в г. Крапивне. Мать его, которая приходила ко мне за советом, как помочь ее горю, и местные крестьяне утверждают, что обвиняется он по наговору городненского старосты из мести за то, что он принимал наиболее деятельное участие в состоявшемся недавно смещении этого старосты начальством за неправильные действия по службе. Обвинение Лукашина заключается, как мне говорят, в том, что у него нашли две брошюры, неизвестного мне содержания, но очевидно нелегального характера. Подобные брошюры в настоящее время имеют самое широкое распространение среди крестьянского населения, как и вообще по всей России, а потому арест и тюремное заключение, направленные против одного крестьянина, не совершившего ничего более преступного с правительственной точки зрения, нежели большинство окружающего его местного населения и миллионы и миллионы других крестьян — представляется крайне несправедливым. А содержание его в тюрьме до суда во время теперешней страдной поры, сверх того в высшей степени жестоко по отношению как к нему, так и к его семье, состоящей из восьми душ, в том числе пяти детей, полагающихся на него одного, как на единственного взрослого работника в семье. Вместе с тем и с правительственной точки зрения, казалось бы, разрешение Лукашину вернуться домой для полевых работ до производства над ним суда, — было бы мерою благоразумною, так как крестьянин этот пользуется всеобщим уважением среди окрестного населения, которое естественно возмущено его арестом. А в настоящее и без того беспокойное время подливать масло в огонь народной тревоги и без надобности раздражать население вряд ли может соответствовать государственным целям. Надеюсь, что вы поверите, что настоящее мое обращение к вам было вызвано единственным требованием моей совести. Прошу вас, милостивый государь, принять уверения в моем к вам глубоком уважении и совершенной преданности. В. Чертков, Ясенки, Тульская губерния». И в то же самое время на имя тульского губернатора было направлено прошение матери Лукашина — Варвары Васильевны. Она писала: «Сего 8 июля мой сын Алексей Лукашин арестован и препровожден в крапивенскую тюрьму, будто бы как замешанный в политическом преступлении. Но за сыном моим никогда ничего преступного не было. Полагаю, что все это произошло по злобе и идет от бывшего сельского старосты Якова Марьюшкина за то, что сын, как ближайший сосед не мог уклониться от подписи сельского приговора с просьбой об увольнении старосты от должности за упущения возложен-



ных на него обязанностей, работал у земского начальника 3-го участка, который и постановил Марьюшкина уволить. Вслед за этим на другой же день и постигла нас это несчастье. Я, старая его мать, жена его и дети остались без кормильца».

Трудно предугадать, что же в конечном итоге повлияло на результат этого дела, на людей, от которых зависела не только дальнейшая судьба крестьянина Лукашина, но, возможно, и его жизнь то ли объективность жандармского штабс-ротмистра, то ли влиятельные толстовские силы, то ли материнский крик о помощи? Но что-то, видимо, повлияло, и 6 августа штабс-ротмистр Корсаков выносит следующее постановление, цитирую заключительную часть: «В виду того, что свидетели не подтвердили того обстоятельства, чтобы Лукашин передавал когда-либо кому-либо для прочтения брошюры противоправительственного характера, направляю дознание по делу крестьянина А.Т. Лукашина для внесения в губернское совещание». И только 1-го сентября, наверное, после окончания летних отпусков, состоялось это долгожданное для Лукашина заседание, из которого мне так же хотелось бы процитировать его заключительную часть. «1907 года, сего сентября 1 дня Тульское губернское совещание на основании 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства под председательством исполняющего делами тульского губернатора Кобеко, при участии прокурора тульского окружного суда Кегель и начальника тульского губернского жандармского управления Шафаловича, рассмотрев произведенное дознание, постановило: дознание по обвинению крестьянина А.Т. Лукашина производством прекратить. Принятую против Лукашина меру пресечения отменить, о чем ему и объявить».

Так была поставлена точка в этом деле. Алексей Тихонович Лукашин вскоре был освобожден из тюрьмы и вернулся к себе домой. А через десять лет в России произойдет революция, вихри которой сметут и царскую полицию, и жандармерию, и тульское губернское правление вместе с губернатором и различными совещательными комиссиями. Революция, которую всем сердцем примет сын Алексея Тихоновича Лукашина Дмитрий, вставший во главе первой в крапивенском уезде городненской комсомольской ячейки. Вспоминая, как он босоножим мальчишкой бежал по пыльной дороге, пытаясь со слезами на глазах догнать повозку, на которой полиция увозила в тюрьму его отца, он будет разрушать старое и строить новое. Будет гореть этой работой и сгорит в прямом и переносном смысле этого слова. И возродится именем своим на одной из многих щекинских улиц. Впрочем, это уже совершенно другая история.



Людмила АЛТУНИНА

(г. Тула)



Родилась и выросла в Горном Алтае, окончила факультет журналистики Казанского ГУ. Более 30-ти лет работала в печатных СМИ и на радио, много лет была редактором вузовской многотиражной газеты ТулГУ. Член Союза журналистов РФ и Академии российской литературы. Автор и соавтор более 10 книг. Печатается в журналах и альманахах. Дважды финалист Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» (2007, 2013 гг.); победитель 1-го епархиального литконкурса «Преображение» (Тула, 2014) и др. Награждена многими почетными грамотами и благодарностями, в т.ч. Министерства образования и науки РФ, дважды — Министерства культуры РФ; нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Имя внесено в энциклопедию ТулГУ.

МАТЬ

Рассказ из цикла «Жизнь — дар Божий»

«Живите каждый день с Богом, и Он проведет нас сквозь бури жизни в покой и со спокойным сердцем. Все Им, все от Него и все к Нему ... Жизнь человеческая идет в потоке промысла Божия, и дивное попечение имеет Творец о создании Своем ... Да будет благословен Господь всеблагой и премилосердный! О, сколь дивно снисхождение Божие к человеку! Сколь дивна Его благость и любовь к нему ... Ничто не должно обладать нами. А сейчас вещи начинают обладать душами людей. Вот на какую мишуру улавливает души враг рода человеческого». Старец (архимандрит) Иоанн (Крестьянкин).

«...Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду, яко к Тебе, взях душу мою» (Пс. 142, 8)

Начало июля, жаркого, перемежающегося ливнями с грозами. «Июль — макушка лета», — говорят в народе, а дожди и грозы — только благо: освежают землю, наполняя озоном, что так необходимо в огромном мегаполисе, в этих каменных джунглях с высотными домами-термитниками, задыхающихся от зноя, раскаленного асфальта, камня и бетона, от многолюдья и избытка машин. В южных районах Центральной России липа уже отцветает, а здесь, на северо-западе Московской области, в местах заболоченных, более прохладных, она благоухает во всей своей красе и силе и даже еще в бутонах. Могучие вековые липы, кои созерцали еще, наверное, русские цари и дворяне, бывавшие в этих местах и оставившие после себя чудесные храмы,



строения и парки, сохранившиеся до сего времени, сплошь покрыты гроздьями пахучих нежных соцветий, источающих тонкий медовый аромат, так привлекающих пчел и разных прочих насекомых, собирающих нектар. Но вот только на современных этих, благоухающих во всей красе своего цветения липах, нет ни одной пчелы, ни шмелей, ни букашек.

...В приоткрытое окно нежным бесконечным потоком льется этот дивный липовый аромат, как было это и сто, и двести лет назад на русской земле. В полуночном свете уличного фонаря, струящемся через легкие голубые капроновые шторы, в напоенной липовым ароматом квартире, на втором этаже обычной «хрущевки» постройки 60-х годов, сидит на нижнем ярусе широкой двухъярусной деревянной кровати молодая хорошенькая женщина с короткой стрижкой русых волос, с крохотным ребеночком на руках, которого, расстегнув на себе белую льняную мужскую рубашку, она кормит грудью. Елена, — так зовут маму новорожденной девочки Маши, шестой по счету в этой семье, появившейся на свет всего-то три недели назад, — встала не только покормить малышку, но и от того, что ей уж третий день нездоровится. В народе ведь считается, что женщина после родов сорок дней «сырая», то есть слабая, подверженная всякой напасти, и ей не следует ни в холодной воде возиться, ни у плиты стоять, ни тем более лезть в холодную проточную воду. Но Елене надеяться не на кого. Муж с раннего утра и до позднего вечера на работе, к тому же с целью профилактического ремонта отключили горячую воду, вот ей и приходится и в холодной воде возиться, и у плиты то и дело стоять, для детей готовить. Летние каникулы, а потому старшие трое детей целый день дома, а не в школе. Только двух младших по утрам отводят в садик, да и то она их кормит завтраками и ужинами — так уж повелось у них: завтракать и ужинать всем вместе, дома. Жалея сидящих дома детей (прогулки с мамой во дворе — не в счет), поскольку из-за родов никуда этим летом не выехали на отдых, ни в деревню к бабушке с бабушкой, ни к морю, она решила сводить их к реке Истре, покататься. Да и сама там посидела на земле, подбросив под себя только тент от детской коляски, побродила у бережка. Вот и простыла, ломает всю: то морозит, то в жар бросает, насморк, горло болит. Кормящей матери никаких лекарств принимать нельзя, потому Елена только усиленно молится, вставая и по ночам, прося Господа, Богородицу, святых об исцелении; натирает виски и переносицу святым



маслицем и маслицем из постоянно горящей над иконами, в углу квартиры, лампадки.

«Ангел Божий, хранитель мой! Твоему попечению вверила меня благодать Всевышнего, прости и вразуми меня, храни меня на пути жизни, руководи и управляй мною», — шепчет, заканчивая молитву, Елена.

Она осторожно положила на кровать, рядом со своей подушкой, заснувшую малышку, обошла спящих детей, крестя их и любовно поправляя разметававшиеся по подушкам волосы, свесившиеся ножки и ручки, подтыкая одеяла. На верхнем ярусе кровати посапывала курносенькая, светловолосая, голубоглазая и верткая, как мальчишка, восьмилетняя Анютка. Рядом с ней вольготно растянулся дымчатый кот Блюша, которого котенком, из жалости, они подобрали на улице. У окна, на широком раскидном диване спят два мальчика-погодка, шести и пяти лет, Дима и Вадим. Старшие, двенадцатилетняя Елена и десятилетняя Верочка спят в другой комнате. Мать бесшумно вошла к дочкам, сняла огарок с фитиля теплившейся лампадки, поправила одеяла у девочек и, встав перед иконами, стала молиться. Главная ее молитва была, конечно же, за детей. Не зря ведь говорится, что материнская молитва даже из ада выводит и на краю гибели спасает. В силу материнской молитвы Елена верила свято, а потому из ее уст текла она неустанно, полная любви, заботы и терпения.

Среди многочисленных икон, стоящих в шкафах и висящих на стенах, почти половина были созданы руками Елены. Она еще девочкой-подростком ходила заниматься в иконописную мастерскую, существовавшую при храме Всех Святых, который посещала. Став старше, здесь же обучилась золотошвейному мастерству, беря уроки у опытной мастерицы-золотошвейки из Софрино, специально приезжавшей давать такие уроки. И за периоды своих беременностей к каждому очередным родам Елена вышивала по иконе. И так получалось, что, даже еще не сделав УЗИ и не зная пол будущего ребенка, она начинала вышивать тот или иной святой лик — Иисуса Христа, Богородицы, Серафима Саровского или Матронушки. И так совпадало, видно в том сказывался Божий промысел, что когда она вышивала икону с мужским ликом, рождался мальчик, когда с женским — девочка. Вот и растут в семье четыре девочки и два мальчика, которых она подолгу выкармливала грудью. Некоторые свои иконы Елена раздарила знакомым священникам, в храмы, да близким родным. Была у нее однажды, еще в де-



вичестве, и выставка ее работ в краеведческом музее. Один из посетителей тогда удивленно сказал:

— Думал, автор работ — пожилая женщина, а это — юная, симпатичная девушка — поразительно! Елене тогда всего лишь восемнадцать стукнуло.

А вскоре она вышла замуж и очень хотела детей, но муж, имея сына от первого брака, пережив тяготы развода и запреты бывшей жены встречаться с сыном, не спешил обзаводиться детьми, хотя у них и была своя двухкомнатная «хрущевка», в которой они своими руками сделали хороший ремонт. «Что нищету-то плодить, — резонно замечал он, — вот встанем на ноги, тогда и подумаем о детях». Он тогда писал, затем успешно защитил в столице кандидатскую диссертацию и параллельно осваивал новое свое ремесло — компьютерный дизайн, в котором впоследствии весьма преуспел и устроился на высокооплачиваемую работу в солидную московскую фирму. А Елена, работая в газете после окончания филфака, тосковала по ребенку, и потому в двадцать с хвостиком своих взрослых лет кукла, для которой она шила-вышивала, была ее игрушкой, заменяя ей дитя. Муж охотно поддерживал это ее увлечение. Вместе они даже поздравительные нежные открытки писали этой кукле, наряжали ее. Муж работал и дизайн одежды для их игрушечного ребенка, но настоящего все же не желал заводить.

— А чего тебе ждать, когда он сам решится на такой шаг, возьми да и роди ему; никуда не денется, полюбит собственное дитя и будет его холить, лелеять и воспитывать. Они, в большинстве своем, все такие мужчины: не очень-то спешат обзаводиться детьми, но потом их любят без памяти, — советовали ей умудренные жизненным опытом родственницы, в том числе и весьма образованные ее свекровь и мать.

— Но я не хочу «ворованного» ребенка! Хочу, чтобы он был желанным для родителей, с трепетом ожидаемым и еще до рождения очень ими любимым, а не так, чтобы его папа искоса недружелюбно поглядывал на округляющийся мамин животик.

В своих молитвах тогда Елена просила Бога только об одном: помочь ей стать матерью:

— Господи, Всемогущий, дай мне детей. Сколько бы ты их ни послал, ни от одного не избавлюсь в утробе своей, всем дам жизнь. Пошли мне всех тех детей, которых ты посылаешь на землю, но которые не появились на свет из-за абортов или выкидышей; всех приму, выно-



шу, рожу и укажу им путь к Тебе. Всех воспитаю с Твоим именем на устах и во славу Твою...

И Господь услышал: послал ей много детей, но уже с другим мужем. От первого она ушла именно потому, что он и не помышлял о детях, всецело отдаваясь работе, своему становлению, конца-края которому не было видно. Как потом, после ухода Лены, ни убивался бывший муж, почернев и похудев от переживаний, потеряв любимую жену, как ни убеждал ее в своей готовности обзавестись детьми, было уже слишком поздно. Она уже не видела будущего с ним. В ее отношении к нему что-то навсегда сломалось, умерло в душе от долгих ожиданий этого, пришедшего, наконец, но с таким опозданием, решения иметь детей. Его слова и мольба вернуться к нему шелестели для нее, как сухие листья, ничего не пробуждая в сердце, кроме сожаления о потерянном времени в пустом ожидании. «Нашему первенцу могло бы быть уже четыре года и, возможно, у нас уже было бы двое детей», — думала она, слушая его. В ней сильно и яростно говорил материнский инстинкт, настойчиво требующий реализоваться, видимо, берущий начало от ее сибирских корней: гены — вещь великая, от них никуда не уйдешь, живи ты хоть в глухой тайге, хоть в многомиллионной Москве или за границей. По материнской линии, у ее прабабушки — сибирячки, отданной замуж в шестнадцать лет, было четырнадцать детей, из которых семеро умерло во младенчестве от скарлатины и дифтерии, а четверо сыновей из семи выживших взрослых детей погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Старшему из них было тридцать пять, а младшему, сержанту-артиллеристу, командиру орудия, павшему в сорок третьем на Курской дуге, награжденному медалью «За Отвагу»; за отвагу, проявленную в жестоких битвах за город Воронеж летом сорок первого, — всего двадцать лет. В общей сложности у них осталось десять детей, которых старики помогали воспитывать, поскольку их снохи так и остались солдатскими вдовами: не выходили второй раз замуж. У павшего старшего сына было шестеро ребятишек, мал мала меньше. Да и те братья Елениной матери, которые в годы войны были несовершеннолетними и не попали на фронт, потом тоже имели многодетные семьи, да и сама Елена выросла, хотя и в большом городе, но в многодетной семье, где из четверых детей она была старшей, а потому с раннего возраста помогала по хозяйству матери, вечно занятой на ответственной работе, и возилась с младшими: забирала их из детсада, готовила, кормила, гуляла с ними. Порой, забываясь, они ее называли мамой, что в



детстве Леночке очень не нравилось, поскольку другие дети во дворе смеялись над ней: «Ой, мамочкой в одиннадцать лет стала! Ха-ха-ха!»

— Мама,— просила Лена свою молодую мать,— скажи младшим, чтобы они меня не называли мамой.

Но как ей потом, когда она стала взрослой, хотелось, чтобы к ней тянулись бы детские ручонки со словами: «Мама, мама»! В конце концов, она обрела свое материнское счастье со вторым мужем, с которым свела ее судьба по работе. Один за одним стали появляться у них дети. Молодые супруги как бы договорились негласно — ни от одной беременности не избавляться: сколько Бог пошлет детей, столько и будет. И ни разу не засомневались в этом своем решении, хотя пришлось пережить и немалые материальные трудности, особенно когда муж получал в престижном московском вузе второе высшее, платное, конечно, образование. Порой, случалось, хлеба-молока не на что было купить, но Елена верила, что Господь и Пресвятая Богородица не оставят ее с детьми, ведь она знала, что каждому дается Всевышним по силам его. И если Господь посылает трудности, то это Он испытывает их на прочность, в том числе и на верность тому слову, которое дала она Ему, прося послать ей детей и обещая, что всем даст жизнь, всем укажет путь к Нему. Елена молилась, прося у Всевышнего дать ей силы, терпения и смирения, веря, что все, что Им дается — к лучшему и надо уповать только на Бога без жалоб, слез и отчаяния. Была ревностной прихожанкой, приобщавшей своих детей к православию с первых месяцев их жизни, воцерковляя их, регулярно причащая, уча тех, кто становился постарше, молитвам и тому, как правильно надо молиться, а с семи лет и исповедоваться перед принятием Святого Причастия. Вставая утром с постели и ложась спать, дети вместе с матерью возносили свои молитвы к Богу, крестились, просили родительского благословения на ночь и на последующий день. Росли спокойными, послушными, воспитанными, добрыми и доверчивыми.

В то трудное для их семьи время и приходской храм помогал многодетной семье одеждой, продуктами, а то и деньгами к великим православным праздникам, пусть и небольшими. Настоятель их старинного прекрасного храма в честь Рождества Христова, который еще русские цари посещали, отец Александр, сам многодетный, имеющий шестерых детей, прекрасно понимал эти проблемы, а потому всячески старался поддерживать своих многодетных прихожан, хотя его приход и не был богатым.

Елену не напрягало ничто, что напрямую не касалось ее собствен-



ной души и душ ее детей: ни убогость их съемной квартиры за двадцать пять тысяч рублей в месяц, с проржавевшей, отживающей свое сантехникой, дешевенькими обоями, ни случающаяся нередко нехватка денег, ни отсутствие дорогих предметов быта, потому что у нее было самое дорогое — ее семья, дети, которых им предстояло вывести в жизнь с чистой и светлой душой, ибо бессмертна душа — она от Бога. К Нему и вернется, завершив свой земной путь. А вот какой и с чем она вернется в вечное свое пристанище во многом зависит, понимала Елена, от нее — матери, от того, что она заложит в души своих детей, чему научит, на какую стезю выведет и какой духовно-нравственный ориентир даст на всю их последующую жизнь, даже тогда, когда ее уже не будет с ними. Ведь не зря в Святом Писании говорится, что каждый судим будет по делам его земным («И судим был каждый по делам своим». Откровение, гл. 20, ст. 12-13) Об этом Елена помнила всегда, как и о том, что любовь есть большее в мире и во вселенной, и детям терпеливо это передавала, наполняя дом своей любовью, заботой, долготерпением без криков, нервов, ненужной мелочной суеты и суетливости, во всечасном уповании на милость Божию; благодарностью за все, что Он посылает, даже за те или иные испытания, которые только воспитывают душу и учат ее Божьей правде; способностью и умением ценить все те блага, даже малые, которые Он дает. Верила она и в то, что если Господь одаривает детьми, то Он не оставит Его создания без милости и промыслительности Своей. А посланными испытаниями Он многому учит, на многое открывает глаза, побуждая привычное видеть и ценить по-новому.

Вот испытала семья Елены материальные трудности, нехватку еды и вынесла хороший из того урок — ценить хлеб насущный, благодарить Господа за каждый его кусочек.

...Елена подкатила коляску с новорожденной к подъезду, достала из нее малышку и, прижав к себе, с нею в одной руке и с тяжелой сумкой с продуктами в другой стала подниматься по лестнице на свой, второй, этаж.

— Ой, бедненькая! Как же это ты! — тяжело ведь с такой сумкой-то да с ребенком, дай хоть подмогну, — посочувствовала встретившаяся соседка.

— Спасибо, мне не тяжело, управлюсь, — вежливо ответила Елена, обходя женщину, и подумала о том, что ей действительно — не проблема тащить сумку и ребенка. Ребенок — великая радость. И полная сумка с продуктами — радость: будет чем кормить детей; сообща



накроят хороший стол, за которым с радостным возбуждением соберется все ее многочисленное семейство. И она, в который раз за день, мысленно поблагодарила Господа и за новорожденную, и за всех своих детей, и за тяжелую сумку с едой.

Каждый день, хотя вроде бы и похож один на другой, приносит что-то новое, неповторимое, особенно когда подрастают малые дети. Вот и крохотная Машенька, всего-то трех недель от роду, уже пытается самостоятельно держать головку. Ей это удастся ненадолго, а потом она клюет своим носиком-кнопочкой, роняя головку на грудь, но, чуть отдохнув, пытается снова и снова поднять ее и держать — столько в этом усердия, жизнестойкости, что и взрослому впору тому поучиться. И Елена, уча уму-разуму своих детей, многому учится у них и сама, вот хотя бы у своей крохи ее мужеству и упорству жить-выживать в этой непростой нашей многоликой и вместе с тем однообразной и суетной повседневности, божественные цвета и краски в которую вносит каждый человек сам, в соответствии со своей верой, миропониманием, морально-нравственными ориентирами и ценностями. Елене жизнь преподнесла главное — бесценные уроки любви, неземной, божественной любви, данной ей Господом через ее детей; терпения и смирения через посланные Им испытания, научив уповать не на себя, немощную, а на всемогущего Всевышнего во всякий день и час своего существования — то главное, на чем держится весь ее мир, весь семейный уклад и что, собственно, и составляет суть всей нашей земной жизни, если мы относим себя к православным людям и готовим душу к жизни вечной.

...Ранний рассвет вместе с липовым ароматом уже во всю льется в открытые окна. Июльские ночи коротки, хотя после 22 июня — летнего равноденствия — день начинает убывать, особенно после петропавловского поста: «Петр и Павел день убавил», — говорят в народе. Елена подошла к окну, глянула на липу в цвету, растущую у балкона: «Странно, — подумала она, — почему на цветущих липах нет ни одной пчелы? Ученые утверждают, если переведутся пчелы, жизнь на земле вообще прекратится: некому будет опылять растения. Вон в Америке электронных жучков изобрели для опыления. Неестественно и даже грустно это все как-то. Не должно так быть. Не так задумывал все Создатель на земле, сделав ее такой прекрасной, с таким великим разнообразием цветов и красок, разных растений, животных и насекомых, но люди все переиначили — а зачем!?...»

Вспомнила она, что такое же чувство испытала в прошлом году в



московском Сиреневом саду. Она там с детьми сидела майским днем на скамейке: смотрели на благоухающую цветущую сирень всех сортов и оттенков, говорили о том, кому какой сорт и цвет нравится больше: голубой — «Галина Уланова» или темно-насыщенный — «Поль Робсон».

— Мама, смотри, какие чудесные маленькие колясочки для детей! С кружавчиками и такие низенькие!— воскликнула Анютка, кивая в сторону двух молодых женщин, действительно катящих перед собой такие милые необычные колясочки. «Должно быть, в них новорожденные малыши»,— предположила Аня, и мама с ней согласилась.

— Ах, ты моя ненаглядная девочка, прогуляться захотела? Но иди, иди скорее к своей мамочке,— наклонившись к зашторенной кружевной накидкой коляске, ласково пропела нежным голосом одна из женщин и вынула из коляски... маленькую симпатичную собачку — йоркширского терьера — с розовым бантиком между ушей, в розовом комбинезончике с коротенькой юбочкой и чмокнула ее в носик.— Пробегишь здесь по травке, разомни ножки,— и поставила собачку на зеленую шелковистую травку газона.

Дети изумленно переглянулись между собой и посмотрели на маму: какова ее реакция на такое? Елена, которую неприятно поразила эта картина, спокойно и коротко, без осуждающих ноток сказала:

— Лучше бы детей рожали и воспитывали. А, если своих Бог не дал, то детдомовским бы помогали или усыновили ребенка, больше бы пользы было. Нельзя же любить животное больше, чем человеческое дитя.

Дети согласно закивали головами и больше не смотрели с восхищением на собачек, как оказалось, не заслуживающих столь пристального внимания...

— Да ты с ума сошла — пятеро детей!— воскликнула как-то встретившаяся Елене на улице бывшая одноклассница.— У меня одна дочка, и то не знаю, куда бежать: замотала напрочь. Больше мне детей, ни за какие коврижки, не надо — нищету-то плодить!— знакомое выражение неприятно царпнуло слух Елены.

И это говорила молодая женщина, имеющая, как и ее родители, свой прибыльный бизнес: магазины дорогой итальянской женской одежды, рестораны; огромную квартиру в элитном доме, большой загородный дом, няню, домработницу; заграничный отдых и прочая, и прочая.

Елена ее не осуждала: каждый живет согласно своим понятиям об



этой жизни и о духовных ценностях, и никто, кроме Бога, никому не судья. Елена свои ценности давно определила: вон они сопят по кроватям, разметаив ручки и ножки. Со стен на нее спокойно и строго смотрят лики святых, в углу теплится лампадка. Мирно. Покойно. С Богом. С детьми. С мужем. Что еще большего для счастья нужно!? Ничего!

Завозилась и подала слабый голосок Машенька. Елена с ласковыми словами наклонилась над малышкой, взяла ее на руки и, снова усевшись на первом ярусе кровати, в полумраке квартиры напоминающей нары, дала ей грудь, вполголоса напевая:

*Спи, малютка, засыпай,
Свои глазки закрывай.
Душа к Боженьке слетает,
Все увидит,
Все узнает.
А потом назад вернется,
Ангелочком обернется,
Чтобы рядышком летать
Мою Машу охранять...*

Эту колыбельную Елена слышала от своей мамы, которая говорила, что ей пела ее мама, переняв от своей мамы, то есть от Елениной прабабушки, той самой, набожной сибирячки, у которой было четырнадцать детей...

...Так и крутится колесо жизни и передает из поколения в поколение традиции, обычаи, сам дух уклада, а главное — православную веру, призывающую бессмертную, ищущую Бога душу не дремать, а совершенствоваться, преобразуясь через единение с Ним, неустанно трудясь в земной сей краткосрочной жизни для жизни вечной. И пока жива эта генная память у русского человека, не важно, где живущего, в деревне или в огромном мегаполисе, будет жить и сама Россия, ибо она испокон веков черпала силы от своего простого народа, от своих корней, укрепившихся в провинции — хранительнице истинного народного духа, неисчерпаемой самобытности и ничем не уничтожимых основ православной веры.

...В предрассветном белесом полумраке обычной столичной «хрущевки» сидит молодая мать с младенцем на руках, как Вечный



символ Мадонны, как миллионы женщин сидели и сидят с младенцами на руках по всей православной России, и качают, и баюкают с великой любовью Великий дар Божий — дитя человеческое. На том и стоим! Тем и держится, и возрождается, и крепнет Русь! Тем и живо все человечество.

На обычном тетрадном листке, прикрепленном Еленой к обоям на стене, из полумрака прояснились слова стиха «Не отрезай пуповину от Бога» неизвестного ей автора:

*Не отрезай пуповину от Бога
Ради томления жалкого «Я».
Что ты найдешь за отцовским порогом?—
Только огромную гору вранья,
Ржавые цепи безумного страха,
Вопли отчаянья и немоту...
Станешь обычною пригоршней праха,
В жизни изведав одну маяту.
Не умирай же в сомненьях жестоких!
Вечной надежде с любовью внемли,
В Духе Святом, как в одном кровотоке,
Радость свою неизбывно продли.
Не отвергай в самомненье спесивом
Вечный поток, что зовут «благодать»,
Чтобы текла бесконечная сила,
Чтобы и ты мог хоть что-то отдать.*

...Возносят свои искренние, от сердца идущие молитвы православные матери во всем мире не только за своих детей, сливаясь тихими голосами с молитвами Афонских и Оптинских старцев, молящихся за весь род людской, берущий начало с извечного дара Божьего — новорожденного младенца, вот с такого, какова сегодня крохотная Машенька, звучно причмокивающая у маминой груди. И эти звуки, и слова материнской молитвы и колыбельной улетают в раскрытые окна, разносятся вместе с липовым ароматом по всей округе, по всему многомиллионному мегаполису, по всей вселенной, чтобы быть кем-то услышанными, воспринятыми и обретенными, как вера, как любовь, как азимут для вечной души к Отцу своему — Богу...



О ГИБЕЛИ РОССИЙСКОГО ЛЕТЧИКА В СИРИИ

Из дневниковых записей (в ночь с 24-го на 25-е ноября 2015 г.)

За окном — предрассветная, глухая, тоскливая мгла, какая бывает только поздней осенью, в ноябре. Она удваивает тяжесть и боль на душе. Несколько часов назад, 24 ноября 2015 года, в истории России и всего человечества произошло еще одно трагическое событие: турками ВВС подло, в спину, сбит наш бомбардировщик СУ-24, возвращавшийся на авиабазу без боекомплекта с боевого задания, выполняемого в Сирии по уничтожению боевиков ИГИЛ, террористической организации, запрещенной в России. А ведь считалось, что Турция — дружественная нам страна — широкий товарообмен, россияне безвылазно «паслись» на турецких курортах. Все мои знакомые и друзья ежегодно там отдыхают и в одиночку, и семьями и очень довольны: сервис, питание — на высшем уровне; турки гостеприимны, доброжелательны, услужливы, особенно в отношении к молодым женщинам — просто верх любезности, россиянков зовут Наташами. Прав, видно, русский император Александр III, который говорил, что у России нет иных друзей, кроме армии и флота. Так оно и есть. Не начало ли это третьей мировой войны, по сути, уже идущей на политико-информационном и экономическом уровне? Все страны ополчились против России, опять навалились на нее, как прежде «Антанта»; пока, Слава Богу, без объявленной войны, но подковоерно-то она идет, так и не прекращаясь. Россию ненавидят за ее богатство и природную мощь, которыми многим бы хотелось завладеть.

Россия опять в одиночестве и опять надежда только на свои силы, свою военную мощь, на свой народ. Многострадальная Россия! Сколько войн во все времена было на ее территории! А на территории США — главного мирового агрессора — ни одной. Только их, гражданская, война между Севером и Югом полтора столетия назад, в которой в общей сложности погибло более 600 тысяч солдат. А потери россиян исчисляются миллионами. Весь мир устлан костями русского солдата. И вот — новые жертвы. Гибнут лучшие сыны нашей страны, образованные, высокопрофессиональные, преданные ей. Как горько это сознавать. Не забыть бы нам, всем россиянам, не растерять это острое, горькое ощущение невосполнимой утраты уже через месяц...

...Оба члена экипажа СУ-24 катапультировались, но один из них был расстрелян шквальным огнем боевиков, открытым по спускающимся на парашютах летчикам. Как мы всей семьей радовались, когда видели по



ТВ, что наши летчики уцелели и катапультировались, наблюдая на телеэкране их оранжевые спускающиеся парашюты. Как надеялись они выжить! Как болели мы за них! Уверена, что многие и многие россияне — и не только россияне — напряженно следили за теленовостями и также всей душой болели за наших летчиков, как за родных, близких людей. Гибель нашего российского летчика в сирийском небе я восприняла как личную утрату. Перед глазами все время стоят картины, показанные по ТВ: стремительно падающий горящий самолет, столб огненного пламени, взвившегося в небо после его удара о землю, купола раскрывшихся парашютов в небе; издали, с телеэкрана, как парашютики облетевших одуванчиков. Смотрели, затаив дыхание, всей семьей и первая моя реакция при виде парашютов:

— Слава Богу, экипажу удалось спастись!

Еще не знала, что один из катапультирующихся был расстрелян с земли.

Заснуть не дает картина глумления боевиков ИГИЛа над бездыханным телом нашего летчика. Какими нелюдями нужно быть, чтобы так глумиться и радоваться над беззащитно лежащим перед ними телом российского летчика! А он, чей-то любимый сыночек, муж, отец, брат, в своем боевом снаряжении лежит перед этой сворой и ничего уже не ведает. Сердце разрывается видеть это. А, может, его душа летает где-то рядом и наблюдает за всей этой картиной и плачет? Тогда я плачу вместе с ней над участью неизвестного мне летчика. Каково сейчас родным тех, кто проводил своих любимых мужчин в командировку и знает, что они воюют в сирийском небе. Наверное, каждый, прильнув к экрану телевизора, задается только одним вопросом: «Не мой ли это муж?» Или сын? Или папа? Ужас берет от одной этой мысли и еще оттого, что родные даже не увидят тело своего любимого человека, скорее всего, бандиты его просто растерзают или сожгут, как прозвучало с телеэкрана из уст одного из них. И даже могилки не будет, и родным некуда будет прийти и поклониться праху.

Всю ночь не сплю, оплакиваю погибшего, сочувствую его родным и молюсь о том, чтобы душа его упокоилась в раю. Говорят, что души павших на поле брани за свое Отечество попадают именно туда. Да будет так! Молюсь о том, чтобы изверги не растерзали тело летчика, и оно было найдено и передано России и его родным для христианского погребения.

Молюсь и за другого летчика: где он? Что с ним? Жив ли? Хочется верить, что хоть он-то жив. Господи, спаси его и помоги добраться до



своих, или чтобы поисковики нашли его поскорее, чтобы не попал он в плен к нехристям. И представить невозможно, что они сделают с ним, как станут над ним издеваться и глумиться. Боже! Боже, Всемилостивый Боже! Спаси его, неизвестного мне летчика, но Тебе-то все известно, все ведомо. Я не знаю имен тех, за кого молюсь, но Ты-то знаешь, о ком молю, за кого прошу! Помоги ему! Спаси его!

...Выхожу из своей комнаты и вижу, что ни муж, ни брат не спят. В комнате мужа горит лампадка. Он тоже молится, я не спрашиваю, но, думаю, и его молитвы — за летчиков. В зале, где спит брат, всю ночь работает телевизор на новостном канале.

— Что-нибудь известно нового?— спрашиваю у него.

— Пока — все то же...

Присаживаюсь в кресло рядом и подробно расспрашиваю брата о том, как может катапультирующийся летчик подать о себе сигнал? Может ли он продержаться какое-то время? Есть ли у него все необходимое для этого?

Брат Володя — тоже военный летчик, полковник ВВС в запасе. Совсем недавно он служил в дальней бомбардировочной авиации, летал на таких же самолетах штурманом. И он мне рассказывает, что все необходимое, в том числе питьевой и продуктовый запас на несколько дней, есть. Это немного меня успокоило. Наблюдаю, с каким вниманием брат смотрит ночные, вернее, уже предутренние новости — он весь там, в сирийском небе.

— Тебе, наверное, тоже хочется там бомбить?— спрашиваю.

— Так точно!— кратко, по-военному отвечает он, как бы стараясь перевести разговор в шутку, но я-то хорошо знаю его натуру. Знаю, он всегда старается скрыть за шуткой то, что доставляет ему боль, что тревожит. Знаю, как хотелось ему в небо, как провожал взглядом каждый летящий самолет, подолгу следя за его полетом, когда уже по возрасту отстранен был от полетов и перешел на научно-преподавательскую работу в Военно-Воздушную Академию им. Ю.А. Гагарина, которую ранее и оканчивал и где успешно защитил кандидатскую диссертацию как раз по точности бомбометания; как каждый год упорно писал рапорты начальству, чтобы его допустили к полетам, и проходил медкомиссии, и радовался, когда получал такие допуски к полетам; как бредил одними полетами и штурманскими командами, когда находился в беспамятстве после тяжелой травмы и операции в военном госпитале. Он с раннего детства хотел быть военным летчиком и никем больше; запоем читал



библиотечные книги про военных летчиков и про войну. Осуществил свою мечту и все помыслы отдавал ей, своей реализовавшейся мечте — потом и в науке, в академии, и когда, уйдя в запас, был приглашен в «ОКБ Сухого», где, уверена, работал бы и по сей день, не случись с ним такое несчастье, ведь так быстро он там пошел в гору на научно-исследовательском поприще, считаясь одним из перспективных сотрудников, и все потому, что всем сердцем любит свою нелегкую профессию и предан ей. Благодаря брату и я всю жизнь очень трепетно и неравнодушно отношусь к военным летчикам. Мне хорошо известна их нелегкая жизнь в военных городках, их частые ночные полеты, подъемы по тревоге, их великая профессиональная дисциплина и ответственность, их братство и взаимопомощь, наверное, еще и поэтому столь остро и сильно сопереживаю семье погибшего летчика и жалею, оплакиваю его самого.

Мы, вместе с Володей, молча, подавленно смотрим предутренние теленовости, ошарашенные случившимся. Не спится никому из взрослых в доме. Зашел в зал Слава, встревожено-вопросительным взглядом глянул на нас, на экран телевизора:

— Ну что там? Какие новости? Не нашли второго летчика?

— Пока нет.

— Понятно,— тихо и удрученно отвечает он и, уходя, просит:

— Если что-то новое сообщат, скажите мне. Я не сплю. Из его комнаты до нас доносится тихая, проникновенная молитва...

...Светает. Полнолуние. Пасмурно и грустно. Хоть бы спасли второго летчика! Надо лечь и попробовать заснуть. Уже шестой час утра...

Проспала почти четыре часа, проснулась в десять утра, умылась, причесалась и сразу же побежала узнать у Володи: что там, с нашим летчиком? Ура! Штурман жив и спасен! Вот радость-то его родным и нам всем!

— Не ранен ли? Как его состояние?— спрашиваю у брата.

— Пока об этом не говорили,— отвечает.

Опять, забыв про завтрак, всей семьей следим за теленовостями...

Что-то редко стала обращаться я к дневниковым записям, только когда случается что-то экстраординарное и переполняет болью настолько, что срочно хочется избыток этой боли, тревоги и смятения выплеснуть на бумагу. Легче становится...



Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)



Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова в 1961 году. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. Публикуется в журнале «Приокские зори» с 2007 г. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

Когда доктора Трушечкина перевели в отделение для сирот, он обрадовался. Это была его «стеся». Почувствовал это сразу.

«Дети такой забавный и славный народец, — говорил он, — но их мамы... Попадают такие экземпляры, что упаси Бог».

А здесь, в этом отделении, дети находились без мам. Это были сироты, брошенные дети, поступавшие в отделение с вокзалов, найденные в подвалах, дети пьющих или бомжующих родителей. Некоторые из них не знали о существовании слов: «мама», «папа».

Через месяц работы в этом отделении Роберт Петрович уже чувствовал себя папой всей этой несчастной ребятни.

Работалось ему хорошо. Но тяжело. Роберт Петрович был сентиментален от природы. Ничего не стоило слезам выступить у него на глазах, если он видел по телевизору фильмы про войну, катастрофы, где страдают или гибнут дети. Или передачу о беспризорниках, шарящих в помойках в поисках пропитания или одежды. Тогда глаза его увлажнялись, и он отворачивался или начинал тщательно протирать очки, близоруко шурясь, чтобы жена и сын не увидели его слез.

Иногда такой конфуз случался с ним и при осмотре очередного беспризорника или при чтении сопроводительных документов на него, где за сухими фразами чиновничьего опуса ему картинно виделись страдания, выпавшие на долю маленького человечка.

— Будет вам, Роберт Петрович, — говорила старшая сестра отделения Варвара Николаевна. — сердце себе надрывать. Выплывут наши гавроши. В обиду не дадим. А этих сучек я бы ...



И тогда в сердце добрейшего Роберта Петровича закипала жгучая ненависть ко всем этим... Но человек он был деликатный и даже мысленно не употреблял бранных слов. Оттого жгучее чувство, переполнявшее его в такой момент, было еще нестерпимее.

А итогом было то, что во всей больнице не было более самоотверженного и душой болеющего за своих пациентов врача, чем Роберт Петрович. И закрепилось за ним не насмешливое, а уважительное прозвище — «папа Трушечкин».

Над отделением шефствовал православный храм, расположенный по соседству с больницей. Раз в полгода приходил батюшка, отец Паисий, и крестил детей в православную веру. Крестной матерью всегда была Варвара Николаевна. А крестного отца не было, потому что в отделении тогда не было мужчин.

Когда в очередной раз пришел отец Паисий, Варвара Николаевна решила, что Роберт Петрович должен быть крестным отцом.

— Сам Бог велел, — сказала она.

Раз Бог велел, Роберт Петрович согласился. Сам он крестился уже взрослым и был наречен Петром в память о своем отце.

В этот раз не крещенным оказался лишь Петя Курский. Фамилию дали по названию вокзала, где его нашли. Четырехлетний мальчонка утверждал, что у него есть «мамка», да только имени ее вспомнить не мог. Вид у него, когда он поступил в отделение, был такой, словно он год прожил в лесу или в подвале.

Его отмыли, отчистили, постригли, причесали. Оказался симпатичный белобрысый человечек с синими глазами, ласковый, но пугливый.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, — начал отец Паисий, предварительно выяснив, крещен ли Роберт Петрович в православную веру. Доктор Трушечкин факт подтвердил.

По окончании таинства отец Паисий наставительно сказал доктору: «Теперь вы — крестный отец этого чада и будете держать ответ перед Богом за своего крестника. Пекитесь о его душе и теле».

Роберт Петрович не смог сдержаться. Глаза его увлажнились, и он стал тщательно протирать очки, близоруко шурясь.

Прошло месяца два. Роберт Петрович как мог «пекся» о душе и теле Пети Курского. На другой день после крестин он принес из дома



штаны, курточку и еще кое-что из одежды, которая была уже не в пору его сынишке.

— Вот это да!— только и сказал Петя Курский, увидев себя в зеркале в обновке.

Вот таким образом гардероб крестника доктора Трушечкина постоянно пополнялся, потому что всегда находилось то, из чего его сын уже вырос.

Потом Роберт Петрович стал брать Петю Курского к себе домой на выходные, и они ходили одной семьей в кино или цирк.

Прикипел Роберт Петрович к Пете Курскому сердцем, и Петя к нему тоже. Да и ко всей его семье — жене, сыну и спаниелю Тимке. Уже стала появляться в голове доктора сначала несмелая, а потом все более уверенная мысль — а не усыновить ли Петю Курского. Жена догадывалась об этих мыслях, но виду не показывала.

Однако этому не суждено было случиться.

Роберт Петрович сидел за столом в ординаторской и делал записи в историях болезни, когда его позвала Варвара Николаевна.

— Вас тут одна мамаша спрашивает,— сказал она.

«Какая еще мамаша?» — подумал Роберт Петрович, и сердце его в груди неприятно шевельнулось от недобрых предчувствий.

Когда Роберт Петрович вошел в игровую комнату, первым, кого он увидел, был Петя Курский. Мальчик стоял и обнимал сидевшую перед ним женщину.

— Это моя мамка,— сказал он Роберту Петровичу.

Доктор Трушечкин вгляделся и разглядел молодую женщину, густо накрашенную, от которой пахло табаком. В остальном же это была вполне обычная женщина, из тех, кого он часто привык видеть за пять лет работы детским врачом.

— Я за ним. Можно?— робко сказала она.— Я больше не буду. Честное слово... Кум.

Последнее слово сразило доктора. Роберт Петрович поспешно снял очки и стал тщательно их протирать.

Затем отвернулся и поспешно вышел из игровой комнаты.





Ольга ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ

(г. Москва)



Окончила Московский электротехнический институт связи, инженер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и прозу пишет с 1998 г. Публикуется в альманахах. Автор пяти книг. Стихи вошли в Антологию современной поэзии «Созвучья слов живых» (т. 6, изд. «Московский Парнас», 2011 г.).

Член Международного сообщества писательских союзов и Союза писателей России. Имеет награды.

УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

Он появился на аллейке весной, в ту волшебную пору, когда наши власти, будто ужаленные трудолюбивой ранней пчелой, начинали усиленно бороться за чистоту собственного города. Отряды рыже кафтанных и приобщаемое к труду вольное студенчество метут с утра до вечера прошлогодние листья и мусор, сдают ящиками посуду, заботливо обрезают деревья, придавая кронам ухоженный вид, привозят жирный чернозем и старательно разравнивают его граблями, в заветных местах снимают с клумб лапник, высаживают новые цветы и красят повсюду низенькие заборчики в зеленый цвет, навевающий летние мысли.

Фонарь водрузили у аллейки в парке, в тридцати метрах от своего собрата, так что не перемигнешься и кабель для общения не дернешь, порвать можно: надежно закопан под землей. Днем свет не горел, и Фонарь спал, не обращая внимания на все, что творилось внизу и только ближе к вечеру, когда прозрачный воздух начинал заволакиваться зыбкой сероватой дымкой сумерек, его сон смахивал прохладный ветерок. Четко срабатывала автоматика, и вся аллейка озарялась светом одновременно зажигаемых ламп.

В этот сумеречный час, после трудового дня, на прогулку вприпрыжку выбегали собачники со своими четвероногими питомцами. Тузики, полканы, альмы, атосы, крапчатые, дымчатые, трехцветные, черные, белые, лысые, кудлато-лохматые вертявые, пронырливые и, наоборот, степенные, осанистые разнообразных пород, носом или лбом помогающие хозяевам быстрее открыть тяжелые двери подъездов, торопясь раз-



мать занемевшее в бездействии и духоте целого дня тело. Они то по очереди, то в унисон оглашали восторженно залившимся лаем этот необычайный манящий мир запахов и звуков. Новенький, еще пахнущий металлом и свежей краской Фонарь успел возненавидеть это лающее, слюняво-сикающее племя, с редкой щепетильностью, достойной иного применения, метившее границы своих владений.

Слева от Светильника, на недавно поставленной деревянной скамеечке, часто сидела парочка аккуратно одетых старичков, чей говор доносился до плафона тихим шепотком. Неделю спустя старушка пришла посидеть сюда одна. Ей не с кем было поделиться, и она заговорила с Фонарем, как с давним приятелем, поверяя ему свои семейные тайны:

— Вот видишь, дружок, я сегодня одна, — с мягкой грустью произнесла она. Веня мой в больнице. Сердечный приступ у него. Скорая приезжала. Два доктора — здоровых бугая, словно со скотобойни, денег просили, чтобы в ближнюю больницу мужа определить, а не в дальнюю, к черту на рога. Никакого уважения к возрасту! А где они у меня, деньги-то? Хорошо сосед участковый во время подключился, он ко мне за советом приходил. Правильный, честный человек, дай Бог ему и всей семье его здоровья, вмешался, поспособствовал, не оплатила я им ни копейки. Бугаи, озлясь, с кривыми физиономиями так в машине и ехали молчком до больницы.

Уличный фонарь, качнув плафоном, одобрительно скрипнул. Старушка, переведя дыхание, продолжила:

— Почти месяц ему лежать там придется, пока курс лечения не закончится. Насмотрится на чужое горе-беду, наслушается людских историй. Он у меня чувствительный, поэтому сердцем и болеет. Верись ли, стихи со слезами на глазах читает. Вчера навещала его. Чистота, ничего не скажешь, медперсонал старается. Поесть ему принесла. Ведь больничная еда-то на копейки в день, взрослому мужику голодно, ноги протянешь. И дальше, как бы отвечая на предполагаемый вопрос молчаливого собеседника, что это она одна крутится, есть ли дети, старушка сказала:

— Старшенькая наша, Настасьюшка, иностранца обаять сумела и замуж за него вышла, а ведь по-ихнему ничего, только «здрасте» да «до свиданья». Она на фирме у него работала, так — «прими, подай». Теперь в своей Америке третьего ребеночка рожают. Сынок мой, младшенький, поздний, Николенка, сутками работает. Устает очень, но за место держится. Да и, к слову сказать, кому теперь не шибко образованные нужны.



Университетов он не кончал, с детства слаб здоровьем, да и с ленцой, малый не любознательный, вот хлебает пролетарскую долю полной мерой. Денег платят не густо, семью заводить не на что. Так гуляет, в гости ходит, может, когда и заночует в чужом доме, потом-то все равно домой к матери приходит. Барышни теперь, сам знаешь, расфуфыренные, им чего импортного подавай. А душа, его душа-то, на что им она, коли достаточного материального содержания не имеется...

Фонарь звякнул плафоном от внезапного порыва ветра. Старушка спохватилась:

— Заболталась я тут с тобой, свет мой ясный, а мне ведь морсик делать, да котлеты крутить благоверному к завтраму надо. Душу отвела и спасибо. Может, когда свидимся.— С этими словами она встала и, кряхтя, поплелась до дому.

На плафон фонаря деловито села ворона в надежде согреться в этот промозглый весенний вечер, но, не выдержав и минуты, как ошпаренная с криком полным негодования, с взъерошенными перьями улетела прочь. Какая-то тетка, из породы неутомимых, попыталась наклеить на фонарный столб объявление, да и не смогла, клей забастовал, не захотел клеить. Вот еще, взяли моду всякую всячину на улицу выносить, на суд общественности, понимаешь. И не стыдно: «Продается дорого...» В наше время дорого!? Да кто купит дорого-то? У народа денег нет, а когда были, тогда и сплыли. Умыкнули их денежные реформы дорогого государства, сгинули они в раздутых Чаровыхчакрах, подхватили их нефтяные реки Гермеса да Ренако, попали они в бурный поток проезжающих мимо, в сторону горизонта, блестящих новой краской, властелиновых «лад». Растворились денежки в плотных телесах братцев Мавродцев, в сиюминутных банках и фирмочках, коим несть числа по всей России, рожденных для околпачивания легковверных людей. Сейчас некоторые управляющие этих банков и горе-компаний либо в розыске, либо на государственной жилплощади коммунальных квартир ютятся под надзором, по специальной диете питаются, а дензнаки тью-тью, исчезли, как корова языком слизала. В нашей стране отчего-то деньги не имеют привычку долго задерживаться у людей: то не дремлющая власть-затейница девальвации устраивает — обрезание нулей, то инфляцию в виде удорожания всего мыслимого съедобного и несъедобного, а также услуг-заслуг коммунального сектора, или просто разовый черненький вторничек для поддержания формы кошелька «особо страждущих».

Нетвердой походкой подошел к скамье еще не старый, интеллигент-



ного вида мужчина, с расстегнутым воротом рубахи. В руке он держал открытую флягу, к которой периодически прикладывался. Видно было, как трудно ему удержать обиженную душу, желающую поделиться своим горем со всем миром. Но, не найдя по близости собеседника, прохожий, зацепившись за столб фонаря, начал изливать ему боль:

— Ушла, стерва!— сказал он про жену.— К Сашке ушла. И чего ей не хватало: квартира есть, машина есть, на курорт каждый год ее возят, одета как королева. А что детей нет, так сама виновата. Для себя хотела пожить, поэтому и на аборты бегала. И правильно маманя, покойница, мне говорила, да я дурак молодой — не слушал ее, что не доведет до добра эта любовь. Не пара тебе эта свистушка и стриклистка. В голове у нее ветер и никакой основательности в жизни. Ах, маманя, прости, давно не навещал. Оградку надо бы поправить, покрасить, участок почистить, да глазки анютины посадить. Жена бы все сама сделала...

Фонарь с удивлением и недоверием мигнул. А мужчина продолжил бубнить:

— Да, встречался я с одной, ну и что? Так если каждое утро до самой серебряной свадьбы спрашивать: «Кофею будешь?» и упрекать, что я безрукий, а хозяйство наше в разоре, что все на ней висит: и дом с сантехникой и светом, и дача с копкой, прополкой. Не из угла же в угол ей слоняться, безработной.

Слегка успокоив себя общением с безмолвным Светильником и запив горький осадок от своих переживаний оставшимся спиртным, запинаясь, нога за ногу, интеллигент сиротливо побрел домой.

Боязливо озираясь по сторонам, чтобы не столкнуться нос к носу с какой-либо знакомой личностью, на скамью присела влюбленная парочка средних лет. Он долго клялся ей в любви театрально-прочувствованным голосом, с блестящими от слез глазами, целовал ее в нос, щеки и, наконец, губы. Она обиженно смотрела вдаль и гордо молчала, потом зябко передернула плечами, подула на руки и встала с намерением уйти. В довершение к тому, как бы подгоняя джентльмена с окончательным решением, на другом конце аллеи начался нарочито громкий разговор с употреблением не нормативной лексики. Парочка, решив не испытывать судьбу, упорхнула. Плафон качнулся и осветил стайку юнцов «под парами», с остатками «горючего» в руках. Увидев скамейку, компания бросилась занимать места. Шустрая, долговязая, угрюмая деваха с распущенными волосами цвета свежей морковки, точь-в-точь как в рекламе заграничного шампуня, встала у фонарного столба, изображая из



себя порнозвезду. Компания одобрительно загыкала и дружно заплодировала. Закурили, смачно пляясь и матерясь не к месту, а так, для связи слов в предложении. От скуки попытались подраться, но раж куда-то улетучился, дополнительный алкоголь, расслабил всех и объединил, отчего-то стало лень метелить руками попусту. Чья-то «сметливая» голова придумала соревнование на меткость — кто сумеет бутылкой разбить лампу фонаря. Вскоре округа огласилась жалобным звоном обреченной. Так с третьей попытки не очень меткого стрелка Фонарь надолго ослеп, и ему стало совершенно безразлично происходящее внизу.

Веселая компания, воя что-то реповое, удалилась за новыми приключениями. А бедный островок весеннего парка, изгаженный осколками битых бутылок, докуренными до фильтра сигаретами, плевками и невесть откуда взявшимися скомканными серебряными шариками фантиков, остался без такого уютного, словно домашнего торшера, мягкого света уличного Фонаря...

РАКУШКА

Благодатное тепло еще щедро струилось в атмосферу, но лето уже уходило. Это было заметно лишь наметанному взгляду старожил. Жухлые листья пальм и поникшая придорожная зелень, прохлада, сменявшая удушливый ночной зной, случайные проливные дожди. Наступил сезон муссонов, и целая эскадра парусников вольготно чувствовала себя в открытом море. Чайки, похожие на кур, чинно бродили по берегу, разминая конечности, но вдруг, как по команде, услышав гудок парохода, «снялись с якоря».

Девушка двигалась медленно, будто плыла. Изредка она останавливалась и глубоко вдыхала морской, пьянящий свежестью, воздух. Маленькие ступни продавливали мокрый песок, оставляя четкие ровные следы. Неугомонный ветер нервно перебирал русые волосы, то закручивая, то раскручивая, то беспомощно роняя пушистые легкие пряди на загорелые плечи.

Отлив. Море горестно вздыхало, словно огромное потревоженное животное. Время от времени, слегка пенясь, волна швыряла на берег гальку и мелкие домики-ракушки без обитателей. Спустя секунду, оно, спохватясь, «жадничая», вырывало из рук и тащило обратно свои «подарки».



Девушка собирала небольшие, обточенные кусочки раковин, напоминавшие костяные пуговицы без дырочек. Ей непременно хотелось смастерить что-нибудь своими руками на память о море. Набрав морских даров, она еле сомкнула пальцы в кулак.

Вдруг гуляющая увидела странную ракушку. Величиной со среднее яблоко, круглая, нежно розовая изнутри, покрытая снаружи красным крапом, окруженная светящимся ореолом, она производила впечатление диковинной лампы, и потому была видна издалека.

Девушка, как замороженная, бережно взяла в руки ракушку, отошла от воды и приложила находку к уху, ожидая услышать шум прибоя. Но владелицу необычайной находки буквально окутала неземная, незнакомая музыка. Девушка оглянулась узнать, чья это изысканная шутка. Но пустынный берег не помог разгадать загадку.

Она снова приложила ракушку к уху, и музыка заставила ее затрепетать от восторга. Потом показалось, что мелодичное звучание неведомых инструментов, убаюкивает.

«Мистика какая-то! В наш век прогресса таких чудес не бывает! Может, ракушка-мутантка?»— подумала девушка и направилась в город. «Отчего же не бывает»,— кто-то чужой будто журчал в ее голове. «Наверно, перегрелась и тихо схожу с ума»,— обеспокоено подумала девушка. «Нет,— продолжала неведомая ей собеседница,— это говорю с тобой я, твое хорошее несбывшееся желание, загаданное на падающую звезду. Меня приютило море и, превратив в музыкальную целебную ракушку, долго хранило в своих прохладных объятьях, чтобы мудрость и доброта настаивались во мне, как вино».

«Скажи, а что происходит со звездами, на которые люди загадывают злые, несправедливые желания?»

«Незавидна их судьба,— снова зажурчала раковина.— Звезды те падают на землю, в море, создавая ураганы, смерчи, тайфуны, землетрясения по принципу цепной реакции. Помни, дитя, даже маленькое зло, многократно отражаясь, дробясь в каждой капле воды, способно принести миру неисчислимые беды!»





Вячеслав МИХАЙЛОВ

(г. Тула)



Родился в г. Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликовано более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», сборнике «Иван-озеро», журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег».

ОБМОРОК В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Накануне прошел дождь проливной, и Рожков решил, как обычно, не рисковать, поберечь автомобиль и ехать на свою любимую загородную дачу на электричке. Время было полуденное, свободных мест предостаточно — не то что утром, когда припозднившиеся дачники стоят в проходе.

В душноватом разогретом июльским солнцем вагоне пассажиры нетерпеливо ожидали, когда уже электричка тронется и освежит ветерок, захваченный приоткрытыми окнами. Рожков листал газету-толстушку, помахивая ею время от времени перед лицом, как веером. Всего час и он окунется в дивный хвойно-березовый аромат, смягченный протекающей недалеко рекой. Благодать! Вокруг усаживались новые вошедшие. Окидывая их любопытствующим взглядом, заметил восточную женщину лет сорока, одиноко сидевшую в соседнем ряду у окна. Не мог не обратить на нее внимания — ведь родился, вырос, долгие годы жил и работал в Средней Азии и лишь пять лет назад переехал в Россию в числе многих тысяч русских, вереницей потянувшихся на земли дедов и отцов после того, как Советского Союза не стало. Все восточное непроизвольно привлекало.

Присмотревшись к ее лицу, предположил — скорее всего, это узбечка с северо-запада Узбекистана: глаза у нее слегка раскосые. Обитатели тех мест издавна соседствовали с каракалпаками и казахами, роднились, переселялись на сопредельные земли, возвращались обратно. Скрытно вглядываясь, продолжал изучать женщину, анализировать и размышлять: «Одега строго, но современно, едет одна — значит, вряд ли из домохозяйек — у них наряды попроще и не поедут в одиночку в общественном транспорте: язык неважно знают, побаиваются — пристанет кто, обидит. Нет, эта, видимо, сама зарабатывает... Может, на рынке вещевом торгует? Хотя не исключено, что по служебной надобности здесь или в гостях... Неуютно и ей, похоже, одной пускаться в дорогу, черноволосой и черноокой — вон усталилась в окно, не отворачивается. А что там гля-



дети — люди по платформе снуют да поезд на противоположном пути стоит проходящий. Эх, времечко — столько опасений и недоверия посеяно между людьми, недавно еще жившими в одном большом доме, уютном и дружелюбном, чтоб не ввали про него».

Электричка отправилась. После второй остановки в салоне вагона появился машинист и быстрым шагом, с видимым беспокойством на лице, прошел в следующий, хвостовой вагон. На очередной станции, во время остановки, пассажиры увидели того же машиниста, бегущего по платформе назад, в голову электрички. Стало понятно — что-то случилось. Это подтвердило объявление, раздавшееся почти тут же из салонного динамика и затем еще раз повторенное: «Граждане, в последнем вагоне мужчина потерял сознание. Если есть среди вас медицинские работники, просьба — пройдите туда».

Электричка двинулась дальше. Рожков и другие пассажиры стали переглядываться: «Может среди нас есть медики?» В первые мгновения выходило, что нет. Неожиданно поднялась та самая узбечка (по догадке Рожкова) и направилась в тревожный вагон.

«Вот те на!» — изумился Рожков и в напряжении стал ожидать развязки.

Через минуту туда же торопливо прошли два сосредоточенных возрастных парня. «Тоже наверняка на помощь; пробирались, видимо, из дальних вагонов, — подумал Рожков».

Вскоре они прошагали по салону обратно, а вслед за ними вернулась и узбечка. Она заняла свое место так же тихо, как и удалилась.

— Как там? Вы ж к нему, к мужчине тому ходили, что сознание потерял? — поинтересовалась пожилая дачница — соседка, ерзавшая на сиденье от неведения.

— Судя по пульсу, похоже на сердечный обморок, аритмический, — живо откликнулась узбечка, выговаривая слова со слабым акцентом. — Под голову ему куртку подложила — иначе язык в глотку западет. Шею и грудь протерла влажным платком, холодным — присердечную область взбодрить. Хорошо бутылка минералки ледяной оказалась у соседей.

— И что он?

— Очнулся. Правда, слабость еще не прошла. Но в Терехово — там, машинист сказал, больница есть — ни в какую не хочет сходить. И раньше, говорит, случалось такое, на природе пройдет... Зря упирается. Кардиограмму нужно обязательно. Давление померят, уколят. Тем более, позвонили уже в больницу, скорую вызвали.

— Вы, наверное, кардиолог?

— Нет, я терапевт. Муж у меня кардиолог.



— Проездом или проживаете тут?— не отставала дачница.

— Мы вместе с сыном приехали. Он в здешний университет поступает.

— А сами откуда?

— Из города Ургенча. Это — север Узбекистана.

Дачница продолжила свои расспросы. К ней присоединились еще две женщины, сидящие рядом. Теперь разговор пошел больше про свои болячки, недомогания. Довольная таким вниманием, соединенным с искренней симпатией, узбечка бойко и с удовольствием стрекотала.

Глаза у Рожкова, наблюдавшего эту картину, увлажнились от гордости и умиления: «Ай молодца, ай умница, еш аёл*! А то можно подумать, что у нас из Средней Азии одни только уборщики, торговцы да чернорабочие строительные обретаются... Как же легко исчезает настороженность, недоверие! Как естественно это взаимное притяжение! Не истребили его годы насаждаемого отчуждения. Все пакости шли в ход, чтобы разделить. И преуспели, вражины... Но вот лучик малый добра, участия блеснул — и не было будто этой черноты. Боже мой! Сколько же общего у нас выросло за недолгую сравнительно историю совместной жизни — вопреки очевидным разностям! Сколько невзгод пережито сообща, а сколько радостей было!».

Рожков отлетел в свое прошлое, безотчетно извлекая из памяти отдельные виды, фрагменты: школа в Бухаре, рыбалка в верховьях Волги у дедушки с бабушкой, институтский стройотряд в Тобольске, сооружение высокогорной гидроэлектростанции на Вахше, ташкентский НИИ, смерть и могила отца в Ташкенте, мучительный отъезд с семьей в Россию, поиски работы, унижительная процедура получения гражданства и, наконец, обретение новых смыслов. Вспомнились опять слова одного почтенного узбека, произнесенные на поминках отца: «Витя, не забудь, что я тебе скажу. Не потому, что поминки, нет... Многие русские теперь уезжают из Узбекистана. И это будет продолжаться. Так повернулось против желания простых людей... Ты, наверное, тоже уедешь. Я хочу, чтобы русские оставались. Знай, узбеки уважают русских потому, что живут рядом с такими русскими, как твой отец».

Встрепенул, когда электричка уже остановилась на его станции, и прозвучало ее наименование. Мигом схватил сумку, рванулся к выходу и успел проскочить через закрывающиеся двери.

Идя по лесной тропинке к даче, Рожков благодарил Бога, что дал познать счастье и на пустынной, жаркой родине, и в бескрайнем отечестве, разлаженном, в который раз жутко ослабленном, но чудным образом несокрушимом и своем, непередаваемо своем.

* Ёш аёл — молодая женщина (узб.)



Сергей ЛЕБЕДЕВ

(г. Тольятти Самарской области)



Родился в 1949 г. в Рязанской обл. Окончил в 1972 г. Куйбышевский политехнический институт по специальности химик-технолог. Дипломант и лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со д. р. Н.А. Некрасова, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова, лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей». Член РСПЛ, член СПР.

ДВА ПАТРОНА

Рассказ

Солнце еще не поднялось над деревьями, но легкий ветерок уже пробежался по листве. Затренькали в прибрежных кустах проснувшиеся птицы. Вот проплыла, крикая во все горло, не стесняясь, утка. За ней, вытянувшись в шеренгу, спешил в тихую заводь выводок коричневых комочков. Заметив меня, утка что-то недовольно сказала на своем резком наречии, утята торопливо заработали лапками, стараясь быть поближе к ней.

Но вот солнце уверенно осветило деревья на противоположном берегу озера, птицы закричали громче, им подпевали своим нудным фальцетом надоедливые комары. Позади меня, в кустах, что-то зашуршало, завозилось, и на тропу выкатился небольшой детеныш выдры. Не ожидая встретить незнакомца на тропе, он на какое-то мгновение замер, а потом опрометью побежал по кустам вдоль озера. При этом продолжал недовольно ворчать, фыркать и, наконец, затих где-то в чаще прибрежных зарослей.

Лишь только утреннее солнце коснулось вершин деревьев, росших на берегу, поплавок моей удочки вздрогнул, медленно поплыл в сторону и лег на бок. Я резко подсек и почувствовал в глубине воды приятную тяжесть, медленно подвел карася к берегу и вытащил на прибрежную траву. В зелени осоки золотилось его толстое, почти круглое неповоротливое тело.

И тут же из-за кустов раздался плеск воды и повеяло табачным дымом. Не один я, оказывается, поднялся в предрассветную рань, чтобы



испытать рыбацкое счастье.

Поймав еще несколько мелких карасей, я заскучал. Поплавок моей удочки, как замороженный, стоял неподвижно. Солнце вышло из-за деревьев, повисло над озером. Легкий ветер погнал ряску, обрывки водяных елочек. Раннее утро подарило мне еще двух более-менее крупных карасей.

И вот солнце заиграло яркими бликами на глади озера, там, где не было ряски, и вода пошла мелкой рябью от легкого ветерка. Начиналась дневная июньская жара. А за кустами нет-нет да и заплещется на поверхности воды пойманная рыба. Часа через полтора этот заворачивающий, да и чего греха таить, раздражающий плеск прекратился, и я услышал, что по тропинке, идущей по берегу озера, кто-то приближается.

Из-за высоких кустов тальника вышел крепкий, высокий мужчина и, улыбаясь, поздоровался со мной. В садке у него трепыхалось десятка два довольно увесистых карасей. Присев рядом на траву, он закурил, мы начали разговор. Конечно же, о рыбалке. И как это часто бывает, разговор душевный сразу перешел на дружеское «ты».

— Вижу, ты — городской, не знаешь всех наших рыбацких хитростей, а я тут в округе все озера облазил, знаю их как свои пять пальцев и по части карася нет мне равных в деревне. Нет, не хваюсь, а говорю так, как есть на самом деле. Да ты и мужиков наших спроси, всякий скажет, мол, Николай Коротков — первый рыбак в округе.

Сам не знаю, то ли способности у меня к рыбалке какие-то особенные, то ли помогает мне Господь, но, в самом деле, в деревне я — самый уловистый. Хоть на реке, хоть на озере. Не было случая в моей жизни, чтобы домой возвращался без улова. Иногда сижу и думаю, уж не Божий ли это промысел? Не он ли меня избрал своим рыбаком. Ты не смейся, а ведь дело серьезное было когда-то, я и зарок дал после того случая. Хочешь, расскажу?

— А почему не послушать доброго человека? День разыгрался, клев закончился.

Слушая Николая, я заметил одну особенность в его манере разговаривать. Он все время улыбался. И надо сказать, его приветливая улыбка на красивом русском лице заворачивала своей незамысловатой простотой, своей деревенской открытостью. Приятно было смотреть на его лицо, открытые для собеседника глаза, которые он не прятал, а при разговоре смотрел прямо, доверчиво. Человек не хитрил, не



пытался прихвастнуть, а просто рассказывал мне, только что встреченному, как старому знакомому.

— Служил я в начале восьмидесятых в Чехословакии. Служба как служба. Стрелок Советской армии. Остались, конечно, приятные воспоминания от заграницы — матрацы и подушки солдатских коек наполнены поролоном, деньги назывались кронами. Тратили мы их шикарно. В гарнизонном магазине были и яблоки, и виноград, и груши. А уж конфеты, которые там продавались, я увидел впервые в жизни.

Разные картины солдатской службы вспоминаются мне порой. Это и первый наряд вне очереди за распушенный ремень в строю. Пришлось мне полночи после отбоя драить полы и раковины в умывальнике. Это и дикие радости дембелей, когда они за полчаса до подъема гоняли по казарме пустое ведро с криками: «Мы сегодня едем домой!»

Но не о том хочу тебе рассказать. Через полгода службы попал я «молодым» в командировку. Охраняли мы какие-то склады в лесу. Через двое суток на третьи в карауле. «Молодым» самые «лучшие» часы — только ночью. Да и в дни отдыха не давали нам, «сапогам», спокойной жизни. Иди туда, принеси то, сделай это. Никто и не думал пикнуть, что полностью нарушается устав караульной службы. Поэтому и ждали мы с нетерпением следующего призыва. Чтобы стать полноправными «черпаками» и уже не быть на побегушках у «дедов».

Так вот, однажды так замотали, что перед караулом почти не спал две ночи, а в карауле опять — часы «молодых» или «салабонов». Сменили меня под утро, я и упал в караулке, как убитый, на топчан. Какие уж тут сны, они в армии, кстати, мне вообще не снились. Ночи короткие — не успел раздеться, упасть в койку и мгновенно уснуть, как тут же душераздирающий крик дневального: «Подъем!»

Так и после караула — только вроде уснул, но чувствую, что уже просыпаюсь от того, что трясут меня за плечи, и кричат: «Вставай, салага!» Раздирая глаза, я вскочил с топчана, совершенно не понимая, что происходит. Увидел перед собой начкара — старшего лейтенанта — и вытянулся по струнке.

— Где оружие, боец?

Я непонимающе тарасил на него глаза, не соображая, о чем это он?

— Где оружие твое, говорю, — автомат и штык-нож?

Оружия не было, это я сразу понял, лишь бросив взгляд на топчан, на котором спал, не раздеваясь, в сапогах. Когда ложился, снял с рем-



ня штык-нож и положил рядом с автоматом около себя, магазин в подсумке тоже пристроил рядом.

— Ну, ты у меня теперь загремишь по полной, салага!» — старший лейтенант кричал и брызгал слюной.

Рук, конечно, не распускал. Тогда офицеры еще не трогали солдат, отдавали на откуп сержантам да прапорщикам. Началось это позже, лет через десять после того, как я отслужил.

— Пошел с глаз моих. Если до вечера не найдешь, суши сухари!

Куда идти? Вышел я из комнаты отдыха в караулку и чувствую — здесь меня уже ждали.

— Ну, что, Коля,— спрашивают,— проспал оружие, не оправдал звание советского солдата?

Молчу. Потому что не знаю, что ответить, о чем попросить? Но сам нутром чувствую — неспроста это все! И рожи у них такие довольные, как будто ждут от меня чего-то.

— Ну, что, деньги есть?

И ты знаешь, после этого вопроса у меня в голове, как будто прояснилось. «Вот, думаю, мое спасение! Выпить им, козлам, захотелось. Подловили они меня, как мальчишку». Подумав об этом, я даже улыбнулся непроизвольно.

— Ты особенно не шершься,— говорит прапорщик,— так легко не отделаешься. У меня тут два патрона калибра 5,45 завалились, сходим мы с тобой на охоту.

А надо тебе признаться, что лучше меня в роте никто не стрелял. Сам даже не пойму, откуда у меня такие способности в армии открылись. До службы я в руках ружья, а уж тем более винтовки, никогда не держал. А когда началась огневая подготовка, стал стрелять довольно прилично. Без хвастовства скажу — меньше «восьмерки» в моих мишенях не было.

Вот прапор и решил этим воспользоваться. Вокруг складов, которые мы охраняли,— сплошные леса, а дичь в них была совершенно непуганая. Сам видел, когда стоял в карауле — то косясь проскочит, а то и олень благородный мимо пробежит, они там живут, как в вольере зоопарка, никто их не трогает.

В общем, взял прапорщик автомат АК-74, и пошли мы с ним в сторону большой поляны, которая, словно поле, раскинулась примерно в километре от наших складов. Зарядил он одним патроном автомат и подает



мне. Залегли мы в зарослях орешника на краю поляны. Утро уже было, часов семь. Поляна освещена солнцем, просматривается на всю ширину, птицы вовсю поют, кричат и щебечут. И вот видим — выходят! Ты понимаешь, эту картину не забуду до конца своей жизни. До того красиво и величественно они шли. Мне даже трудно словами описать это шествие. Впереди шел благородный олень с высоко поднятой головой, на которой он нес свое величие — ветвистые рога. А за ним шагали три самки. На поляне трава высокая, но очень хорошо они были видны. Стройные, изящные животные с широкой грудью, с живыми глазами. Спокойно идут, не подозревая ничего. Расстояние до них — метров семьдесят.

— Стреляй,— шепчет прапорщик.

— Не могу,— отвечаю,— руки дрожат.

— Стреляй, салага, куда мне теперь патроны? В небо палить? Стреляй, гад! Целься в самца! Бей в голову.

А солнце уже над деревьями поднялось, и хоть расстояние довольно приличное, но я вижу, как блестят глаза оленя. И смотрит он в мою сторону. И мне даже показалось прямо в мои глаза. Видно, что олень молодой, рога, хоть и ветвистые, но еще небольшие, да и ростом чуть побольше самок. Шерсть красновато-бурая, но немного с сероватым оттенком. В общем, залюбовался этой утренней восхитительной красотой.

— Стреляй! Чего засмотрелся, уйдут ведь!— шепчет со злобой и толкает меня в бок прапорщик.

Прицеливаюсь спокойно, как на стрельбище. Но не в лоб, а чуть пониже, в шею. Олень, ничего не подозревая, продолжает смотреть в нашу сторону. Выстрел! Только и заметил, как олень, откинув голову назад, взмахнул рогами и повалился. По спинам самок дрожь пробежала, они резко прыгнули в сторону леса и скрылись между деревьями.

Мы вскочили и бегом к оленю через поляну. Когда подбежали, и я взглянул на него, не поверишь, мне показалось, что он по-прежнему глядит в мои глаза. А в них немой вопрос «За что же ты меня?» Но какой там вопрос? Убит был наповал, просто глаза были открыты. Пуля вошла оленю в шею, а вышла через заднее бедро.

У меня слезы навернулись, дрожь пробила, в голове замутилось... Не поверишь, но я даже заплакал. И сам где-то в глубине души, будто оправдываясь, шепчу: «Ну, не мог не стрелять, не мог...»

— Кончай сопли пускать, боец. Давай, бери за ноги и в кусты! Ладно, успокойся, это — наше мясо и больше ничего. Килограммов



сто пятьдесят будет живого, теперь уже мертвого, веса. На весь караул хватит на три дня.

Оттащили мы оленя в кусты, он, действительно, был не очень крупным. Прапорщик говорит:

— У нас есть время до караула, надо бы еще одного завалить. Подождем.

Те полчаса, которые мы с ним ждали в засаде, для меня показались такими тягучими и тяжелыми, как будто присутствовал я на похоронах родного человека. Но как ни просил в душе, чтобы не было больше оленей, видим, как выходят на поляну три молодых самца. Автомат у меня в руках.

— Стреляй!— чуть ли не кричит прапорщик и, как и в первый раз, толкает меня в бок с нетерпением.— Бей!

— Не буду, сам стреляй!— и отталкиваю от себя автомат.— Не хочу я!

Он ничего не сказал, выхватил у меня из рук автомат. Прицелился. Выстрелил. Вижу, что олень, который стоял ближе всех к нам, отскочил в сторону, прыгнул, но не упал, а бросился в лес. Остальные, не раздумывая, вдогонку за ним.

Ты не поверишь, но с тех пор не могу забыть открытые глаза того, убитого мною оленя. Они не отпускают меня. С этим и живу. Но именно после этого случая я сказал себе: «Никогда не буду охотиться и стрелять в живого зверя! Только рыбу буду ловить! Ведь в воде не видишь ее, да и она сама ведь на крючок идет». Сказал, как обет принял.

А вернувшись после армии в деревню, вдруг почувствовал — будто кто одарил меня способностями к рыбалке. Ведь когда я забрасываю удочку, то не могу заставить рыбу брать наживку, все происходит без моего участия. Хочет — берет, а не хочет — не берет. Но не было еще случая, чтобы я без рыбы домой возвращался. Даже в такие дни, когда ни у кого не клюет, обязательно, хоть немного, но поймаю. Мужики в деревне смеются: «Ты у нас, Николай, заговор знаешь, вот и ловится рыба только на твою удочку». А и то — правда, хоть на реку пойду, хоть на озеро, всегда с уловом домой возвращаюсь.

Мой собеседник улыбнулся, вытащил из своего садка пять самых крупных карасей, бросил их на траву.

— Возьми, с добрым сердцем отдаю, твой улов-то нынче не очень богат.

Когда он уходил, я, глядя вслед, подумал, что случающиеся порой обстоятельства ставят нас в такие условия, что мы принимаем решения, изменяющие не только наши взгляды, но и сам образ жизни.



Олег СЕВРЮКОВ

(г. Москва)



Родился в г. Липецке. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат премии Ленинского комсомола, кандидат технических наук. В настоящее время доцент НИЯУ МИФИ, Москва. Лауреат литературных премий имени Ярослава Смелякова (2010 г.) и Роберта Рождественского (2013 г.).

МАЛЬЧИК И СТАРИК

Новелла

Их двое в полупустой квартире: старик и мальчик. Вечер. Городишко маленький, поэтому вместе с сумерками приходит и тишина. От фонаря за окном кажется лакированно-блестящей бутылка дешевого портвейна, неровные блики, просеянные сквозь листву растущего у дома тополя, неслышно шевелятся на клеенке, которой покрыт стол.

Мальчик боится зажигать свет: полупустые комнаты станут еще чище, еще страшнее. Он жмет к старику, но ничего не говорит. Когда старик разливает вино по стаканам, мальчику чудится, что кто-то рядом лопочет бессвязно, и он вздрагивает в испуге, но быстро успокаивается — это бормочет старик.

Старик берет свой стакан и долго-долго молчит, глядя куда-то в угол.

— Ну, давай помянем маму твою, Андрюша... Чтоб душе ее там легко было. И уже подносит стакан к губам, как вдруг замечает, что мальчик тянется к нему своим стаканчиком.

— Нет, брат, чокаться нельзя,— говорит старик и разом выпивает.

Пьет и мальчик. Неумело, захлебываясь, задыхаясь от резкого неприятного запаха, он глотает вино. Внутри все начинает гореть, на глаза наворачиваются слезы. Старик сует ему кусок хлеба с салом:

— На-ко, закуси, легче станет.

И впрямь, жжение проходит, оставляя приятную теплоту. Мальчик стирает выступившие слезы. Голова слегка кружится; страхи куда-то подевались и мальчику хочется сказать старику что-то хорошее. Он



смешно вытягивает тонкую шейку, на которой, как и на щеках, проступили красные пятна, и говорит:

— А знаешь, деда, я совсем не плакал, когда маму хоронил (он так и говорит «хоронил» а не хоронили).— Даже когда поцеловал ее!..— и он ждет что старик похвалит его.

Старик треплет мальчика по плечу:

— Ты молодец. Крепкий. Стерпел.

Мальчику похвала приятна, но ему хочется чего-то большего:

— Деда,— спрашивает он,— а ты плакал, когда твоя мама умерла? Тебе страшно было?— и еще какие-то вопросы задает он заплетаящимся от усталости и выпитого вина языком...

Старик что-то отвечает, но мальчик уже не слышит. Привалившись к плечу деда, он спит, и головка его клонится все ниже и ниже, пока, наконец, он весь не падает к старику на колени. Старик, допивавший остатки вина, было поперхнулся, но быстро унимает кашель; сует в рот кусочек хлеба, бережно берет мальчика на руки и относит в кровать. Потом, не спеша, раздевается и ложится сам.

Ночью мальчику снятся брат, дедушка с бабушкой. Вот они в комнате.

Оживленно говорят, потом вдруг все разом исчезают, и неизвестно откуда появляется мама. Она обводит комнату невидящим взглядом, пересекает ее, едва не задев мальчика, и направляется к выходу. Двери распахиваются сами, за ними снова комната, в конце ее еще одни двери, потом еще комната и еще двери... Мальчик видит, как мама медленно уходит, но не может сдвинуться с места: рук не поднять, ноги точно приросли к полу...

Он кричит...— и просыпается. Несколько минут мальчик лежит, боясь даже пошевелиться; но понемногу глаза начинают различать знакомые вещи: книжную полку, коврик на стене, будильник. Близкое похрапывание старика успокаивает мальчика окончательно, и он снова засыпает.

...А люди все идут и идут. Еще бы — станут ли торговаться, продавая вещи умершей? Но старик, несмотря на кажущуюся простоту, настойчив, в меру хитер. Мальчику эта процедура интересна и неприятна одновременно. Интересна потому, что — суэта, разные лица, разговоры. Неприятна — многие вещи напоминают мать. Вот ковер, он висел над ее кроватью. Его купила знакомая мальчику женщина. Не то подруга, не то сослуживица. Вздыхая и глядя на мальчика у-



лажившимися глазами, она торговалась со стариком. Рука ее гладила голову мальчика:

— Бедный сиротка, несчастненький!.. — и всякий раз, когда старик называл большую, чем ей хотелось цену, больно дергала мальчика за волосы.

Быстро продаются большие и дорогие вещи: сервант, спальный гарнитур, трюмо, книжный шкаф, шуба... Медленнее и неохотнее покупаются те, что поменьше. Снова и снова бесцеремонно трогают, щупают, мнут; бесцеремонно входят и выходят знакомые и незнакомые люди.

«Для памяти...», «в память о...», «на память...» — только и слышится на разные голоса. А главное — подешевле. К концу дня у мальчика начинает болеть голова, у старика прихватывает сердце. Он то и дело морщится, иногда хватается левой рукой за грудь. В один из моментов, когда никого нет, мальчик пишет что-то неровными буквами на листе бумаги и прикалывает его кнопкой на дверь с наружной стороны. Потом, довольный своей выдумкой, запирает дверь на ключ. Он написал: «Закрыто на учет»

Старик сидит на одном из двух оставшихся стульев и тяжело дышит. Мальчик обнимает его:

— Устал, деда? Ничего, я дверь закрыл, больше не придут. Старик улыбается и треплет мальчишку по худенькому плечу.

...Снова вечер. Мальчик сосредоточенно копается в немногих оставшихся вещах. Среди них — ящик с безделушками, фотографиями, бумагами. Старик на кухне считает деньги. Он уже немного хватил из стоящей перед ним бутылки, и поэтому его крупный пористый нос покраснел, глаза под клочковатыми, тронутыми сединой, бровями весело блестят.

— Слышь, Андрюшка! — чересчур громко кричит он, — за две тыщи перевалило!.. Эдак ты у меня миллионером станешь! — он подмаргивает самому себе и наливает в стопку ровно столько, сколько необходимо, чтобы взять ее трясущейся рукой и донести до рта, не расплескав. Крякнув и закусив, он продолжает:

— Вот положим их на книжку, и они начнут расти! Ты растешь — они растут. О-ох, Андрюшка, много денег будет, когда вырастешь!.. И на свадьбу и на обзаведенье хватит!..

Но мальчик не слышит. Он выкопал из вороха бумаг общую тетрадь в коричневом переплете. Страницы ее тесно исписаны знакомым маминым почерком. Мальчик раскрывает наугад и пробегает глазами



страницу. Даты, даты... Дневник? Похоже. Мальчик, почти бездумно скользя взглядом по строчкам, вдруг мгновенно бледнеет, лоб его покрывается холодным потом, большие и ясные глаза останавливаются, омертвев, будто залитые стеклом. Мальчик читает:

— «Господи, какое это странно-сладкое ощущение — смерть! Сначала страшно, больно, веревка сжимает горло, душит; боль раздражает грудь — хочется воздуха, воздуха! — но потом сразу, вдруг наступает блаженство, тело становится легким-легким, исчезает противный шум в ушах и ты летишь, летишь куда-то; ощущение такое, как будто кто-то большой и нежный взял в ладонь твою истерзанную душу и баюкает ее ласково и осторожно... Но вдруг все пропало!.. Как жаль, что этот гвоздь не выдержал...»

Дальше мальчик читать не может. Он внезапно теряет сознание и падает головой вперед, ударяясь о ящик, но боли не чувствует. В себя он приходит уже в кровати, с мокрым полотенцем на лбу. Старик сидит напротив. Он смотрит на мальчика, не мигая, по щекам его медленно текут слезы.

— Деда, не плачь, — тихо шепчет мальчик, — видишь, все в порядке, я сейчас встану!..

Он делает попытку подняться, но комната поворачивается набок, потом пол и потолок меняются местами, и мальчик, снова теряя сознание, вместе с кроватью летит неизвестно куда...

Он не знает, что нервная горячка надолго уложит его в постель, что болезнь оставит ему столько сил, сколько хватает, чтобы улыбаться одними губами приходящему его навестить старику. Но это не беда, мальчик поправится, вернется к жизни и будет знать о том, что произошло: ему расскажут. А потом он вспомнит все сам.

Лишь одного никогда так и не узнает мальчик — что в тот день, в тот час ушло куда-то его детство.

Вот почему с тех пор он никогда не плачет. Его считают странным, и мало кто дружит с ним. А старик, поздно вечером, когда все уже спят, садится у кровати мальчика, смотрит в упор на его даже во сне не по возрасту серьезное лицо и что-то бормочет бессвязно и глухо.





Людмила ПЕНЬКОВА

(г. Тула)



Автор двух поэтических книг. Публикуется в коллективных сборниках Регионального Общественного Фонда содействия и развития современной поэзии "Светоч" (Москва) и в альманахе «Ковчег».

НЕЖНОСТЬ

Моя мамочка самая лучшая на свете. Я ее очень сильно люблю. Не секрет, что так же скажут о своих мамах все любящие дочери и сыновья.

Моя мамочка — ласковое солнышко, аленький цветочек, заботливый доктор, умный советчик, безоблачное небо и прекрасная музыка. Мелодия маминого сердца — божественные волшебные звуки любви. Это и самая первая колыбельная песенка, которую я слышала, будучи, совершенно крошечным существом, находящимся на планете Земля в мамином организме. В нежности звучания родного сердца я радостно и быстро росла, пока не пришло время оставить необычайно уютное материнское гнездышко и выпорхнуть в самостоятельную жизнь. Сначала вся моя самостоятельность сводилась к умению напитать себя грудным молочком. Не всегда это получалось без слез. Мамочка ласково гладила меня по головке, и от маминых рук тоже текла музыка ее сердца: теплая сладкая лечебная мелодия маминой любви. Мамины руки нежнее шелка, несмотря на то, что годы изрядно иссушили кожу на них, маме уже восемьдесят лет. Для меня она остается прежней, любимой и молодой! Молодость — это не пляска мини юбок и высокие каблуки! Молодость — внутреннее сияние души, горячее желание жить, отдавая и получая радость каждое мгновение жизни. Остальное все суета. Я всегда считала свою маму мудрым человеком, а с годами убедилась в том, что ее видение той или иной жизненной ситуации оказывается самым ясным, правильным и безопасным для меня. Материнское сердце обладает особенной силой предчувствия, защитными свойствами оберега. Ни расстояние между нами (я вышла замуж за офицера), ни годы не смогли ослабить наши с мамой доверительные, теплые взаимоотношения, мою привязанность к ней. Потребность в общении с мамой, в ее ласке я испытываю постоянно. «Быть дочкой, мама, несравненно, твоею нежностью лечусь, и с благодарным откровеньем я о тебе всегда молюсь...», — писала я в свое время маме.



Елена ГАДЕНОВА

(г. Тула)



Член Союза российских писателей, заместитель председателя Тульского отделения СРП.

КРАПИВНЫЙ БОРЩ

Свое раннее детство в Сибири всегда вспоминаю с улыбкой на лице. Разве можно забыть город Анжеро-Судженск, дом на Пасечной рядом с тайгой, шахты, дорогих мне людей, многочисленную сибирскую родню. Я родилась первой внучкой у моих дедушки и бабушки, родителей моей мамы. Дед Василий Петрович Бондарев прошел всю войну, участвовал в боях под Гжатском, на Курской дуге, дошел до Берлина, был ранен, вернулся без руки, и любовь его ко мне была сверхдоброй. Он долго переживал, когда родители решили уехать жить ближе к Москве. Его жена, в детстве Речкина Мария Фастовна, любила дедушку так сильно, что пример их любви и отношений явился для меня ярким, светлым воспоминанием и маяком на всю жизнь.

Народ России всегда жил и живет очень скромно. Моя удивительная бабушка Мария, родила пятерых детей, один умер из-за болезни в 1943 году, а остальные три дочери и сын были воспитаны в духе терпения, добра и трудолюбия. Мне хочется плакать, вспоминая, как она подходила к дедушке, обнимала его теплой шалью со своих плеч, прижимала к себе и, целуя, тихо плакала. Они всегда были вместе, вместе делали заготовки на зиму, рубили дрова, складывая их в поленицы, ходили в колодец за водой и в магазин, топили печь в доме и в бане, вечерами долго, часами, засиживались на кухне за чаем и негромко разговаривали.

Бабушка была женщиной удивительно талантливой во всем: она умела шить, вязать, варить потрясающие варенья, экономить копейку с пенсии, чтобы помочь хоть немного детям. А еще бабушка Мария великолепно готовила и пекла пироги, которые всегда были у нее в неограниченном количестве, теплые и душистые они лежали в ведерке у печки, накрытые красиво вышитым полотенцем. Ее мудрость удивляла многих жителей Анжерки. Владея знаниями от природы, она травами лечила людей. Растения в засушенном виде хранились в



летнем домике на чердаке. Сухие букетики из ромашек, зверобоя, крапивы и множества других целебных и полезных разнотравий имели божественный запах, и чувство чего-то необычного и таинственного переполняло меня при вдыхании этих сказочных ароматов. А еще бабушка любила готовить щи из квашеной капусты и борщи, но готовила она их не в кастрюле, а в чугунах литров на десять. Когда она брала меня с собой за молодой крапивкой накануне лета, это было незабываемое путешествие. Светило яркое солнце, необычно пели и щебетали птицы, которых появлялось вдруг очень много. Казалось, все происходящее вокруг было сказочным и волшебным. Многие я запомнила из того, чему учила меня бабушка, целебную крапиву она бережно и аккуратно собирала в ровные пучки, рассказывая о дедушке, как он ушел на войну молодым и здоровым, а вернулся больным и почти слепым, но она была готова все ему прощать, главное, что жив и рядом. Она гладила меня по голове, брала на руки и хотела нести по длинному деревянному настилу, но я решительно упорхала обратно, и, крепко держась за ее руку, мы возвращались домой. «Крапивный борщ — особенный, он дает силу и здоровье» — приговаривала бабушка Мария, рассказывая удивительную историю приготовления борща, потом ставила тяжелый чугунок томиться в печь, в самый последний момент забрасывая в него нарезанную крапиву. Красный из-за тонких ломтиков свеклы и молодой крапивы, борщ был самым вкусным борщом на свете. Дедушка, уже сытый и довольный, просил еще добавку, а ел он только из своей фронтовой миски и только фронтовой ложкой, кряхтя и причмокивая, он говорил только одно:

— Марусь, ядреный, сильный борщ...

Далее чугунок ставился в самое прохладное место, и вся семья неделю или больше со сметаной, перцем, чесноком за обе щеки уплетали борщ, нахваливая бабушку и протягивая тарелки за еще одним полным половником.

Мир души этих удивительных и простых людей, как библейские заветы, которые невозможно изменить, являются величайшим хранилищем любви, добра и мудрости, и каждый раз, думая о них, о самом главном и вечном понятии — жизнь, хочется выразить в искреннем восхищении благодарность дедушке Василию Бондареву за Победу! Бабушке Марии — за любовь и терпение! И огромнейшая благодарность русскому борщу из крапивы, который варят и едят на нашей



огромной русской, богатой талантами земле, чтобы быть здоровыми и счастливыми!

ПОРОГИ

Украина понравилась сразу. «Русь святая», — подумала я, подъезжая к Киеву. И в ответ на мои мысли открылась величественная панорама: охраняя небо и землю, над городом возвышался памятник князю Владимиру Великому, что в X столетии крестил киевлян, золотые купола Киево-Печерской лавры и зеленый массив парка, на месте которого до середины XIX столетия росли виноградники. Защемило сердце, и восторженная, особенная нежность пронзила сознание. Русь едина. Как живет ее душа на Украине, чем дышит ее народ? Поезд спокойно тронулся дальше, в сторону города Ямполья, что в Винницкой области, где ждали ответы на вопросы и друзья в небольшом поселке Пороги на берегу Днестра. Жизнь удивительна везде. Удивительна красотой новых открытий, новых впечатлений, а порой дает возможность вернуться в прошлое. И действительно, я оказалась в 80-х годах прошлого века. Спокойствие жителей, чистота на улицах, — на что я обратила внимание сразу. Народ — он везде народ: работает, растит детей, верит в лучшее.

Свое хозяйство — основной источник дохода, которым живет население. В каждом доме есть мясо, сало, хлеб и вино, а главное — огороды, на которых бережно выращивают столь необходимую кукурузу, которая растет везде, и, прежде всего, как корм для скота. А если в доме есть корова, уже не пропадешь. Цивилизация из крупных городов еще не проникла своей коммерческой хваткой, и в Порогах при населении чуть больше двух тысяч человек несколько маленьких магазинчиков, детский сад и школа. Давно не встречает гостей местный дворец культуры, молодежь уезжает жить за границу или в города ближе к Киеву или Москве. Крохотные зарплаты и пенсии сближают с землей, об остальном лучше не мечтать. Нет средств. Украинцы живут скромно, но во дворах чисто, дома выкрашены, и чаще всего, не закрыты на замок двери, а каждая встреча ознаменована самым добрым приветствием, соседи живут дружно. Много было услышано от людей самых разных мнений о политике, о трудностях, о низком социальном уровне и дорогой медицине, но огромная тяга к жизни



делает всех равными, и невероятно добрые воспоминания о советской эпохе: от того, наверное, нет бомжей, и богатеи живут скромнее. Еще было уникальное событие — случилось увидеть Днестр. Река, которая приводит в трепет своей мощью. Движимая ветрами и течениями, она словно от дома к дому несет весть: мы едины в этом мире!.. Но из-за урановых рудников на побережье реки пусто. С утра до вечера жители Порогов слышат гул, по ту сторону реки Молдавия, где круглосуточно работает карьер по дроблению гранита и камня. Но все терпимы по отношению друг к другу. И подтверждение тому долгий смех на свадьбе, когда от всей души украинская сторона — родители и родня жениха — громко и искренне предлагала за большим и богатым столом родне невесты, молдаванам: «Иштэ, иштэ!» Молдаване, только присев за стол, в недоумении вставали, ибо по-молдавски «иштэ» означало «уходите». В итоге смешной казус стал дружеским звеном, объединяющим два народа, две семьи. По-прежнему народные традиции на Украине сохраняются, а главное, подрастающие поколения относятся к старшим с пониманием и уважением.

Неделя пролетела быстро, закрепив желание приехать сюда вновь. Лето было как никогда жарким, но перед самым отъездом молнии ослепили небо, и сплошной дождь лил, не переставая, долго удивляя пассажиров в маршрутке. Громко разговаривали цыгане, смеялись дети, до железнодорожной станции было два часа езды, но всю дорогу сопровождали до боли знакомые песни, исполняемые и на украинском, и на русском языках, вызывая у многих желание подпевать. А традиционная застольная, всеми любимая песня:

*«Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня, моего коня...»*

Пели все вместе, дружно, и на душе было легко, жизнь продолжается...





Галина КЛИНКОВА

(Волгоградская область)



Учитель-словесник. В прошлом — литературный сотрудник в районной газете «Звезда». Автор книги по страницам газет военной поры «Как в прошедшем грядущее зрело...» Печатается в альманахах. Очерк «Мой Лермонтов. Откровения словесника» получил 1-ю премию в конкурсе «Избы-Читальни» (2014 г.)

НЕ ЦЫГАНОЧКА — АЗА

Она появилась у нас в доме совсем неожиданно... Бывшая ученица привезла в подарок, поскольку некуда было девать. И предложила ее мне. Причем так стремительно и — решительно. Я увидела карликового черного пинчера. Маленький, непушистый. Лапки аккуратные кожаные, будто перчаточки. Длинные, похожие на кроличьи, стоячие ушки. Одно из них не выдерживало долгого вертикального положения и падало, что делало фигурку щенка уморительно забавной. На грудке — узкая белая манишка. Все в этой элегантной фигурке привлекало неудержимо. Я погладила шелковистый бочок, взглянула в чего-то ждущие, внимательно взирающие на меня глазки — и дрогнула душа... Вдохнула: «Ну что ж, Лена, пусть остается».

Малышка быстро освоилась в наших пенатах. Порой казалось — это кошечка. Очень тянулась к живому человеческому теплу. Запрыгивала на колени, прижимаясь нежно всем тельцем и умиленно поднимая вверх мордочку... В холодное время года она жила в квартире. А летом — в специальном домике — конуре. Не любила оставаться одна. С природным веселым характером — ей очень нравилось играть. Всегда — в благодушном настроении. Любопытная и каждую минуту готовая к новым проделкам. Требуя общения, громко лаяла. Голосок же звонкий, как колокольчик. Со стороны могло показаться, что лает стая собак. Дочь и сын ее просто обожали. Сколько в ней было энергии!

Я привыкла к тому, что она сопровождает меня всюду — бежит рядом по дорожке. И все же, соотнося себя с образом чеховской дамы с собачкой, смущалась и чувствовала некоторую неловкость.



Однажды во время урока я увидела: из-под парты выглядывает любопытная знакомая мордочка. Выяснить, кто завел ее в класс, было бесполезно. Ученики ее любили. Угощали сладостями. И любовь эта была взаимной. Аза оказалась умным, хитрым и предприимчивым созданием. В классе тепло, сытно и увлекательно. Поэтому присутствие ее здесь случалось неоднократно. Только наступил момент, когда все это закончилось. Возомнив себя хозяйкой в моем предметном кабинете, однажды Аза, как на чужого, залаяла на вошедшего случайно в класс директора школы. Пришлось закрывать ее дома. Но она с этим не соглашалась и протест высказывала по-своему... Вернувшись с работы, я обнаруживала обгрызенную мебель и радостно, с невинным видом устремленные навстречу улыбающиеся глаза. Материальные потери я простила, поскольку любила свое четвероногое сокровище и баловала.

Вот так мы жили — вполне благополучно и счастливо... До того рокового дня, когда случилась трагедия. Как-то очень ранним осенним утром я вышла на крылечко. И — растерялась от неожиданной картины. Совсем рядом, вдоль сетчатого забора, на границе с соседями, мечется моя маленькая Аза и с отчаянным лаем бросается на лису. Между ними шла ожесточенная схватка. Я не знала, что делать. И тут, следом за мной, подоспел на помощь муж...

Незванным агрессивным степным гостем был красивый, молодой степной хищник. Вскоре собачка стала прятаться под лавочку, ничего не пила и не ела. И так миниатюрная, она буквально таяла на глазах. Я встревожилась... По симптомам стало понятно, что это — бешенство. Лис был болен. Нередки случаи в нашей местности, когда «залетные» лисы кусают собаку, заражая ее смертельным недугом. Мы пытались спасти нашу любимицу. Но она умерла...

Горе потери не описать... Плакали все. Тяжело было жить дальше без дорогого члена семьи, неизменно ласкового, верного друга, который всегда находился рядом.

Прошло много лет, но часто вспоминаю Азочку. Ведь она, по сути, спасла и мне жизнь, когда самоотверженно защищала своего крошечного щенка, лежащего тогда в конуре. Если бы не она, я бы встретила с бешеным лисом один на один.

Нет у меня фотографий Азы, но и без них — в памяти навсегда прописан маленький питомец, в груди которого билось большое преданное собачье сердце. Глаза ее, наполненные болью, все понимающие, — до самой последней минуты, — так и стоят передо мной... живые.



Валентина ПИНАЕВСКАЯ

(г. Тула)



Родилась 3 марта 1956 г. в г. Вельске Архангельской обл. Окончила Тульский политехнический институт, инженер-строитель. Член поэтического клуба «Вель» г. Вельска, тульского областного МЛО «Муза» при доме-музее В.В. Вересаева, православного клуба «Ковчег». Публикуется в газетах, журналах, альманахах, московских и тульских литературных сборниках. Дипломант и победитель ряда фестивалей и конкурсов.

ВУЛКАН

Ищу глаза, которые посмотрят на меня с пониманием. Они не судят, не гnevаются, а сопереживают. Ищу в толпе среди прохожих, среди попутчиков в электричке. Любопытство, скука, равнодушие в ответ на мой немой вопрос: «Где вы?!» Может быть, это следствие влияния на человечество века компьютерных технологий? Может, в музее я встречу эти глаза? Хожу по гулким залам Художественного музея. С портретов взгляды надменные, насмешливые или равнодушные. Пусто везде. Пус-то-та! И словно в ответ на мое отчаяние, жизнь посылает долгожданную встречу, которая многое изменит.

Однажды иду из близлежащего продовольственного магазина домой с покупками. Вдруг из-под забора воинской части вылезает щенок и направляется в мою сторону. Какой он смешной, посмотрите! Взьерошенный, цвет шерсти от серого до черного, на передних лапах белые носочки. Одно ухо озорно торчит вверх, второе кокетливо опущено. А глаза! В них и любопытство, и опасение, и желание подружиться. Щенок деловито обнюхивает пакет с продуктами.

— Молоко и хлеб,— говорю ему.

— Да... Колбасы нет,— подтверждают его глаза.

— Я же не знала, что встречу тебя. Хочешь, завтра принесу сосиски? Потерпишь? Ты ведь уже большой, не вчера родился.

— Не вчера. Мне уже 3 месяца,— во взгляде его разочарование сменилось надеждой, и он поспешил обратно к забору.

На следующий день с обещанными сосисками спешу к заветному месту. А вот и ямка под бетонной плитой, откуда появлялся щенок. Решаюсь его позвать:

— Вулкан! Вулкан!— мне пришла на ум эта кличка, так когда-то звали в деревне нашего пса. Щенок не появлялся, и немного подождав, иду по направлению к дому. Звонкое твяканье заставляет оглянуться. Вот он, мой новый знакомый! Радостно виляет хвостом и спрашивает глазами:

— Не обманула? Правда, принесла?



— На, держи. Да не торопись ты!

Щенок в один миг проглотил принесенное угощение.

— Вкусно. Жаль, что маловато!— говорят его озорные глаза.— А завтра придешь?

В ответ улыбаюсь и киваю головой.

— Я назвала тебя Вулканом.

— Ладно. Мне нравится.

За неделю нашего знакомства я рассказала своему другу Вулкану о себе, о том, что заботит и тревожит меня. Несмотря на свой юный возраст, он умел слушать и, казалось, понимал каждое слово. Иногда в его глазах читалось: «Не переживай! Потерпи и все наладится. Вот увидишь!» А иногда: «Не парься! Что ты себя накручиваешь?»

Приближались заморозки, и меня волновала дальнейшая судьба Вулкана.

— Я бы взяла тебя в свою квартиру, ведь живу одна. Только нужно ложиться в больницу, уже и направление дали в поликлинике.

— А что с тобой? Это серьезно?— встревожился Вулкан.

Рассказываю ему, что после травмы образовались в сосудах тромбы и, как следствие, открылась трофическая язва на левой голени.

— Ай-яй! Наверное, очень болит?— посочувствовал щенок.

Я молча кивнула в ответ, и почему-то к горлу подкатил щемящий комок.

— Поправляйся поскорее! Я буду тебя ждать,— и Вулкан мордочкой уткнулся в мои колени.

Две недели тянулись долго и нудно. Анализы, капельницы, уколы, перевязки, обходы лечащего врача-хирурга. За окном — серое небо и дождь, переходящий в снег. Когда в палате выключался свет, становилось тихо и соседки засыпали, просыпалась моя язва, чтобы острием гвоздя вонзаться в ногу и терзать ее. Усилием воли заставляла себя думать о чем-то хорошем и приятном. И сразу вспоминались добрые и понимающие глаза Вулкана, на душе становилось тепло и радостно. «Только дождись меня, только дождись!» — мысленно, как заклинание, умоляла я его. Боль понемногу отступала и в полусне я чувствовала, как щенок прохладным носом прикасался к моей горячей ноге.

Лечение в стационаре закончилось. Выгрузив из такси сумки с больничными вещами, спешу в магазин, так как в холодильнике пусто, не считая бутылки подсолнечного масла и банки с клюквой. Правда, несчастного грызуна, решившегося лишить себя жизни из-за скудного содержимого, я не обнаружила.

Первым делом, покупаю любимые Вулканом сосиски и миску для кормления собаки. «Я буду о нем заботиться, сделаю все необходимые прививки, сошью мягкую подстилку. Утром и вечером мы будем гулять, мне это тоже пойдет на пользу», — так мечтая, подхожу к серому забору воинской части. Надеюсь, что Вулкан меня дождался, он же мне



обещал! Зову его, но щенок не появляется. Отношу домой тяжелую сумку и снова возвращаюсь и зову, зову своего друга. Безрезультатно!

Несколько дней проходит в поисках, слезах, надежде снова увидеть Вулкана, обнять его, подарить разбуженные в глубине души заботу, тепло и любовь. Может, его забрал к себе добрый человек или кто-то увез сторожить дачи?

Грустно и одиноко. Но долго не буду грустить!

Буду искать глаза, которым, как и мне когда-то, требуется понимание!

Татьяна РОГОЖИНА

(г. Тула)



Окончила экономический институт. Работала инженером, экономистом. В настоящее время — предприниматель.

ОТ ИМЕНИ МЕНЯ

Комментарии к портрету

1. ЛЮБИТЕЛЬ ОЛИВОК

Как я вам? Правда, красавец?!

Это меня подружка нашего Мальчика нарисовала. Мне кажется, что я ей нравлюсь. Как зверь, то есть кот.

Кстати, я сначала думал, что слово «кот» это такое человеческое ругательство. Кот, не смей драть обои! Кот, опять воду разлил! Кот, кот, кот! Только потом понял, что это мое родовое название. Короче, я гордый, независимый и жутко умный кот. Но, как говорит моя Хозяйка, немного с брачком.

Сами такого купили.

Ну, да, да, я левша. Но кому это мешает? Левой лапой кушать куда удобней. Подцепишь на коготок хороший кусочек мяса и в пасть. Очень интеллигентно получается.

Чуть не забыл, меня Тигром зовут. Так себе имечко, но и не самое плохое. Соседскую кошку вообще «Чучкой» назвали. Вот где горе горькое! А тут все-таки Тигр. Хотя по натуре я совсем не тигр. Обычно мне лень показывать свой зверский характер. Только когда не по-



нимают. К примеру, я специально выучил несколько человеческих слов. Кричу Хозяйке: «Мама, мало! Мама, мало!» Это я про еду. А она смеется. Пришлось цапнуть за ногу, потому что неприятно. Я старался, слова учил, а она...

Еще обидно, что фамилия досталась мне совсем никудышная. Травкин я. Тигр Травкин.

Забавнее не придумаешь.

Фамилию свою подслушал совсем недавно, в лечебнице, куда мы ездили с Хозяйкой по очень деликатной проблеме. Не скажу по какой. Стесняюсь. Ну, если только шепотом, ... короче, пописать я не мог, из-за песка. Не понимаю, как он в меня попал? Точно знаю, что никакой такой гадости не ел. Одно мясо. А оно у нас с рынка. Из-за него, мяса, я с каждым годом все дорожаю, чем страшно горжусь.

Но не об этом речь.

Напоминаю. Лечебница. Песок. Кошачий доктор у нас спрашивает, как зовут, фамилия, адрес. Тут я чуть усы не растерял от ужаса, когда фамилию свою услышал. Так расстроился, что даже адрес не запомнил и не обратил внимания, как медсестра ко мне подобралась и укол влепила, очень неожиданный для моего организма. Хотя уколы по всем правилам надо ставить (от нашей приходящей Бабушки слышал), а эта, безрукая — влепила. Вся задняя лапа отнялась.

Ладно, не буду о грустном. Лучше расскажу что-нибудь хорошее.

Сегодня утром завтракал шесть раз. Сначала в четыре, на рассвете. По тревоге поднял Хозяйку и объяснил, как мог, чего хочется. Она, хоть и сонная, но поняла все правильно и положила в миску мяса. В пять утра захотел добавки, но встал Хозяин и дал по мягкому ... ой, прошу прощения, короче, по моим мягким штанам прошелся. Полотенцем. Пришлось стиснуть зубы и ждать, когда кто-нибудь окончательно проснется. Но тут приехал со своей ночной работы наш Мальчик и щедро насыпал мне сухой корм. Специальные такие кошачьи печеньки. Это был второй завтрак, полноценный. Потом дали творожка, а в восемь — супчик, еще на десерт попил с Хозяином молока. Из одной чашки. Только он не заметил. В полдевятого выпросил еще немного покушать — про запас, день впереди длинный.

Что-то я все про еду...

Кстати, я бесстрашный. И никакого пылесоса вовсе не боюсь. А под покрывало забираюсь, чтобы поспать в спокойной обстановке.



Рефлекс у меня такой, как только пылесос из кладовки достают, так меня сразу в сон кидает. И что здесь смешного?!

Может, лучше про ум? Да нет, говорил уже. Ну, что два слова выучил...

Остается одна тема — любовь.

Если честно, то мне нравится одна кошечка. Китти зовут. Вся беленькая, а над левым ушком розовый бантик. Сначала я ее по телевизору увидел, а потом наклейку нашел, а там — Она! Отнес под диван, чтобы никто не мешал любоваться. Такой мечтательный сделался...

А Чучка, она иногда в гости заглядывает, надо мной смеется, дразнится «женихом и невестой». Она, конечно, тоже красивая, но вредная, как ... не знаю даже, с чем сравнить. А, вот: как человеческие блондинки. На них Хозяин часто ругается. Стоит ему выехать из двора, так эти вредины сразу начинают ему козни строить. Забывают включать какие-то поворотники.

Скучно все это. И Чучка скучная, поговорить с ней не о чем. Несет обычно всякий бред: про какого-то крутого Ваську на даче, сосиски по сто тридцать рублей и новый ошейник от блох. Со стразами.

Мне это надо?!

Я рассуждать люблю. Особенно когда сидишь на окошке и смотришь в мир. Правда, круг обзора не велик. Зато мыслей много. Философских и так, простеньких.

Вчера вот решил, что я — смешной кот, потому что в полоску, а это весело, и ничего обидного в этом не нашел. Просто глупо изображать из себя потомственного призера всех кошачьих выставок. За чем? Для чего? Это был бы уже не я.

Сегодня волнует мысль другая, а зачем вообще коты на свете живут? Особенно те, кто из дома не выходит. Неужели только чтобы людям уют создавать? Долго думал о своем предназначении, но ответа так и не нашел. Зато, когда поспал, сходу вывел формулу своей жизни: с возрастом, а мне в этом году будет шесть лет, что для кота означает тот самый средний возраст с какими-то там кризисами, их у меня пока еще не было... Стоп. Сбился. Вторая попытка. Итак, моя формула: с возрастом количество совместно прожитых с моей человеческой семьей лет плавно переходит в качество характера, разумеется, моего.

Правда, умно?!

Ой, все, закругляюсь, наш Мальчик, кажется, банку оливок открывает. Люблю их страшно, особенно с анчоусами. Все, все, побежал.



Оливки оказались с лимоном, что тоже неплохо. Но я не об этом. Тут некоторые ко мне пристали, мол, нельзя так говорить — от имени меня, правильно будет: от моего имени. А я хочу от имени меня. И все тут. Потому что автор.

2. ОБМОРОК

Это я в обмороке лежу.

Бывают такие дни, а иногда и ночи, что никаких сил нету их пережить. Но лучше расскажу все по порядку. Под утро часа в четыре почувствовал я, что пора бы и позавтракать. Первый раз. Но встать не хотелось. Лень. А полежу я, пожалуй, еще минуты две. Дольше не выдержу.

Растянулся во весь свой кошачий рост, зевнул, послушал внимательно организм, может все-таки на три минуты хватит, и вдруг странные звуки донеслись из комнаты нашего Мальчика. Непонятно. Мальчика самого нет, уехал отдыхать на пару дней, а звуки есть.

Настроив усы и расправив уши, пошел в разведку. Шарахнулся в коридоре от чего-то огромного, присмотрелся, да это же моя коробка, я вчера из нее домик делал.

Подкрался к комнате, откуда доносился шум, осторожно заглянул в щелочку под дверь, а там кто-то огромный беснуется.

Бум! Бам-ц! Опять бум! Бам-ц!

Надо что-то делать, пока ЭТО, судя по звукам, огромное и злое, не извело все наше имущество. Поставил шерсть дыбом, спину согнул и рыкнул. А ОНО на меня в ответ рычит. В щелочку.

Тут я не выдержал и врубил сигнализацию на полную мощность.

Мя-я-у-у!!!

Первым примчался Хозяин с полотенцем в руках. Как мог, объяснил ему, что дело не во мне, а полотенцем надо ТОГО, кто в комнате безобразничает.

Распахнул он дверь...

Предстала страшная картина. Штора разорвана, горшки с цветами на полу валяются. Везде осколки и земля. Даже на моем любимом диване. Посреди всего этого безобразия сидит серый кот, даже еще не кот, а так, пацан подросткового возраста, и нагло на меня смотрит.



Тут я вообще из берегов вышел и пошел на него войной. Но вмешался Хозяин. Взял на руки это никчемное существо и говорит:

— Надо же, как сердце колотится! Ну, и чего вы забыли у нас дома?

А он молчит, морду в сторону отворачивает.

Отнес Хозяин этого партизана на улицу, и через пару минут, я в окошко видел, за ним спустилась соседка. Вот чудик! Оказывается, это он шел к себе домой. На второй этаж. Только непонятно, почему через нашу квартиру? Экстремал какой-то!

Пошел осматривать разрушения.

Ужас, ужас!

Ну, ладно, разбомбил горшок с золотым усом, переживу как-нибудь. Тем более, у нас еще отросток есть, в баночке на кухне. Не жалко и дерево с толстыми листьями. Они все равно горькие и от них тошнит. Но, зачем этот негодяй извел свадебный букет, который Девочка нашего Мальчика с риском для жизни ловила на подружкиной свадьбе?!

Вредитель малолетний!

Там были такие вкусные цветочки, мелкие, словно горошинки. Сначала, когда в рот их берешь, делается так шершаво, шершаво, а потом... словно оливка во рту тает... Прошу прощения, отвлекся.

«А где обещанный обморок?» — спросите вы.

Отвечаю. Позже. Все началось примерно в девять утра, когда Хозяин вышел из дома.

Гм, Хозяин, Хозяйка. Что-то мне разонравилось так называть моих человеческих родителей. Все-таки я гордый и независимый кот, а не раб согбенный. Стоп, что-то я такого слова не знаю — согбенный. Наверное, случайно вылезло из глубин подсознания. Ну и фиг с ним, пусть ползет обратно.

Короче, с сегодняшнего дня буду называть своих хозяев «Па» и «Ма». Краткость — сестра таланта. О! Сколько во мне мудрости!

Но продолжаю: Па вышел из дома, сел в машину и немного отъехал, потом вернулся, чтобы оградительный тросик пристегнуть, и вдруг склоняется над щебенкой, где только что его машина стояла, берет в руки какую-то кучку и несет в дом.

Хозяйственный он у нас.

Сунул эту кучку Ма в руки, и она тут же запричитала: «И что я буду с этим делать?! Нет, нет и еще раз нет», а сама быстро стелет в обувную коробку тряпочку и аккуратно складывает туда то, что Па принес.



Смотрю, а кучка распалась на три серые колбаски с ушами и запищала. Па мне объяснил:

— Смотри, так выглядят новорожденные котят. И ты такой же был когда-то.

Ну, это он, конечно, загнул. Не мог я таким уродцем быть. Я — красивый, меховой. Усы шикарные.

Пока я себя и мелочь эту разглядывал, Па пришла в голову бредовая мысль и он, не подумав о последствиях, ее озвучил:

— Может, котят себе оставим? Спасем, так сказать, три кошачьих души.

Тут я не выдержал и упал в обморок. Для профилактики. Мне конуренты на кухне не нужны.

Лежу себе в обмороке, слушаю дальше.

— Хорошо,— не стала возражать Ма,— тогда кто из нас возьмет отпуск на месяц? Котят надо кормить каждый час из пипетки специально приготовленным молоком, массировать им животики и облизывать языком, чтоб чистые были. Ну, а Тигра отдадим в хорошие руки. Сам посмотри, у него реакция какая-то неадекватная...

Па сразу сказал, что он не может, особенно облизывать, и с котом родным ему жалко расставаться, тогда Ма коробку с сиротами предложила отвезти к нему на работу, где имелась запасная кошка-мама, за три дня до этого потерявшая своих котят (несчастный случай). Может, примет.

Я из своего обморока вылез радостный и побежал на кухню стресс снимать. Три раза снимал, пока не полегчало.

А котят та кошка приняла. Кормит, воспитывает, как своих собственных.

Я даже гордость какую-то почувствовал за то, что участвовал в спасательной операции.

И не надо делать удивленные глаза. Участвовал, а как же, что тут непонятного?! А если бы я в обморок не лег, то неизвестно, как события бы развивались. Вдруг Ма согласилась бы оставить дома эту мелочь, а кормить некому — все на работе?

А?!

Значение котов для жизни огромно!





Анна МАРТИНА

(г. Серпухов Московской области)



Колесова Анна, 1992 г.р. Родом из г. Кременки Калужской обл. Поэзией и прозой увлекается со школьной поры. Член ЛитО КЛИО в г. Серпухове.

ГРОЗА

Ночь темна была, небо тучами заволокло. Ни звездочки не видно, ни луны, ни деревьев — все темнота собой накрыла, все в чернильный мрак окунула. Изредка только молния небо напополам рассечет, на секунды ослепительным светом озарит, и снова тьма поглотит все вокруг. Дождь тарабанил, беспрестанно стуча по окнам, благо, были они затворены. Но Мирче так и не спалось — свечку зажжет, чтоб не во тьме шагать, подойдет к окну, да все выглядит — любопытство-то оно верней страха. Но потом гром прогремел небесный, и мальчишка присел, прижавшись к стене, прислушиваясь, пока снова осторожно не выглянул — как тут уснуть. Когда же уже молнии стали реже, и только дождь полил стеной, да громыхал гром, он вернулся к себе в постель, удобно устроившись на подушке, вытянувшись во весь рост, немного поерзав — длинная ночная рубашка порой мешала. А потом слышал, как в дверь постучали, и она отворилась, а в щели появился брат его.

— Ты чего не спишь, Влад?— приподнявшись на кровати, спросил Мирча.

— Я-то ничего,— делая вид, что ему не страшно, уверенно ответил мальчишка. А самому-то и десяти не было, и хоть частенько храбрился и порой в драки вступал, да авантюры придумывал, видел старший — грозы боится. Сила-то неведомая.— Вот он мне спать не дает, испугался...

Влад вошел в комнату, за руку ведя младшего — только теперь в темноте разглядел его Мирча. Маленький кудрявый братишка жался к Владу, вцепившись в края его рубашки, тихо плача и шмыгая носом, пугливо осматриваясь и топая босыми ножками. Старший только по-



качал головой — оба брата пришли. Очередной раскат грома заставил и смелого Влада встрепенуться — уж больно не нравилось ему это явление, страху наводило.

— Ну, раз так, идите все сюда, вместе не страшно будет, — подвел итог старший, снова зажег свечу и встал с постели, передав ее Владу, а маленького Раду на руки взял. Кроха же совсем, четверо годков только недавно набралось, а ему-то, старшему, поди, скоро четырнадцать исполнится, не страшно уж ничего.

— А ты грозы не боишься, братик? — хлопая глазами, держась за плечи, спросил малыш. Усадив его на постель, Мирча и сам залез под одеяло, и к нему же присел и Влад.

— Не боюсь, Раду. Гроза ведь попугает только немного, да отступит. Верно, Влад?

— Верно. Не грозы надо бояться — людей опасаться. От них охраняться верней. А с природой всегда в согласии быть нужно, — поучительно произнес он, но прищурился, отвернувшись, когда снова молния искажила небо.

— Иди сюда, смельчак, — рассмеялся Мирча, и средний брат тоже скользнул под одеяло, что-то про себя еще пробурчав. Так они и лежали от него по обе стороны, втроем все пережить было легче.

— Влад меня историями пугает. Расскажи лучше ты что-нибудь, Мирча, — попросил кроха, зевая, и потер кулачками глаза, встряхивая головкой — кудри вились да норовили все на лицо попасть.

— Не я пугаю, а ты еще мал, Раду, — добавил Влад с видом знатока, — вот подрастешь, станешь славным воином, нипочем тебе станут любые байки...

Мирча только легонько ткнул локтем в бок среднему братцу, взъерошив волосы ему, и без того от сна слегка лохматые, с чернотой ночи — как у отца — сливающиеся.

— Вот как подрастет, тогда и станешь рассказывать. А до тех пор другие легенды вспоминать будем... — пообещал он.

Приобняв младшего, начал тогда старший истории рассказывать про славного Фет-Фрумаса. С ними и ночь коротать было веселей, и гроза не так уже страшна была. Голос-то у брата был мелодичный, ладный — не зря же он на лютне играл, стройные мелодии извлекая.

Послушать его оба брата любили. Не прошло много времени, глянь — а



Раду уже уснул, сопит себе размеренно, ручкой ночную рубашку Мирчи стиснув. Видать, видит свои сны сказочные. Старший только на Влада взглянул, мотнув головой — мол, задувай свечу. А Влад что, ему-то сна ни в одном глазу — все бы верхом поскакать, тучи разгонять. Вдохнул он только, когда Мирча палец к губам прижал, рассказы его на полуслове останавливая — все нетерпелось.

— Утро вечера мудренее, братец. Позже скажешь,— прошептал он. Задул Влад свечу, да снова молния осветила силуэт его в темноте. Гроза уж закончилась почти, изредка лишь были слышны ее отголоски, видны последние вспышки света. Устроились все братья втроем, да так тепло и спокойно вместе стало, что и другие два старших вскоре уснули, в объятия сна угодив.

В СНЕГУ

Я потерял счет времени и давно уже если и не сдался, то просто не предпринимал попыток все исправить — это было бы ненужной тратой сил, а их у меня и так не хватало. Неба над головой — совершенно не разобрать, как и все, оно было бледновато-серым, и только летел снег своими хлопьями в глаза, что я немного щурил глаза, тем не менее, не закрывая их совсем — закрытые веки означали бы мою гибель. Я, пропитанный холодом, уже не чувствовал его, и моя кожа, под стать этой бледной серости, покрылась слоем холода и, казалось, заledenела. Я весь был как глыба льда. А снег продолжал порошить на меня сверху, словно помогая мне, раз я сам не в силах вырыть себе могилу. Я не мог пошевелить ни окоченевшими пальцами, ни едва приоткрытыми обмерзшими синюшными губами — это стало бы для меня непомерной пыткой. Складки моей одежды тоже застыли, приморозившись к телу, у которого и так не было тепла. Но, раз я все еще жив, значит, сердце находит крохи той крови, которую еще может высосать из меня. Я надеялся на жизнь. И только это оставалось моей борьбой. Поначалу гревшая спину и плечо горячая кровь, теперь уже тоже примерзла и напоминала о себе только красным пятном на снегу и небольшими брызгами. Человек умирал, и никому до этого не было дела. Да, все верно, так и есть, смерти все равно, кто ты: воин, правитель, хозяин, отец, скиталец, шут, книжник или ремесленник — она всех одинаково



приберет к своим рукам. Я надеялся на жизнь. И чувствовал дыхание смерти. Если это случится, я не почувствую боли, я не почувствую ничего. Снег заранее позаботился об этом. Снег кружил надо мной и воздавал мне почести, но он был и моим палачом. До уха медленно доносились какие-то звуки, что-то бессвязное и мешающее моему покою. Словно кто-то пытался вскрыть крышку гробницы. Секунды шли, я не считал их, но, возможно, борьба шла именно за эти секунды. Сначала раздался голос. Приглушенный и родной. Затем надо мной возник силуэт, зовущий меня, кричащий мне, отряхивающий с меня напорхавший снег, отдирающий меня от моего пристанища. Он старался изо всех сил, отколупывал со лба моего приморозившуюся челку, отдирав одежду от снега, на котором я лежал, изламывал свои пальцы и грел своим дыханием мои ладони, но я не чувствовал тепла, я ничего не чувствовал. Спасение пришло. Я не был забыт. И это произошло именно тогда, когда еще не поздно. Его слезы капали мне на руки и лицо, а я не мог их высушить и не чувствовал их. Ответить я ему мог, лишь слегка моргая глазами, на ресницы которых тяжким грузом прилипли иней. Я все еще не понимал, что он говорит. Но уже слышать его голос было для меня приятно. Он обхватил меня руками, приподнимая, тяжело дыша и неся этот груз до коня, на котором прискакал. Он всхлипывал, но не от тяжести ноши, а от того, что застал меня таким. Еще может, вероятно, от того, что не смог появиться раньше. Нести меня было не очень-то легко: мы — примерно одинакового сложения и веса, а тут еще весь этот слой холода и мерзлоты, который усугублял положение. И все же с каждым его шагом я чувствовал, что удаляюсь от смерти, что она сидит у моего места и с грустью смотрит на пятно крови на снегу. Меня вырвали, выдрали из этого сумасшедшего ада. Тогда, когда я уже сам был не в силах себе помочь, спасение явилось ко мне. Он взвалил меня на своего коня и сам сел в седло, удерживая меня, прижимая к себе, надеясь, что я почувствую тепло. Но я не чувствовал его. Ни его, ни того холодного порывистого ветра, когда мы скакали домой. Меня словно вытащили из ледяной воды и отскребли от корочек льда. Я был жив и благодарен. Теперь мне предстояла боль, когда мое тело вновь начнет согреваться, когда его укутают и пригреют. Но это уже будет боль жизни. И ради этого стоило хотеть жить.



Станислав ВОРОНЦОВ

(г. Серпухов Московской области)



Родился в 1986 г. В 2005 г. окончил Серпуховский технический колледж по специальности «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», в 2010 г. окончил Московский авиационный институт по специальности «Комплексная защита объектов информатизации». Член ЛитО «КЛИО» и Московского Совета ЛитО. Публикуется в газете «Серпуховские вести» и коллективных сборниках.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

— Загадай желание.

— Хочу жить вечно!

Это было десять лет назад. Но Капитану казалось, что спустя всего мгновение он все-таки задумался о вечной жизни без любви и решил пристать к берегу. Там, как он считал, ждала его женщина — первая женщина с большой земли, которая полюбит его за один день. Капитан захотел взять женщину на свой корабль — чтобы хоть как-то изменить положение своего бессмертия.

Отвернувшись от иллюминатора, моряк склонился к столу с шестью зажженными свечами и разложил в центре светящегося круга навигационные карты. Свечные огоньки кивали не в такт на его движения, за каждым плясали на стенах неровные порубленные тени, похожие одна на другую.

— Какова стратегия по картам, Штурман?— спросил моряк у стола.

Один из огоньков качнулся вне очереди, и из-за него донесся голос, похожий на первый.

— Без валета — стрит-флеш, Капитан.

Моряк поднял глаза на тень, ломающуюся напротив него. Подумал, что за годы пьянства штурманская башка превратилась в аквариум с морской водой.



— Какого, к дьяволу, валета?— Капитан раздраженно дернулся, свечной огонек еще раз поклонился — да и погас.— Кок, скотина, он опять таскает у тебя ром? Как у нас, кстати, с остальной провизией?

— Крысы бегут с корабля,— был ответ.

— Куда?!— Капитан покосился через плечо на открытое море.— Так убеди их остаться. Я должен чем-то кормить команду.

В каюте стало еще чуть темнее. Дымок от двух погасших свечей кружил в сквозняке из приоткрытого иллюминатора.

— Мне же нужны матросы,— ворчал Капитан,— команда, чтобы добраться до берега... Боцман! Сколько людей осталось на судне? Пятнадцать? Десять?

— Какое там...— вздохнул Боцман.— На корабле некому даже поднять бунт.

— Бунт?! На моем корабле? И это за все, что я пытался для вас сделать? Мерзавцы! Дураки! Крысоеды!— Капитан смотрел, как трясет руками в гневе его тень, похожая на боцманскую. Уже через секунду до уха донесся знакомый плеск воды — их корабль нагоняло другое судно. Тень угомонилась, прислушиваясь.— Пираты! Боцман, поднимай людей! Квартирмейстер, срочно выдай Канониру снаря...

Раздался выстрел, и четвертая свеча погасла.

— Кто стрелял?!

— Канонир, сэр,— подал голос Квартирмейстер.— Последняя пуля...

Судно слегка качнуло на один бок. На верхней палубе раздались первые шаги.

— Как — последняя... что же у нас осталось?— Капитан смотрел на собственные руки и видел сквозь них старый деревянный стол.

— А что могло остаться, сэр?— ответил прежний голос — видимо, Квартирмейстера.— Десять лет плавания без захода в порт... Вы нерешительны в любви, сэр.

И они все замолчали. В голове Капитана шумело море, а тело было словно не своим. Так бывает, когда смутно помнишь выпитое, но еще есть чего добавить. Шаги наверху стали громче, приблизились и застухли по другую сторону двери.



— Голландец последним покидает свой корабль,— произнес Капитан, задувая шестую свечу.

Когда матрос торгового судна, обнаружившего корабль-призрак, спустился в каюту капитана, там пахло давнишней соленой сыростью и — едва заметно — только что растопленным воском. Сквозь не просмоленные щели просачивалась морская вода. Матрос подошел к приоткрытому иллюминатору и вслушался в шелест черно-серого моря. Волны лизали корму, мелкие брызги попадали в лицо, горизонт был черен и оттого близок. Было спокойно и уютно — как в доме, где тебя всегда ждут. Говорят, в море живы все, кто когда-либо любил нас. Вот бы остаться с ними — подольше.

— Загадай желание,— услышал моряк шепот моря.

Он развернулся и зажег по очереди шесть свечей на капитанском столе.

Елена БОГДАНОВИЧ

(г. Алексин Тульской области)



Родилась в 1968 году в г. Алексин. По специальности экономист. Является членом Лито «АЛЛО». Печаталась в коллективных сборниках «АЛЛО» и тульских альманахах.

БАБОЧКА

Мы с Наташкой, как и договаривались, встретились на Ленинском проспекте, спустились в метро и сели в вагон. Нам нужно было ехать до бульвара Дмитрия Донского. Там была стоянка автобусов, идущих в Алексин, где мы собирались провести выходные в моем, теперь уже точно моем, доме.

Настроение было отличное и у меня, и у Наташки. Да что там, я была просто счастлива. Мой муж пять лет метался между мной и любовницей, а месяц назад наконец-то определился. Он ушел из моей жизни и оставил мне все: квартиру, машину и дом в Егнышевке (как раз туда мы и ехали). А у Натахи полгода назад начался бурный роман (у нее все романы были бурными), и несколько дней назад ее бойфренд сделал официальное предложение. Ну, на «френда» он еще как-



то тянет, а вот на «боя» уже никак. Все равно предложение было с радостью принято. Пик счастья достигнут.

И вот в таком приподнятом настроении мы катили в немного потертом вагоне метро. Народа в этот утренний час было мало: две старушки и молодая мамочка с малолетним капризным сынулей, который требовал «кляку». Мамаша по очереди предлагала ему булку, сок, машинку, свой кошелек, но это все не было «клякой». Похоже, все стали перебирать в уме вещи, которые хоть как-то походили на «кляку». Никто ничего не мог придумать, а малыш занудно продолжал требовать.

На следующей остановке в вагон вошла пара и уселась почти напротив нас. По виду они были нашими ровесниками — лет сорока пяти. Они смотрели в окно вагона за нашими спинами, как в зеркало, и улыбались отражению друг друга. Мы им не мешали, нас просто не существовало.

Я почувствовала, как червячок зависти зашевелился в Наташкиной душе. Мой тоже проснулся и начал ворочаться.

Естественно, мы сразу стали искать недостатки. На миловидном лице женщины уже проглядывали морщинки, мужчина имел небольшой животик. Мы с Наташкой придирчиво сканировали их дальше: полуботинки женщины явно были не новыми — второго или третьего сезона носки, курточка на мужчине тоже выглядела потертой. И нос у него казался кривоватым.

Мужчина и женщина одновременно посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись. Только друг другу. Но волна дошла даже до нас.

Червяки уже вылезли из наших душ, разрослись до неприличных размеров и сплелись в единый клубок.

А еще эта парочка имела рюкзачки, небольшие аккуратненькие, у него — черный, у нее — белый. Ходить с такими рюкзачками в их возрасте просто неприлично!

Мужчина положил руку на свое колено и медленно раскрыл кулак, как бабочка распахивает свои крылья, садясь на цветок. Ладонь оказалась мягкой и теплой. Женщина почти тут же положила свою руку сверху. Ладонь к ладони. Столько нежности, доверия и душевности было в этом жесте, что мы с Наташкой даже замерли на секунду и перестали завидовать. Мы просто любовались любовью.



Надежда МИРОНОВА

(г. Алексин Тульской области)



Миронова Надежда Александровна родилась в Калужской области в 1938 году. Член ЛитО «АЛЛО». Печаталась в Алексинских периодических изданиях и альманахе «АЛЛО»

ХЛЕБ ДЛЯ НАШИХ

Деревня наша была маленькая — всего 23 дома, окруженных со всех сторон лесом и глубокими оврагами. Наш дом был крайний от леса.

Осенью 1941 года в нашей деревне и соседних населенных пунктах хозяйничали немцы. Днем они ходили по домам и разыскивали коммунистов, партийных руководителей и партизан. Грабили местных жителей, забирая у них хлеб, кур, свиней и теплые вещи. Не желающих расставаться со своим имуществом, били прикладами винтовок, закрывали в холодных сараях и погребах. С раннего утра и до позднего вечера с разных концов деревни доносились крики, стоны, плач людей, визг и рев забиваемых домашних животных. И только вечером, когда опускались ранние сумерки и плотная крошечная тьма окутывала землю, в деревне воцарялась полная тишина. Настрадавшиеся за день люди, не зажигая света в жилищах, тихо ложились спать. Мы, продрогшие за день, испуганные дети, жуя скудный ужин, залезали на ночь на полаты теплой русской печки.

В один из таких промозглых ноябрьских вечеров к нам в окошко дома, со стороны леса, осторожно постучали. Мы, омертвевшие от страха, притихли. Мама велела всем молчать и не подавать признаков жизни. Но стук настойчиво повторился во второй, а потом и в третий раз. Мама вышла в сени и дрожащими руками отперла дверь. Несколько минут за дверью слышался приглушенный мужской голос. Затем мама вернулась в горницу, быстро собрала в узелок все, что попало под руку съестного в доме, и вынесла за дверь. Вернувшись в дом, тихо сказала: «Не бойтесь — это НАШИ».



Не ложась спать, мама замесила муку и стала готовить тесто. Мы дружно удивились — ведь у нас еще оставался заготовленный с прошлой выпечки хлеб, и спросили ее: «Зачем печь новый хлеб, когда он у нас еще есть?» Мама строгим тоном ответила нам: «Спите, так надо!»

Утром мы проснулись поздно, за окнами уже было светло. Мама доставала из печи круглые с румяной коричневой корочкой душистые караваи хлеба и прятала их в сундук, прикрывая нашей одеждой. На столе оставила только две маленькие буханки для запаха, чтобы он нас не выдал. Затем мама строго сказала нам, что мы заболели корью и нам нельзя выходить на улицу и общаться с другими детьми. А еще велела нам весь день по очереди лежать на сундуке и «болеть».

Весь день мама очень волновалась и не находила себе места. Всем, кто подходил к нашему дому, говорила, что мы заболели корью. Когда стемнело, в окно со стороны леса снова постучали. Мама пошла и открыла дверь. Вошли несколько взрослых небритых мужчин в советской военной форме. Они сложили еще не успевший остыть хлеб в армейские вещевые мешки и бесшумно растворились в темноте за дверью. Так повторялось еще несколько раз с небольшими перерывами. И мы уже знали для кого по ночам печет хлеб наша мама — «ДЛЯ НАШИХ». Это была наша самая большая военная тайна.

МАРУСЬКА

Незадолго до изгнания немцев из нашей деревни, зимой 1941 года, помимо всего прочего — хлеба, птицы, овец, свиней, теплых вещей и т.п., оккупанты стали забирать у местных жителей и коров — сельских кормилец. Нашу коровушку-трехлетку звали Маруська. Мы были с ней ровесники. Ее купили в 1938 году, в этом же году родители построили новый дом и родили меня. Наша Маруська была красавицей черно-белой масти. Голова у нее была целиком белая, а по бокам, животу и хребту растекались черные пятна.

Два здоровенных немца вывели Маруську со двора и погнали к речке, чтобы забить ее на мясо. Мы, детвора мал мала меньше, полураздетые на морозе, с громким плачем, спотыкаясь и падая в снег, бежали за ними, цепляясь за Маруську. Немцы угрожающе кричали, отталкивали, пинали нас сапогами, но мы поднимались и снова нас-

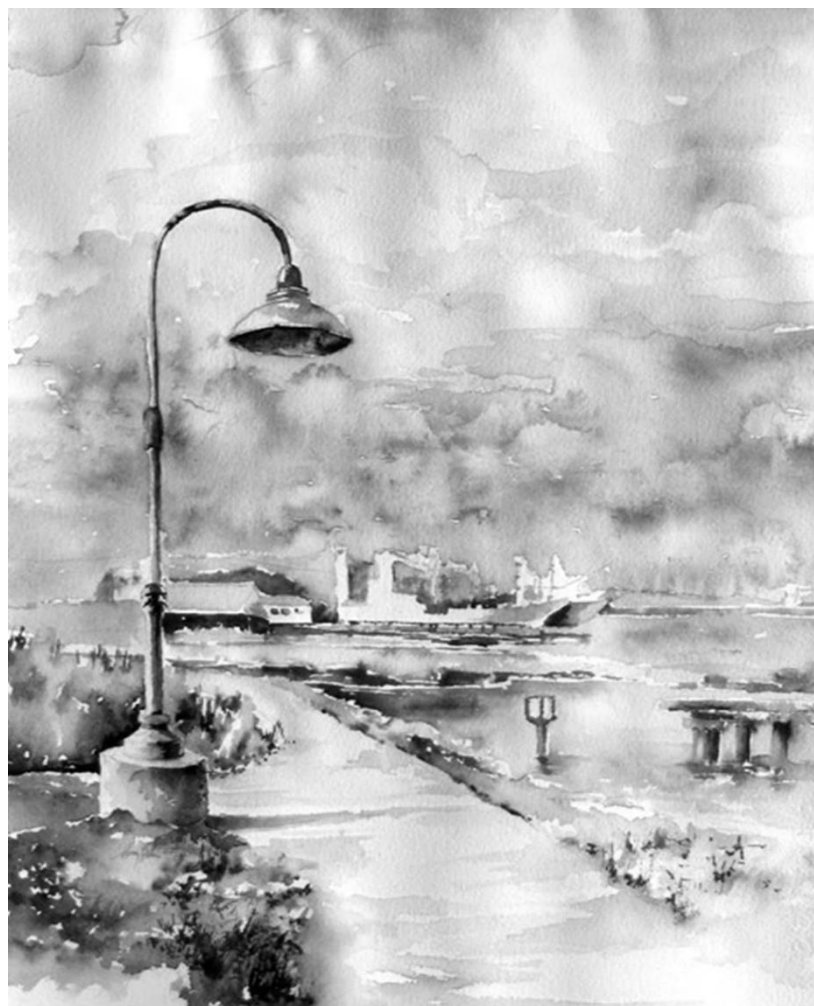


тойчиво, словно слепни, липли к нашей корове. Маруська громко мычала, бодалась, пыталась вырваться, но цепкие руки фашиста крепко держали ее. Мама тоже громко кричала, но не столько от потери кормилицы, сколько из-за страха за нас. Она бежала за нами, звала домой и пыталась оттащить нас от коровы, опасаясь за наши жизни, боялась что немцы нас расстреляют. На наши крики сбежались почти все жители деревни, плотным кольцом окружили эту громко голосившую процессию. Всеобщий плач и вой огласил окрестности. Немцы, с трудом удерживая корову и размахивая автоматами, пытались разогнать толпу, грозили расстрелять всех жителей, а деревню сжечь. Уже темнело. Но люди не расходились. Тогда немец, державший вырывающуюся, что есть мочи Маруську, настороженно поглядывая на ближайший лес, отдал повод моему старшему брату Алексею и приказал всем быстро расходиться по домам. Так общими усилиями мы отстояли нашу Марусеньку. А немцев в скором времени прогнали НАШИ.

Маруська прожила с нами еще девять лет. Мы все ее любили и берегли как зеницу ока. Мама с гордостью всем говорила: «Наша Маруська мне детей выкормила!»

Некоторые, когда рассказываю этот случай, мне не верят, что я помню войну и события, случившиеся со мной и моими близкими тогда. Но цепкая детская память, как на сайте, запечатлела потрясшие детскую душу образы далекого прошлого и хранит их вот уже долгие семь с лишним десятилетий.

Давно нет с нами нашей дорогой незабвенной мамы — хрупкой нежной трудолюбивой русской женщины, овдовевшей в тридцать лет и отдавшей нам, ее четверым детям, всю себя без остатка. Нет уже в живых и моих старших братьев Алексея и Владимира. Прекратила свое существование и наша маленькая прекрасная деревенька по имени Чудненко (от слова чудная). Она, как и мы, пережила фашистское нашествие, но погибла, как и тысячи подобных ей российских деревень от рук отечественных реформаторов.





Прэзентацыя

ВАЛЕРІЙ САВОСТ'ЯНОВ
ОЛЕГ СЕВРЮКОВ
ГАЛІНА ЛЯЛІНА
ОЛЬГА ВАСІЛЕНКО
АЛЕКСЕЙ ЯШІН
ЯКОВ ШАФРАН
ОЛЬГА СОКОЛОВА
СЕРГЕЙ РЕДКОВ
СЕРГЕЙ РЕЗВЯКОВ
ІГОРЬ МЕЛЬНИКОВ
ВАЛЕНТИНА ВОЛЧКОВА
ЛЮДМИЛА АВДЕЕВА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ЕЛИЗАВЕТА ГРИШИНА
ТАТЬЯНА ЛЕОНОВА
ОЛЬГА АНДРЕЕВА
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
РОМАН ГОРОДЮК
КИРА КРУПСКАЯ

ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ВИКТОРИЯ ТКАЧ
СЕРГЕЙ НИКУЛОВ
СВЕТЛАНА ЛЮКШИНА
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА
ВАЛЕРІЙ ДЕМИДОВ
ГАЛІНА УЛЬШИНА
ОЛЬГА БОРИСОВА
НИНА ГАВРИКОВА
НАТАЛИ СИЛАЕВА
ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ІРИНА НАЗАРОВА
ЭЛЬВИРА БОГДАНОВИЧ
ОЛЬГА ПАВЛОВА
ГЕННАДИЙ МИР
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО
ВАЛЕРІЙ ВІНОГРАДОВ
ВАЛЕНТИНА ДІНЕСЮК



Валерий САВОСТЬЯНОВ

(г. Тула)



Савостьянов Валерий Николаевич (род. 02. 09. 1949, в д. Сергиевское Болховского, ныне Киреевского, р-на Тульской области). Поэт, эссеист, публицист, член Союза писателей России (1997), член Международного Литфонда (2007), член Международной Гильдии писателей (2014). Ветеран труда (2011). Автор 10 книг. Лауреат множества международных и всероссийских премий, конкурсов и форумов. Награжден Почетными грамотами: Министерства культуры Российской Федерации (2010), Союза писателей России (2010), многими другими грамотами, дипломами, благодарственными письмами, юбилейными памятным медалями.

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ С ПОЛОВИНОЙ

В боях за честь, свободу и независимость нашей Родины на Тульской земле погибло 38,5 тысячи воинов Советской Армии и партизан

Над землей родною,
Над равнинной,
Тридцать восемь тысяч
с половиной
Душ солдатских — белых облаков.
Тихо — можно к матери, к невесте,

Ветрено — и вновь они на месте
Павших командиров и стрелков.
Над землей родною,
Соловьиной,
Тридцать восемь тысяч
с половиной
Гнезд не свито — плачут соловьи.
Песням их теперь слезами вытечь:
Тридцать восемь с половиной
тысяч
В рощах их не скажут о любви.
Над землей родною,
Тополиной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Новых рощ не встанет среди полей:
Не сажать —
Откуда же им взяться? —
В честь детей своих,
что не родятся,
Здесь отцам убитым
Тополей.
Над землей родною,
Над невинной
В тридцати восьми да с половиной
Тысячах оборванных «Люблю!» —
Тридцать восемь с половиной тысяч
Звезд зажечь
И обелисков высечь!
Не успею — сыновьям велю...
Над землей родною,
Над былинной,
Тридцать восемь тысяч с половиной
Муромцев, Поповичей, Добрынь —
Вместе с нами
Русское раздолье
Сторожат от горя
И раздора.
И попробуй нас располовинь!..

**СУЖЕНЫЙ**

Он постился в пост.
Он верит в Бога.
Все всерьез!
Встревоженный звонком,
Крестится у твоего порога,
Сетует, что в доме нет икон.
Старое пальтишко — словно ряса.
Но зато, — девичье торжество! —
Розы он, единственный из класса,
Подарить спешит на Рождество.
Кто ж твоя он —
прихоть или шалость?
Ведь неясно слоникам одним,
Что ему звонишь ты, потешаясь,
Что смеешься, дурочка, над ним...
Вот он опускает очи долу,
В уголок садится на скамью, —
Но тебя он выбрал — словно долю,
Долю непреклонную свою!
И мерцает взгляд его железный
Над самовлюбленной суетой
И страстей наметившейся бездной —
Всей несокрушимой высотой!

ОРИЕНТИР

На озере Дубовом волна такая злая,
По берегам болота — не пристать.
Разрушенная церковь Святого
Николая,
Спаси ты нас: не дай нам заплутать!
Байдарку залило, промок
путеводитель,
Давно в работе кружки и казан.
Но есть ориентир!
И Ангел — мой Хранитель —

Его на горизонте указал!..
Мы еле догребли, мы чуть
не потонули,
Мы вышли на единственный мысок,
Где твердь и где дрова.
И вот не потому ли
Я вижу крест, что ярок и высок,
Я вижу:
Крест горит над новой колокольной,
Сияет Вифлеемскою звездой!
Я не могу идти дорогою окольной:
Глаза в глаза я встретился с бедой.
И есть Ориентир:
Не мстя, не укоряя,
Взять мастерки — и всем до одного
К разрушенным церквям Святого
Николая,
И всех Святых,
И Спаса самого!

ВСЕ ПРЕКРАСНО!

Все прекрасно!
Не хватает воздуха —
Мой топор без усталости, без роздыха
Бьет и бьет,
И кровь моя горит!
Все прекрасно!
В парках снега месиво,
И уже в свои четыре месяца
Сын меня улыбкою дарит.
Пусть покамест не с его силенками,
Руки, укрошенные пеленками,
Вынуть, сжав, ликуя, в кулаки, —
Все прекрасно!
Сын мой улыбается:
Скоро-скоро силушки
прибавится —



Как-никак, мы все же мужики!

Ох ты, лет стремительная
мельница!

Знаю: все однажды переменится,—

Но топор мой, выпавший из рук,

Сын возьмет — поднимет,

не поленится,

Застучит!

И сложится поленница.

И, счастливый, улыбнется внук!..

ЗА ЧАЕМ

Однажды узнаем,

Однажды замечаем,

Что, может быть, отцам

И видеть ни к чему:

Ах, как она смела,

Ах, как она за чаем

Подкладывает мед

Сынишке моему!

Где загорели так

Отчаянные плечи?

Откуда чайных глаз

Мятежные огни?

И просит сын ее —

Из чайника покрепче!

А я наоборот:

Мне крепкого — ни-ни!

Едва я отвернусь —

Ах, как они украдкой

Целуются,

И как она трепещет вся!..

Им кажется любовь,

Как чай,— горячей, сладкой!

А мне — вода-водой:

Мне сладкого нельзя...

НАПОСЛЕДОК

(маме)

Снова тучи

Небо все обложили,

Но их дождь

Моим слезам не мешает.

Если б можно долго жить —

все бы жили,

Только вот Господь

не всем разрешает.

Да и правда, сколь не дай —

нам все мало:

Снова просим для себя

и любимых...

Каждый день теперь —

небесная манна,

Если только он без мук

нестерпимых.

Каждый день теперь — желаннее

года:

Даже если ни единого шанса,

Надышаться перед смертью охота.

Дайте мамочке моей надышаться!

Дайте мамочке моей наглядеться

На тропинки, что цветами расшиты:

Сбегать в детство —

у военного детства

Попросить себе

Последней защиты!

День счастливый был в судьбе ее

редок:

Пусть поищет его в юности зыбкой.

Дайте мамочке моей напоследок —

Улыбнуться

Ее горькой улыбкой...

НАШИ МАМЫ

Памяти Николая Дмитриева

Знаю: со стены из черной рамочки

Не дают поэты интервью.



Но ведь правда, Коля:
наши мамочки
Сразу познакомились в раю?
И сидят под яблонькой, и —
правда ли?—
(Видел я не раз такое в снах!)
Обе — в строгих платьях,
обе — Клавдии,
Говорят о нас, о сыновьях.
Говорят о нас — и мне икается:
Ведь любил я маму впопыхах.
Ах, как тяжело мне, Коля, каяться!
Но и ты ведь — каялся в стихах!
Да, вина в них —
неподъемной гирею,
Да, не сдвинуть крышки
гробовой, —
Но я вновь над маминой могилою
Вспомнил их, ни мертвый ни живой.
Так мне легче попросить прощенья
За мои, что в двойках, дневники,
Юности дурные увлечения,
Зрелости короткие звонки.
Эти бедки — маленькие козоньки:
Просто рожки пробуют свои.
А как вспомнишь беды —
мамы слезыньки, —
Как с цепи сорвутся бугаи!
До сих пор от гнева их ревушего
К маминым коленям припадать!
До сих пор душе, Колумбу сущего,
Не дается Божья Благодать!
Пусть же, Коля, райская околица,
Где ты ныне в славе и любви,
Слышит, как за нас обоих молятся
Все твои «Ночные соловьи»...*

Так — прогулки ради, дружбы
ради ли —
Ты найди, отмоленный вполне,
Яблоньку, где мамы наши Клавдии
Грезят о тебе и обо мне.
Расскажи про позднее прозрение,
Повинись за общие грехи —
И прочти мое стихотворение
И свои великие стихи...

КОЛОКОЛЕНКА

Восемь дней мы гребли без устали,
И рубеж загаданный взят.
С колокольни Ниловой Пустыни
Мы оглядываемся назад.
Вспоминаются дали дальние,
Песни долгие у костра,
Вспоминаются Богом данные
Селигерские вечера...
Дым струится, стирая лица,
Но отчетливо вижу ту —
На какую перекреститься
Захотелось мне — красоту.
И мне кажется: не случайно я
Ждал и нежность поберегал
Для очей твоих
Цвета чайного,
Цвета сосен по берегам.
Все — родное, и все — в диковинку,
И я знаю: навек уже,
Будто звонкую колоколенку,
Унесу я тебя в душе!
Унесу я тебя, высокую,
С песней щедрою и простой,
Камышом и речной осокою
Выводящую на простор.
Чтоб в моей Одинокой Пустыни
Свет сосновых очей светил,
Чтоб идти мне всегда без устали
На надежный ориентир.

* «Ночные соловьи» — Москва: «Молодая гвардия», 2004. — последняя прижизненная книга стихов Николая Дмитриева.



Олег СЕВРЮКОВ

(г. Москва)



*«Ничтожнейшие прошу
правителя очищать свое
сердце, умерять свои же-
лания, сдерживать себя
и любить простых лю-
дей, сохранять почтительность к пре-
жнему правителю, распространять гу-
манность в государстве, выдвигать
честных людей, дабы мудрые и справед-
ливые могли занимать государственные
должности, и избавляться от предате-
лей и клеветников, дабы нравы людей
улучшились».*

Чжугэ Лян. «Завещание юному прави-
телю царства Шу».

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕСКАЗ ПОУЧЕНИЯ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА ЭПОХИ «СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ»

Случилось как-то
мне идти на службу
старинным парком.
Месяц был январь.
Я шел дорогой ровной
по аллее
и про себя негромко
бормотал
какие-то затейливые строфы.
Возможно,
это было и не так,
но я отчетливо припоминаю,
что шел я
и чего-то бормотал.

Мне кажется,
я думал о высокоом,
рассеянно охватывая
взглядом
деревья вдоль дороги,
павильоны,
скамьи для отдыха,
искусные беседки,
увитые безлистненным плющом.

Но постепенно
что-то беспокоить
меня вдруг стало,
душу охватило
какое-то неясное
волнение...
Прислушавшись к себе
и поразмыслив,
я понял, наконец,
что возникает
оно тогда,
когда смотрю я только
на полотно дороги.

И будто взор цепляют мой
и держат
неведомые силы!
Как всем известно,
снег с дороги нынче
не убирают вовсе,
его лишь присыпают
щебенкой мелкою.
И вот — узрел я:
каждый мелкий камень
отбрасывал собой
такую тень,
что полоса ее тянулась
на сотни *чи*.

И в темноте полос
не различались выбоины, грязь,
что означало — эта чернота
собою покрывала все!

И я подумал:



— Вот Солнце,
лучезарное светило,
которое
с неистовою страстью
пытается все земли осветить,—
оно подобно доблестному *вану*,
что, высшим даром Неба
облеченный,
старается нас всех,
ему подвластных,
усердно обогреть и обласкать.
Но если солнце — это свет,
то тени
есть порожденье солнца?
Или нет?
Коль да,
То вот отсюда вытекает
прямое следствие:
когда свет этот низок,
тень от любого
мелкого пупырка
становится черней
и протяженней.
И в этом самом
темном протяженье
пупырышку-чиновнику легко
и хорошо
вершить свои делишки
(Да-да, делишки только,
не деянья!),
поскольку тень
надежно прикрывает
любые недостатки и просчеты
на службе государевой его!
Чем гуще тень,
чем ниже наше Солнце,
тем удивительней и пакостней
дела

существ мельчайших,
наделенных власти
хотя бы каплей!
А в каждом перекрестках этих
тёней,
я думаю,
вдвойне размещены
неслыханный позор
и безобразья!
Но почему, скажите,
в Поднебесной
найти — увы! —
так трудно нам того,
кто оказал бы добрую услугу
Светилу нашему?
Хотя бы тем одним,
что взгляд Его,
на низших устремленный,
над горизонтом
выше приподнял!
И потому я,
меньший из ничтожных,
умишком пораскинувши своим,
и понимая,
сколь мой голос слаб,
но опираясь
на великих прошлых,
которые без страха и упрека
порою очень гневно порицали
порок и слабость
Неба Сыновей,
хочу привлечь и обратить
вниманье
на то,
что происходит в наше время,
на круговую мерзость и беду!
Да-да, беду!
Поскольку безобразье,



творимое во мраке беззаконья,
рождает
столь же скверные поступки
простого люда,
видящего то,

чего бы не хотелось вовсе видеть!

Иначе — как?

На гибель государство,
врученное Ему для исправленья
великих дел

и высших начертаний,
чиновничья расплзшаяся вошь,

сосушая его без перерыва,

столь быстро же

к паденью приведет,

смуту и горе

принеся народу!

А это — грех,

Да-да, великий грех,

которому не будет оправданья

ни в нынешнее,

ни в другое время,

поскольку умаление других

в сравнении с собой

есть отрицанье

природы Человека на Земле!

*Эпоха «Сражающихся царств» —
примерно 5-й—3-й века до н.э.*

*Чи — древнекитайская мера дли-
ны, изменялась с течением времени
от 17 до 30 см.*

*Ван — правитель в древнем Ки-
тае.*



Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула)



*Родился в д. Песко-
ватое Белевского района
Тульской области в се-
мье сельских учителей.
Окончил историко-фи-
лологический факультет
Казанского ГУ. Более 30-ти лет ра-
ботал в газетах. Стихи пишет и пе-
чатается с 14-ти лет. Автор 3-х
сборников стихов, соавтор несколь-
ких книг, публикуется в тульских аль-
манахах. Лауреат литературной пре-
мии СПР «Бежин луг» им. И.С. Турген-
ева. Дипломант конкурса ЦФО «По-
тенциал России». Член Союза писа-
телей России, член Союза журнали-
стов РФ.*

Я ЗАЖИГАЮ СВЕЧУ...

Из сборника стихов

«Перед небом»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Еще несмело, только пробуя
Палитру неба и зари,
Своею кистью осень тронула
Леса, поля и пустыри.
И воды стылые и тихие
Огнем таинственным зажгла.
И, как певучий белый стих ее,
Струится облачная мгла.
Здесь нет пустого и случайного.
Все смысла высшего полно.
Повито, как туманом, тайною
И Божеству посвящено.

**КОЛОКОЛА**

Гуси кричат на пруду.
Сыплется лиственный прах.
Ветер полощет звезду
В синих и стылых водах.
Дым с огородов ползет.
Лето сжигают дотла.
А с потемневших высот —
Колокола!
Колокола журавлей.
Колокола над былым.
Над запустением полей —
Благословением им!
Колокола над рекой
И над деревней родной,
И над безвестной судьбой,
И над осеннею мглой.
И над святою землей,
И над угожьями зла.
И над погибшей душой —
Колокола...
Колокола!..

САМ ЗАХОТЕЛ

Жил-был грешник великий,
но понял однажды,
Что не может так жить,
что грехам есть предел.
И пошел в монастырь,
покаянья возжаждав,
Потому что он этого сам захотел.
А другой и пожил-то на свете
не много.
Но в гоненьях обрел
свой высокий удел:
Был расстрелян, а все ж

не отрекся от Бога,
Потому что он этого сам захотел.
Третий жил во грехах и сластях
лицемерно,
Прожигал свою жизнь
среди денег и тел.
И пошел к сатане,
и служил ему верно,
Потому что он этого сам захотел.
А четвертый не вынес
обыденной слизи
И, душою устав
от бесчисленных дел,
Счеты свел со своей
беспорядочной жизнью,
Потому что он этого сам захотел!

ПОРА ЛИСТОПАДА

Вот и все: отлетает листва...
Отлетают друзья. Среди тьмы
Или света я знаю одно:
На земле уж не встретимся мы
И на небе едва ли дано.
В коловерти осенней листвы
И с любимой прощаюсь.
Ну что ж,
Все проходит. Остались лишь вы —
Холод осени поздней и дождь.
Отлетают стихи и дела,
Вещи быта, родительский дом.
И душа одинока, светла
Не жалеет уже ни о чем.
И лампы, и свечи горят.
Перед небом со мной заодно
Плачет, молится вымокший сад,
Чтоб прощенье нам было дано!



Виктория ТКАЧ

(г. Тула)



Заведующая Домом-музеем В.В. Вересаева. Член Союза российских писателей. Автор 7 поэтических сборников. Публикуется в журналах и

альманахах Тульской области, Тулы, Санкт-Петербурга, Москвы, Люблина (Польша). Дипломант литературной премии «Золотое перо Тулы», дипломант Международного конкурса поэзии «Цветаевская осень». Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева.

Писать и жить — чудесное родство,
Подобное Божественному Свету.
Прекрасен вдох!
И что, мой друг, с того,
Что мир не назовет тебя поэтом?
Ты просто знаешь — где-то высоко,
Подвластное незбылемым законам,
В небесной чаше дышит молоко,
Вскормившее младенца на иконах.
Ты знаешь день и то, что до него,
С полночной круговертью зрячих строчек,
И явь, и сон — о, сколько же всего
В твоей душе незримо кровотоцит!
Пиши! Живи! И чувствуй лишь одно
Родство, не замутненное
гордыней!
Тебе в словах родиться суждено.
Пусть не поэт, но ты — живой
отныне!

Мне снилось — была вода,
Холодная и густая.

И слезы тонули в ней —
Тяжелые, как слова.
Я шел, и темнел рассвет,
И зыбкое под ногами
Казалось на тысячу лет
Единственно правильным сном.—
Так шел по воде Господь,
В одеждах, светлее чуда,
Забыв, что земная твердь
Кончается в берегах,
И в тесных своих мирах
Почти поверили люди,
И эти «почти», как слезы,
Тонули в холодной воде....

Связав созвездья в желтые снопы,
Уходит ночь по полю мироздания.
Душа молчит. Она покорно спит,
Забыты и молитвы, и страдания...
Душа — дитя. Она покорно спит.
Невнятна речь незримых лунных снов,
И явны только страх и боль
в ключицах,
И лишены своих первооснов
Желания проснуться и родиться.
Жизнь лишена своих первооснов.
Лишь тени от изломанных минут
Почти реальны и почти весомы.
Волхвы молчат.
Они покорно ждут
Того, Кто примет на пороге дома.
Волхвы — слова. Они покорно ждут.
Как чудо, вздох!
И первое тепло —
Благословеньем истинным
и светлым.
Уходит ночь... Что было — истекло.
Сереет небо серебристым пеплом.
Бездонной боли время истекло.
Уходит ночь...



В куполах голубых
свет Небесного Храма.
Белоснежные крылья,
высокие стены.
По дороге домой
он распахнутый самый.
По дороге из дома
он истинно верный.
Захожу.
Тишина.
Горек привкус прощенья,
Но тепло и спокойно,
как в мягкой постели.
И болезнь уступает опять
исцелению.
А иначе в пути как бы мы
повзрослели?..

*«Цвет сирени все ярче и гуще»
(О. Маматкулова)*

Учусь,
Учусь — свободно и легко,
Подобно мир наполнившей сирени,
Рождаться в мае белым лепестком,
Не знающим сокрытий и сомнений.
Все — на глазах.
И нет полутонов.
И высшее пророчество —
в молчанье.
Закон так прост! —
соцветие основ
Всегда прекрасно, мудро,
не случайно.
Вдыхаю свет.
Предчувствия смешав,
Ищу пять линий —
тайну исключений,
Чтобы по-детски хрупкая душа
Увидела свое предназначенье! —
Дарить себя!

И верить — будет срок
Уйти и возвратиться в одночасье.
Рождаюсь вновь.
Я — белый лепесток!
Весенний символ солнечного
счастья.

Галина ЛЯЛИНА

(г. Донской

Тульской области)



*Родилась в г. Донской
Тульской обл. Член Ака-
демии российской лите-
ратуры (староста туль-
ской группы). Внештат-
ный корреспондент «Дон-
ской газеты». Член Новомосковского
ЛИТО и Тульского православного клуба
«Ковчег». Печатается в коллективных
сборниках и альманахах. Автор 6-ти
книг стихов. Дипломант и лауреат
многих конкурсов. Лауреат Тульской
литпремии им. Я. Смелякова (2013 г.).*

КОРОНОВАНА НОЧЬ

Коронована ночь серебристой
луной —
Так ночной подobaет царице.
И сливалась душа в этот миг
с тишиной,
Превращаясь в небесную птицу.
Эта звездная ночь... как она
хороша!
И по-царски шикарно одета.
И в восторге легко заскользила
душа
По шелкам темно-синего цвета.
Оказалась она в самой бездне
небес,



Где блистает луна ореолом.
Ей владел неподдельно живой
интерес —
Струн волшебных коснуться Эола.
Попытаться чудесные звуки
извлечь —
Пусть их слышит родная планета.
Предстоит сотни тысяч орбит
пересечь
И вернуться назад до рассвета.

И НЕ НУЖНЫ СЛОВА

Я в умолчанье. Мне не надо слов.
Душа под Небесами молится.
Над ней простерт невидимый
Покров
Пречистой Девы, Богородицы.
О, как он свят! И как
Небесно чист!
И распростерт с заботой нежною.
Красив не по-земному и лучист,
В нем мощь и сила бережная.
Душа легко коснулась Покрова,
Коснулась только
на мгновение...
О, этот миг прикосновения!..
В нем гамма чувств, и не нужны
слова.

Я взгрустну непреднамеренно,
Ненадолго и чуть-чуть.
Предстоит, судьбой отмеренный,
Прошагать мне жизни путь.
До вершины от подножия
Подниматься не спеша,
И увидит царство Божие
Истомленная душа.

Велико то расстояние
В километрах и годах.
Там все слезы покаяния
Скоро высохнут в глазах.
Я в себе для очищения
Выжгу всю полынь-траву
И, войдя в Огонь Крещения,
Имя Божье призову.
Он наполнит сердце благостью
И покоем тишины.
Как же хочется жить в радости!—
Без пороков и вины.

*В преддверии Дня матери хочется
сказать самые теплые сердечные
слова Самой Главной Матери — Ма-
тери Мира, Матери всех матерей:*

Есть одна несравненная Мать.
На земле мы Ее не встречали.
Все готова Она нам отдать,
Утолить нашу боль и печали.
В постоянной тревоге за нас,
Сострадая душевною болью,
До зари не сомкнет Она глаз,
Мир спасая своею любовью.
Свой молитвенный подвиг верша,
Подает Она Сыну прошение.
Материнская плачет душа,
Просит Бога о нашем прощении.
В келье светлой Небесной своей,
Осененная крестным знаменем,
Молит Бога за наших детей
И встает перед Ним на колени.
Нам не ведома тайна сия —
Сколько судеб людских исцелила,
Сколько душ Ты спасла, отмолила,
Богородица, радость моя!



Сергей НИКУЛОВ

(г. Тула)



*Родился в с. Морозовы
Борки Сапожковского р-
на Рязанской области. С
1979 г., после службы в
армии, проживает в г.
Туле, работает токарем на заводе.
Член православных клубов «Ковчег» и
«Родник», литобъединения «Пегас». Пе-
чатается в журнале «Приокские зори»
и альманахах Тулы. Автор сборника
стихов «Радужь жизни» (2012 г.).*

ЗВЕЗДОЧЕТ

Едва лишь отгорал закат,
Прозрачней становился воздух,
Он выходил тихонько в сад,
Задумчиво смотрел на звезды.
Пусть уставал к исходу дня
(В деревне летом дел хватает),
Пусть зубоскалила родня:
Де, звезды по ночам считает.
Лишь сад его секреты знал,
Скрывал их под вуалью тени:
Вчера здесь Робин Гуд стоял,
Сегодня — Байрон... Иль Есенин?
Да месяц, сгорбившись чуть-чуть,
Просунув острый рог сквозь
сучья,
Внимал, стараясь не спугнуть
Еще несмелые созвучья.
Не раз бывало, из ветвей,
С прощальным отблеском заката,
Мальчишке вторил соловей,
Наитьем чувствуя собрата.

Когда-то всем поведал Грин
Как истово Ассоль мечтала,
И — ярче утренней зари —
Над миром вспыхнул парус алый.
Воистину, — кто хочет жить,
Презрев соблазнов изобилье,
Стараясь к звездам воспарить, —
Тот часто обретает крылья.

НАПУТСТВИЕ

Не оставляйте дела на «потом»,
Ведь дважды не пройти одну дорогу.
Пока ты полон сил —
построй дом,
Возможностей у молодости много.
Растраченное время не собрать...
Упустишь сроки —
и не будет дома:
Какой же неподъемной станет кладь,
Что ранее казалась невесомой.
Не оставляйте счастья на «потом»,
Откройте дверь, когда оно стучится.
За призрачным гоняясь журавлем,
Не упустите вы из рук синицу.
Вновь эту птицу трудно изловить —
Вспорхнет, умчится, словно
не бывала.
Хоть близок локоток — не укусить:
И шея не гибка, да и зубов не стало.
Мечту не оставляйте на «потом».
Промедлите, навстречу шаг
не сделав,
И то, что душу грело угольком,
Как саваном покроет пепел белый.
Незримо, незаметно, к мигу миг,
За годом год, а там, как вехи, —
даты...
Вы к зеркалу, а в нем — старик,
Седой старик, беззубый
и горбатый...



Я посвящаю эти строки людям,
Входящим в жизнь,
неопытным пока.
Чтоб не был путь тернист
и многотруден,
Прислушайтесь к советам старика.

СТОРОННИКАМ ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ

Я воли не даю словам
И вам не связываю руки.
Мне жаль, что не изведать вам
Какое это чудо — внуки!
Жена и муж — едина плоть!
А вы твердите нам упрямо,
Что все не так! Или ж Господь
Не Еву создал, — двух Адамов?
Задумались ли вы хоть раз
О том, куда ведет дорога?
О тех, кто будет после вас?
Так что же, вы — мудрее Бога?
Увы, подобный опыт был,
Все человечеству знакомо.
И ничему не научил
Пример Гоморры и Содомы.
Иль вновь Творцом обречены?
Однажды не зажгутся свечи...
И на планете, без войны,
Замолкнет голос человеческий?!

«ТИХАЯ ОХОТА»

Осень. «Тихая охота».
Восхитительный сезон!
Осыпает позолоту
С веток лес. Как чуден он!
Утром по корням, корягам
Стелется туманов дым.
Пропитался склон оврага
Духом сказочным, грибным.
Как ладошку, лес свой знаю

И попутчиков не жду.
Сапогами загибая,
Краем просеки иду.
В колее, как в темной раме,
Стынет зеркало воды.
Примечаю под ногами
Жителей лесных следы...
Тонконогие опять,
Слыша поступь грибника,
Врассыпную, как ребята,
Разбежались от пенька.
«Кто таится в листьях палых?
Выходи по одному!
Да не бойся! Самых малых
Я в лукошко не возьму».
Ворошу листву руками,
Мысли благодетны, светлы...
Высоко, за облаками
Журавлиное: «Курлы-ы»...

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Старики мои далеке —
За незримым перевалом...
Память мне сутулит плечи,
Сиротливей в мире стало.
Что ж осталось? Только «ахать»?
И, — неся печать страданья, —
Вновь и вновь всходить на плаху
Запоздалым покаяньем?
Невозможно докричаться
Сквозь мембрану телефона.
Как до Неба достучаться?
В храм иду, кладу поклоны.
В приглушенном свете — блики,
Как от солнца — золотые.
С Царских Врат взирают лики:
Богородица... Святые...
На Канун — конфет и хлеба...
И — на крыльях литургии —
Воспарит молитва в небо.
Говорят, там все — живые!



**Ольга
ВАСИЛЕНКО
(КРАСНИЦКАЯ)**
(г. Санкт-Петербург)



*Родилась в г. Ленин-
граде, проживает в С.-
Петербурге. Член ЛИТО
«ОГНИ ГАВАНИ», Лит-
клуба «Лит-Разж», МСП
«Новый Современник»,*

*Новомосковского литературного объ-
единения. Автор 22-х сборников стихов
и сказок. Печатается в коллективных
сборниках. Постоянный автор, член ор-
ганизационного совета, дизайнер-офор-
митель ТС «Серебряная Нить».*

**УСТАВ ОТ ВЕЗДЕСУЩИХ
ПОДЛЕЦОВ**
Поэтическая миниатюра

Устав от вездесущих подлецов,
мытарящих чужие ожидания, я на-
деваю маску на лицо и ухожу к
наитью на свиданье. Неузнанный
запуганной толпой, свободен для
любых желаний видеть... и, слава
Богу, сердцем не слепой, не за-
хожусь истерикой в обиде.

Копаюсь иногда в себе самом,
особенно в период межсезоний, при
этом вовсе не кичусь умом — есть в
человеке качества достойней. Дру-
зей ценю, когда они друзья, а не
желающие зваться ими. Совсем
не рвусь к имущим власть в зятя и
и уважаю данное мне имя.

Когда бываю в обществе стихов,

я чувствую себя желанным гос-
тем. Среди гостинцев, милых пу-
стяков, я приношу с собою мыс-
лей грозди. И мы подолгу вдохно-
венье пьем с приправами из терп-
ких междустрочий. И я могу ска-
зать им обо всем, что прячу в за-
куточках дня и ночи.

В оболганности жизни не ищу
правдивых откровений на потребу...
Приплачивать обману-палачу за без-
болезненность — плевать в небо.
По-разному хожу, живу, дышу. Ищу
вопросы к правильным ответам. И
доверяю мысль карандашу, а душу
доверяю силам света.

На чистый белый непорочный
лист узоры фраз ложатся, как при-
манки. И опасения мне не указ:
коль захочу, возьму узор с изнанки.
Колдуют чувства над потоком слов,
сбивая спесь с упрямых сочетаний.
А если будет от злодейства прок —
его притянет опыт на аркане.

За мыслью увлекаю строк иг-
ру. Без сожаления излишки режу.
Блажа у воплощенья на пиру, в
промысливанье иногда небрежен.
Загадки пробираются тихом в
излитые потоки откровений. И
поит душу тайны молоком рас-
щедлившийся вдруг наитий гений.

Небрежностью царапая строку,
потом читаю, удивляясь слову... По-
хоже разобраться не могу, когда и с
кем был смысл согласован... Бес-
сонницей плачу за этот шанс при-
тронуться к искусству лицедей-
ства. Порой уводят душу в дека-
данс наитий гений и мое злодей-
ство.

**СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ****Поэтическая миниатюра**

В какое лето из прошедших лет я осенью болел... припомнить сложно. Я так давно с душою осторожен, что все воспоминанья не у дел. Отрывочными кадрами в глазах свербят прохожих радостные взгляды. На маскараде судеб... жизнь назад, я тоже счастьем прежде был угадан.

Была мне роком калена стрела... не пролетела мимо... больно было. Из раны кровь по жизни потекла, в конце концов совсем лишившись пыла. Оборвалась желанная тропа на самом неожиданном обмане. Душа моя как будто не слепа, но прижилась в удушливом тумане.

Теперь давно не пробовал на вкус слезы... как прежде, говорят, солена. Не знаю в минус чувствам или в плюс обида сединой побелена... Лицом упав в ромашковую прыть, невольно забываюсь и хмелею. И нет вопроса "быть или не быть", я есть... но, правда, мира чуть левее.

И вдоль, и поперек, и вглубь, и вширь измерен... кем-то признан и отринут. К стихам сбегая, словно в монастырь, оставив блудную мягкую перину. Но возвращаясь всякий раз назад, очищенный и будто просветленный, я снова прохожу соблазнов сад, разыскивая путь стрелы каленой.

Серебряной струной звучит во мне строка от посвящений во вдохновенья. И будто наяву, а не во сне, я вольной птицей станов-

люсь на время... Я зло трактую так же, как добро, возможностью протчесть событий руны. Вновь накопив святое серебро, потрачу на серебряные струны.

**КРЕСТАМИ ВЫСТЕЛЕННЫ
ПАЖИТИ**

Крестами выстелены пажити:
Роняют их в дороге люди,
С собою волооча груз нажитый...
А души недоверье студит...
И слезы прячутся в молчании
под маской скомканных улыбок...
И прославления величального
извилист странный путь и зыбок.
Монеты ноликами катятся
Дорогой жадною людскою...
И время старой каракатицей
Под ручку тянется с тоскою.
Года уносят в недоверие
накопленных богатств ненужность...
И процветает лицемерие в
попытках оправдать "хапужность".
Не изменяют жизни промахи...
Земля посыпана грехами...
Но дивный аромат черемухи
Благословляется стихами.
Мир упражняется в риторике
на почве вечных разногласий...
Воюют с крестиками нолики...
и мир теряют из-за власти...

А РОССИЯ — ОДНА

Каждый волен вершить
Жизнь свою, привнося перемены,
Продавать за гроши все,
чему подберется цена.
Но...
В заповедной глуши
Только здесь родники —



несравненны.
Много тайн у души,
А Россия — одна.
Как поет соловей —
Знают в разных концах поднебесья,
И всемирность ветвей
песней дивною покорена!
Но... На просторах полей
Только здесь пелись мамыны песни.
Много боли больней,
А Россия — одна.
Новый век на порог
И на цыпочки время привстало.
Всемогуший Господь
подзапутался — где чья вина?
Но... Здешних пыльных дорог
Бесконечно любое начало.
Много разных эпох,
А Россия — одна.

ДОСТАЮТСЯ ТРУДНОСТИ УМУ...

Достаются трудности уму.
Боль стучится в ворота иные —
В добрые, а в тошую суму
Глупость собирает чаевые.
Ум способен достигать вершин,
Боль всегда нуждалась в верной
длани,
Глупость же немедленно поспешит
Для любой суму подставить дани.
Ум порою с болью плотно слит,
Ведь и мудрая душа болеет.
Если ж при уме да сердце спит,
Значит, он дурное семя сеет.
Глупость, та всегда находит лад.
С кем угодно точит глупость ласы.
Для нее любое знание — клад,
Хватит, и запихнет в свои запасы.
Ум с душой бывает не в ладу,
Если холоден он, как ледышка, —
Боль в душевном гнездится саду,
Боль всегда добра, порою слишком.
Глупости и боль, и хлад души, —

Все подходит ей, была бы пища.
Молча, подсчитает барыши,
А потом шумливо тратит тысячи.

Светлана ЛЮКШИНА (г. Тула)



*Люшкина Светлана
Федоровна родилась в г.
Туле. Окончила Москов-
ский институт (ныне
университет) культу-
ры. Работает в Центральной город-
ской библиотеке им. Л.Н. Толстого.
Печаталась в альманахе «Ковчег», в
ежегоднике «День Тульской поэзии
2011» и в «Антологии русской народ-
ной поэзии XXI века».*

МОЛИТВА

Спаси нас, Господи! Наш разум
просвети!
Мы знаем: беспредельна Твоя
милость.
Помолимся!
И, чтобы ни случилось, —
Свет истины Твоей согреет нас
в пути.
Помолимся, мой брат! Покаемся,
мой друг!
О, как мы далеки от совершенства,
Мы недостойны вечного
блаженства.
Спаси нас, Господи! Преобрази
наш дух!
Помолимся, мой брат!
Мир утонул в крови...
Так много их, безвинно убиенных,
Так много зла в сердцах окаменелых.
Так мало кротости, смирения,



любви.

Помолимся, мой брат, за мертвых
и живых!

Помолимся! Наш мир
на шаг от края.

Услышится молитва круговая!
Друзья, молитесь, не жалея сил
своих!

Ты ждешь ответа... Что тебе сказать?
Есть что-то, что в словах
невыразимо,
есть тишина, в которой благодать
вдруг осеняет нас крылом незримо.
Зачем мы встретились?

Так Он хотел...

Он дал нам жизнь.

Он дал нам это знание:

не вечны муки наших душ и тел,
а вечны лишь любовь и сострадание.

Февраль.

Как тоскливо в душе,
как безрадостно в парке.

На старых деревьях повсюду
вороньи огарки.

Темнеет...

И, кажется,— жизнь у черты,
у предела.

Брожу по аллеям без смысла,
без цели, без дела...

Взлетели!..

И воздух пронзают их черные
вскрики,

И чудятся там, в вышине, чьи-то
черные лики.

И кто-то смеется над нами,
попавшими в сети...

«Помилуй нас, Господи!

Мы беззащитны, как дети».

Их целая тьма прилетела сюда
в полнолуние.

Наверно, оно даже птицам

внушает безумье.

Бегу по аллеям...

Где выход?

Становится жутко.

О, Господи!

Как бы и мне

не лишиться рассудка.

Все это уже позади.

Только мне плохо спится.

Врываются в сны мои эти

проклятые птицы.

Кричат оголтело...

И снова мурашки по коже,

И снова молось:

«Сохрани и спаси меня, Боже!»

Ты видишь, Господи, скорбит
моя душа

о том, как мало в этой жизни я
успела,

Твои дары я приумножить
не сумела.

Как быстротечны дни...

Куда они спешат?

А Ты меня спасал у бездны
на краю,

Твой Свет указывал мне путь
во тьме кромешной,

и я хотела жить несуетно,

безгрешно,

но не смогла, прости...

Ты знаешь жизнь мою.

Ты видишь, Господи, все

до глубин, до дна:

моя душа скорбит у смертного

предела;

и ей, томящейся в земном плену
у тела,

порою музыка нездешняя
слышна.

И близится уже тот год, тот час,

тот миг,

будя предчувствий сонм и слезы
покаянья...



Дай стойко претерпеть все муки и
страдания!
Дай, Господи, узреть твой
лучезарный лик!

Елизавета БАРАНОВА

(г. Тула)



*Баранова (Весина)
Елизавета Михайловна
родилась в г. Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает в ТулГУ на кафедре «Информационная безопасность». Автор трех книг (2011—2013). Стихи пишет с детства. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания» и нескольких литературных эссе. Публикуется в журналах и альманахах Тулы и др. городов. Победитель различных конкурсов. Член МГО СПР. Награждена литературными медалями.*

Перелетные птицы-кочевники, где
Та земля, что прекрасней других
во сто крат?
Отразились рябины в озерной воде,
Образуя нечеткий, размытый
квадрат.
Расскажите мне, птицы, о море,
о том,
Как цветет олеандр у подножья
секвой.
...Оседает туман сероватым
платком
На ольхе, преждевременно
ставшей седой...

Распадается небо пронзающий
клин
На две равные рваные полу-дуги,
И вожак птичьей стаи,
коснувшись седин,
Приземляется возле той самой
ольхи.
Говори!
Я по-птичьему точно пойму,—
Я учила с младенчества
птичий язык.
Понимая, что я обращаюсь к нему,
Говорит мне седой перелетный
кулик:
«Жить оседло любой среди нас
был бы рад,
Но крылом от себя мы беду
отвели...
А красивей всего — там,
где дом твой и сад,—
Ничего нет прекрасней родимой
земли»...
Я молчу.
Я смотрю, как кулик облака
Обогнал, разметал,— его крылья
сильны.
Он летит надо мной и кричит
свысока:
«Ничего нет прекрасней родимой
земли!»...
Ухожу. Водоем до весны
отрябил,
Спеленал его льдом мимо
шедший ведун,
И натянуты тени теперь от рябин
На манер золотых балалаечных
струн.
Вот и дом. Вот и сад. Обхожу их,
сама
Будто плаваю в свете вечерней зари,
Повторяя запавшие в сердце слова:



«Ничего нет прекрасней родимой
земли»...

Шита белыми нитками зимняя
ночь
И трещит от морозного ветра
по швам.
Сердце бьется в стенаниях:
«Боже, отсрочь»,—
Бог молчит
и безмолвствует черт-шарлатан.
А в прозрачном окне,
жгуче чувствуя боль —
От того, что ты не был
(а не был ли?) зван,—
Плачет воском цветным,
как дитя, жирандоль
И тужит, и горюет, и верит слезам.
Я тебя не спасу —
не смогу, но... люблю,—
Признаюсь, как в любви
признавалась вчера
Молодая метель старику февралю
И касалась его голубого чела,
И касалась губами заснеженных рук,
И просила: «Люби — не терпи и
не жди»...
Только бился о небо серебряный
круг
Лунных палец метели —
влюбленной швеи.
Сбереги, убеги —
Приворожен — не будь.
Я колдую уже, ждать себе не веля.
...Белешвейка-метель
на иссохшую грудь
Сложит руки крестом
своего февраля...
Не губи — пригуби мой настой.
И прости —
Привороженным жизни иной

не иметь.

Веет — чувствуешь?—
ранней костлявой весной,
Февралю предвещающей скорую
смерть...
Я не вскрикну — смолчу.
...Но послышался треск —
Это ночь парусами небес порвалась,
Это так сокрушается мачтовый лес
И моя наболевшая женская
страсть...

Слушать песни скрипучих телег
Выхожу к переспелым колосьям.
Попросилась ко мне на ночлег
Перехожая странница — осень,—
Попросилась ко мне на порог,—
Закручинилась сразу крушина,
Как меня жить под чертополох
Осень выгнать из дома решила.
Ах, беда ты моя — не беда!
Ах, ты горе мое — не горе!
...Продырявит собою арба
Небо сочное и голубое.
Собирать по оврагам пойду
Черной ночи березовый деготь.
Только хочется в небе арбу,
Дотянувшись, рукою потрогать,
Только тянется в гору обоз,
Только в след мне ругается осень,
И поют крестовины колес,
И шумят межколесные оси.
Мне себя согреть — горевать
Под тележные песни и крики.
...И грустят, опустев, погребая
В ароматах сухой костяники.





Алексей ЯШИН (г. Тула)

Главный редактор журнала «Приокские зори». Член Союза писателей СССР, СПР и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, кавалер орденов «М.Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Автор 30-ти художественных книг. Известный ученый, профессор.

СОНЕТЫ

Смурной и дымный город, пыль
и скука,
И кактусы кирпично-грязных труб.
Его творя, Господь был явно скуп.
Угрюмых фабрик ноющие звуки...

Сплюнь — всюду пыль тотчас
в комок свернется.
Трамвая полный круг —
под двадцать верст.
Он летом мертв, а зимами —
замерз.
Поэту здесь работы не найдется.

Отравлена зеленая река, —
«Проклятый город!» — скажут
без греха:
Плевать в колодец?
Грязью не напиться!

Однако здесь живут под тыщу лет,

В открытках пишут:
«Из NN — привет!»
А город будто облетают птицы.

О, канцелярский стол четвероногий!
Покрытый лаком, все угоды в нем.
Он ночью пуст, но перегружен
днем,
Как кабинет, ревизией встревожен.

Дела, отчеты, папки, календарь
И мысль... А голова, охваченная
тленьем?

Нет, не унылым
временпровождением, —
Здесь Человек творит, а с ним
и инвентарь.

О, двуединство — стол и человек!
Тебе хвала, Петром открытый век —
Параграфа, порядка вдохновенье!

Преград стремительной природе нет,
И вот ее сочувственный ответ:
И человек, и стол слились
в единенье.

Для всех людей спасительное
знание —
Себя самодостаточным считать
В пределах конуры иль мироздания
И сонм заслуг из мелочей слагать.

А в жизни нашей цикле
быстротечном
Седое Время набирает ход



И нам, гостящим в этом мире
вечном,
Безжалостно приписывает год.

Ужель с годами свыкнемся
с покоем?
Но, видно, так уж человек устроен:
Доступны и привычка, и покой.

Философов исканья, стратегемы,
Метания, вселенские проблемы...
Да ну их! Все проходит чередой.

Кумир мой добрый —
Игорь Северянин.
Его поэзы в памяти лежат.
Они скандалят, дразнят
и... грустят.
Он — музы господин и полонянин.

Искусство покоров шестью томами
Напетых небом, улицей поэт,
Из благ земных не сделал он
протез, —
Бродя в стране поэзии ночами.

Здоровый русский дух в век
катаклизмов
Под лозунгом эго- и футуристов
Он выплеснул, иронии дитя!

Ненужной стала маска Шантеклера.
«Стареющий поэт» с особым
флером
Он написал, совсем уж не шутя.

Н.С. ЛЕСКОВ. ОБЛОЖКА

Оттенком красным книжный том
тисненый.
Обрез pulverизован крапом
был,
Как будто кто с усердием помыл
Щербатый пол, лениво подме-
тенный.

Могучий бас диакона Ахиллы,
Жизнь гостомысльских баб —
тисненья рябь,
И плотная Елецких улиц хлябь,
И «Странник», что чарует
с дивной силой.

Левша творит, и жар пылает горна.
Жизнь в захолустье тихом
неповорна.
В столицах — «Нигилисты»
«На ножах».

Тебя полсотни лет читали
в «ятях»,
Но, поумнев, решили все же
снять их, —
Без них читаем будешь ты
в веках!

До горизонта тянется фиорд
И ломаная цепь нагих березок,
Скрученная в бореях и морозах.
Тяжело дышит стужей синий норд.

Над фьордом, над пучиною седой,
Вцепившись в березы ствол



крученный,
Куда-то смотрит викинг,
удрученный:
Невзятою добычей иль бедой?

Могучий стан, а волосы в косу.
Бедна одежда, но несет красу
Узор рубахи ромбом у норманна.

Лихою славой он оваян был;
Приник к скале и навсегда застыл.
Он и скала. Два гордых великана.

Взрыв пустоты
(сверхразряженный вакуум),
Забегали спиральные миры.
Вселенная пролитым в воду лаком
Вся растеклась на зыбкие шары.

И поле уравнений гравитации
Переместило линии орбит.
Спокойной быть иль просто
ужасаться?
Планетный комплекс — вдребезги
разбит!

Шипят в безумье дьявольском
кометы.
Апокалипсис. Мы давно отпеты:
Нет веры в нас ни к Канту,
ни к Христу.

Но гелий синтезирует Ярило
И теплым светом дарит,
как дарило,
Чтоб каждый май лес надевал
листву.

На сердце будто брякнулся сундук,
Тяжеловесным грохотом набитый.
В груди ладонью ощущаю стук,
Отчаяньем и болью перевитый.

Так чувствуешь всегда себя с утра
В асфальтовом и дымном
людосборе.
В своем природа мшении мудра,
И населяют город гарь и горе.

В трамвайной давке каждый
изнемог,
И только запах зелени помог,
Что на базаре покупают бабки.

Вздыхает город в душном полусне;
Пылит кустарник тусклый, в стороне
Брезгливо кошка отряхает лапки.

Оставшееся от него наследство —
Истлевшие пергамента листы,
Слов арамейских тесное соседство,
О благе человеческого труда.

Напрасно виноградники садимы:
Минует все, все суета сует.
А мысли о богатстве —
те судимы,—
За это после, там, прощенья нет.

Израиля унылый пессимист,
Ты в скорби ясен, честен, прям
и чист,
Зари людской высокое мышление.

И ныне в горьких испытаний час
Стихами душу жжет Экклезиаст.
Им нет замен и недоступно тленье.



**Яков
ШАФРАН**
(г. Тула)

**ЦИКЛ
«ЗВУЧАТ КОЛОКОЛА»**

Борьба со злом священна —
Какой бы ни был флаг.
И дружба неразменна.
Ее хранящий — благ.
В сражении со скверной,
За совесть, не за страх,
Одна Россия верно
На том стоит в веках.
Сему примеров много —
Не Сирия одна, —
Когда похоже с Богом
Воюет сатана.
Террор, насилие, казни,
Удар из-за угла, —
Чтоб множить безобразье,
Чтоб землю сжечь дотла.
Но за родных, за правду,
Как в прежние века,
Стоят не за награду
Там русские войска.
Когда война без риска?
Но ведь не в этом суть.
Там армии российской
Смогли престиж вернуть!

*24 ноября 2015 года турецким
истребителем был сбит российский-*

*ский бомбардировщик Су-24. Ка-
тапультировавшийся подпол-
ковник Олег Пешков был рас-
стрелян террористами с земли.*

Во вред себе и выгоде во вред.
России — зло,
а господам — презент.
И безразлично, что придет
вослед.
Безумный шаг?
Неумный президент?..
Опасен злобу затаивший враг.
Еще опаснее коварный друг.
Наш самолет — на острие атак:
А вдруг сломается Россия, вдруг?
Турецкий залп — и самолет
в огне.
Но катапульта все же шанс
на жизнь.
А дальше —
«на войне, как на войне»:
Держись, солдат,
в борьбе с врагом держись!
Вот там уже виднеется вдали
Позиция своих, сирийский флаг...
Но снова залп, на этот раз с земли —
Коварен злостный и жестокий
враг.
Погиб пилот, но в вечности —
герой.
Погиб, но в мире стало меньше зла.
Не потому ли над родной страной
В помин его звучат колокола.

*31 октября (хеллоуин) 2016 года над
Синаем террористами был взорван*



*российский пассажирский самолет с
224-мя людьми на борту. Все погибли...*

Отпуск на Красном не всем
по карману.
Там отдыхает не бедный народ.
Но в этот день, повторять
не устану,
Нет для меня бедняков и господ.

Взрыв в небесах. Потрясенные
Лики.
Ангелов крылья опущены. Боль.
Душ над останками слезы и крики.
Солнечный мир, превращенный
в юдоль...

Там на борту был мальчиш-
первоклассник.
Как он мечтал повести самолет!..
Но для кого-то хеллоуин —
праздник,
Значит, кому-то в прощальный
полет.

Есть ли у зла оправдания
малость?
Точит террор втайне жало свое.
Там, над Синайской пустыней
взорвалось
Красным по желтому сердце мое.



Валерий ДЕМИДОВ (г. Тула)



*Родился 17 мая 1948 г.
в г. Болохово Тульской
обл. Окончил историко-
филологический факуль-
тет ТГПИ им. Л.Н. Тол-
стого. Трудился рабочим, преподавал.
Более 10 лет работал в ряде газет
Тульской области. Член Союза журна-
листов СССР. Печатается в журна-
лах и альманахах. Автор двух книг и
альбома с песнями на свои стихи.*

ДУМЫ О БУДУЩЕМ

Уходят друзья. И меня ждет дорога
В тот мир, о котором не ведаем мы.
Все чаще душа ветерком монолога
Счищает грехи с моей грязной сумы.
Душе ни к чему груз забот
и ошибок,
Она и легка, словно пух тополей,
И вечно стремится туда,
где вершины,
Где море, леса или запах полей.
А я ее запер в темницу квартиры,
Уродливым бытом кормил
и терзал,
И лишь иногда омывал своей лирой,
Когда мы смотрели друг другу
в глаза.
Каким же предстану пред вами,
потомки?
И будет ли имя мое на устах?



А может, меня смоят жизни потоки,
Коль против течения плыть
перестал?
Течение несет нас в болото
забвенья,
И нет ни границ у него и ни дна.
Мгновенья. Все жизни, по сути,
— мгновенья,
И только забвенье на все времена.
Сквозь годы почти невозможно
прорваться
В неясную сущность грядущего дня,
Где, знаю, не будет ни лживых
оваций,
Ни армий чинуш, ни идейных менял.
Я верю, что Божье величие вечно,
Что каждая смерть — это к Господу
шаг.
Мы жизнь проживаем легко
и беспечно,
Поэтому трудно ее завершать.
И все же надеюсь на милость
Господню,
Хотя я Ему много раз изменял.
И, может быть, место мое в пре-
исподней,
Коль вы не найдете на небе меня.

ОБРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Спокойнее, друг мой, спокойней:
Хоть стар ты, но жив ведь еще,
И смерть в своей долгой погоне
Тому не страшна, кто прощен.
А ты ведь прощен — это знаю:
Под Ясной Поляной в купели
Дух Божий кружился над нами
И ангелы радостно пели...

Спокойнее, друг мой, спокойней:
Ты многое сделать успел,
А значит, не нужно агоний,
Коль Бога ты в сердце воспел.
И пусть не пугают болезни,
Хотя и нелегко их гнет,—
Ты знаешь: для духа полезней
Все то, что его всколыхнет.
Не бойся нахлынувшей скорби
О жизни, прошедшей, как сон:
Ведь то, что лежит в твоей «горбе»,
Ценнее, чем «желтый песок».
Пусть груз этот легкий невидим —
Ведь он предназначен Тому,
Кто судьбы людские предвидит
И свет льет в мирскую тюрьму.
Спокойнее, друг мой, спокойней:
Пусть ветер оставшихся лет
Споет над твоей колокольней
Прощальный духовный сонет.
Пусть в сердце, больном и усталом,
Духовное всходит жнивье...
Как много любимых не стало!
Как мало, мой друг, мы живем!

РУСЬ МОЯ

Говорят, что Бог тебя оставил,
Милая, израненная Русь.
Ленин тобой правил,
Правил Сталин —
Всех вождей назвать я не берусь.
Били громко в колокол надежды,
Обращались к душам и умам
Сытые чиновники-невежды,
Расселившись в «Белые дома».
И теперь совсем иной ты стала,
Полная страданий Русь моя,



На тебе воздвигли пьедесталы
Сонмы политических вояк.
На тебе разорваны одежды
И сочится кровь из тысяч ран,
Не держава ты уже, как прежде,
Не идут к тебе, как в Божий храм.
Что случилось с родиной и с нами?
Неужели Дух покинул нас?
Деньги поднимают свое знамя
Даже на святой горе Парнас.
Мы учтиво преклоняем спины
Перед теми, кто имеет власть,
Вроде социально и не спим мы,
Но не можем в счастья мир попасть.
Нет, Господь Россию не оставил —
Это мы оставили Его.
От грехов мы сникли и устали,
Мы забыли, кто такой Иов.
В душевных человеческих чертогах
Не найти спасения душе.
Мы больны, нам не хватает Бога,
И расплаты час пришел уже.
Бог и впредь нас, грешных, не
покинет, —
Ты ведь верой, Русь, жила всегда.
Пусть не гаснет свет душевных
скиний
И журчит духовная вода...

СТАНЦИЯ «ТАРУССКАЯ»

На станции выйду «Тарусская» —
Меж Тулой и древней Москвой.
Обычная станция — русская,
С людьми, тишиной и листвою.
Промчится состав вдоль перрона
И скроется за поворотом, —
И вот уже манит природа,

Зовет к своим русским щедротам.
Ока здесь раскинула плесы,
Строптиво Вашана течет,
Березы, березы, березы —
Никто и не знает им счет.
По тропкам лесным Велегожа
Бродили когда-то и вы.
И я любовался здесь тоже
Пареньем осенней листвы.
А в старой усадьбе Борока
Поленовский гений сумел
С евангельской силой пророка
Картины создать без плевел.
Он славил Христовы законы
И красками грешниц прощал,
А дворик московский знакомым
В картине своей завещал...
Здесь Болотов жил и работал.
Отсюда ушел на «Варяг»
Сын лучший российского флота,
Не сдавшийся в трудных боях.
И Руднева гордое имя,
Отринув могилу глубин,
Живет и поныне с живыми
У нас и на землях чужбин...
Я снова стою на «Тарусской».
Вагон. Стук колес. Бег холмов.
Как много в истории русской
Великих сердец и умов!
Мы с жизненных сходим
дистанций,
Но каждый виток бытия
Есть путь мимо маленьких станций,
В которых Россия моя.





Ольга СОКОЛОВА

(г. Москва)



Соколова (Красовская) Ольга, родилась в 1977 г. в Москве. По образованию — экономист, окончила РЭА им. Г.В. Плеханова. Литературным творчеством занимается с 12-ти лет. Публикуется в журналах «Современная литература России», «Ното Legens» «Спутник». Член литературного клуба Московский Парнас».

Сочиняет стихи с детства. Публикуется в журналах «Современная литература России», «Ното Legens» «Спутник». Член литературного клуба Московский Парнас».

Я снова думаю о том,
Чтоб завести на счастье моду,
И грустных дум моих концы
Ведут в небесные дворцы,
Но обрываются у входа...
Дождь. Небо по листве течет
И разжигает обонянье.
Еще свежо и горячо
Вчерашних слов очарованье.
Я чем-то счастлива опять —
Сиренью или крепким чаем —
Настолько, чтобы различать
В холодном ветре крики чаек...
Я снова думаю о том,
Что красота и чудо рядом,
И звезды тихо будут плыть,
И травы долго будут пить
Дождя косые водопады.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Задержит небо тяжкий вздох:
Электропоезд режет реки,
И провода — как паутина,
И в полусомкнутые веки
Бежит знакомая картина

Кровослияния эпох:
Березы. Веер Иван-чая.
Заборов каменные плиты.
Коттеджи в дорогой оправе.
Кустарник щегольски побритый
Макушкой синий зной буравит.
Звезда, упавшая случайно
На руку нищего ребенка,
Звенит и плачет о далеких,
Заросших дикой земляникой
Планетах... Пестрые сороки
Роняют жалобные крики
На рельсы и взлетают звонко...

Галина УЛЬШИНА

(г. Батайск

Ростовской области)



Педагог, эссеист, член Союза Российских писателей. Автор нескольких сборников прозы и поэзии, изданных в России, Канаде и Германии.

БАТАЙЦЫ

Судьба провинциальных городов —
иметь лицо и сохранять традиции.
Нам, азиатам, не указ Ростов,
нам лучше знать, где надобно
родиться!
Есть города и краше, и милей —
чего скрывать? — Москва,
Нью-Йорк, Неаполь, —
но только здесь весенний птичий
клей
сызмальства заставлял и петь,
и плакать.
И пусть домов соседских вид



простой,
и речка Койсуг не одета камнем,
иду из детства девочкой босой
советскими и крепкими ногами
и свой среди других теряю
след...
Пусть — даже меж бутылок
и окурков —
тут в каждом доме предка есть
портрет.
Мы — местные, и мы здесь —
не манкурты,
и веришь свято, что настанет час,
и поумнеют дети, жизнью битые,
и сберегут наш маленький
Батайск,
с его провинциальными амбициями.

МОЗАМБИК

Говорят, в последний час,
как в фильме,
снова жизнь проносится в глазах,—
а меня кружили серафимы,
из углов смотрели образа,
и рвалось, как ветхая тряпица,
мое сердце, не перенеся
боль несоответствия амбиций
с разведением кур и поросят.
Врач кольнул не дозой анальгина:
— Сорок пять? Пажи-и-ли!..—
Пожила...
И опять сомкнули серафимы
надо мною черные крыла...
Не спасло от бед образование:
крах стране — Гайдар — дефолт —
Чечня...
...А в деревнях русских зори
ранние,
и — с рассвета вкалывала я
в огороде... куры... В *это* утро,

с капельницей в обе-две руки,
я ревела, чуть живая дура,
что умру, не видя... Мозамбик!
И зачем учительнице — Африка?
На черта мне нужен Мозамбик,
если смерть с косой знакомым
абрисом
мне в окошко — адресно
грозит?..
Врач бесплатно раздавал советы,
чтоб, мол, затаилась я на миг —
но... вставали в Африке рассветы,
над землей незнакомой *Мозамбик*...
И светились маковки кокосов,
шли слоны под обезьяний крик —
ни-че-го я, кроме абрикосов,
не видала... Надо — в Мозамбик!
Никаких я денег не считала —
где им быть?—
но на единый миг —
русская учителька мечтала
хоть глазком — увидеть
МОЗАМБИК!
За окном январь.
В палате — холод.
Елку под гирляндами знобит...
Мне не нужен серп, зачем мне
молот?—
до смерти хочу я в Мозамбик!
Ну уж, нет,—
закручиваю фигу я,—
не пришла еще моя пора!
Я, покамест Африку не видела,
ни за что не стану умирать!
Так, с недосыгаемой надеждой,
Зажила-а-ась, не знаю, как и
быть?—
поблагодарить хочу я нежно
недооцененный Мозамбик.

**РАЗГОВОР С ПАМЯТНИКОМ**

Ты плачешь, солдатик,
железный и стойкий солдатик,
в задонских лугах не согнувший
немые колена?

Прикован к кровати, однако,
к последней кровати,
твой друг, ветеран неимуший,
избегнувший плена.
Он ищет медаль «За Отвагу»,
и гладит, лелая,
рассказывает про атаку
как школьникам — к юбилею:
«Был орден — да он затерялся,
герой был — сейчас седой...» —
Спасибо, что жив остался
на поле со снежной лузгой,
где то ли метель, то ли «Мессеры»
стонали и выли о смерти,
где выжить в кровавом месиве
не удавалось и СМЕРШу,
где падали в поле белое,
в его заливные луга,
ребяточки наши смелые,
шедшие на врага.
Словно пшеница — падали,
в небо глаза уставив,
это — по ним ПАМЯТНИК
выплавился из стали.
...Когда разбитные мальчишки
греются Вечным пламенем —
ты подойди поближе:
может, они услышат —
и, словно в молитве (амен!),
стой! — и читай список
сгинувших — с нами фронт!
Стой же! — так грают близко
жадные стаи ворон...

УЧИТЕЛЯМ

1.
С мешком за плечом,
в груди горячо —
Советский учитель на рынке —
а, черт! —
и в тесной нечестной жестокой
борьбе
узнал он нелестную весть о себе:
что преподавал он не то, и не так,
мозги продавал он за медный
пятак...
Наташа Ростова —
в карете на бал —
учитель Ростова полтинник
сорвал...
На кровью залитой Сенатской
полки —
читают «Лолиту» ученики...
«На сердце печатью ты мя
положи...» —
почтой печалью наполнена
жизнь...

2.
Что ж сетовать на низвержение
нравов
и поражаться оскудению душ?
Вы сами пили лживую отраву,
и нас поили, и теперь по праву
мы вместе пьем из покрасневших
луж.
Не вам благодаря, а вопреки,
узнали мы живительные строки,
и Библии воскресные уроки
взорвали грудь — листы ее легки,
да тяжелы потерянные годы.
И наши души — утлые уроды —
уже навряд ли будут высоки.



Ольга БОРИСОВА (г. Самара)



Поэт и переводчик. Переводит с 5-ти европейских языков. Автор 2-х поэтических сборников. Победитель и призер ряда международных поэтических конкурсов. Победитель, международно-го фестиваля «Славянские традиции — 2015 г». Награждена премией «Славянские традиции», медалью и значком «Писательское братство». Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Ее стихи переведены на иностранные языки. Член Российского Союза писателей и Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель Самарской региональной организации этого союза.

ЛЕПЕСТКИ

Северный ветер встревожил
деревья.
Вишня роняет цветков лепестки.
Кружат они над притихшей
деревней,
Вьются у речки, ложась на пески.
В воды упали, плывут
по теченью...
С грустью смотрю я изгнанником
вслед.
Вы отцвели и спешите к забвенью,
Мне же надежду вселяет рассвет.

ГОРОД

Этот город печалью обьят:
Неприветливый, мокрый и серый.
Фонари светлячками горят,
И окутаны сумраком скверы.
Почернели дома-близнецы,
Друг на друга кварталы похожи...
И живут в них сегодня творцы
Новой жизни, а я лишь —
прохожий...

ПЕРЕВОДЫ

Красимир Тенев
(Болгария)

ПУСТОЕ СЕЛО

*«Мучение, запустение! Глубокая
горесть...».* Иван Вазов.

Путь в село. В грязи чернеют
От коляски два следа.
Огоньки в избушках тлеют
Светляками... Нам туда.
В центре площадь. Ослик ходит.
Пережил он старика,
Похудел, без поводка,
Неприкаянным все бродит.
Освещенных — два-три дома.
Фонари еще горят.
И блесит, набив оскому,
С прошлых выборов плакат.
И свистит на флейте вьюга...
Носит ветер в сизой мгле
Некрологи* по земле...
Воет пес. Нема округа...
Сколько зданий здесь



безлюдных!
Трубы больше не дымят.
Ослик вот... Других нетрудно
Сосчитать нам наугад.
Плачут ветхие ворота...
Бельма выбитых окон —
Привидений легион —
Взором впились, как сироты.
Нет ни почты, ни аптеки...
Тишина и пустота...
Бросив все, ушли навеки
Молодые в города.
Мне смешно и грустно так:
В армии из некрологов,
Словно генерал убогий,
Мэра бывшего плакат.

После смерти человека в Болгарии, на стенах домов или на центральной площади, на доске объявления вешается некролог. Он висит до тех пор, пока не сорвет его ветер.

Комедвенска Ники
(Болгария)

РАЗДЕЛЕНИЕ

Три разных женщины живут
во мне,
На йоту не отступит
никакая.
«Склонись! — одна мне шепчет
в тишине, —
Покорных любят больше.
Будь такая!»
Вторая же настроена на бой,
В канаты заплетает мои вены,
И ночью раздается хищный вой:
«Не покорюсь! Не встану

на колени!»
И третья... ах! Умелая вполне.
Мою броню снимает в одночасье.
Любовью распускается во мне,
И наполняет радостью
и счастьем.
Люблю я их! И не сержусь
совсем,
Душой повелевают на постели.
Когда ж уйду в небесный
Вифлеем,
Как, удивившись, их Господь
разделит...

Сергей РЕДКОВ

(г. Тула)



Родился в Туле в 1978 г. В 2005 г. окончил МГУ Культуры и Искусств. Литературным творчеством увлекается с 2009 г. Участник МЛО «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева. Печатался в газете «Тульский литератор», в журналах и альманахах Тулы и Украины. Победитель конкурса «Мой Пушкин» (2011 г.). Автор нескольких сборников стихов.

ПТИЦЫ Из цикла «Крыло»

Когда, уставший, ты заходишь
в дом,
Мечтая лишь «уснуть и видеть сны»,
Когда упал в кровать, а за окном
Щебечут птицы — вестники весны,
Тогда, сквозь дрему, понимаешь ты,
Купаясь в звоне птичьих голосов,
Что кроме денег, боли и вражды



Еще есть жизнь, где песни,
где любовь,
Где серебрится радостный ручей
Под небом и лучами тысяч солнц,
Где узнаешь себя среди лучей,
Но не уверен, явь то или сон...
Вольется в сердце благостная весть,
Когда вдруг вспомнишь свет
любимых лиц,
И станет ясно — в небе кто-то есть
Еще помимо звезд и певчих
птиц...

Малыши играли в «Короля».
Королем стал самый слабый
мальчик.
Плакал, если вдруг прищемит
пальчик,
А теперь в его руках — Земля!
Дифирамбы слышит в свою
честь.
Провинился младший —
Будет взбучка.
Девочки гуляют с ним за ручку,
И в кармане леденцов не счесть.
Как же хорошо быть королем!
Но проходит срок. Пора меняться.
Тяжело с короной расставаться.
Снова стать «без палочки
нулем»?
Только зуд величья не украсть
У того, кто посидел на троне.
И растут, растут Наполеоны,
Чьи клеймило души слово
«Власть».



Сергей РЕЗВЯКОВ

(г. Тула)



*Работает токарем.
Пишет стихи, в том числе
и для детей, и о детях.
Любит природу, увлекается
фотографированием. Член клуба
православных писателей «Ковчег» при Тульской
духовной семинарии.*

ДУБ И ОРЕХОВЫЙ КУСТ

Басня

Дуб разговаривал с ореховым
кустом.
Не сомневаясь в величии своем,
Спокойно и разумно поучал:
— Я с высоты своей вершины
замечал,
Что в низости твоей твои повинны
корни.
Ты поскромнее будь, дружок,
и помни,
Что я об этом точно знаю
И все равно тебя от зноя укрываю —
Листу упасть с тебя не дам.
— Я все прекрасно вижу сам, —
Куст низкий дубу отвечал, —
Пусть пред тобою я и мал,
И тень твоя повсюду тут,
Но на тебе одни лишь желуди
растут
Так высоко — достать нельзя их
без помехи.
На мне же сладкие растут орехи,
Доступны каждому они —
Лишь только руку протяни.
Мораль сей басни, вот беда,
Для многих будет неприятна:
Орехи любим мы всегда,
Кто любит желудь — всем понятно.



Нина ГАВРИКОВА

(г. Сокол

Вологодской области)



По профессии художник-оформитель. Сейчас на пенсии по инвалидности. Пишет стихи и прозу. Член литобъединения «Сокол» и МСТС «Озарение»,

руководитель детского литературного клуба «Озаренок» в Соколе. Имеет 6 персональных сборников прозы и стихов. Номинант международной премии «Филантроп», одна из победителей конкурса прозы журнала «Три желания». Лауреат, победитель, финалист различных литературных конкурсов. Член жюри, Лауреат и Магистр Международного Фонда «Великий Странник Молодым».

АПРЕЛЬСКИЕ ТОНКОСТИ

Весны нехитрые наброски
Апрель шлифует. На холсте —
Пейзаж спокойный и неброский —
Природы прелесть в простоте.
Небесным дамам без расчески,
Без фена быстро уложил
Кудряшки в пышные прически.
Сердитым тучам услужил.
Как будто лета отголоски,
Ударит гром, и значит: жди,
Что, не забоясь по-отцовски,
Прольет холодные дожди.
Листва, как осени обноски,
Вокруг осин сплошным ковром.
Дороги тонкие полоски,
Не ходят нынче босиком.
Весны нехитрые наброски

Апрель шлифует. На холсте —
Пейзаж спокойный и неброский —
Природы прелесть в наготe.

СТАРЫЙ ДОМ

Заброшенный домик в глухом
захолустье.
Углами трещит от мороза изба,
Да холодом дышит печи русской
устье.
Снаружи вдоль окон крошится
резьба.
В заснеженной дали для ветра
раздолье —
Поземкою легкой скользит
поутру.
Две мыши, забравшись тихонько
в подполье,
Усердно прогрызли большую дыру.
Ажурною сетью опутаны вишни.
Фонарь не горит, сверху смотрит
луна.
А в мире большом старый дом
стал вдруг лишним.
Деревня теперь никому не нужна.
Дремотное царство нарушил
однажды,
Прибывший из города днем
паренек,
В сугробах глубоких протопал
отважно
К колодцу тропинку. Зачем?
Невдомек.
Наследник с женою примчались
под вечер.
Мангал, шашлыки, звон бокалов
в тиши.
Ожил старый дом — голоса
человечьи...
И дядя наследство отдал
за гроши.
С рассветом пахнуло опять



запустеньем.
Молчанье пространства звенит
вновь струной.
Спонтанным мгновением было
вторжение,
И снова пахнуло со стен стариной.
— Я скоро приеду! — как флейты
звучанье. —
Весною ремонтом займусь,
а потом
Невесте на осень назначу
венчанье.
Здесь месяц медовый мы с ней
проведем...
В заброшенном доме в глухом
захолустье
На печке крестьянской сидит
детвора,
Шумит самовар, мать достала
из устья
Поддон пирогов, знать, обедать
пора!

ДОЖДЬ

Осенний моросящий нудный
дождь
Меланхолично падает на стекла.
Теплом и светом привлекают окна.
А куртка тонкая насквозь промокла,
Пронзает тело внутренняя дрожь.
В зеркальных лужах — отражение
ног
Прохожих редких, спутников
случайных.
Крик журавлей пронзительно-
прощальный.
Берез продрогших диалог
печальный,
Что в этом мире каждый одинок...
Наступит скоро зимняя пора,

Рассыпавшись, как сахарная пудра,
Прикроет землю — это ей не трудно.
Природа поступает очень мудро,
Капель с небес закончит до утра.

Игорь МЕЛЬНИКОВ

(г. Тула)



*Родился в г. Туле.
Имеет два в/о. Член Со-
юза писателей-перевод-
чиков при Московской
ГО СПР. Участник библиотечно-ли-
тературного объединения «Лад» при
ТОУНБ и литературно-музыкальной
студии «Вега». Лауреат Всеросий-
ской литературной премии «Левша»
им. Н.С. Лескова в номинации «Поэ-
зия» (2014 г.). Награжден медалью
«60-лет МГО СПР» (2015). Дипло-
мант городского литературного тур-
нира «Венок Пушкину» (1999 г.). Ав-
тор 3-х поэтических сборников. Сти-
хи опубликованы в литературных жур-
налах и альманахах Тулы, Москвы и С.-
Петербурга.*

Воруя время, словно тать,
У самого себя,
Я разучался рифмовать.
Не знаю — почему...
Был детской ложью увлечен
И сам себе внушал,
Что не мечтаю ни о чем,
Но все равно — мечтал.
Зимой, в холодном январе,
Напяливал пальто,



Пытаясь душу отогреть,
И говорил — не то.
Теперь, когда пришла весна
И тридцать лет уже, —
Молчу, как старый партизан,
Чтоб не ломать сюжет!

День промчался, словно катер по Оке,
И на память нам остался этот след
Ног босых мудреной строчкой
на песке,
Но волна на берег хлынет грудой лет.
С дебаркадера мальчишка смотрит
вдаль.
Там деревья и малиновый закат.
Может, мальчику неведома печаль,
Или просто он мудрее во сто крат
Взрослых нас и, кривотолкам
вопреки,
Просто верит, что наступит день
другой.
Будут помыслы чисты и высоки
И большое солнце будет над рекой.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНКА

Жизни движение плавное.
Тихое созерцание.
Провинциальный воздух.
Пешей прогулки естественность.
Не устает приветствовать,
Можно кивком и молча,
Всех, кто идет навстречу,
Все тебе здесь знакомы:
Люди, деревья, кошки,
Крыши домов, скамейки...
Ты же писатель местный,
Мыслящий о глобальном.

Натали СИЛАЕВА (г. Серпухов Московской области)



Силаева Наталия занимается творческой деятельностью с 2005 года. Участник многих смотров художественной самодельности и конкурсов. Имеет многочисленные грамоты и дипломы. Автор 2-х сборников стихотворений. Публикуется в коллективных сборниках, альманахах, периодических изданиях, в том числе и в журнале для детей, в региональных СМИ. В 2010 г. стала инициатором и создателем молодежного литературного объединения г. Серпухова «Клио», руководителем которого и является. Стипендиат премии Губернатора Московской обл. молодым талантливым авторам. На полученную стипендию литературное объединение «Клио» выпустило свою первую книгу «Когда литература искренность отражает...» часть 1, 2015 г., составителем которой является Силаева Н.А.

Я столько раз тебя теряла —
И в сердце оставалась боль.
Я к новой жизни привыкала,
Где существую не с тобой.
Я столько раз смирялась с правдой,
Искала новые пути.
Но между тем в душе украдкой
Рождались для тебя стихи.
Я вновь и вновь бежала дальше,



Где нет ни капельки тебя.
Но жизнь не терпит глупой фальши,
Не обмануть мне и себя.
Я прочь гнала воспоминанья,
Пыталась просто дальше жить,
Но только сердце билось тайно
В надежде искренне любить.

Город перед зимою засыпает.
Холод любить сердцам не позволяет.
Голод в душе и венах по теплу.
Молод мороз, что пишет по стеклу.
Душит вся эта жизненная серость.
Дружим
порой не с теми, с кем хотелось.
Лужи уже покрыты серебром.
Души затынуты, как лужи, льдом.

(Триолет)

Совсем несложно прикоснуться
к счастью —
Лишь стоит только захотеть.
Позволь своей душе гореть!
Совсем несложно прикоснуться
к счастью!
Не наслаждайся малой частью,
Не соглашайся просто тлеть!
Совсем несложно прикоснуться
к счастью,
Лишь стоит только захотеть!



Валентина ВОЛЧКОВА

(г.Серпухов
Московской области)



Родилась в 2003г.
Ученица 7 класса МОУ
СОШ №1 г. Серпухова.
Награждена Дипломом
III степени на город-
ском конкурсе на лучшее
знание госсимволики России (стихо-
творение «Российский герб — двугла-
вый орел») в 2014 г. I место в номина-
ции «Поэзия» в открытом конкурсе
ЛитО «Клио» в 2015г. III место в но-
минации «Лучшая сказка» в Региональ-
ном конкурсе в рамках Года литерату-
ры к Международному дню детской
книги на лучшую сказку «День рожде-
ния сказки». Награждена благодар-
ственным письмом главы г. Серпухова
в 2013г. за публикации в детском го-
родском журнале «Вестенок». Член
молодежного ЛитО «Клио» г. Серпу-
хова. Публикуется в детском город-
ском журнале «Вестенок», в газете
«Серпуховские вести», в коллектив-
ном сборнике Московского Совета
ЛитО при Союзе писателей РФ «Со-
звучие» и др.

РОССИЙСКИЙ ТРИКОЛОР

Развевается над нами
Наш российский триколор:
Над лесами, городами,
Над расщелинами гор.
Облаками небосвода
Нам сияет белый цвет,
Отражает он народа
Благородство с давних лет.



Бурной речкой протекает,
Символ верности храня,
Синей полосой сияет
Флаг российский для меня.
Нашим мужеством, любовью
Багровеет красный цвет.
Он пропитан предков кровью,
Став ценою их побед.
Простирается над нами
Наш российский яркий флаг,
Под родными небесами —
Не подступит близко враг.
...Эти строки, столь простые,
Понимает только тот —
Тот, чья Родина — Россия,
Тот, кто с детства — патриот.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Задали вчера нам в школе
сочинение —
«Право человека» на его хотение.
Я и написала, маме показала,
Мама прочитала —
в обморок упала!
Папе показала — папа рассмеялся,
Было ощущение — он не удивлялся.
А когда сказал мне:
«Что ты написала?» —
Это ощущение сразу же пропало.
Было интересно, что я написала?
А вот это мама бабушке читала:
«Право на мультфильмы,
право на котенка,
Право на еще одну куклу
и сестренку,
Право на подарки,
право на планшеты,
Право на любимые вкусные
конфеты,
Право на слониху
синюю-пресинюю,
Право президентом быть, ездить

на машине,
Право двойки получать, родителей
не слушаться,
Право самой главной стать, воду
пить из лужицы...»
Как дошли до «лужицы», бабушка
сказала:
«Этого достаточно!»
(чтоб мама не читала).
Мне сказала мама: «Валя!
Переписывай!
Как учили в школе,
в этот раз записывай».
Уходя из кухни, маме я сказала:
«Ты бы в детстве тоже так бы
написала».
Многие считают: «Это —
безобразия».
Только у ребенка есть право
на фантазию!

ПИСЬМО С ФРОНТА

Тебе пишу, печальной и далекой,
Я после схватки злобной
И жестокой.
Закончен бой.
Мои друзья погибли как герои,
Они сражались бок о бок
со мною.
А я живой.
Пишу письмо, а рядом заряжает
Свой пулемет неопытный стрелок,
Другому санитары помогают,
А я без ран закончить бой свой смогу.
Мы победим, и я домой приеду.
Я обещаю, только жди меня!
Не плачь и верь — одержим мы
победу!
Тебя люблю я, милая моя!





Валентина ПИНАЕВСКАЯ



(г. Тула)

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Еще по-летнему тепло,
Пестреют августа картины.
Блестит оконное стекло
Осенней грустью паутинок.
Впервые сожалею я,
Что солнце украдут туманы,
Оденут рощи и поля
Добротно сшитые кафтаны.
Не радуется, что зимний день
Сплетет узор воздушных кружев,
А чай с травой одолень
С хандрой пока навряд ли
сдюжит.
И чувств бурлит водоворот,
Хоть знают и душа, и тело,
Что если лето круглый год —
Оно бы вскоре надоело!
Вдруг ветер-круговой затих,
И, объясняя слог капризный,
Грустит, как друг со мною, стих,
Когда приходит осень жизни.

НЕСЯ ПОКОРНО КРЕСТ ЗЕМНЫХ НЕСЧАСТИЙ

Неся покорно крест земных
несчастьи,
Спешу с природой быть наедине,
Где снег весны, как жемчуг на

запястье,
Подвластен первозданной
белизне.
Где тихо, словно мира сотворенье
Лишь полчаса назад произошло,
И, шепотом слагая песнопенья,
Течет река под согнутой ветлой.
Черная вода, как будто бы Создатель
Налил чернила щедрою рукой,
Чтоб каждый смог поэт
или писатель
Свершить свой вдохновенный
непокой.
И стайка темных мыслей торопливо
В прибрежных исчезает камышах.
Уста молчат смиренно и стыдливо,
Когда в груди поет, поет душа!
И не мирской внутри напев из арий,
Не новомодный иностранный хит,
А прославляющий аллилуарий,
Всех скорби побеждающий,
звучит!
Остались только:
след от прежней боли
И в списке поминальном имена.
Передо мной невспаханное поле,
И в стойле конь, и плуг, и семена.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк идет по городам
России,
И гул по всей Земле от множества
сапог.
Идут, чеканя шаг, под майским
небом синим
Все те, кто отстоять в боях
Отчизну смог.



Кто выжил, кто домой вернулся
похоронкой
И выполнил приказ: «Столицу
не сдавать!»
Кто по ночам во сне бывал в родной
сторонке —
Проведать отчий край, обнять
старушку-мать.
В одном строю войска и Армии,
и Флота,
Плечом к плечу и командир,
и рядовой.
Идет за взводом взвод,
идет за ротой рота,
И каждый — победитель, истинный
герой.
Вглядитесь в лица тех, кто завещал
потомкам,
Простое счастье: быть, любить
и созидать,
Чтоб детский смех звучал
заливисто и звонко,
Чтоб в мирный день война
не вторглась никогда!
Фронтовики! С годами
не померкнет слава
И в памяти людской вовеки будет
жить!
А жаждающим теперь историю
«поправить» —
Ответим: не дадим ее
перекроить!
Бессмертный полк идет, гремят
салютом грозы,
И с фотографии глядит на нас
боец.
Я плачу, не стыдась, не вытирая
слезы,
Мы рядом — внучка, дочь и мой
родной отец.

Людмила АВДЕЕВА (г. Москва)

ПОЛЕ БОЯ — ДУША



Людмила Евгеньевна Авдеева — член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, Международного Литфонда, клуба писателей «Золотое руно», Российского Союза ветеранов Афганистана, редколлегии журнала «Приокские зори», руководитель ЛитО. Занимается научной и педагогической деятельностью. Автор более 30 книг. Лауреат и победитель Международных отечественных и зарубежных литературных фестивалей и конкурсов. Имеет множество наград.

Душа моя, как поле боя.
Душа моя, как борозда.
И ни минуты нет покоя.
И ни минуты без труда.
И хоть стихи теперь не кормят —
Они бездомнее сирот,
Но в них моей России корни
И в них бессмертный мой народ.

ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

*Памяти 224-х погибших 31.10.15 г. над
Синаем пассажиров российского лайнера*

Земная жизнь страшней,
чем Дантов ад.
Погибель ждет за каждым поворотом.
Сальери Моцарту когда-то всыпал яд.



Теперь под реквием летают
самолеты.
Все тяжелей, томительней дышать
Тем воздухом, где аромат
насилия,
Когда страна тебе уже — не мать,
Ведь защитить тебя она бессильна.
Колокола звонят за упокой.
Ударов 200, 20 и 4.
Египет расточает щедро зной
И вешает на шею смерти гири.
Санкт-Петербург. Аэропорт — в
цветах.
На площади игрушки и портреты.
И свечи поминальные горят —
Так кончилось их отпускное лето.
Так кончилась земная жизнь детей,
Впервые море увидавших. Счастью
Их не было предела. А теперь
Найдут ли души их сияние
причастья?
От бед уже чернеет календарь.
Крушенья, взрывы... Сколько дат
жестоких.
И сколько принял жертв людской
алтарь!
О, Господи, насилия истоки
Засыпь землей, чтоб не покрыла
тьма
Планету. Не лишила ее света.
Смягчи сердца. Не дай сойти с ума,
Как Чаадаеву, российскому поэту,
Ведь боль Земли и трещины на ней
Через его всегда проходят душу.
И все длинней клин белых
журавлей.
Кровоточат и небеса, и суша,
И океана гладь, и гладь реки,
Лесной массив, охваченный
пожаром...
О, Господи, Россию пощади,

Освободи планету от кошмаров.
Горит свеча, и бьют колокола.
Ударов — 200, 20 и 4...
И остается вечною мечта
О справедливом, светлом, добром
мире.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ ЗЕМЛИ

*«Прощай, великая Держава,
одна шестая часть земли,
Которую на переправах
мы сообща не сберегли.*

Борис Примеров.

Пред Родиной мы нынче
в должниках.
Она теперь живет на сквозняках.
Живет, не слыша собственного эха,
В Истории своей за вехой веку
Зачеркивая в памяти потомков.
О, как же много развелось
подонков,
Тех, для кого родимая земля
Теперь не мать. Расправь же
крылья птицей,
Моя страна, великой стань,
как прежде,
Верни сердцам ты прежние
надежды.
*«Одну шестую часть земли,
Державу,
Мы не смогли сберечь на пере-
правах».*
Виновны мы, но подрастают дети.
И мы теперь за их умы в ответе.
Они спасут Отчизну от насилия.
Расправит крылья Родина —
Россия.



Олеся МАМАТКУЛОВА

(г. Алексин,
Тульской области)



Преподаватель биологии. Автор 2-х сборников стихов. Произведения опубликованы в журналах, альманахах и сборниках Тулы, Орла и Москвы. Лауреат районных литконкурсов, награждена дипломами XI творческого конкурса «Мой Пушкин», конкурса Моссовета ЛИТО. Участница областного МЛО «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева (г. Тула, руководитель Виктория Ткач).

Подальше от людей, к природе
ближе, к лесу.
Побольше тишины. Не надо
громких слов.
Чем дольше я живу, тем меньше
интереса
К постылой суете и шуму городов.
Не гул пустой молвы — зовет
дыханье ветра,
Мелодия дождя, шуршание листвы
В тот светлый, чистый мир, где
глупых нет запретов,
Где можно быть собой, о моде
позабыв.
Где просто и легко, и дышится

спокойно,
Черемух белый снег и кружево берез.
Объят здесь каждый день
таинственной новью,
Он ярок и красив, и не пророчит слез.
Там голубая даль, прозрачна
и безбрежна,
Вся соткана из трав, невычурных
цветов.
Там спрятан ценный клад.
В нем — вера и надежда,
Врачующая душу, дарящая любовь.

Полночь пропитана мятой,
Месяц в дозоре стоит,
Шепчутся липы невнятно,
Звезды восходят в зенит.
Лунным укрывшись нарядом,
Дремлет во мгле тишина.
Трудно представить, что рядом
Нет ни покоя, ни сна.
Земли насыщены кровью,
Тысячи гибнут сердец,
И под руинами кровель
Город шахтеров — Донецк.
Трудно поверить: с рассветом
Не воцарится покой,
Детство запомнится детям
Страхами, болью, войной...
Вновь убивают невинных.
Горек прозрения час.
Мира тебе, Украина!
Мира, рабочий Донбасс!





Людмила ПЕНЬКОВА



(г. Тула)

**ТЫ ДАЛ МНЕ
ДУШУ — ЧАСТЬ
СЕБЯ, МОЙ БОГ**

Твоя душа во мне: обитель света,
Успеха и гармонии приют,
Ваятель чудодейственных минут,
Где творчеством обыденность
согрета.

Ты дал мне душу — часть Себя,
мой Бог!

А вместе с ней —

Божественности суть:

Любви бескрайней вековечный путь,
Мудрейшую из всех земных дорог.

С Тобой по ней идти мне

без преград,

И радостью Твоей в пути лучиться,

И каждым мигом жизни
насладиться,

И созерцать блаженства звездопад.

Ты дал мне душу — часть Себя,
мой Бог!

А вместе с ней — свободу
созиданья.

Перечеркнул меж нами расстояние,
Дал счастье понимать Твой —

Высший — слог!

Дал счастье находить Тебя во всем:

В течение звезд, в глазах цветов

и в птицах,

В улыбках, что цветут

на наших лицах

И в той любви, что для других
несем.

Заросший пруд пристрастья
не смакует.

Он в свой покой давно уже влюблен.
Случается, что с ветром потолкует
Иль ночь без сна с луной разделит
он.

Но свежесть утра нежностью опала
Одарит его внутренним почтеньем,
И вспомнит старец: лебеди, бывало,

Гляделись в его воду

с наслажденьем,

И белых лилий взоры у зари

Просили для него благословенья,

И первые от жизни буквари,

Составленные вечности теченьем...

ХРИЗАНТЕМЕ...

Я, возможно, теряю приличие,

Отдавая тебе предпочтение.

Но в твоём, хризантема, обличии —

Радость жизни, полет,

вдохновение.

Взором счастья ласкаешь мне
душу,

Всем сомненьям пророчишь
изгнание.

Как молитву красу твою слушаю,

Отвечая любовным признанием.





**Ирина
НАЗАРОВА**
(г. Серпухов
Московской области)



*Родилась в г. Серпухове 3 декабря 2000 г.
Стихи пишет с 8-ми лет.
В 2014 г. окончила детскую музыкальную школу по классу фортепиано. Член ЛитО "Клио" г. Серпухова.*

ПЕЙЗАЖ

Одеяло из тумана,
Мгла висит на проводах...
Эта тьма полна дурмана,
Держит ночь в своих руках.
И плетет клубок дорога,
Будто нитками судьбы,
Шепчут клены у порога,
Спят фонарные столбы.
Тихой песнью откликаясь,
Призрак лунного лица
Смотрит, мило улыбаясь,
Докатившись до крыльца.

ВЯЗАНИЕ

Петля, петля. Еще петля.
С накидом столбик, без...
На середине октября
Теряет время вес.
Петля, петля, немой узор
Сплетает снова ночь.

Во взгляде осени — укор:
Зачем погнали прочь?
Петля, петля и завиток...
Стой, осень, не спеши!
Прими мой вязанный платок
От сердца и души...
А за окном ковер дорог —
Ажурные края
Сплести до неба кто-то смог.
Жаль, вязка не моя!..

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ**

Пепельные волосы до плеч —
Это гулких улиц повороты.
Шепот переулков старых — речь,
А глаза — квадратных окон соты.
Твой портрет я вижу сквозь стекло,
Но теперь он снегом припорошен.
Твой портрет наклеен на окно,
Ветром из тончайших льдинок
сложен.
Я люблюсь, сидя за столом,
На изящных черт переплетенье.
И все время думаю о том,
Что, возможно, это не виденье.
Город мой, хочу тебя обнять,
Все твои дома и закоулки.
А еще хочу тебе сказать,
Что люблю вечерние прогулки.
Может быть, когда-нибудь с тобой
Мы пойдем пешком, держась
за руки,
Окунемся в вечер с головой,
Чтоб затихли в сновиденьях звуки.
Лягу спать я, глядя в потолок,
Слушая полночные мотивы.
Милый мой, любимый городок,
Как же вечера твои красивы!



Елизавета ГРИШИНА

(г. Серпухов

Московской области)



*Родилась 18.05.1999 г.
в г. Серпухове. Окончила
художественную школу.
Учится в 10 классе СОШ
№6. Член ЛитО «Клио».*

Сотрудничает с молодежной редакцией газеты «Серпуховские вести» и журналом «Вестенок».

Глаголы стали напастью,
Когда с газетных листов
Они говорят:
"Покупайте!
Платите!
Приобретайте!
Попробуйте!
Просмотрите !" —
Какое обилие слов...
Меня не досадует нынче
Наличие разных услуг,
Товаров ненужных для жизни,
Реклам, что зовут
И влекут;
Тревожит огромное слово
Закрывающее много вдруг —
«Потребность»...
И — «Спрос».
Заклеймили —
«Маркетинг» —
Влияет
На плуг,
В который, как лошадь,
Впрягают
Родных тебе,
Друг мой,

Людей,
А труд
В оборот превращают
Финансов
И ложных идей.

Эльвира БОГДАНОВИЧ

(г. Алексин

Тульской области)



*Родилась в 1935 г. в с.
Сухарево Дубенского р-на
Тульской обл. Окончила
факультет русского языка
и литературы Калуж-
ского пединститута. 30 с лишним лет
проработала в школе. Пишет стихи с
юности. Издала два сборника стихов.*

Похороню на дне души
причину горьких слез
и посидеть одна в тиши
уйду туда, где плес.
В прозрачной зелени воды
мелькнут мальки, резвясь,
и чайки с криком с высоты
опустятся, сердясь.
А волны медленно идут,
чуть щурясь, вдоль реки.
На берегу упрямо ждут
удачу рыбаки.
Пронизан солнцем мир живой,
в нем места грусти нет.
И снизойдет ко мне покой
и вера в добрый свет.



Татьяна ЛЕОНОВА

(г. Щекино

Тульской области)



Поэт, композитор, автор и исполнитель песен, член СРП, Союза журналистов и Союза писателей России. Родилась в г. Ставрополе.

На ее стихи ею и другими композиторами написаны песни, романсы и баллады. Изданы 10 сборников стихов, нотный сборник, 5 альбомов песен и романсов и музыкальный аудио- и видео-альбом. Публикуется во многих литжурналах и альманахах. Организатор клуба «Поэтическое братство», творческого объединения «Орфей», Областного фестиваля поэзии и авторской песни им. И. Талькова. Организатор и руководитель ежегодного Всероссийского фестиваля поэзии и песни «Яснополянские зори». Лауреат и дипломант многих фестивалей и конкурсов.

ЖИВУ И ВЕРЮ

Пророчат нам апокалипсис,
Исчезновение пророчат,—
Мол, тучи серые нависли,
А солнце уж светить не хочет.
А я живу, люблю и верю,
Я вдохновляюсь созиданьем,
Шагая в будущее время,
Я верю в мудрость мирозданья!
Я снегу радуюсь зимой,
А осенью багряным листьям,

Я летом обожаю зной,
Весною звон ручьев речистых.
С приходом ночи верю в день я,
А утром в мудрость провиденья!

Для кого-то небо — только небо,
Голубых ветров непостоянство,
Там, где облака с дождем и снегом
Бороздят воздушное пространство.
Для кого-то — это тайна, небыль.
Тем, кто наделен особым слухом,
Открывается иное Небо —
Обиталище Незримых Духов.
Ну а мне там музыки раздолье,
Рифм и смыслов хор многоголосный,
Творческого плодородья поле —
Только успевай косить колосья!

Ольга ПАВЛОВА

(г. Алексин

Тульской области)

Родилась в апреле 1956 г. в Алексине. Член Московского ЛИТО, член «АЛПУ» г. Алексина. В 2010—2011 гг. работала в газете «Среда» — писала фельетоны о городской жизни, рассказы о горожанах, была своя рубрика. Издается в различных изданиях — газетах, сборниках и альманахах. В 2015 г. увидела свет первая книга — «Души тончайшая струна».

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Где б русский человек ни побывал —
Не может этим местом не гордиться.
Горят, блестят у храмов купола —



Святой России малые частицы.
По белу свету славили тебя
Во все века твои паломники.
И монастырская стена
Прошедших лет движение помнит.
Здесь тишина, не пустота.
Здесь высота. Покой и нега.
Не чувствуется суета,
И нет у времени разбега.
Здесь главный храм под своей сенью
Останки светлые хранит.
И помнит старцев наставленья
Могильных плит седой гранит.
Здесь все другое: скит и сад,
Иная зелень: свет и святость.
И над усопшими кресты —
Ни что иное, только радость.
Поставлю свечи у иконы
И тихо-тихо помолюсь.
С гудящим колокольным звоном
Отступят боль, тоска и грусть.
Храни меня и будь со мною,
Святая, светлая земля!
Приду не раз к тебе с поклоном
Я, недостойная тебя.

У алтаря молодка плакала.
Сказать конкретнее — рыдала.
Поверь мне, я видала всякое,
Но вот такого не встречала.
Красива. Ладно сложена
И, как с иголки, одета.
Костюмчик тонок дорогой,
Хоть на дворе совсем не лето.
Вся в золоте стоит красотка:
Браслеты, кольца, серьги, цепи...
Вдруг что-то всеу потеряет —
Даю вам слово, — не заметит.
Брильянты весело сверкают
И, отражаясь в свечном блеске,

Стократ сиянье умножают
На всех иконах, занавесах.
Дымится свечка сизым чадом.
На туфли теплый воск стекает...
А слезы... Слезы льются градом,
Сквозь макияж дорожку пробивая.
Губами шепчет непонятное,
Одной лишь ей, до боли близкое.
Что приключилось с тобой, милая?
Всего лишь раз в году так искренна?
Почти сгорела ее свечка.
Склонилась дама над иконой.
И поясные, и земные
Кладет, кладет она поклоны.
...У алтаря рыдает женщина.
Никто ее не осуждает...

Ольга АНДРЕЕВА (Тула)



Родилась в г. Туле 17. 11. 1959 г. В 1982 г. окончила Механический факультет Тульского Политехнического института. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. — учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России. Член Союза художников России.

АНАСТАСОВ МОНАСТЫРЬ

Над неспешною рекою
Анастасов монастырь
Нас к духовному покою



Призывает,— поводырь.
Над полями, над лесами
Белым ангелом парит,
Удивляет чудесами,
Милость Божию хранит.
За победу над врагами,
В благодарность небесам
Воротынскими князьями
Был воздвигнут первый храм.
Он на страже пять столетий
Православия доктрин.
Были годы лихолетий,
Но поднялся исполин.
Восхищает мощью святой,
Как ковчег земли родной.
Он молитвами объятый
Вновь блистает над Упой.

ГОЛУБИ

Птицы поднебесные,
Ангелы земные,—
Для отрады созданы
Голуби ручные.
В дивных голубятнях
Жили вы семьей,
И над Тульским небом,
Словно страж святой,
Замирали стаями
Над родной землей,
Удивляя жителей
Небесною красой.
Турманы и Тульские —
Сколько было вас?
Знатных оружейников
Радовали глаз!
Вихрем белокрылым
Поднимались ввысь
И, кружа над городом,
В дали вы неслись.
А теперь над городом
Только тишина.
Лишь голубка редкая
Городу видна!

Геннадий МИР

(г. Щекино

Тульской области)



Геннадий Мироиниченко (Мир) — поэт, прозаик, публицист, философ и кибернетик, автор 50 книг (29 опубликованы за рубежом). Автор открытия критериального сознания. Академик МАИСУ. Член СРП, член Союза песенников России. Лауреат поэтического конкурса ЦТ СССР за поэму «Начало» (1978), лауреат многих музыкальных фестивалей и конкурсов в области песенного творчества. Главный редактор и составитель Антологии русской народной поэзии XXI века, альманаха «Яснополяские зори». Основатель Союза за песенников России, Академии русской народной поэзии. Все свои произведения публикует в Интернете.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Однажды на вечерней улице г. Анапы играл на баяне виртуоз Сергей Некрасов, а автор стоял в толпе и восхищался

Играла музыка в Анапе,
Баян некрасовский стонал,
И в музыкальной сладкой вате
Толпой народ ему внимал.
И вдруг в потоке света желтом
Увидел я, как инвалид
В коляске черной и тяжелой
В себя взволнованно глядит.
Был погружен в блаженство звука
Он, так обиженный судьбой.
Шли мимо те, которым скука
Закрыла путь любви святой.



Я тоже был целован роком...
Теперь, в анапском вечерке,
Я оказался вдруг в далеком,
Слезой пропитанном, мирке.
И уж потом я марафонцем
Десятки лет ловил простор —
Я начал жизнь свою под солнцем
Калеккой, как обычный сор.
Я осознал себя ненужным
Тогда, за шесть десятков лет.
Я понял: мне смертельно чуждо
Сидеть и ныть — мол, счастья нет.
И нестерпимое желанье
Рвануть и просто побежать —
Бог поддержал. Он пожеланье
Мне передал — «Не ждать, не
ждать!»
Наверно, был я очень жестким,
К себе — жестоким, даже — злым,
И через боль, ломая кости,
Я полз к мечте сквозь транса дым.
Я истязал себя за болью
И море крови перегнал,
И майки, жгучие от соли,
Не раз в горячке рвал и рвал.
Не раз в отчаяньи я бился,
Стонал без сил, когда упал,
Но только яростней стремился
И что б ни шло — не отступал.
И Божья музыка как данность
Вдыхала в душу благодать.
Воспринимал как благодарность
Ее способность силы дать.
Сегодня снова километры
Кручу в пробежках и Любви,
И музыку — подарок Сверху —
Несу в сознании и крови.
И мнится в жизненном болоте
Непосвященным, что бегу.
Я — в нескончаемом полете,
И чудо выразить — могу.

Я пожелал бы вам удачи —
Всем тем, кто Роком обделен,
Любви и воли. Это значит —
Преодоленья всех времен,
Преодоления пространства
Усилием своих же мышц,
В служеньи Богу — постоянства,
Полета мысли — без границ.
Движенье музыкой наполнив,
Мне Бог в полете счастье дал.
Я ощутил бескрайность молний
И человеческих начал.

Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)



ПЕСНИ О БИБЛЕЙСКИХ ЖЕНАХ

*«Когда царь Давид со-
старился... то покрывали
его одеждами, но не мог он согреться...
пусть поищут для царя нашего молодую
девицу, чтоб она ходила за ним, и лежала с
ним, и будет тепло господину нашему...
Девушка ходила за ним и прислуживала ему; но
царь не познал ее».*

ТРЕТЬЯ КНИГА ЦАРСТВ, 1:2—4.

АВИСАГА

Ависага, Ависага,
О тебе не сложат сагу.

Бранных днями утомленный
Престарелый царь Давид,
Красотою изумленный,



Оценил девицы вид.
Чтобы старческое тело
Тело юное согрело,
Ависагу на кровать
Положили согреть
Одряхлевшего Давида,
Упустив одно из вида:
Кто бы, что бы ни сказал,
Царь девицу не познал.

О тебе не сложат сагу,
Авсага, Авсага.

«...Руфь сказала: не принуждай меня оставлять тебя... но куда ты пойдешь, туда и я пойду... где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом...».

КНИГА РУФЬ, 1:16.

РУФЬ

О, моя бедная Руфь,
— кротко рекла Ноеминь,
— клятву свою нарушь.—
И ты сказала: «Аминь».
Нет в моем чреве тебе
Сына, ему стать женой,
Ты покоришься судьбе,
Выбери жребий иной.
Не покидай свой дом.
Рок на чужбине злой.
В доме своем родном
Ты обретешь покой.
И отвечала ей Руфь:
«Нет, моя мать Ноеминь.
Кинуть тебя не берусь».
И ты сказала: «Аминь».
Дом твой станет моим,
Буду с тобой всегда.
Чтоб ни случилось, двоим —

Счастье или беда.
Обе пустились в путь,
Руфь и ее свекровь.
В этом была вся суть —
Верность судьбе и любовь.
Там, на земле чужой,
Не обошлось без слез.
Выбрал ее женой
Благочестивый Вооз.

«Однажды под вечер Давид... прогуливался по кровле царского дома и увидел с кровли купающуюся женщину; а женщина та была очень красива... И сказали ему: это Вирсавия, жена Урия. Давид послал слуг взять ее; и он спал с нею... Давид написал письмо к Иоаву (военачальнику — Р.А.): поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, чтобы он был поражен и умер».

ВТОРАЯ КНИГА ЦАРСТВ; 11:2—4; 15.

ВИРСАВИЯ

Взошла над пальмами луна —
В ту ночь явился над дворцами я.
Купалась Урии жена —
Вирсавия, Вирсавия.
Прислуживал ей черный негр,
И испытал к нему вдруг зависть я.
Бела ты, словно горный снег,—
Вирсавия, Вирсавия.
Вскипела бурно в жилах кровь —
Я царь, ужель не вправе я!
Ах, грешная моя любовь —
Вирсавия, Вирсавия.
Стал Урий на моем пути,
Тогда велел ему, слукая, я
На аммонитян в бой идти,—
Вирсавия, Вирсавия...
Как сладостны твои уста,
Ах, разве мог представить я,



И как волос волна густа,—
Вирсавия, Вирсавия.
Горел рубин твоих сосцов,
Готов за них отдать полцарства я,
Забуть закон моих отцов,—
Вирсавия, Вирсавия.
Был Урий на войне убит.
Перед толпой его восславил я.
Ах, я Твой грешный раб Давид,—
Вирсавия, Вирсавия.

Любовь САМОЙЛЕНКО

(г. Донской
Тульской области)



*Родилась в г. Дне-
продзержинске. В насто-
ящее время проживает в
г. Донском Тульской обл.
Член ЛИТО НЛЮ (Ново-
московск) и "Пегаса" (Тула), православ-
ного клуба "Ковчег" (Тула), обществен-
ного фонда "СВЕТОЧ" (Москва). Член
РМСП, член Академии русской словес-
ности и изящных искусств им. Г.Р. Дер-
жавина. Член Чеховского общества при
СПР. Награждена памятными медаля-
ми. Публикуется в журналах, альмана-
хах и сборниках. Автор 13 книг.*

БУКЕТ РОДНОГО КРАЯ

Соберу букет родного края...
Так волнуют все его цветы!
Тульские просторы открывая,
Растворяюсь в строках красоты.

По тропинке узкой выйду к полю,
Здесь синее море васильков...
Теплый ветер, вырвавшись на волю,
Очарует запахом цветов.
Ярким всплеском пламенеют маки.
Как же душу трогает их цвет!
Разбежались парами по злакам.
Их нарядность вставлю в свой букет.
У межи склонились незабудки...
Полонил их розовый рассвет.
Романтичны, красочны и чутки,
Их добавлю с радостью в букет.
Растворились в белизне ромашки —
Так приятен солнышка им свет!..
В утренних блузах нараспашку,
Сами дружно просятся в букет.
И подсолнуху с утра не спится:
«С добрым утром!»,—
Тихо шепчет мне.
Как же в это счастье не влюбиться,
Оказавшись в радужной волне!
Разноцветность яркая шалфея
Сердцу так приятна, так нежна!
Синие просторы цвет лелеют...
Для букета красочность нужна.
К лугу тропка летняя вильнула,
Заискрился лютиковый рай...
Ветерком на плечи мне подуло...
До чего ж прекрасен
Тульский край!

Я ПРОШУ

Осень, осень! Желтые метели
Закружили вновь твою листву.
Крик прощальный —
птицы пролетели,
Потянулись стаями к теплу.
Я машу вослед летящей стае.
В трудный путь напутствие даю:
Долететь —



и в теплом южном крае
Не забыть про Родину свою.
И когда весна с зимой простится,
Зазвенит каплями всюду,
Я прошу...
в мой город возвратиться,
Прокурлыкать новую весну.

Валерий ВИНОГРАДОВ



(г. Алексин
Тульской
области)

*Родился в Казахстане в 1948 г.
Окончил Горный факультет Тульского
политехнического института. 31 год
проработал на шахтах Подмосковного
угольного бассейна, прошел путь от
горного мастера до директора шахты
«Никулинская». Издал 3 поэтических
сборника. Печатается в тульских и мо-
сковских альманахах Член ЛитО «АЛ-
ЛО» (Алексин), «Пегас» (Тула), Москов-
ского Совета ЛитО. Член СПР.*

В ХРАМЕ

В. Г.

Душа находит благодать
Под золотыми куполами,
И к небу хочется взывать
С поющими колоколами.
Плывет, переливаясь, звон,
И отзывается округа,

Спадают мрак и тяжкий сон,
И утихает в сердце вьюга.
Придут смирение и покой,
Пусть суета порой безмерна,
В духовной жизни и в мирской
Одна Любовь благословенна.
Под сенью Божьего крыла,
Святою верою хранимые,
Сжигаем скорбь свою дотла
Любовью мы неугасимою...
Шепчу молитвы в тишине
И, душу облегчив словами,
Ловлю ответы в вышине,
Те, что слетают будто сами...
И не уходит благодать,
Навстречу распахнув объятия,
И больше нечего желать,
Когда сам Бог — поборник счастья...

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Журавли простились с летом,
Улетают в теплые края,
Грустно клин кричит о спетом,
Вслед за ним летит душа моя.
Облетают листья с клена,
Холодок стучится в нашу дверь,
Осень — рыжая гулена —
Обрела приют себе теперь.
Занимает все пространство,
Никого в пути не пощадит,
У природы все убранство
В тлен и прах ненужный превратит.
Замерзает даль и стынет,
Наполняет сердце тенью лет,
Но любовь нас не покинет,
Для печали просто места нет...



Роман ГОРОДИЮК

(г. Серпухов
Московской области)



Родился 1997 г. Студент второго курса факультета информатики и прикладной математики МАИ. Член литобъединения "КЛИО". Публикуется в сборниках. Организатор неформального творческого проекта "Автостопом до Рая", проведена творческая встреча в ДК пос. Мирный.

ДВА АЙСБЕРГА

Мы два холодных айсберга —
Потресканные льдины.
Не видно края берега.
Вдвоем. Но не едины.
Мы два замерзших айсберга,
Как снежные вершины,
Мы будни жалко скрасили,
И вот... Пришла лавина.
Мы — треснутые айсберги,
Мы — серые картины,
Нам надо всего-навсего
Тепла... И вновь едины.

Валентина ДИНЕСЮК

(г. Алексин
Тульской области)

Родилась и выросла в г. Алексине. Пишет стихи с 2003 г.; печатается в алексинских и тульских газетах, во многих сборниках и альманахах. Член Алексинского ЛитО «АЛЛО», член Москов-

кого совета ЛитО с 2012 г. Издала три сборника стихов.

ЛУЧИК

Невзрачный дворик среди бора,
Где сосен вековых орда,
Смолистый запах, зелень хвои,
Я не забуду никогда.
Стою, смотрю я ввысь, стараясь
Макушек их увидеть ряд.
Стройны стоят они, равняясь,
Не можешь оторвать свой взгляд.
Так высоки — конца не видно.
Вот лучик солнца к ним прильнул,
Коснулся нежно хвои, видно,
И по стволу к земле скользнул.

Кира КРУПСКАЯ

(г. Серпухов
Московской области)

Родилась 03.03.1986 г. в г. Серпухове Московской обл. Окончила Машиностроительный техникум и Московский Государственный Университет Технологии и Управления. Пишет стихи с 7 лет. Член молодежного ЛитО «Клио» и Московского Совета ЛитО при СПР. Публикуется в коллективных сборниках «Созвучия», в книге ЛитО "Клио" "Когда литература искренность отражает..." часть 1, 2005 г., в газете «Серпуховские вести».

Знаешь, мне бы только тебя
послушать
Или просто поговорить.
Ты мог словами прорваться в душу,
А без тебя не знаю я, как быть.
Борюсь с желанием к тебе стремиться
И ложью прикрываю страсть,
Зная, что любовь не повторится,
Замираю, чтобы не упасть.





ПУБЛИЦИСТИКА

**РАГИМ МУСАЕВ
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ВЕРА ХАЙКИНА
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
СЕРГЕЙ ХАРЛАМОВ**

**ИРИНА НИКОЛЬСКАЯ
ГАЛИНА КЛИНКОВА
СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ
ТАТЬЯНА ШЕЛЕПИНА
ГАЛИНА СВЕТЛАКОВА**

Рагим МУСАЕВ

(г. Тула)



*Писатель, драматург.
Член Академии российской литературы, белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Родился*

6.11.1977 г. в г. Богородицке Тульской обл. Окончил Юридический институт МВД РФ, Московский университет им. С.Ю. Витте. Нач. отдела анализа и контроля СУ УМВД России по Тульской обл., подполковник юстиции. В России и ряде стран — более 20 постановок в театрах и множество публикаций в журналах. Лауреат международных и российских литконкурсов. Победитель Всероссийского конкурса на лучшее произведение о работе следователя в номинации «Журналистика и литпублицистика» (2011 г.). Первое место на Международном литконкурсе «Славянские традиции» в номинации «Драматургия» (2013 г.). Международная премия «Славянские традиции» (2013 г.). Всероссийская премия «Левша» им. Н.С. Лескова (2015 г.).

ВИНО И ЯЙЦА ДЛЯ ТОРЖЕСТВА ДУХА

Вы замечали, что иконы светятся изнутри? Этот эффект достигается многослойным нанесением рисунка, причем каждый последующий слой краски наносится после полного высыхания предыдущего. Так что работа над иконой по всем правилам растяги-

вается на месяцы. Однако именно благодаря такой технике достаточно условное плоское изображение иконы кажется живым. И это чудо совершают простые люди.

В уездном Богородицке иконы писали и раньше, причем писали неплохо. В житии святой праведной блаженной Матроны Московской, прославившейся даром исцеления и предсказаниями, к которым, по легенде, прислушивался сам Сталин, есть интересный факт.

Около 1915 года Матрона попросила написать для ее родного храма в селе Себино Епифанского уезда Тульской губернии икону Божией Матери. У художника из Епифани, получившего задаток за будущий заказ, ничего не получалось, пока Матрона не указала на грехи, не дававшие мастеру работать. Художник покаялся и написал образ бесплатно.

На оставшиеся не востребованными деньги по благословению Матроны мастерам из соседнего Богородицка была заказана еще одна икона. Ее несли крестным ходом с хоругвями от Богородицка до самой церкви в Себино. Матрона ходила встречать икону за четыре километра. Этот образ Божией Матери «Взыскание погибших», прославившийся многими чудотворениями, сейчас находится в Успенском соборе Но-

вомосковска.

Современный класс иконописи появился в Художественной школе Богородицка стараниями ее выпускника Сергея Егоровича Щербатых в 1990 году. Тогда он стал первым в тульском крае местом, где учили древнему искусству иконы. Иконописцев не было даже в Туле, поэтому Сергей Егорович несколько лет перенимал каноны древнерусской живописи в иконописных мастерских Псковско-Печерского монастыря, Твери и Москвы.

На Руси к иконописцам предъявлялись жесткие требования. Помимо смиренного образа жизни, постоянных молитв и соблюдения всех постов запрещалось употреблять вино и даже вступать в брак. Сегодня в прессе нередко мелькают сюжеты о заключенных, пишущих иконы в тюрьмах. Раньше преступники не могли стать иконописцами даже после отбывания наказания и полного раскаяния.

Иконописец отлучался от работы даже за совершение неблаговидного поступка, ибо, как сказано в решении знаменитого собора Русской православной Церкви 1551 года, «проклят творящий дело Божие с небрежением». Не удивительно, что при таких требованиях иконописью занимались преимущественно монахи. Во-

городицких иконописцев в такой строгости не держат. Тем не менее определенный настрой и правила поведения в классе существуют.

Искусство иконописи, возникшее в античности, существует уже почти два тысячелетия. На Руси первые иконы появились в X веке после принятия христианства. С тех пор техника работы над иконой почти не изменилась.

Известно, иконы пишут на дереве, а дерево под воздействием времени может растрескаться или деформироваться. Поэтому творческий процесс начинается с подготовки доски. Богородицкие иконописцы, как и положено, используют липу. В доске делается небольшое углубление — ковчег, сверху наклеивают специальную ткань, после чего еще горячим наносят несколько слоев сваренного из клея и мела специального грунта, называемого левкасом.

Высохший левкас шлифуют до идеально ровного состояния, после чего переходят к самому изображению, контуры которого схематично наносят черной краской.

Иконы пишут специальной краской темперой, приготавливаемой из сухого пигмента, смешанного с яичной эмульсией. Для эмульсии, кстати, берут только желток яйца.

Туда же добавляют хорошее сухое вино в объеме скорлупы от разбитого яйца.

Эмульсию в краску превращает порошкообразный пигмент, получаемый при растирании различных веществ и минералов. К примеру, зеленую краску готовят из малахита, желтую — из охры, а голубую — из лазурита. Краски на яичной эмульсии куда прочнее и долговечнее масляных.

Кстати, по одной из легенд название богородичной травки, давшей имя городу Богородицку, произошло оттого, что ее розово-лиловые цветочки входили в состав краски, которой на иконах писали одежды Богородицы.

После полного высыхания икону покрывают защитным слоем олифы. В нашей школе, правда, чаще используют янтарный лак. Это одно из немногих отхождений от канона, вызванное тем, что каноническая олифа готовится на основе природных компонентов и, спустя 50—80 лет, темнеет. Раньше угасшие иконы записывали сверху новыми изображениями, редко повторяющими уровень оригинала. Снимать потемневшую олифу начали лишь в 1904 году, а до этого считали, что до Петра I живописи на Руси попросту не было.

Сегодня иконы, написанные Сергеем Щербатых и его учениками, украшают храмы Московской, Ленинградской, Тульской, Ярославской, Воронежской и других областей России и Украины, среди которых Высоцкий монастырь Серпухова, Успенский Кафедральный собор г.Тулы, Николо-Сольбинский монастырь Ярославля.

Вы замечали, что глаза иконописных ликов часто превосходят по размеру рот и нос? Дело вовсе не в мастерстве иконописца, неспособного соблюсти очевидные пропорции. Кусок дерева, превращенный старанием человека в икону не столько воспроизводит реальный мир, сколько погружает нас в духовную сущность вещей. И пишет мастер не лицо, а лик — духовную сторону человеческой сущности. Не глаз, но идею глаза, символ богатства души.

И это чудо с самыми простыми вещами совершают самые простые люди. Просто одни с помощью деревянной доски, вина и яиц способны накрыть стол, а другие — подняться до высот торжества духа.



Ирина НИКОЛЬСКАЯ

(г. Алексин
Тульской области)



Полынкина Ирина Юрьевна (И. Никольская) родилась 23 июня 1962 г. в г. Алексине. Окончила школу с отличием, институт с красным дипломом. Работает в управлении социальной защиты населения Алексинского района. Публикуется в газете «Православный Алексин». Член Алексинского ЛитО «АЛЛО». Православные статьи пишет по благословению протоиерея Андрея Чекмазова — Благочинного Алексинского округа.

В ГОСТИ К СЯТИТЕЛЮ СПИРИДОНУ!

Лет пять-шесть назад из газеты я впервые узнала о прижизненных и посмертных чудесах святителя Спиридона Тримифунтского, который был современником святителя Николая Чудотворца и являлся одним из величайших святых Православной церкви,

Спиридон Тримифунтский безошибочно узнается на любой иконе по плетеной пастушьей шапке. Он и был пастухом — пас овец и коз. Окружающие люди не могли



не видеть, сколь праведную жизнь ведет пастух Спиридон. И вот, будучи формально человеком неученым, но ведя жизнь, полностью подчиненную идеалам веры, Спиридон рукополагается во иерея (становится священником). В его счастливой праведной семье все любили и почитали друг друга. Но Спиридон рано овдовел, после чего всего себя посвятил исключительно служению Богу и заботам о вверенном ему стаде Христовом. Позже Спиридон становится епископом.

При жизни своей святитель Спиридон стал чудотворцем. По молитвам его происходили разнообразные чудеса. Молитвой и наложением рук он избавлял несчастных от страшных болезней и даже оживлял умерших.

Святителю Спиридону было 78 лет, когда Господь открыл ему предстоящую кончину его. Упокоился он с улыбкой на устах. Поскольку у мощей происходило много исцелений, и весь храм наполнен был благоуханием от саркофага с упокоенным епископом, люди быстро поняли, что он — святой.

Позднее мощи святого Спиридона прибыли на остров Корфу (греки называют его Керкира) — жемчужину Греции и Средиземного моря, где по сей день хранятся в храме, построенном и освященном во имя его...

Вот такая история! Всем сердцем захотела я встретиться со святым на

его острове, испытать ту дивную радость, которая появляется в душе всякого верующего человека, когда он с верой и любовью прикладывается к святыне, получая утешение и надежду, что он услышан святым! Я горячо молилась святителю, чтобы он дал мне когда-нибудь возможность приехать к нему. Позже я купила книгу из серии «Помощь святым» о святителе Спиридоне, приобрела его икону, которую почему-то сразу полюбили все члены моей семьи. И успокоилась... Возможностей, в том числе и финансовых, у меня тогда не было, но надежда в сердце жила: «Ведь святые все могут!». И была благодарна Богу за то, что у меня и у моих родных появился еще один любимый святой.

Шли годы... Работа, домашние обязанности, заботы отодвинули мою мечту... И вот зимой этого года моя подруга сообщает о том, что она через интернет нашла информацию о предлагаемой поездке по льготным ценам на остров Корфу к святителю Спиридону с паломнической фирмой «Радонеж» (г. Москва). Фирма предлагала 10-дневную поездку на июнь. У меня как раз на этот месяц планировался отпуск, пришла финансовая возможность. Размышляли недолго.

Визуально Спиридонову церковь не перепутаешь ни с какой другой: у нее самая высокая в городе малиновая колокольня. Расположена церковь в самой гуще

путаных улочек города. Богато ее убранство. Мраморный иконостас, свод в иконах-медальонах, заключенных в золотые рамы, деревянные резные стулья вдоль стен. Стоит много скамей для паломников и прихожан. Рака с мощами располагается справа от алтаря. Она серебряная, очень тонкой работы, украшенная двенадцатью маленькими иконами из эмали. Над ракой висит огромное количество серебряных лампад, в разное время пожертвованных людьми, получившими чудесную помощь по молитвам к святому.

Рака закрывается на два ключика. Иногда они «заедают» в замках — в таких случаях полагают, что святитель «покинул» раку и спешит кому-то на помощь. Усыпальница вся обвешана золотыми и серебряными украшениями — подарками тех, кому помог святой.

Мощи поражают своей нетленностью: не будем забывать, что кончина святителя была почти 1700 лет назад, между тем мощи представляют собой не отдельные кости, а полноценное тело. Удивительно, что оно имеет температуру около 36,6 градуса; плоть святителя на ощупь подобна плоти живого человека.

Ноги святителя Спиридона обуты в специально изготовленную обувь — расшитые шелком сапожки бордового бархата. Каждые полгода «туфли Спиридона» меняют — они оказываются сношенными! На подошвах находят следы пес-

ка, глины, иногда — траву, водоросли. Считается, что святитель неустанно трудится, помогая людям во славу Господа.

Голова святителя под стеклом. Лик темный. Между прочим, хранители раки говорят, что почернел святой сравнительно недавно — в XVII веке, когда в России была проведена реформа патриарха Никона, ставшая причиной церковного раскола. Наверное, Спиридону она сильно не понравилась.

К раке с мощами всегда стоит небольшая очередь — вне зависимости от того, открыта она сейчас или закрыта. Если закрыта, люди прикладываются к раке; если открыта, рядом стоит священник или диакон церкви и указывает на сапожок святителя Спиридона — можно приложиться прямо к нему. Удивительно, что прикладываясь к сапожку святителя, чувствуешь мягкость и тепло его ноги.

В церкви нет подсвечников: они вынесены на улицу. В храме можно взять свечи за пожертвование, также за пожертвование можно подать записки о здравии и упокоении, заказать сорокоусты и другие требы.

Мы с подругой — верующие люди. Поэтому наше пребывание на острове, досуг и возникающие нужды невольно были вручены нами покровительству святого. Все прошло на одном дыхании. Святой чудесным образом соединил и наш отдых на море, в котором мы очень нуждались, и палом-

ническое служение. Даже придумать было не к чему: прекрасная гостиница, номер с кондиционером и другими удобствами, русскоговорящий обслуживающий персонал, бассейны с панорамой цветущих деревьев и кустарников, дружелюбные гиды, охотно выполняющие любую твою просьбу, традиционная греческая кухня, чарующая красота острова. Даже вид из окна и лоджии соответствовали нашему желанию. Открывалась захватывающая панорама Средиземного моря и окружающих нас гор. Лучшего мы не могли даже представить себе. Каждое утро мы встречали восход солнца и с удовольствием пили на лоджии кофе. Сердце в такие минуты пребывало в благодарной молитве Господу и святому Спиридону. Умиротворение и радость сопровождали нас. А еще до поездки на Корфу я очень хотела, чтобы рядом с отелем был какой-нибудь православный монастырь.

Остров Корфу именуют жемужиной Греции. Изысканно красивый ландшафт острова с причудливыми берегами заливов и маленьких бухточек, утопающий в зелени и обьятый солнцем, сочетает горы и равнины, уединенные бухты и протяженные пляжи. Живописные рыбацкие деревушки, гостеприимный народ — все это придало неповторимый колорит нашему отдыху на Ионическом море, которое является частью Средиземного моря. К тому

же вода в Ионическом море кристально чистая.

От гида мы слышали о том, что гора Пантократор является самой высокой точкой острова Корфу. На ее вершине расположен православный монастырь, в котором служит всего лишь один монах. Мы и не подозревали, что она — рядом с нашим отелем, и те мелодичные звуки, которые мы принимали за удары кузнечного молота в соседней деревушке, являются ударами колокола храма на той самой горе! Вот такое маленькое чудо явил нам своим гостеприимством святитель Спиридон, исполнив таким необычным способом сокровенное желание моего сердца!

И вот наступил последний день нашего пребывания на острове. Ближе к вечеру мы пошли искупаться в теплом море, чтобы насладиться бирюзовым цветом воды и попрощаться с изумительным пляжем. Когда мы купались, неожиданно пошел теплый мелкий дождь, и над морем появилась большая красивая радуга. Это было как благословение свыше! Святитель Спиридон, наверное, духом увидел, что мы немного грустили, и решил порадовать нас такой небесной красотой, оставить в нашей памяти неповторимый морской пейзаж, глубоко проникающий в душу, и непередаваемые ощущения сопричастности к его заботе и любви о нас! Это было

как благословение свыше! Святые за нас молятся!

БАБА ДУСЯ И КЛЮЧИ...

(Из серии «Страна чудес»)

... Жила-была баба Дуся. Обыкновенно жила. Тихо...

Работала она поваром в заводской столовой. Работу свою любила. Но больше всего баба Дуся любила молиться Богу. Жизнь ее научила молитве да кроткое сердце... Искренне она молилась, глубоко. Поэтому на душе у нее всегда было тихо и ясно. С доверием она молилась.

Далее я поведаю вам одну из достоверных историй, которую баба Дуся рассказала мне о помощи Божьей в ее жизни.

Так сложилось, что у бабы Дуси не было детей. Жила она одна. Были у нее в городе родственники, но досаждают им с просьбами по хозяйству она не хотела. Справлялась сама, Господь ей был помощник. И обращалась она с молитвой к Богу о помощи во всех путях ее. И чувствовала баба Дуся, что не оставляет ее Господь, оберегает Промыслом Своим. Намоленная душа была у бабы Дуси. Часто в храм она ходила и рассказывала Богу об «одиночестве» своем. Так и жила...

Однажды у бабы Дуси сломался входной замок в двери. Обмерла баба Дуся. Вечером это было. Слава Богу, что хоть изнутри дверь на щеколду закрывалась. К сосе-

дям идти за помощью поздно. Вспомнила баба Дуся, что где-то у нее был ключ от нижнего замка, которым она пользовалась лет пятнадцать назад. На том и успокоилась... «Утро вечера мудренее!» — подумала она.

Рано утром баба Дуся приступила к поиску ключей. Все перерыла. Как в воду канули. Время шло. А ей на работу идти надо и дверь закрыть нечем. «Или пора уже вставить новый замок?» — с горечью подумала баба Дуся. Ведь в кошельке у нее всего-то одна тысяча рублей была. «Но и мастеру тогда еще надо заплатить за работу! А денег-то всего одна тысяча!» — с растерянностью рассуждала про себя баба Дуся. Взглянула она нечаянно на икону с изображением Николая Угодника, что в коридоре всегда висела, прямо напротив злополучной двери. Взмолилось сердце бабы Дуси: «Николай Угодничик, миленький! Сделай что-нибудь!»

...И пошла она покупать в магазин новый замок. Заранее предупредив соседку, что дверь квартиры ее открыта, — попросила присмотреть.

Не успела баба Дуся выйти из подъезда, как вспомнила неожиданно, что у нее на брелке для ключей висит какой-то маленький ключ, значение которому она уже давно не придавала. Ну, висит и висит! Все в хозяйстве пригодится! «А вдруг он и есть этот самый второй ключ?» — подума-

ла баба Дуся и развернулась назад. Подошла к двери, вставила ключ в нижний замок. Подходит!!! Обрадовалась баба Дуся! Еще бы! Тысячу рублей сэкономила! А ключ ни влево, ни вправо не поворачивается. А что еще хуже, дверь от времени покосилась и с дверным проемом не совпадает. Соответственно, все насмарку. Загрустила баба Дуся... А про себя шепчет: «Николай Угодничик! Ты мне уже помог, помоги до конца!» Близко был Господь! Не успела она это проговорить, как вдруг по лестнице, на ее площадку, поднимаются двое молодых мужчин. «Хорошо одеты! Красивые!» — подметила Баба Дуся. Она к ним: «Ребята, милые! Помогите! На работу опаздываю! Сделайте что-нибудь!»

Как ни странно, мужчины сразу отозвались на ее просьбу. И дело пошло! Попросили у бабы Дуси инструменты, подсолнечное масло, смазали замок. Но этого оказалось мало! Необходимо было разобрать замок для починки. А это затянется на длительное время! Баба Дуся — за свое: «Родненькие! Я Вам 500 рублей заплачу! Только не бросайте!» Мужчины замок разобрали, собрали. Слушается замок! И влево, и вправо поворачивается! Только вот дверь покосилась. Здесь уж инструменты посерьезней нужны! Баба Дуся — опять за свое: «Ребятки! Я Вам тысячу рублей заплачу! Не бросайте!». Пошел в дело топор! Целый час возились ребята с дверью. Ба-

ба Дуся и чайник поставила, и шоколадку положила. И тышу рублей на тумбочку в коридоре выложила. А сердцем молится: «Николай Угодничик! Будь со мною!».

Ребята работу сделали на совесть. Дверной проем инструментом скорректировали, дверь подтянули. Все ладно. И у бабы Дуси денег они не взяли! Хотя работу сделали исправно! Как говорит баба Дуся: «И по-Божьи, и по-человечески!». Помолилась за них она, счастья пожелала им за их христианский поступок да за доброе сердце.

Вот и все. История, что я Вам написала, невымышленная. События в ней реальные. Только имя героини я изменила. Так захотела она!

Многому эта история учит! И вере Правой! И сердцу доброму! И любви нелицемерной! «ДИВЕН БОГ ВО СВЯТЫХ!». Только веруйте!!!

ПОСПЕШИ!

Наставления Святых Отцов:

«Кто хочет, чтобы Бог скорее услышал Его молитву, тот пусть прежде всякой другой молитвы помолится за врагов своих, и ради этого Бог примет молитву его»

(Авва Зенон)

Бежит время! Бежит и человек... Мчатся годы, проносятся и жизнь человеческая. Это неизбежно. Так устроено Свыше. Так надо...

Только больно бывает порой человеку, что что-то важное он упустил, что-то недоделал, да и на душе «кошки скребут». Как-то пусто, неуютно, да и обратиться часто бывает не к кому, порой и не умеет человек делиться своими проблемами с другими людьми — так уж устроен. Грустно. Вздыхает человек, болит у него сердце.

А вокруг все бежит, и все бегут. Череда дней, событий, лиц... Круговерть. Суета сует... Кружится голова. Зацепиться не за что. Чтобы успокоиться, привести в порядок мысли, обозначить что-то главное в своей судьбе. Встанут новые проблемы, и человека вновь понесло... Сжимается у него сердце, сжимается и он сам от тяготы житейской, не светятся глаза, на душе пасмурно.

На земные блага растратил себя человек. Да и искал ли он точку опоры? Искал! Только искал в земных радостях: в благополучии, в достатке, в имидже... И вот не выдержала душа, больно ей стало. Не знал человек, что неземные свойства имеет душа, не принадлежит она по своей природе суете, накопительству, наживе. Прилепилась душа к пустому. К суетному. И больно ей, и не находит она покоя. Нельзя душу растрачивать на то, к чему она не предназначена. Питать ее надо. Заботиться о ней.

Ведь душа человеческая по сути своей, по замыслу Божьему является христианкой. Вот здесь-

то человеку вспомнить о непостижимом и спасительном Промысле о каждом. Вот и ждет Господь от души покаяния, чтобы Самому исцелить ее, привести в чувство и «в разум истины прийти». Спасать душу надо, отдирая ее от страстей, чтобы она опять стала Божьей. И вспоминает человек о чистоте души, и о том, что очиститься ей надо от обид, претензий и своеволия.

И оживет человек, и на душе станет светло. Доверится человек Творцу, покается. Признает свою греховность, усмирит свою злую гордыню через исполнение заповедей, отвернется от своеволия, вернется к доброжелательности, прощению, к кротости. И вернется душевный покой, целостность. Почувствует человек единение с Господом, признает Его Творцом своей жизни во спасение души. Поймет, наконец, что только через исполнение святых заповедей спасается душа.

Возлюби, человек, Творца всем своим сердцем! Успокойся! Бог поругаем не бывает! Вернись к Нему, как бы далеко ты ни зашел! Он — милосердный! Только смирись! Признай свою немощь! И придет отдохновение, придет помощь Свыше! Только поспеши!

ОЛЕСЯ И ГРИБЫ...

Эту не придуманную историю рассказала мне Олеся — коллега по работе. С ее разрешения я и

поведаю интересный рассказ о Промыслительной Божьей помощи в судьбах людей.

А сначала — о самой Олеся. Она — девушка быстрая, энергичная и веселая, как и многие ее ровесники. Я назвала бы ее даже где-то лихой, настолько она имела бурный темперамент, но умела решения принимать хоть и мгновенно, но с рассуждением. И сердце она имела доброе.

Олеся профессионально ездила на своем «джипе», иногда даже ругнуться могла, — так важны для нее были профессиональные водительские качества ее коллег на дороге. Но оставалась всегда при этом обаятельной девушкой, с искоркой в глазах, которая так шла к образу современной, эмансипированной девушки.

А дело было осенью. Грибная пора... Шли опять.

Олеся вместе со своей двоюродной сестрой решила быстро на своем «джипе» сгонять в выходной день, после обеда, в лес за грибами. Заехали в самую глубь леса по простой житейской логике: «чем дальше в лес — тем больше грибов». Девчонки ничего не боялись. Времени до захода солнца было много, главное — был энтузиазм. В успехе операции не сомневались.

Приехали в лес... Сестры быстро выскочили из машины, забыв при этом даже захватить с собой мобильные телефоны. Олеся достала ключ, чтобы заблокировать

двери автомобиля, и с ужасом поняла, нажимая на ключ, что батарейка у ключа разряжается. Двери автомобиля заблокированы, телефоны мобильные остались внутри машины, документы тоже. Олеся и ее сестра с корзинами остаются, так сказать, вне «джипа». И все... Решений никаких. Полная изоляция от всего и вся. Кругом — лес. Грибы уже не манят. Реальное чувство страха. Что делать?.. К тому же сестру дома ждет малыш. Ведь поехали в лес на какую-то пару часов?!

Мгновенно оценив трагизм и бесперспективность сложившейся ситуации (к тому же уже вечерело), Олеся неожиданно для себя обратилась всем сердцем за помощью к святой Матроне Московской, икона с частичкой мощей которой в это время находилась в областном центре, в городе Туле: была привезена на поклонение верующим людям.

Олеся, как и многие верующие люди, любила и почитала святую матушку Матрону. Поэтому сердце ее неосознанно сразу взмолилось: «Матушка Матрона! Помоги! Дома у сестры ребенок. Скоро совсем стемнеет. Из леса самым выйти невозможно!» И что же??? Взгляд Олеся случайно падает на ближайший куст. Олеся сразу увидела, что под кустом что-то бле-

стит. Она подошла к кусту, нагнулась. Смотрит... А это фонарик валяется на земле, кем-то, видно, потерянный. Олеся взяла его в руки. Смотрит... А в фонарике находятся те самые батарейки, которые нужны для автомобильного ключа. И фонарик-то работает!

Девчонки быстро вставили батарейки в ключ от «джипа». Сигнализация сработала! Двери автомобиля были открыты.

Радость была неописуемая! Ведь произошло чудо! Чудо Спасения!!!

... Утром Олеся, придя на работу и встретив меня, с сияющими глазами заявила мне: «Ирина Юрьевна! Вы представляете, что вчера было?! Матушка Матрона нам помогла! Надежды не было никакой! Это невероятно! Но это факт! Так не бывает! Но это произошло! Ну, надо же!!!»

Что я могла ответить, являясь православной верующей. «Слава Богу за Все!», «Святые угодники! Молите Бога о нас!»

Сама история, искренняя радость Олеся всколыхнули и мое сердце! «Дивен Бог во Святых!!!» А Олеся все изумлялась: «Так не бывает! Но это произошло! Представляете?!»



Людмила АЛТУНИНА

(г. Тула)

СВЕТОЧИ ДУХА: XXI ВЕК НЕОКОНЧЕННАЯ АЛТАЙСКАЯ ПОВЕСТЬ



*«Свет Христов про-
свещает всех...»*

Святитель Макарий
Алтайский (Глухарев)
православный миссио-
нер, святой апостол Алтая.

*«Поучительно помнить дни древ-
ние, оглянуться назад, чтобы срав-
нить их с настоящими делами, сооб-
ражать и предполагать о будущем...»*

Святитель Макарий Алтайский
(Парвицкий-Невский).

ВЫБОР: ПО ПРОМЫСЛУ ГОСПОДНЮ

Лет девять назад появился до-
кументальный фильм «Алтайская
повесть» (сценарист, оператор и
режиссер Сергей Роженцев). Этот
фильм заочно и познакомил авто-
ра этих строк с удивительным
человеком, Виктором Николае-
вичем Павловым — талантливым
фотохудожником, журналистом,
автором солидных фото-книг:

«Сталинизм на Колыме», посвя-
щенной миллионам невинно осуж-
денных; «Православие Сибири и
Дальнего Востока. На рубеже ве-
ков и тысячелетий», «Сибирь и
Сибиряки».

Коренной москвич, он оставил
весьма успешную столичную
жизнь, все распродал: квартиру в
престижном районе Москвы и
даже дорогое фото-видеообору-
дование. Бросил любимую работу
и уехал в Горный Алтай, в зате-
рянное среди живописных гор и
дивной природы село Чемал, за-
думав осуществить свою завет-
ную мечту: заново отстроить там
православный храм, уничтожен-
ный в конце 20-х годов прошлого
века советскими богоборцами.

Храм находился в красивой-
шем месте, на крохотном остров-
ке Патмос, получившем свое на-
звание в честь знаменитой святы-
ни — одноименного греческого
острова в Эгейском море, где
много лет подвизался один из
двенадцати апостолов — еванге-
лист Иоанн Богослов, которого на-
зывали «Апостолом любви». Со-
гласно христианской традиции,
именно там он написал главы
Святого Писания («Евангелие от
Иоанна»), «Апокалипсис» — та-
инственную пророческую «Книгу
Откровений святого Иоанна Бо-
гослова» — и три послания, во-
шедшие в Новый Завет.

Алтайский остров Патмос вы-
сокой скалистой глыбой высятся
посередине прекрасной горной ре-

ки Катуня, у села Чемал, среди первозданной чудесной природы. Недаром эти места, как, впрочем, и весь Горный Алтай, называют отблеском потерянного рая.

Первый православный храм на чемальской земле был воздвигнут в 1849 году в честь Иоанна Богослова. Позднее, в 1915 го-ду, этот храм и был перенесен на катунский остров Патмос, где так любили проводить редкие свободные часы в уединенной молитве первые русские миссионеры, архимандриты Макарии (Глухарев и Парвицкий-Невский), сменившие на этом поприще один другого. В общей сложности они посвятили Горному Алтаю (ныне Республика Алтай, столица — г. Горно-Алтайск) почти полвека и заложили здесь в девятнадцатом веке крепкие основы православия среди язычников-алтайцев, поклонявшихся шаманам. Оба святителя канонизированы Русской Православной Церковью в лике преподобных (прославлены в лике святых). Их называют: «Святые апостолы Алтая».

Архимандрит Макарий Алтайский (в миру Михаил Яковлевич Глухарев; 1792—1847) — ученый, переводчик, русский православный подвижник, один из самых выдающихся миссионеров Русской Православной Церкви за всю ее многовековую историю, — основатель Алтайской Духовной миссии (1830 г.), ставшей в начале XIX века лучшей в РПЦ, хотя и создавалась намного позднее других

миссий. Он был одним из главных деятелей по переводу и изданию русской Библии и фактически создал концепцию организации миссионерской деятельности РПЦ.

Вслед за святителем Макарием Глухаревым более тридцати пяти лет продолжал миссионерство в Горном Алтае второй Макарий (в миру Михаил Андреевич Парвицкий-Невский, 1835—1926), юношей возглавивший Чемальский миссионерский стан, а затем — Алтайскую духовную миссию. Впоследствии он стал митрополитом Московским и Коломенским. Мощи этого святого находятся ныне в главной святыне русского православия — в Троице-Сергиевской лавре. Другой Макарий (Глухарев) захоронен в Троицком Оптин монастыре, в городе Болхов Орловской области, где он и провел свои последние годы жизни.

Именно по молитвам и ходатайствам святителей Макариев, «патриархов алтайских миссионеров», в Горном Алтае были введены первые православные храмы, прихожанами которых становились и инородцы. Все храмы были разрушены в годы советской власти.

...За Виктором Николаевичем последовала, оставив столичную жизнь и двоих, уже взрослых детей, его жена, Галина Степановна Павлова — Гаянэ, как ее называют по имени, данному при рож-

дении. Посмотрев фильм о Павловых, была поражена судьбой этой необыкновенной супружеской четы, мужеством и решимостью женщины, сделавшей такой непростой выбор и смело шагнувшей вслед за мужем в неизвестность, а ныне стойко и упорно продолжающей его богоугодное дело. Далеко не многим современным столичным женщинам, выросшим в Москве, такое под силу. Я давно хотела познакомиться с этой удивительной женщиной, но как-то все не получалось, хотя в Чемале и в Иоанно-Богословском храме на Патмосе бываю ежегодно вот уже много лет кряду (Горный Алтай — моя малая родина). И наконец-то осенью 2014 года я побывала у Галины Степановны в гостях. Она рассказала мне и о своем муже, и о себе, и о том, как они возрождают храмы на горно-алтайской земле. «Настоящие современные подвижники православия, продолжатели дела первых миссионеров Русской Православной церкви», — слушая ее, думала я.

...Впервые Виктор Николаевич Павлов побывал в Чемале в 1974 году, собирая материал для своей фото-книги «Православные храмы Сибири и Дальнего Востока». Его поразила красота алтайской природы — недаром Горный Алтай называют жемчужиной Сибири. «Вот это — то место, где бы я хотел провести ос-

таток жизни», — сказал он своей семье в Москве.

— Мы как-то всерьез не отнеслись к его словам. Ни в семье, да и никто из наших столичных знакомых не верил, что закоренелый москвич может все бросить и уехать в такую даль, в неизвестность. Все смотрели на нас, как на чудаков; хором отговаривали нас от такого шага, говорили, что, мол, зря квартиру продали — все равно назад вернетесь, — рассказывает вдова Виктора Николаевича Гаянэ, милая, приветливая, обаятельная женщина. — Он просто загорелся идеей отстроить заново церковь на острове Патмос, в Чемале. «Раз она там была воздвигнута, значит, Богу так было угодно и надо, чтобы она возродилась», — был убежден супруг.

И однажды он напрямую спросил меня: «А ты со мной поедешь в Чемал?» Что я могла ответить любимому человеку, с которым мы с молодости прожили столько лет душа в душу!? Конечно же, согласимся. Он же мне сказал: «К тому времени, как я побывал в Чемале, я уже созрел, чтобы прийти в лоно церкви и потрудиться для нее во славу Божию. Я понял, что не я этот выбор сделал, а Господь выбрал меня, чтобы через меня возродить храм и нести слово Божие людям». Как же я могла его в этом не поддержать!? Куда иголочка — туда и ниточка.

Выписались из Москвы, иначе разрешение на строительство цер-

кви не давали, и уехали. Наши взрослые дети поняли нас и поддерживали, но остались в Москве. Они, кстати, очень помогали нам и мне теперь помогают в обустройстве храмов. Вот и в новый храм, второй, построенный нами на чемальской земле, прислали все необходимое.

Так мы оказались в Горном Алтае, богохранимом молитвами двух святых Макариев. И ни разу о том не пожалели. Теперь и сама понимаю: таким путем не мы сами шли — так вел нас Господь и благодарю Бога за то, что из миллионов он выбрал нас. В Москве мы жили возле Новодевичьего монастыря. Все время звонили колокола. Они нас призывали послужить Господу. Все, что здесь, на чемальской земле, произошло и происходит — все по воле Божьей. Я счастлива, как счастлив был и мой покойный муж, что Господний выбор пал на нас...

К великому сожалению, в 2011 году В.Н. Павлов умер, но он успел возвести на Патмосе — по старой фотографии, найденной в архиве, — новый чудесный деревянный храм в честь апостола Иоанна Богослова, точь-в-точь, как прежний. И еще многое успел он сделать для укрепления православия в Горном Алтае. После смерти мужа Галина Степановна продолжает в Чемале возводить заново другие уничтоженные храмы: построила новый храм в честь Преподобного Макария (Нев-

ского), более трех десятков лет возглавлявшего Чемальский миссионерский стан. Сейчас восстанавливает храм в честь Николая Чудотворца.

— Тот храм, на Патмосе, в честь Иоанна Богослова, возродил Виктор Николаевич, а этот, в честь святителя Макария (Невского), построен уже после его смерти, — рассказывает Галина Степановна. — Мне пришлось продолжать начатое им дело. Теперь вот третий храм заново возродить надо — в честь Николая Чудотворца. На него средства собираю. Продать мне уже нечего — все продала. Фундамент-то заложили, но дальше строить просто не на что. Одна надежда — на пожертвования. Останавливаться никак нельзя...

Иной раз задумаюсь: «Какая же это великая честь и какая великая ответственность перед Господом — быть избранными Им для Его дел на земле! И хочется неустанно делать еще больше. Это придает и силы, и веру, и надежду укрепляет, что колы на то Божий промысел, то все потихонечку и уладится, и получится: новый храм построим, и возродится тут, в Чемале, все то духовное, что заложили здесь святые апостолы Алтая, первые христианские миссионеры. И люди все больше и больше будут приходить в православие. Так потихонечку, с Божьей помощью, да при поддержке наших друзей — дарителей, которых Он нам посылает, все труд-

ности и преодолеем.

**ПРЕОДОЛЕНИЕ.
ИСПЫТАНИЕ.
ВОЗРОЖДЕНИЕ.**

Преодолевать приходилось действительно трудности немалые. Местные жители отнеслись к переселению столичных жителей с большим недоверием. Поначалу было полное неприятие москвичей, но Павловы не озлобились, не вступали в тяжбы с местными, брали терпением, смирением, пониманием проблем местных и любовью, состраданием к ним, а главное — делами. «Это нас Господь испытывает,— утешали они себя,— выстоим ли перед трудностями?»

В 1998 году за месяц и двадцать дней трое специалистов, которых отыскал среди местных Павлов, построили канатный подвесной мост через бурную Катунь к острову Патмос. Чемальцы были удивлены, но обрадовались этому событию несказанно, стали гордиться мостом, как местной достопримечательностью.

И отношения потеплели. Местные начали «оттаивать», даже помогать стали, увидев, что москвичи и не собираются их покидать, а, наоборот, безвозмездно делают для всех такие добрые дела.

Нашел В.Н. Павлов и архитектора, который разработал чертежи по найденной Виктором Николаевичем в архивах фотографии прежней церкви на Патмосе.

Договорился со строителями в местном лесхозе и в 1999 году, на Пасхальную Седьмицу, приглашенные им священнослужители освятили место под храм на Патмосе, строители начали его строить, да так, чтобы был он, как прежний — точь-в-точь. А прежний храм был необычным — из тесаных бревен под один калибр. Павлов решил купить брус и обстругать его. Так и сделали. Виктор Николаевич всю технологию деревянного храмового зодчества сам досконально изучил, потом учил этому и местных строителей, прежде не имевших опыта подобного строительства, и людей, которые помогали возводить храм.

В 2000-м году строительство храма во имя св. апостола Иоанна Богослова на катунском острове Патмос было завершено. 10 января 2001-го года храм был освящен епископом Барнаульским и Алтайским Антонием (Масендичем) и семнадцатью священнослужителями, прибывшими вместе с владыкой. По благословению владыки, все постройки были переданы Павловым Барнаульско-Алтайской епархии. Иоанно-Богословский храм на о. Патмос стал скитом женского Знаменского монастыря, что в Барнауле. Ныне храм и скит на Патмосе относятся к подворью Горно-Алтайской и Чемальской епархии, недавно образованной. Пригласил тогда владыка и настоятель-

ницу с двумя первыми монахинями. Впоследствии их стало больше. Одна из монахинь, в прошлом — альпинист и скульптор, обновила образ Божией Матери с Младенцем на руках, высеченный на Плач-скале, что позади храма обрывается в Катунь. Ныне в этом храме обновляются и мироточат старинные иконы Богоматери и Спасителя. Потекли к храму православные верующие и паломники со всей России — и не только из России, — и даже первые лица нашей страны здесь побывали.

— Десять лет мы шли к храму, — тихим голосом поделилась сокровенным Галина Степановна, — задумали возвести его в 1991-м году, а освятили в 2001-м. Виктор Николаевич говорил, что храм сначала должен быть в душе построен. Он выстроил храм в своей душе всей своей жизнью, потом воплотил его и реально. Дочь с зятем прислали из Москвы всю церковную утварь и венцы. И мы с ним обвенчались в этом храме, — говорит Гаянэ. — Помнится, такая благодать легла на душу — не передать словами.

По благословению владыки Антония, в 1998-м году Павловы открыли и воскресную школу для детей, где азам православия по Евангелию и истории русской православной церкви учил ребятешек сам Виктор Николаевич. Педагогический опыт у него был: в Москве он вел фото-студию. Евангелие для детей и духовную литературу взя-

ли в Бийске, в Фонде возрождения Алтая. Дарили книги и друзья Павловых — так собралась хорошая библиотека духовной литературы, пользоваться которой могут все чемальцы.

Устраиваются для детей, — с их участием, с приглашением родителей и родственников, — костюмированные православные праздники, спектакли на библейские темы. Всех гостей одаривают памятными подарками. «Дети должны с раннего детства знать Божие Слово и Его заповеди», — считал Виктор Николаевич.

— Уча детей, мы учились и сами. Школа и нам духовно многое дала. Виктор всегда говорил о том, что прежде чем кому-то проповедовать Божие Слово, надо самому стать того достойным, то есть стремиться возвыситься духовно. Во всем быть примером и прежде всего в основных Господних истинах, главная из которых — бескорыстное, искреннее служение Богу. «Отдай — все твое, спрячешь — потеряешь», — жизненное кредо Виктора, которого он и придерживался. Люди в прежние времена бедно жили, а храмы строили величественные, богатые. Для Бога не жалели ничего, последнее отдавали, потому что осознавали временность земного бытия. Недаром же в Святом Писании говорится, чтобы люди не собирали себе земных богатств — все это временно и тленно, а искали бы нетленные богатства —

духовные. Вот этому и старался следовать Виктор, и я — за ним.

Воистину Павловы — настоящие русские миссионеры уже нашего времени, неутомимо продолжившие в XXI веке богоугодное дело первых алтайских миссионеров. Не случайно в 2001 году Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II В.Н. Павлов был награжден одной из высших церковных наград Русской Православной Церкви — медалью «Святителя Иннокентия, митрополита Московского» за усердные миссионерские труды. Указом Патриарха Московского и всея Руси Кирилла от 10. 04. 2009 г. награжден орденом Русской Православной церкви Преподобного Серафима Саровского III степени.

В 1994 году Павловы зарегистрировали Духовный Центр, который возглавил Виктор Николаевич. Им был открыт также Некоммерческий Благотворительный фонд имени святителя Макария Алтайского, возглавляемый ныне Г.С. Павловой.

...Ныне по всей Республике Алтай, как и по всей России, возрождаются старые и возводятся новые храмы, включая и самые отдаленные горные районы — Улаганский и Кош-Агачский, приравненные к Крайнему Северу, а также — и Усть-Коксинский, связанный с Рерихами, где ныне находится дом-музей Н.К. Рериха.

В райцентре Кош-Агач, грани-

чащем с тремя государствами: Китаем, Монголией и Казахстаном, действует небольшая, заново отстроенная церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Рядом, по старой фотографии, возводится, в основном на народные пожертвования, новый большой прекрасный храм — такой же, как прежний, уничтоженный богоборцами. В строительстве его добровольно участвуют разные по национальности люди — русские, алтайцы, казахи. И таких примеров по Республике Алтай можно привести множество.

В селе Майма, моем родном селе, самом крупном в Республике Алтай райцентре, где святитель Макарий (Глухареv) открыл первый в Горном Алтае миссионерский стан (1832—1834 гг.) и где поначалу жил сам, в 1845 году был выстроен, по его распоряжению, первый белокаменный храм в честь Сошествия Святого Духа на апостолов, с колокольней. Церковь возводилась бийским купцом М.Е. Щербаковым (город Бийск стал центром Алтайской Духовной миссии) и была первым каменным строением в Горном Алтае. В перестроенном виде она сохранилась по сей день. После того, как долгие годы в этом здании размещался клуб, ныне это вновь — храм Сошествия Святого Духа. Богослужения в нем возобновились с 1997 года. Настоятель храма отец Георгий является и благочинным Респуб-

лики Алтай.

В том же Чемале было три церкви, две общины, воскресная школа, церковно-приходская школа. Духовная жизнь паствы шла активно и плодотворно — и все это благодаря проповедникам Христовым — миссионерам. Первый храм в Чемале был построен во имя святого апостола Иоанна Богослова, как уже говорилось выше. Сама императрица Мария Александровна пожертвовала в 1861 году в храм иконостас. Святая Преподобномученица Великая княгиня Елисавета, родная сестра русской императрицы Александры Федоровны, была одной из попечительниц Чемальского миссионерского стана и приюта для сирот-инородцев, вокруг которого впоследствии организовалась монашеская женская община. Ныне в Иоанно-Богословском храме, на катунском острове Патмос, находится икона преп. мч. Елисаветы.

Второй храм, большой красивый, был возведен во имя святого Николая Чудотворца. Третий в 1916 году, к приезду св. Макария (Невского) — уже митрополита Московского, — в Чемальском женском монастыре был освящен в честь иконы Богоматери «Всех Скорбящих Радость». Это был последний приезд святителя Макария в Горный Алтай, столь любимый и дорогой его сердцу. Храмы были построены, в основном, на средства благодетелей, но все три были уничтоже-

большевиками.

В наше время Чемальской районной администрацией был заново отстроен в центре Чемала храм «Всех Скорбящих Радость». Чета москвичей Павловых возродила на свои средства чудесный храм Иоанна Богослова на катунском острове Патмос, о чем рассказано выше. Благодаря современным продолжателям традиций алтайских миссионеров, прежде всего Г.С. Павловой, построен храм в честь Макария Алтайского (Невского) надпись на котором гласит: «Храм святителя Макария, основателя Чемальской Духовной миссии. В храме находится икона с частицей мощей святого Макария».

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ СТАРЦА ИЛИИ

Храм этот появился по благословению оптинского старца отца Илии, который в июле 2012 года две недели провел в доме Галины Степановны. Схиархимандрит Илий (в миру Алексей Афанасьевич Ноздрин), духовник Оптиной Пустыни, в народе чтим, как человек святой, прозорливый.

В Чемале пошел батюшка Илий в часовню Святителя Макария, тоже выстроенную Павловыми, провести молебен:

— Это не часовня, а храм, приделывайте Алтарь. Отцу Макарию надо службы проводить. Он войдет в свой дом, и сам обустроит,

чтобы здесь был мужской монастырь,— сказал батюшка Илий.

— Да где же мы монахов-то будем брать?— удивилась Гаянэ.

— Вот он и будет первым монахом,— ответил отец Илия и указал на стоящего рядом православного христианина А.А. Бессонова, старосту Майминской Свято-Духовской церкви. Так и стал Бессонов отцом Аверкием (Аверкий — изгоняющий дьявола) — одним из первых священнослужителей Чемальского Макарьевского храма.

Когда-то, в 1875 году, силами местных православных верующих был в Чемале построен новый просторный храм во имя святителя Николая Чудотворца, к которому перенесли и Чемальский миссионерский стан, где уже подвизался Макарий (Невский). Этот храм был тоже разрушен. Сейчас, как уже было сказано выше, он возрождается.

Батюшка Илий подарил в строящийся храм Николая Чудотворца икону Сошествия Святого Духа с собственноручной надписью: «Сия священная Божественная икона для всечасного почитания приносится в святой храм святителя Чудотворца Николая. 19. 07. 2012».

На территории, вплотную прилегающей к дому Павловых, супруги, в свое время, выстроили деревянные домики. Два домика пу-

ставали.

— Мы и сами толком не знали, для чего и для кого их строим — так, думали, пригодятся. А Бог-то знал — пригодились! Теперь в этих домиках живут наши священнослужители: в одном жил отец Аверкий, в другом — настоятель Макарьевского храма отец Серафим,— сказала Гаянэ.

Образовалось одно подворье, включающее и дом Павловых.

— Многое предстоит еще сделать: храм возродить и кельи для монахов построить, землю прикупить и оформить для подворья, а средств не хватает. Одна надежда — на пожертвования, на добрых людей — дарителей. Во все времена православные храмы всем миром возводились.

Сейчас-то мне намного легче. Хорошие помощники у меня есть: и отец Серафим, и наш владыка Каллистрат. Ныне мой советчик — и оптинский старец батюшка Илий. С Божьей помощью, да при поддержке людской все потихоньку сделаем,— сказала Г.С. Павлова.

«Веруй, молись и борись!» — эти слова святителя Макария (Невского) можно считать девизом всего многотрудного жизненного пути первых миссионеров Горного Алтая — проповедников Христовых, заложивших здесь крепкие основы православия. Эти слова

должны стать путеводными и для современного православного человека, как стали такими для четы Павловых.

...Недалеко от центрального входа в храм святителя Макария — скромная могилка. На кресте надпись: «Павлов Виктор Николаевич 7.11.1937—21.08.2011. Основатель храма и скита Иоанна Богослова, остров Патмос. Вечная память».

Да. Вечная память необыкновенному человеку — настоящему русскому миссионеру, неутомимо продолжавшему уже в наше время богоугодное дело православных миссионеров-первопроходцев в Горном Алтае. Сегодня в Чемале возрождением храмов занимается его вдова Г.С. Павлова. О таких людях говорят: «Светочи духа». Светочи, освещающие путь другим, как освятили и освятили его два столетия назад первые алтайские миссионеры, как делают это ныне их продолжатели. Яркий пример тому — Павловы.

19 сентября 2015 года в ходе Первосвятительского визита в Горно-Алтайскую епархию Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл впервые посетил Архиерейское подворье в честь святителя Макария (Невского) в Чемале. Комплекс подворья включает деревянный храм св. Макария, монашескую женскую общину в честь св. апостола

— евангелиста Иоанна Богослова и Иоанно-Богословский скит на катунском острове Патмос. Предстоятель РПЦ Кирилл посетил возрожденные четой Павловых храмы, встречался и с Галиной Степановой. В храме св. Макария (Невского) епископ Каллистрат приветствовал Святейшего Владыку. В ответном слове Патриарх сказал: «Очень рад посетить это место, замечательное своей природной красотой и отмеченное дивными трудами святителя Макария, который значительную часть своей жизни положил на то, чтобы семена Православия были посеяны в эту плодородную землю. Знаем, что в годы лихолетья все миссионерские отделения, школы, с такой любовью построенные еще архимандритом Макарием (Глухаревым), а затем и святителем Макарием и другими просветителями, были уничтожены, но в последние годы все это постепенно возрождается. Для того, чтобы у нас была надежда на будущее — у каждого человека и у всех нас как народа,— мы должны возрастать в вере, потому что Бог есть источник жизни. Если мы отсекаем себя от этого источника, то мы духовно начинаем умирать, оскудевать, какими бы богатыми и внешне благополучными мы ни были. Если понимание того, что жизнь является в полной мере жизнью только в общении с Богом,

будет укореняться в сознании нашего народа, то тогда нас ждет мирное, спокойное и благополучное будущее и в нашей личной жизни, и в жизни всего нашего Отечества. Хотел бы всех вас сердечно приветствовать и особо поблагодарить тех, кто вложил свои силы и средства в создание этого замечательного храма и обустройство этого места».

В дар подворью Святейший Патриарх Кирилл передал Казанскую икону Божией Матери.

Внести и свою посильную лепту в богоугодное дело возрождения православных храмов в Горном Алтае, в частности, в Чемале, может каждый, пожертвовав не только денежные средства, но и строительный материал: цемент, кирпич, пиломатериал и другое.

Все благодетели будут поминаться на каждой службе, пока храм Николая Чудотворца будет стоять на чемальской земле.



Некоммерческий Благотворительный Фонд имени Святителя Макария Алтайского:

Банковские реквизиты Фонда:

Расчетный счет Фонда: № 407038 10402350017612 в Горно-Алтайском отделении Сбербанка РФ 8558, г. Горно-Алтайск,

Кор. счет

30101810300000000602

БИК банка 048405602

ИНН банка 7707083893

Регистрационные реквизиты Фонда:

Регистрационный номер в ЕГРЮЛ — 1100400000128 от 15.04.2010

ИНН Фонда — 0411149656

КПП Фонда — 041101001.

Адрес Фонда: 649240, Россия, Республика Алтай, Чемальский район, с. Чемал, ул. Советская, д. 68.

Сайт Фонда:

<http://www.bfsma.ru>

Контактная информация:

в с. Чемал, Республика Алтай
— Директор Фонда — Павлова
Гаянэ (Галина) Степановна:

Тел.: 8(388) 412-22-27;

моб. тел.: 8(913) 695-52-29, Эл.
почта: volimre@bk.ru — для
Фонда;

в г. Москве: член Совета Фонда
— Акимов Александр Юрьевич.
Моб. тел.: 8(985) 764-11-31;
эл.почта: akimov-all@mail.ru

Галина КЛИНКОВА

(Волгоградская
область)



*«Учитель, перед ме-
нем твоим...»*

Н.А. Некрасов

И СНОВА — ОСЕНЬ...

Первый звонок трелью рассыпался по ее золотой листве, извещая о начале нового учебного года в школьной стране. Сколько бы раз ни приходил сентябрь в мою жизнь — будто опять я стою на краешке своей предначертанной свыше судьбы. Так же волнуется сердце...

Начало учительского пути после института. Это — 1973-й год. Поселок Верхнепогромное в Среднеахтубинском районе Волгоградской области. Всего лишь одну, первую, четверть я успела поработать там. Министерство просвещения с опозданием, но прислало разрешение на свободное распределение.

Было очень жаль расставаться со всем, что с первых же дней вошло в мою душу теплым, ласковым лучиком света. Доброжелательный, благородный человек — директор Юрий Петрович, преподаватель немецкого языка, в

прошлом военный переводчик; коллеги, а особенно — ребяташки. Кроме уроков русского языка и литературы, мне дали руководство в 5-м классе. Они были такие смешные, открытые, любознательные и просто очаровывали своей непосредственностью...

Я уехала и приступила к обязанностям литературного сотрудника в районной газете «Звезда». Дети вскоре стали писать мне письма. Только жизнь, как часто бывает, закрутила, завертела... И общение — остановилось. Но письма до сих пор бережно храню. Умиляюсь старательно выведенным буквам и строчкам, ровным, аккуратным.

Как трогательны послания этих детских сердечек, весточки о событиях — пусть и местного масштаба, но до боли близких и понятных! Пожелтели от времени листочки и конверты, а все так же дышат неподдельным, искренним чувством. Я с нежностью думаю о них, моих самых первых учениках. Где вы сейчас? Как вам живется? Хорошо ли сложились ваши судьбы?..

Чем длиннее становится цепочка прожитых лет, тем чаще память моя высвечивает образы дорогих преподавателей, которые уверенно и бережно вели студентов по дороге знаний, щедро отдавая тепло своих сердец. Из временной дали они видятся так близко, прекрасные и любимые. Мои боги, мои педагоги. Из самых близких были и самые-самые. Иван Григо-

рьевич Долгачев, доцент кафедры русского языка Волгоградского педагогического института. Обаятельнейший человек, которого обожали все студенты. С первого курса и до последнего я была старостой его научного кружка «Диалектология и ономастика». Сколько интересных исследовательских работ оказалось нам по силам под его руководством. Порой дух захватывало. Есть, что вспомнить и чем гордиться.

Он оставался мне другом, Учителем и тогда, когда я, выйдя из стен родной альма-матер, уже шла по жизни самостоятельно. А в день свадьбы я получила оригинальное поздравление: Иван Григорьевич написал текст на старославянском языке...

Евдокия Николаевна Василькова, доцент кафедры философии. Прекраснейший, чуткий педагог. Она относилась ко мне особенно, по-матерински трепетно. Как же было хорошо, уютно, защищено находиться моей неопытной молодости под надежным крылом!

Одно из ее хобби — фотография. Какое количество снимков храню! Наши преподаватели, студенты, я в разных ракурсах — целый вернисаж...

Мой взрослый сын перефотографировал снимки и создал большой виртуальный альбом «Земную жизнь пройдя до середины...» Так приятно, что сокурсницы по историко-филологичес-

кому факультету встретили его на моей страничке в «Одноклассниках» с благоговением: ведь там запечатлена весна нашей жизни...

...В напряженную пору, когда я писала дипломную работу, заменившую два госэкзамена, Евдокия Николаевна вдруг сказала, не оставляя надежды на отказ: «Готовь доклад на межвузовскую научную конференцию...» Мало того, что тему предложила очень серьезную, еще и предупредила: готовой информации в специальной литературе нет. Интернета еще тоже не было. Предстояло самостоятельно анализировать реальное положение вещей, делать выводы. С большой неохотой приступила к исследовательской деятельности философской направленности, поскольку и времени не хватало, да и не видела в ней для себя необходимости. Но, по инерции, трудилась с энтузиазмом.

Первый вариант работы Евдокия Николаевна без колебаний, хотя и с мягкими оптимистичными комментариями, почти полностью перечеркнула ручкой с красной пастой... Я не упала духом, ведь научный руководитель остался рядом — помогала, опекала, старалась поддерживать во мне уверенность в моих силах, в успех. А как радовалась, когда он — случился! После выступления на конференции мне предложили аспирантуру.

...Закончилась учеба в высшей школе, разлетелись по свету выпускники, получив дипломы. И

я вместе с ними отправилась искать свою жизненную дорогу. Но трогательность отношений осталась. Только виделись реже...

«Я поджидала тебя, каждый день носила с собой вот эту фотокарточку... Поздравляю с новой должностью и желаю хорошо в нее войти... Не расстраивайся, если сразу не получится: не боги горшки обжигают. Постепенно найдешь свою линию, свой стиль... Мы тоже, Галочка, сначала звезд не хватало... Твоя Евдокия Николаевна». Читаю и, будто наяву, слышу живой голос. Такой добрый, ласковый, теплый, заботливый, с прорывающимися нотками тоски в разлуке. Нежно глажу, перебирая, письма, телеграммы, бумаги, которых касалась ее рука. Влажнеют глаза, и сжимается горестно сердце из-за того, что не смогла побыть рядом, когда она в последние годы болела, но мужественно «держалась на плаву».

...Перехватываю свой взгляд, с ностальгической грустью и улыбкой устремленный на книжную полку. Там, в уголочке, стоит изящная деревянная фигурка. Это — Гулливер: яркого голубого цвета пиджак, черная шляпа. Белые гольфы до колен. Снисходительно-умудрено, заложив руки за спину, взирает он на пристроившегося на правой его туфле лилипута. А тот,

задрав голову, с почтением смотрит на великана.

Этот чудесный сувенир с символическим значением («Учитель, перед именем твоим...») в профессиональный наш праздник мне подарила методист из волгоградской школы № 83 Александра Фоминична Ягодкина, когда я на первом курсе проходила у нее практику. Было устное пожелание достичь педагогических высот. И далее — на открытке: «Пусть твоя жизнь будет ясная, светлая, радостная. Будь здорова и счастлива, милая девочка. Твоя, не первая, не единственная и не последняя, учительница».

...Пришла уже в судьбу осень жизни — 66 лет. Но как мне, педагогу со стажем, и сейчас не хватает рядом этих людей, ангелов-хранителей! Как скучаю по их чистым душам... Ах, если бы можно было обратить неумолимое время вспять. Совсем на немного, на чуть-чуть золотую сказку с ними из прошлого вернуть, когда о будущем мечталось как о безоблачном и блестящем, чтобы — увидеть, обнять, сокровенным опять поделиться...



Вера ХАЙКИНА (г. Алексин Тульской обл.)



Родилась 23. 10. 1945 г., в с. Искань Заокского р-на Тульской обл. В 1969 г. окончила Тульский политехнический институт (ныне ТулГУ). Участница многих походов, соревнований и экспедиций. Работала инженером-конструктором. Ветеран труда, Почетный донор СССР. Имеет золотой значок ГТО, много грамот, благодарностей и дипломов за спортивные достижения. Продолжает заниматься спортом. Активно занимается и художественным творчеством. Многократный дипломант и лауреат конкурсов чтецов. Лауреат фестиваля православной и патриотической авторской песни «Алексинской благовест» (2014 г.). Член Алексинского ЛитО «АЛЛО». Печатается в коллективном альманахе «АЛЛО».

ПО СЛЕДАМ ЗЕМЛЯКОВ-ПЕРВОПРОХОДЦЕВ АРКТИКИ

Воспоминания участницы полярной экспедиции

*Ведь если он гореть не будет,
ведь если ты гореть не будешь,
ведь если я гореть не буду,
то кто согреет этот мир?*

Е. Евтушенко

За окном весна. Апрель 2014-го года. Сорок лет назад я, Хайкина Вера (в девичестве Комарова), в составе группы тульских туристов совершила путешествие на лыжах на побережье Северного Ледовитого океана. Эта была первая научно-спортивная полярная экспедиция тульских спортсменов в поисках следов наших славных земляков-первопроходцев Арктики, участников Великой северной экспедиции XVIII века. Мне посчастливилось быть ее непосредственным участником. Нахлынувшие воспоминания всколыхнули память, подвигли меня поделиться с алексинцами, читателями и друзьями, своими впечатлениями. Острота восприятия с годами не утратилась. Тем более что многие алексинцы даже не знают, что их землячка участвовала в таком значимом событии и достойно прошла по историческим местам. Мои воспоминания являются первой пробой пера. Друзья убедили меня в том, что эти воспоминания принадлежат уже не мне одной, а всему Алексину, так как я была единственной представительницей провинциального Алексина, участницей Первой Тульской научно-спортивной полярной экспедиции по следам Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг.

В летописи полярных исследований выдающееся место принадлежит Великой Северной экспедиции XVIII века. Ее участни-

ки первыми нанесли на географическую карту почти все русское побережье Северного Ледовитого Океана, Охотского и Берингова морей, многие десятки островов — от Вайгача до Колымы. Русские колумбы открыли Таймыр, Аляску, Алеутские и Командорские острова. И карта бережно хранит их имена: море Лаптевых, берег Прончищева, мыс Челюскина, бухта Прончищевой, мыс Скуратова, остров Чирикова... Среди участников Великой Северной экспедиции 1733—1743 годов находились и уроженцы Тульской губернии: Алексей Чириков, Василий и Татьяна Прончищевы, Семен Челюскин, Алексей Скуратов, Иван Елагин, Василий Ртищев, Иван Сухотин.

Однако до начала 70-х годов прошлого века сведения о первопроходцах оставались крайне скудными. Лишь теперь установлены годы их жизни, происхождение, жизненные судьбы, уточнены открытия.

Сорок лет назад тульские туристы, отдавая дань памяти и в знак благодарности потомкам, отправились в первую научно-спортивную полярную экспедицию, в которой участвовала и я, ваша землячка. Мы собирались установить в местах аварийных стоянок русских колумбов памятные знаки. Но нужны были точно разработанные маршруты первопроходцев и современные крупномасштабные карты. За помощью об-

ратились к тульскому историку и краеведу-исследователю Дориану Михайловичу Романову.

Сегодня Д.М. Романов известен в России как один из начинателей большого поиска материалов о первопроходцах севера. Заслуженный учитель России, бывший директор Яснополянской школы, он больше полувека преподавал историю и географию в школе, в городе Щекино, краевед-исследователь, путешественник, замечательный писатель, талантливый воспитатель молодежи. Он более десяти лет посвятил архивным поискам, собрал множество новых материалов о своих земляках-участниках Великой Северной экспедиции 1733—1743 годов. Действительный член Географического общества Академии наук СССР Д.М. Романов стал автором множества увлекательных статей, очерков и брошюр, а впоследствии и книг о героях-первопроходцах Арктики.

Но тогда, сорок лет назад, узнав о нашей идее пройти на лыжах по маршрутам первопроходцев и установить памятные знаки в местах их аварийных стоянок, Дориан Михайлович был весьма удивлен. Предупреждал, что мы затеяли сверхсложное дело. Но ребята убедили его в том, что у нас есть опыт зимних лыжных походов по Полярному Уралу, Кольскому полуострову и другим сложным маршрутам. И Дориан Михайлович сам стал вдохнови-

телем и научным руководителем этой первой тульской научно-спортивной полярной экспедиции.

Д.М. Романов пересказывал нам историю Великой Северной экспедиции и помог добыть современную крупномасштабную карту, которую мы сравнили с записями в журналах и отчетах первопроходцев в архивах Северного морского пути. По архивам Северноморского пути и старым картам был восстановлен маршрут отрядов первопроходцев, призванных описать для закрепления территории за Россией все северное побережье до Тихого океана и далее до самой Японии.

Представляете, наши предки еще не знали о сказочных богатствах Арктики, но уже заботились о будущем благе своей страны!

Организация таких походов, действительно, дело сложное и трудоемкое. Мысль о создании Тульской полярной экспедиции поддержали областной и городской советы по туризму, спортклуб «Металл» научно-производственного объединения «Тулачермет». Необходимые средства были выделены. Группу организовал спортклуб «Металл». Возглавил ее начальник лаборатории Юрий Петрович Черноротов, ныне координатор проектов ассоциации музейных работников, действительный член Географического общества, Заслуженный пу-

тешественник России, чемпион СССР по лыжным путешествиям высшей категории сложности.

Желающих принять участие в походе было много. В экспедицию включили двенадцать человек: две группы по шесть человек. Средний возраст спортсменов — тридцать лет. В каждой группе был свой руководитель и свой конкретный маршрут. Членами нашей группы стали друзья Юрия Петровича — спортсмены, которых объединял спортклуб «Металл». А также инженеры и техники тульских предприятий: Владимир Фролов, Алексей Саменцов, Георгий Цвиг, Геннадий Афонин и я, маленькая хрупкая женщина, Вера Хайкина. Второй группой руководил Станислав Загибалов; в нее вошли Игорь Самсонов, Вячеслав Малахов, Александр Михайлов, Владимир Сергутин, москвичка Галина Шавырина.

Группы имели задание от Географического общества — вести дневник путешествия, проводить медико-биологические наблюдения за участниками экспедиции в экстремальных условиях, измерять глубину снега и его температуру. Вся экспедиция планировалась на 28 дней, 23—24 дня из них — ходовые на маршруте. Встреча групп назначалась на 30 апреля 1974 года в заполярном поселке Усть-Кара, на побережье Байдарацкой губы Карского моря.

Позже я поинтересовалась у одного из организаторов данного похода: «Почему из стольких претендентов на участие в экспедиции выбор пал именно на нас с Галиной?» Он ответил, что мы достойные и опытные спортсменки, за плечами у нас много походов — и летних, и зимних по Полярному Уралу и Кольскому полуострову, очень хорошая физическая подготовка. Меня пригласили, зная мой выносливый спортивный характер и отчаянную натуру. В моей надежности не сомневались. Потому что по предыдущим походам убедились, что «девушка веселая, задорная и, что немаловажно, мало ест». Впрочем, все участники экспедиции уже обладали большим опытом походов. Все несли на себе, брали с собой сублимированные продукты: крупы, вяленое мясо, масло, сухари, сало, сухофрукты, сухое молоко: 700 граммов на человека в день. И, конечно, действовал «сухой закон», если не считать ежедневно 10 граммов спирта в медицинских целях.

И снаряжение почти все было собственной конструкции. Палатки сделаны из технического капрона, с металлическим каркасом в форме полшария. Штормовые костюмы — ветронепроницаемые, без единой пуговицы. Ботинки на утолщенной подошве с высоким верхом. На них надели бахилы-чехлы из лавсана. Лыжи тоже специальные — горные с

металлическими кантами, для того чтобы удержаться на склонах. Спальные мешки, кухонные агрегаты Нансена — усовершенствованные. Бензин брали из расчета 75 граммов на каждого. Каждый участник экспедиции должен иметь при себе шерстяную маску на лицо и солнцезащитные очки: солнце и снег в горах могут вызвать временную потерю зрения.

Итак, позади тренировочные походы, подготовка снаряжения, закупка продуктов. 3 апреля 1974 года поезд увозит нас до Воркуты, далее по узкоколейке до станции Хальмер-Ю к исходной точке маршрута.

В горах Полярного Урала погода стояла типично арктическая: минус 25—30, морозы при нестерпимо ярком солнце сменялись пургой, когда все вокруг исчезало в снежных вихрях. По количеству метелей горная область Полярного Урала занимает одно из первых мест в нашей стране. Время для похода — апрель — был выбран неслучайно. Это период, когда уже закончилась полярная ночь, но еще не началась весна. В это время ослабевают морозы, световой день увеличивается до 15 часов. Полярный Урал — это горно-тундровая область, где снег иногда настолько уплотнен, что острие лыжной палки с трудом пробивает его.

Первые два-три дня казались самыми трудными. Надо было сжиться с рюкзаком. Он сидел на

моей спине, как свинцовый груз, но приходилось терпеть и еще тащить саночки-ледянки, нагруженные месячным запасом продуктов. После дневного перехода было просто здорово сидеть во круг примуса в поставленной палатке. Я смотрела на ребят и думала о том, как эти горы, белое безмолвие, эти длинные версты сплотили нас, превратили в дружную семью. Юрий Черноротов, Жора Цвиг, Гена Афонин, Володя Фролов — испытанные и мужественные, душевные и стойкие мои друзья — спортсмены. Я до сих пор восхищаюсь дружеской заботой и горжусь своими друзьями за скрытое внимание ко мне. Когда я ложилась отдыхать, под моим спальным мешком была постелена собачья шкурка. Это меня еще больше согревало. Согревала забота и любовь моих друзей! Всегда чувствовала рядом крепкое мужское плечо! Но загадка, кто подкладывал под мой спальный мешок кусочек собачьей шкурки, так и осталась для меня загадкой?

Маршрут нашей группы проходил по озеру Большое Хадата-Юган-Лор, на берегу которого жили наблюдатели Гидрометеослужбы научно-исследовательской станции Института географии АН СССР. На ее территории мы сделали дневку. Поднялись на самый крупный ледник Урала — ИГАН. Продолжая маршрут, совершили восхождение на север-

ные вершины Полярного Урала — Большой и Малый Минисей и гору Константинов Камень. Мы спустились на приморскую равнину, в заснеженную тундру и далее устремились к побережью Карского моря. Шли по берегу реки Кары от верховья до устья. Шли по безжизненной пустыне снега и льда, где только один раз нам встретился чум оленеводов и стадо оленей.

Стоит отдельно сказать об укладе жизни кочевых оленеводов. Он полностью подчинен Северу, горам, тундре, оленям. Единственным их жилищем является чум, очень интересное с точки зрения архитектуры строительное сооружение. Чум образован шестью, связанными сверху и расставленными концами по кругу диаметром около пяти метров. На шести положен брезент, это — летний вариант. Зимой брезент заменяют шкуры. В центре чума тлеет костер, над которым ярусами висят: закопченный чайник — над самыми углями, копченое мясо кусками по 10-15 килограмм, выше — сохнувшие олени шкуры, потом снова мясо, снова шкуры. Весь объем чума выше роста человека занят горизонтальными шестью со шкурами, одеждой и мясом. На некотором расстоянии от костра, к краю чума по всей окружности помещения навалены шкуры, одежда, праздничные украшения. Это, собственно, и комната, и прихожая, и гостиная, и

спальня, и столовая. Лишь кухня вынесена в центр. Все садятся на корточки вокруг костра. Благодаря большому отверстию вверху чума дыма в помещении немного, так что если сесть на шкуры, глаза скоро перестанут слезиться.

Олени упряжки — единственный способ передвижения в этих краях. Узкие легкие длинные нарты с седоком не скребут, а как бы летят. Стройная конструкция нарт, собранных полностью из дерева, доведена поколениями до изысканного совершенства. Жесткость и устойчивость им обеспечивают широко расставленные полозья, соединенные с верхней конструкцией брусками, направленными наискосок вперед, навстречу ожидаемому лобовому удару о препятствие.

По самой тундре бегают дикие песцы. Их настолько много, что северные жители занимаются охотой на них. Один песец бежал даже за нашими саночками-ледянками, на которых мы везли свои продукты, и нам пришлось его отгонять лыжной палкой. А в основном это край белого безмолвия, и нам в нашем долгом путешествии больше никто не встречался до самой последней точки маршрута — заполярного поселка Усть-Кара. Располагаясь на ночлег, мы использовали палатку, которая на протяжении всего маршрута была для нас родным домом. А чтобы защитить ее от сильного ветра, нам приходилось стро-

ить стену из снежных кирпичей, вырезая их ножовкой из очень плотного наста снега.

Итак, мы добрались до последней точки маршрута заполярного поселка Усть-Кара, где река Кара впадает в Байдаратскую губу Карского моря, где наконец-то мы ощутили тепло человеческого жилья. В поселке, как и планировалось, произошла встреча с другой группой, которой руководил Станислав Загибалов. Наша экспедиция расположилась на несколько дней в здании местного аэропорта.

1 мая 1974 года, в праздничный день, в поселке был организован митинг и поднят флаг на административном здании. Основным событием этого дня стало торжественное открытие мемориальной доски. Ее установили на здании исполнительного комитета Карского сельского совета депутатов трудящихся Ненецкого национального округа Архангельской области в честь отряда Малыгина-Скуратова, дважды здесь зимовавшего. В поселке Усть-Кара находился аварийный лагерь Первого отряда Великой Северной экспедиции 18-го века. Боты «Первый» и «Второй» попали в трудные ледовые условия при входе в Карское море, поэтому Малыгин и Скуратов привели свои обледевшие суда к устью реки Кара, где льды и раздавили бот нашего земляка А.И. Скуратова.

Мемориальная доска была изготовлена на заводах города Тулы

из нержавеющей стали, и на ней был выгравирован следующий текст:

«Здесь в 1738 г. находился аварийный лагерь 1-ого отряда Великой Северной Экспедиции /1733—1742г./ под руководством лейтенанта флота С.Г. Малыгина и уроженцев Тульской губернии лейтенантов А.И. Скуратова и И.М. Сухотина.

Доска установлена в 1974 году туристами г. Тулы»

Тем временем погодные условия испортились, разыгралась метель и пурга. Сильная пурга парализует все движение, выбивая из привычной колеи налаженную жизнь. Многие сутки томятся в аэропортах люди. В стене сплошной белой сыпи не видно ни зги. Поэтому и мы несколько дней вынуждены были задержаться в Усть-Каре. Метель не стихала пять дней. Возвратиться домой нам помог Артур Чилингаров — бывший в то время начальником Амдерминского территориального управления по гидрометеорологии и контролю природной среды. Ныне А. Чилингаров — Герой Советского Союза и Герой России, Президент Ассоциации полярников России, первый вице-президент Русского географического общества, член Совета Федерации РФ от Тульской области, доктор географических наук, член-корреспондент РАН.

Спецрейсом на АН-24 нас пе-

реправили в Амдерму, а оттуда на самолете ИЛ-18, который летел с Камчатки, из бухты Провидения, мы успешно 5 мая 1974 года долетели до Москвы.

Так закончилась Первая научно-спортивная полярная экспедиция туляков. Маршрут высшей категории сложности был успешно пройден. Все участники вернулись здоровыми и невредимыми, хотя пришлось испытать и морозы, и пургу, и ночлег в промерзшей палатке, и тяжесть 45-килограммовых рюкзаков. Общее впечатление: сурово, тяжело, красиво, необычно, здорово! Путешествие по горам и тундре Полярного Урала оставило неизгладимый след в моей памяти.

Знакомые часто спрашивали меня: тебе деньги за походы платят, награды дают? Я всегда удивлялась такому вопросу. Никакие деньги не могут заменить человеку роскошь общения и восторг познания! Я говорю спасибо даже за то, что попал в лавину 7 марта 1977 года в горах Хибинского полуострова на перевале Чивруай, поняла, насколько прекрасна жизнь. Я благодарна судьбе за то, что соприкоснулась с замечательными людьми, ощутила, как шли по неизведанным местам, преодолевая холод и голод, великие земляки — путешественники-первопроходцы Арктики.

Отправляясь в такие экспедиции и походы — научные, спортивные, туристические — мы за-

ново открываем для себя наш мир, нашу удивительную природу, мы проверяем себя на выносливость, активно отдыхаем, закаляясь физически и духовно.

Мы до сих пор остаемся одной большой дружной спортивной семьей, хотя давно уже не ходим в походы, и стали уже дедушками и бабушками. Но у нас до сих пор существует традиция. Даже сейчас мы каждый год продолжаем встречаться. Наши встречи проходят в Вeneвском районе, на реке Осетр, в полевых условиях. Как и прежде, мы разбиваем лагерь: ставим палатки, разводим костер, готовим шашлыки, вспоминаем былые походы и поем песни под гитару.

Я испытываю радость за своих друзей — спортсменов, туристов, с которыми отправлялась в столь трудные путешествия. Нас объединила и соединила страсть к походам, жажда романтики, спортивный интерес. А также гордость за то, что мы внесли свой скромный вклад в исследования Крайнего Севера. Мы участвовали в работах по выявлению и охране исторических памятников, исследуя места, связанные с деятельностью наших прославленных земляков — покорителей Арктики: Василия и Татьяны Прончищевых, Семена Челюскина, Алексея Чирикова, Василия Ртищева, Ивана Су-

хотина, Алексея Скуратова и других мужественных людей — популярных колумбов, чьими именами названо почти все русское побережье Северного Ледовитого океана.

В 2013 году в научно-культурном центре музея-усадьбы «Ясная поляна» состоялась презентация четвертой книги Д.М. Романова «По следам Великой Северной экспедиции», посвященной тулякам — первопроходцам Арктики. Я была приглашена на эту встречу. Презентация книги превратилась в вечер встречи ветеранов — организаторов Тульского туризма.

На Алексинской земле Тульской области третий год подряд проводится Всероссийский фестиваль Великих путешественников. Его организатором является знаменитый профессиональный путешественник, единственный в мире человек, достигший Северного полюса на лыжах в одиночку, Владимир Семенович Чуков, участвовавший в первом трансарктическом переходе из России в Канаду через Северный полюс. Открытие Фестиваля в августе 2012 года, при активной поддержке администрации Алексинского района, было приурочено к 300-летию начала оружейного производства в Туле и к 270-летию открытия нашим земляком С.В. Челюскиным самой северной точки Евразии — мыса,

носящего сегодня имя своего великого первооткрывателя. Я лично знакома с организатором фестиваля, на третьем, в 2014 году,— была участницей праздничного концерта. На фестиваль съезжаются все любители путешествий разных лет и разных возрастов, которые участвовали и участвуют в походах по заповедным местам родного края, а также в сложных походах по необъятным просторам нашей огромной страны, туристские возможности которой безграничны. В том числе и мои друзья: Черноротов Юрий Петрович, Миллер Александр Эдмундович и Малахов Вячеслав Борисович, с которыми я принимала участие в первой тульской научно-спортивной полярной экспедиции по следам наших великих земляков.

В заключении моего рассказа хочется сказать, что я горда тем, что в моей жизни было событие, связанное с посещением памятных исторических мест, и я причастна к продолжению дел великих первооткрывателей наших арктических побережий. И, конечно же, меня переполняет бесконечная любовь к своей земле, природе и к великому русскому народу, честицей которого являюсь.



Сергей ОВЧИННИКОВ (г. Щекино Тульской области)



Родился возле Ясной Поляны в Тульской обл. в 1963 г., окончил медицинский институт, жил в Калининградской обл., Рязани, под Владимиром, в Тольятти, с 1991 г. — на родине. Публикуется в журналах, альманахах, «Литературной газете», во всероссийской антологии современной прозы и поэзии «Наше время». Автор нескольких книг прозы и афоризмов. Лауреат областной премии им. Л.Н. Толстого в категории проза (2011) и премии «Золотое перо Тулы» (2011). С 2001 г. издает и редактирует литературный альманах «Тула».

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО

В 2004-м начинался обычный для меня писательский сентябрь. Воздух толстовской усадьбы был наполнен грибной сыростью, запахом влажной коры и остывающей воды большого пруда. Желтые и красные листья падали на чисто выметенные дорожки музея, два десятка писателей витийствовали под Веймутовой сосной на лужайке возле дома Толстого. Я стоял у ствола этого американского дерева, поглаживал его рукой,

разглядывая приезжих. На стульях и скамьях перед микрофоном сидели близкие мне люди — Лев Александрович и Александра Николаевна Аннинские, Тимур Касымович Зульфикаров, Ирина Дмитриева-Ванн, Володя Карпов, Валентин Яковлевич Курбатов...

Много лет назад я познакомился с ними здесь, на писательских чтениях, с тех пор они стали необходимой частью моей жизни. Думалось в тот момент — какое же счастье, будучи литератором, жить рядом с Ясной Поляной, видеть здесь лучших мастеров профессии, внимать им, прорываясь сквозь них в большой писательский мир, большую литературу, большой стиль, большую жизнь.

Владимир Ильич Толстой, переехав сюда из Москвы в 1996 году, превратил яснополянский музей из немного скучного, бюрократического «учреждения культуры» в живое, искрящееся, вечно переменчивое творческое дело, едва ли не лучший литературный музей планеты.

Собственно говоря, Ясная Поляна — не музей. Это более сложное и большое явление русской жизни, в котором соединились уникальная творческая инициатива, традиции древнего аристократического рода, писательское наследие гениального Толстого, поразительная аутентичность усадьбы и дома (музейные вещи 19 века хранятся тут не в запасниках, а лежат на своих местах в комна-

тах), своеобразие самой деревни, более или менее сохранные ландшафты и люди, люди... Уникальные, поразительные, штучные. Софья Андреевна и Александра Львовна Толстые, Николай Павлович Пузин, Рита Александровна, Илья Владимирович, Никита Ильич, Владимир Ильич, Илья Ильич, Анна Никитична, Екатерина Александровна Толстые, а теперь и Ваня Толстой, после векового перерыва снова родившийся в Ясной Поляне, ныне — студент ВГИКа, будто перенявший эстафету зеленой палочки от Льва Николаевича, Александры Львовны, от навсегда оставшегося семилетним ангела Ванечки, от Владимира Ильича... Выдержит ли ношу ответственности, которая давит, но и придает основательности? Ведь когда идет настоящий Толстой (настоящий, если с ношей любви, мысли, совести), трясется земля от тяжести шагов, нужно понимать это.

Тогда, в 2004-м, у Веймутовой сосны думалось еще и о том, что странно мало приходит на яснополянские чтения тульских писателей. Боятся, что Толстой их раздавит? Нет почета и уважения, к которому привыкли в Туле? Но в Ясной Поляне «воздавать почести» вообще не принято, здесь совершается духовная работа, мозговой штурм действительности, творческое общение, которые изначально демократичны и существуют вне рангов, бюрократической суеты, чиновных расшаркиваний. Почести воздаются

после и в другом месте — обычно в Москве, где-нибудь в Большом театре, чтобы вручение литературной премии было общенациональным событием, а не только яснополянским.

— А, Сережа! — увидел меня тогда у сосны Тимур Касымович Зульфикаров. — Приезжай сегодня вечером к нам! Мы с Ируськой даем концерт в гостинице для своих...

Тимур Касымович для Ясной Поляны начала нынешнего века — знаковая фигура. Он стал одним из лауреатов Большой Яснополянской премии, получив ее по заслугам. Его уникальный талант, совмещающий восточную орнаментальность и славянскую широту, очень своеобразен. Тимур Касымович — глубокий философ, обаятельный, искренний человек, один из аксакалов и саксаулов Толстовских писательских чтений, наряду с Курбатовым, Кимом, Аннинским и Кураевым. Тимур Касымович из того времени, когда серьезная литература могла быть единственным занятием талантливого человека. Сейчас это почти невозможно. В советское время большая литература вполне кормила русского писателя и потому в нее шли серьезные люди, которые теперь увлечены политикой, бизнесом, гедонизмом. Сейчас молодой Зульфикаров был бы вынужден писать сценарии для телесериалов, Аннинский — заниматься преподаванием, а Ким входил бы в совет директоров крупного ко-

рейско-российского предприятия.

Прошли те времена, когда писатель в России был главным духовным авторитетом, пророком, почти святым. Едва ли не последним избранным, наверное, был Распутин, а перед ним Шукшин и Астафьев, хотя у Виктора Петровича оказалось чересчур много светских грехов. И самый главный, проявившийся перед смертью: охаивание своего народа. Впрочем, в начале века многим казалось, что с Россией и русскими покончено, страна сдавала одну позицию за другой, вокруг ширились разброд и шатание, трудно было не разочароваться, не пасть духом. Виктор Петрович разочаровался, нужно простить ему, ведь он был тогда уже совсем старым человеком.

Тимур Касымович тоже входит в когорту великих и любит примерять на себя тогу олимпийца. Как говорила, смеясь, Рита Александровна: «для Тимура в литературе есть только он, и лишь затем Пушкин». С другой стороны, без осознания своей величины и значимости писателю не взяться за тяжелейшую ношу русской литературы.

Тимур Касымович на рубеже веков был влюблен в Ясную Поляну, подолгу жил в бывшем санатории, теперь графской гостинице, получая тут уютный номер. Он создал здесь многие свои, ставшие знаменитыми, тексты и песни. Некоторые из них удивительны и надолго останутся в сокровищнице русской литературы и русского

романса. Теперь, приближаясь к своим 80-ти годам, Тимур больше времени проводит в Таджикистане, родные горы поддерживают и пе- стуют, тело его может нормально жить лишь там, а Москва убивает. В последний раз на писательских чтениях Тимур был в 2014-м, затем только звонил, хотя место его на галерке чтений долго было не занято, я чувствовал это.

Тогда, в 2004-м, в зале для конференций на четвертом этаже, людей собралось много, стульев не хватало, некоторые рассаживались прямо на полу. Тимур и его певица, Ирина Ванн, готовились к выступлению в памятной для меня комнате 411, превратившейся на время в артистическую гримерку. Во время концерта в зале возле двери вдруг поставили еще один стул для Риты Александровны, я тогда впервые увидел ее.

Она вошла, опираясь на палочку, скромно уселась с краю. Ей уже исполнилось 73 года, но выглядела она цветущей женщиной лет шестидесяти: милое лицо, розовые щеки, светящиеся глаза. Вскоре я убедился — еще и хорошая память, всеотзывчивый ум, юношеский интерес к жизни. Наверное, дело тут в особой генетике, но сказывались, конечно, и ее поразительный оптимизм, творческий подход к жизни, постоянный контакт с молодежью, феноменальная стойкость и жизнелюбие. Русский человек часто падает духом, разочаровывается от жизненных трудностей. Рита

Александровна удары судьбы сносит как стойкий оловянный солдатик, да еще поддерживает других, интересуется их жизнью, когда сама оказывается на краю пропасти, держится за этот край одною рукой.

До 72 лет Рита Александровна работала в МГУ преподавателем русского как иностранного, учила немцев, англичан, французов, японцев, сирийцев, поляков нашему великому и могучему. Да не просто учила — на какое-то время олицетворяла для них Россию. Мне думается, трудно было найти для них лучшего представителя русского народа: обаятельная красавица глубочайшей культуры и доброты, породнившаяся с древней российской семьей, в числе многих составляющей гордость и славу нашего прошлого и настоящего. По словам Риты Александровны, в семьдесят лет она «еще бегала как девчонка», совершенно не постарела душой, а вот здоровье после 70-ти все же начало сдавать.

— Однажды в метро меня так ударили локтем в сердце, что я чуть не умерла, — рассказывала Рита Александровна. — Останавливалось дыхание, слезы текли по щекам, в тот момент я дала себе слово, что больше не буду работать. Когда же ушла из университета, мне стало еще хуже: ослабела нога, упало зрение — это настоящая трагедия для меня...

К тому времени в Ясную Поляну вслед за Владимиром Ильичом

из подмосковного Троицкого перебрался Илья Ильич, старший сын Риты Александровны. И она решилась на переезд вслед за сыновьями.

— Центр нашей семьи тогда окончательно переместился сюда, в Ясную Поляну,— констатировала Рита Александровна. И мне кажется, она не жалела об этом.

...Ирина же и Тимур в тот вечер были блистательны. Ирина молода и красива, в концертном платье темно-синего цвета, с открытыми плечами, словно дама в салоне мадам Шерер. Тимур — творчески сосредоточен и горяч на излете своей феноменальной молодости, которая продлилась до 75 лет. Они в тот вечер исполняли свои песни так, что Ирине поступило несколько серьезных предложений руки и сердца от иностранных писателей, а Тимур на-долго, до концертов Олега Погудина, превратился в кумира тульских любителей романсов. Рита Александровна тоже была заинтересована Ириной и Тимуром. Обаятая музыкой, светящаяся духом, она была так необычна и трогательна, что я глядел на нее чаще, чем на артистов, еще не осознавая, насколько важно происходящее для меня. После концерта поспешил к ней спросить согласия на интервью для тульского альманаха.

На другой день, опасаясь, что Рита Александровна может забыть обещание, пришел к ней в достопамятный, легендарный те-перь 311-й номер яснополянской гостиницы, достал блокнот. Рита Александров-

на держалась настороженно, была закрытой и даже хмурой с неизвестным ей человеком, говорила о своей жизни скудно; на другое утро позвонила сказать, что надиктовала лишнего и просит ничего не публиковать. Слегка расстроившись, я отменил публикацию, и в следующий раз мы увиделись в ситуации, когда я выступал в качестве доктора. После уже и не помню, почему приехал — наверное, потому, что Рита Александровна не выходила у меня из головы, очень уж была не похожа на многих, с кем я привык общаться.

Во-первых, она никогда не говорит о людях плохо, кроме самых исключительных случаев, но даже при этом избегает жестких и унижающих выражений.

Во-вторых, она старается больше давать человеку, нежели получить.

В-третьих, она говорит на прекрасном, сочном, безупречно правильном русском языке.

В-четвертых, она чувствует и мыслит изумительно точно, будучи настоящим камертоном душевного изящества.

В-пятых, у нее имеется поразительный талант равнодушия, она переживает за каждого, кого любит, кто ей симпатичен. Не может спать, пока сыновья в дороге, каждую минуту ждет их звонка. Переживает из-за Ливии, Украины, Сирии, до глубокой ночи смотрит политические передачи, вникая в перипетии украинского и турецкого предатель-

ства. Расстраивается из-за семейных сложностей и здоровья своих «применных детей» — яснополянских девушек и юношей, которых она по-матерински опекает.

В-шестых, седьмых, восьмых... Рита Александровна стала для меня настоящим откровением. Я оказался вовлечен в бурлящую вокруг нее жизнь, и это превратилось для меня в один из главных университетов. В ее 311-м номере яснополянской гостиницы одиннадцать лет действовал едва ли не лучший музыкальный и литературный салон области. Здесь можно было встретить блистательную испанскую переводчицу Толстого и Цветаевой Сельму Ансьера, барда Лену Фролову, талантливую исполнительницу романсов Юлию Зиганшину, Тимура Зульф리카рова, Ирину Дмитриеву-Ванн, Олега Погудина, Виктора Лихоносова, Анатолия Кима, Карена Шахназарова и многих, многих других. Рита Александровна стала магнитом, который манил в Ясную Поляну десятки людей. Воплощение доброты, участия, неравнодушия, для меня Рита Александровна стала по настоящему родным человеком.

Она не хотела моих публикаций о ней, не желала публичности, но я все же иногда расспрашивал ее о прошлом, это казалось мне важным. Именно через жизнь талантливой, памятной, большой и радушной семьи Толстых я впервые познакомился с потомками русской аристократии. С юности чувствовал родство с теми, кто был изгнан из Рос-

сии в 1918—1921 годах, мне было страшно жаль их, всегда думал о том русском исходе первой волны, как о чудовищной катастрофе. Ценил Набокова, Бунина, Цветаеву, Шмелева, Ходасевича. Утрата многих аристократических родов для России — чудовищная, страшная, непоправимая ошибка революции, советской власти. В случае с одной из ветвей Толстых эту ошибку получилось исправить.

Толстые вообще — особый случай. Многие из них чрезвычайно талантливы и энергичны на протяжении нескольких поколений, это случается редко в утонченных и порой вырождающихся династиях. Не оставили детей или внуков Лермонтов, Бунин, Набоков (его сын умер бездетным), Гумилев и Ахматова (у Льва Гумилева не было детей). Бездетность — проклятие творческих личностей. Нет потомков у Чехова, Гоголя, Волошина, Булгакова, Мандельштама... Толстые в этом плане демонстрируют феноменальную жизненную силу, их генеалогическое древо так разрослось, что уследить за его ветвлениями можно лишь с карандашом в руке. Толстые сейчас — это целая «малая народность», по выражению Володи Карпова. Толстые живут в США, Италии, Франции, России, Англии, Швеции, Парагвае, их так много, что каждому, кто интересуется современными потомками литературного гения, приходится выбирать ту или другую ветвь громад-

ной фамилии, потому что невозможно охватить необъятное. Мне интереснее потомки Ильи Львовича, второго сына Толстого, по вполне понятным причинам: они ближе других к России, растворены в ней, оказывают на ее жизнь большое влияние, вернувшись на родину сразу после Второй мировой войны.

Илья Львович был одним из старших сыновей Льва Николаевича, которых он лично воспитывал и которые не стали противопоставлять себя гениальному отцу в последние годы его жизни. Младшими сыновьями Толстой занимался меньше (кроме Ванечки), душевной близости с Михаилом, Львом и Андреем у него не возникло. Илья — другое дело, показателен памятный разговор. Случился он, когда Илья, не окончив университета, влюбился в красавицу Софью Философову, решил жениться. Однажды вечером Толстой зашел к Илье в комнату, стоя за ширмой спросил: были у Ильи до Софьи какие-нибудь отношения с женщинами? Илья ответил отрицательно, и Лев Николаевич заплакал от радости. Плакал и двадцатидвухлетний (!) Илья. Какой из нынешних его сверстников может сказать такое отцу? Целомудренность в их отношениях была такой, что Лев Николаевич постеснялся говорить о любви с сыном, написал Илье письмо: «Цель ваша в жизни должна быть не радость женитьбы, а

та, чтобы своей жизнью внести в мир больше любви и правды... Самая эгоистическая и гадкая жизнь есть жизнь двух людей, соединившихся для того, чтобы наслаждаться жизнью, и самое высокое призвание людей, живущих для того, чтобы служить Богу, внося добро в мир»... Это феноменально, поразительно! Возможен ли сейчас такой разговор между отцом и взрослым сыном? Почти невозможен. Именно поэтому Толстой велик, уникален и неповторим, его жизнь и творчество, при всех его заблуждениях, излучает мощный поток глубочайшего смысла, тепла и света. Одним из проводников этого света и тепла в последующую жизнь человечества стали потомки Ильи Львовича.

Вырастая, дети слегка или сильно удаляются от стареющего, «отстающего от жизни» отца. Так было со Львом и Андреем, которые принялись резко критиковать нравственное учение Льва Николаевича. Отдалилась Татьяна, которой Толстой писал в 1885 году, что для нее «важнее уметь готовить суп и убирать свою комнату, чем удачно выйти замуж». Поначалу Татьяна старалась жить по принципам отца: стирала для себя, перешла на вегетарианский стол, помогала бедным. Ревновала отца к Маше, которую считала его любимицей, писала в своем дневнике, что та «подлизывается» к отцу, и «...больше живет его жизнью, больше для него делает и

более слепо верит в него, чем я...»

К Маше у Толстого было особое отношение. Она более других девочек внешне походила на Толстого, старалась всегда быть на его стороне, раньше Татьяны обратилась к вегетарианству, занималась физическим трудом и благотворительностью. Хотела стать учительницей и посвятить свою жизнь бедным. Толстой говорит в своем дневнике, что испытывает к Маше огромную нежность, она искупает всех остальных его детей. Когда Маша стала взрослой, от Софьи Андреевны именно к ней перешла почетная обязанность разбирать корреспонденцию Толстого, он диктовал ей письма и давал переписывать черновики. Прежде Софья Андреевна сама делала это в течении двадцати пяти лет и потому она ревновала: «...Теперь он дает все дочерям и от меня тщательно скрывает. Он убивает меня очень систематично и выживает из своей личной жизни, и это невыносимо больно... Мне хочется убить себя, бежать куда-нибудь, полюбить кого-нибудь...», «...иногда мне хочется избавиться от Маши, и я думаю: «Что я ее держу, пусть идет за Бирюкова, и тогда я займу свое место при Левочке, буду ему переписывать, приводить в порядок его дела»...

Андрей же и Лев, увы, в период кризиса последних месяцев жизни Толстого были готовы признать отца умалишенным... В этом, конечно, сквозит их обида. В отношениях Толстого к сыновьям был какой-то

психологический комплекс: Лев Николаевич был довольно холоден с ними, в детстве почти не брал их на руки (за исключением Ванечки), говорил, что станет больше общаться с сыновьями, когда они вырастут. Когда же сыновья вырастали — проявлялись духовные противоречия. Одновременно Толстой был очень душевно близок с дочерьми, любил посвящать их в свои философские взгляды, отчасти этим сильно осложнив их жизнь. Мария умерла молодой, Татьяна вышла замуж поздно за пожилого Сухотина, Александра вообще замуж не выходила, получив трагическую судьбу — заключение в Гулаге, побег из России, скитание по миру. Скорее всего, Лев Николаевич хотел от детей полного приятия своего мировоззрения, которое было для них слишком неординарным. Чтобы полностью усвоить, перенять настолько своеобразные взгляды, нужно духовно вырасти до таких же размеров, как сам Толстой, а это дано не каждому. Сыновья в любой семье поначалу противопоставляют себя отцу, желая обрести свою правду, а девочки более пластичны и покладисты. Ближе других к Толстому мог оказаться Ванечка — неотмирный, глубокий, абсолютно лишенный эгоизма, не по возрасту духовный ребенок. Но ему не суждено было прожить долго. По словам Толстого, Ванечка был похож «на весеннюю ласточку, которая прилетела слишком рано и потому замерзла».

Глубина и масштабность личности Толстого так велики, что ему, наверное, было скучно с обычными людьми. Как большинство художников, он часто перемещался физически и духовно. С ранней молодости он переезжает: из Ясной Поляны в Казань, затем в Москву, на Кавказ, в Бухарест, Севастополь, в Европу, Ясную Поляну, Москву, Самару... Собственно, Толстой и умер в дороге, как странник, после Оптиной Пустыни направляясь на любимый Кавказ. Он рано развился в художника — в 23 года написал «Детство», — и сохранял поразительную художественную мощь до глубокой старости, в 75 лет создав гениального «Хаджи-Мурата». Такое творческое долголетие под силу лишь избранным. Художественный талант его был так велик, что даже религиозные и нравственные самоограничения не смогли победить творческого инстинкта. Благодаря нравственным самоограничениям Толстой во второй половине жизни вырастил свою личность до небывалых масштабов, его можно сравнить в этом плане лишь с Махатмой Ганди. С ранней молодости его обуревают абсолютно религиозное стремление усовершенствовать себя и мир, которое во второй половине жизни развились в толстовство, в попытки создать собственную религию и философию. Личности такого масшта-

ба, как Толстой, часто приходят к этому. Сегодня некоторые пытаются свести творчество и жизнь Толстого к психопатологии, но это ложный путь, потому что психопатология всегда приводит к деструкции личности, а у Толстого этого нет. Борясь с православием, он феноменальным образом сохранял главные критерии христианства — любовь к Богу и людям. Поэтому многие наши обвинения в адрес Толстого слишком обывательские, мелкие. Мы судим его с позиции философии, с женской и семейной точки зрения, оскорбляясь за Софью Андреевну и детей («он был плохим семьянином, не занимался сыновьями, хотел оставить семью без средств к существованию»), но Толстой слишком велик и многогранен для того, чтобы кто-то из нас мог судить его.

Все неспроста и недаром. Ясная Поляна — одно из важнейших мест для России. Здесь чудесным образом сохраняется многое из того, что мы бездумно потеряли за сто лет революций, войн и безбожных пятилеток. Многое в жизни совершается вопреки человеческой воле, согласно Божьему промыслу. Лев Толстой одно время боролся с православием, но перед смертью поехал в Оптину Пустынь. Его нынешние потомки бывают на литургии в Никольском храме в Кочаках,

возле которого стоят деревянные кресты Толстовского некрополя. Ясная Поляна по-прежнему освещает нас мощью толстовского духа, красотой ландшафтов, исторической вовлеченностью. Люди снова и снова на время оставляют здесь суетное, поднимают взгляд к небу. Расстояние тут между настоящим и прошлым почти уничтожено; ты можешь по-прежнему тронуть диван, на котором родился Лев Николаевич, открыть книгу из его домашней библиотеки с рабочими пометками на полях, увидеть деревья, которые застали Толстого...

Увы, люди менее долговечны. Уходят самые дорогие и любимые, спасают жизнь семья, любовь, дети, преемственность поколений — таинственная и глубокая вещь. Живя в Сербии, внук Льва Николаевича и дед нынешнего Владимира Ильича мечтал, чтобы его дети родились в Москве, а внуки — в Ясной Поляне. Удивительным образом так и случилось! Этой памятности поколений у Толстых нужно учиться. Многие из нас повергли в запустение, бросили на поругание свои родовые гнезда, не знают ничего о жизни прадедушек и прабабушек, выкинули на свалку вещи, мысли, заветы отцов и дедов. Толстые хранят память о членах рода в десяти — двенадцати поколениях, вовлекая в свой круг все новых и новых людей... В этом

есть мудрость.

Без связи с прошлым, без памяти, литературы, семейной и национальной истории мы обречены снова и снова наступать на одни и те же грабли войны, бездумного насилия, тирании, сброса культуры, изгнания из страны лучших соотечественников... Перед нами снова много искушений. Телевизор, Интернет — новая культурная революция. На границах — новый железный занавес. Назревает новая волна эмиграции. Начинается новая мировая война. Такое впечатление, что миром, и вправду, подтверждая мысль Толстого, управляют сумасшедшие...

Как в таких условиях созидать, не разрушая, удерживаясь от зла? Можно ли сейчас позволить себе быть добрым? Что такое добро и зло? Зависят ли они от того, кто дает им оценку или это нечто неизменное? Меняются ли понятия о добре и зле в вечности?

Обо всем этом думали самые видные представители человечества. Напомнить о главных истинах приходил на Землю Христос. Задумаемся об этом и мы, пока не поздно.



Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула)



Выпускник Тульского колледжа культуры и искусства (специализация «Театральное творчество»), а также факультета русской филологии и документоведения ТГПУ им. Л.Н. Толстого, аспирант; артист Тульской областной филармонии им. И.А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы. Публикуется в журналах, коллективных сборниках, альманахах и газетах.

СПАСИТЕЛЬ НАШЕГО ГОРОДА



Посвящается 160-летию со дня рождения выдающегося земляка, доктора медицинских наук, санитарного врача и истинного патриота г. Тулы П.П. Белоусова.

Посреди Тулы раскинул кроны своих могучих деревьев Центральный парк культуры и отдыха им. П.П. Белоусова. Идешь по его гладким, ухоженным дорожкам, а навстречу тебе выбегают неугомонные, шустрые и любопытные белки. С деревьев доносится сказочное пение птиц. Приветливый солнечный свет пробивается сквозь листву и нежно ласкает тебя своими лучами.

И воздух вокруг такой свежий, живописный... Поистине волшебная атмосфера! Не зря Центральный парк культуры и отдыха — любимое место досуга всех туляков и гостей города. По его аллеям прогуливались Л.Н. Толстой, В.В. Вересаев, а С.А. Есенин, побывав в Туле в 1918 году, был просто очарован его красотой. «Полубил я ваш парк! — говорил поэт. — Я каждый день с наслаждением гуляю по его аллеям. Это самое лучшее, что есть в Туле» [3, 5].

Центральный парк — гордость не только туляков: он по праву входит в десятку лучших парков Европы. На его территории имеются редкие виды растений и животных, поэтому он является особо охраняемой природной территорией и отнесен к объектам общенационального достояния. Ни один город России не может похвастаться столь разнообразным природным комплексом и прекрасным местом для досуга. Поэтому сохранить парк и передать его будущим поколениям — наша почетная обязанность.

Однако мало кто знает, что на месте ныне благоухающего и цветущего парка в конце XIX века располагалась... свалка! Да и Тула сама по себе была далеко не привлекательным местом: кругом — болота и наполненные водой зловонные канавы, на улицах — непролазная грязь и разбросанный повсюду хлам. И в воздухе — духота, пыль и отходы от про-

мышленных предприятий [2, 364]. Ни деревьев, ни благоухающих цветов, ни поющих птиц — ничего! Хотя в дворянской части города были и деревья, и кустарники, но в кварталах рабочих и бедняков — пустота. У многих в садах, правда, росли груши, сливы, яблони... Но все это, как правило, в небольшом количестве и только на территории участка. Все, что за ней, — «чужая», неухоженная, никому не нужная земля...

Естественно, что в такой обстановке бактериям и микробам было полное раздолье. И Тула вымирала от повальных болезней: в городе и области постоянно вспыхивали очаги инфекционных заболеваний. Из-за плохой воды жители болели брюшным тифом, страдали от желудочно-кишечных расстройств. В деревнях бушевали венерические болезни. Многие люди были совершенно неграмотны в вопросах личной гигиены. Средняя продолжительность жизни туляков не превышала даже 22 лет. Городу был просто необходим человек, который мог бы исправить положение, просветить жителей, спасти их от вымирания. И таким спасителем стал санитарный врач П.П. Белоусов.

Что же нам известно о нем?

Петр Петрович Белоусов родился 23 января 1856 года в селе Мантырьево Одоевского уезда Тульской губернии. Его отец, Петр Александрович, выпускник Тульской духовной семинарии, служил в мест-

ном приходе священником [4, 55]. В семье царил мир, покой и порядок. Родители с раннего детства приучали детей к трудолюбию, никогда не делали за них то, что они могли сделать сами. За каждым ребенком были закреплены свои обязанности по дому. Старшие с теплотой и заботой относились к младшим, и все дети охотно помогали родителям.

Белоусов поступает сначала в Тульское, а затем в Белевское духовное училище, которое оканчивает с похвальной грамотой. В 1872 году юноша приезжает в Тулу и учится в духовной семинарии. Казалось, что его судьба решена: Петр Петрович, как и отец, станет священником. Но будущего спасителя Тулы тянула другая стезя — наука. И в 1876 году, успешно окончив семинарию, П.П. Белоусов поступает в Московский университет на медицинское отделение. При этом на его плечи навалился огромный материальный груз: выпускнику семинарии полагалось быть только священником, и Петр Петрович, отказавшись от церковной службы, должен был заплатить духовному ведомству штраф 180 рублей (сумма денег, потраченная на его содержание). В семье с пониманием отнеслись к решению сына посвятить свою жизнь медицине, но оказать посильную материальную помощь не могли: не было средств. Ценой огромных усилий молодому человеку удается собрать требуемую сумму.

В 1880 году Петр Петрович окончил Московский университет и 2 июня был утвержден в степени лекаря. С этого момента начинается его великий труд на медицинском поприще. Два года он проработал сельским и городовым врачом в Подольской губернии, затем — шесть лет в Одоевском уезде и в самом Одоеве. В своей работе П.П. Белоусов проявил бескорыстность, честность, безграничную любовь и заботу о пациентах. Самой высшей ценностью для него была человеческая жизнь. И санитарный врач делал все, чтобы спасти каждого. Нуждаясь сам, он не брал деньги за лечение и бесплатно снабжал лекарствами своих бедных больных. Петр Петрович откликался на каждый призыв о помощи, в любое время суток отправлялся в самые глухие концы уезда и возвращал к жизни почти безнадежно больных людей.

И жители окрестных сел и деревень всем сердцем полюбили заботливого доктора. В каждом доме его встречали улыбкой, проходя по улице, низко-низко кланялись в пояс. К нему шли за советом, как к родному отцу. И Петр Петрович просвещал жителей, учил содержать себя и свой дом в чистоте, заботиться о своем здоровье.

О полной преданности врача своему делу свидетельствует один случай: жителю деревни О-ва, болевшему сифилисом, было необходимо ехать лечиться в Тулу. Больной поставил Белоусову ус-

ловие: он отправится в город на лечение, если оно будет бесплатным, доктор оплатит дорогу до Тулы и обратно, будет кормить за свой счет и еще даст три рубля. И Петр Петрович не только выполнил все эти «непременные» требования деревенского жителя, но и после лечения часто проводывал своего бывшего пациента, осведомлялся о его самочувствии!

В апреле 1886 года П.П. Белоусов временно уходит в отставку для того, чтобы продолжать учебу. Он отправляется в Петербург сдавать экзамены на степень доктора. Осенью 1889 года Петр Петрович едет в Москву к профессору Ф.Ф. Эрисману — своему главному наставнику, под чьим руководством он позже будет защищать диссертацию. А еще в мае П.П. Белоусову предложили в Туле должность санитарного врача. Петр Петрович соглашается, но с условием, что ему ежегодно будет предоставлен двухмесячный отпуск для научных занятий в столичных лабораториях.

И вот Белоусов снова в Туле. С.А. Рассаднев, наш тульский педагог, краевед и писатель, так описывает внешность санитарного врача: «Удлиненное чистое лицо. Высокий лоб. Густые брови. Треугольничек усов, бородка, идущая от ушей. Шею красиво облегает белый воротничок. Под форменный пиджак уходит темный галстук, завязанный широким узлом. Волосы подстрижены коротко, расчесаны на косой пробор» [3, 18]. Увидев, в

каком состоянии находится город, санитарный врач пришел в ужас. Необходимо сказать, что антисанитария — проблема не только Тулы: от этого страдала Россия в целом, а также страны Западной Европы и США. Для решения проблемы необходимы были серьезные меры. И вскоре такие меры были приняты.

Сначала Белоусов совершил подробный осмотр города. Все замеченные им нарушения строго заносились в записную книжку. Благодаря работе санитарной комиссии, председателем которой был В.И. Смидович, удалось выяснить основные причины смертности населения: плохое водоснабжение, неудовлетворительная очистка территории и антисанитарные условия жизни тульских мастеровых. К этому прибавлялась полная безграмотность людей в вопросах гигиены и беспорядочное пьянство. И Белоусов со своими коллегами приступает к работе по спасению горожан.

В Туле было много нищих и бездомных. По инициативе П. П. Белоусова в городе создается дом трудолюбия, где все бедные смогли найти себе заработок. Был открыт и городской ночлежный дом для всех тех, кто не имел крыши над головой — не царский дворец, но все же с лучшими условиями, чем в частных ночлежках.

Очень беспокоило санитарного врача и состояние городского

рынка, где присутствовало большое количество поддельных пищевых продуктов. На рынке можно было запросто купить разбавленное водой молоко, маргарин по цене коровьего масла... Подделкам не было конца! И Петр Петрович открывает специальную химическую лабораторию, следившую за качеством товаров, создает санитарно-аналитическую станцию. Суррогаты исчезли.

Огромная проблема была и с отхожими местами. П.П. Белоусов для ее решения совершает большое путешествие, изучает состояние очистки отходов более чем в 60 городах России и за границей. В результате его плодотворных исканий в 1890 году в Туле, впервые в мире, появились так называемые ассенизационные поля: все нечистоты вывозились на специальные участки, которые распахивались и засеивались зерновыми и огородными культурами. Земля перерабатывала нечистоты и превращала их в необходимые для роста растений вещества. Таким образом, решались сразу две задачи: санитарная и агрономическая. Первые поля ассенизации послужили образцом создания их в других городах России, и скоро в Тулу со всех концов страны и даже из-за рубежа стали приезжать специалисты и перенимать опыт работы П.П. Белоусова.

Большие сложности были и с водоснабжением. Жители города и

области брали воду из колодцев и реки, либо покупали ее у водовозов, которые наполняли свои бочки той же речной водой. Строительство водопровода было необходимо. И П.П. Белоусов приложил все усилия для его создания: читал лекции о необходимости строительства водопровода, выпустил за свой собственный счет брошюру «Данные для санитарной оценки русских водопроводных вод», докладывал о тяжелых случаях заболевания населения брюшным тифом на заседаниях тульской санитарной комиссии и, в конце концов, добился результатов. В ноябре 1893 года водопровод был открыт. Хотя качество воды в нем было еще достаточно низким, да и пользовались им далеко не все, но это стало огромным шагом на пути оздоровления Тулы.

И, наконец, одной из важнейших заслуг П.П. Белоусова было создание парка.

На южной окраине города торчал выжженный солнцем и истоптанный коровьими копытами небольшой клочок земли — выгон для скота. А рядом с ним располагалась огромная городская свалка. Весной 1893 года все чаще и чаще стал приходить на это место Петр Петрович. «Работают люди, как в аду, — думал врач, — а отдыхать им негде. Город не имеет ни окрестностей, сколько-нибудь замечательных, ни воды, ни лесу: камни-голыши да опаленные солнцем холмы»

[3, 20]. И возникла у него идея создать здесь парк. Его появление позволяло решить сразу две важнейшие задачи: во-первых, у туляков появится замечательное место для отдыха, а во-вторых, почва сама переработает отходы, изолирует их от человека, и тогда исчезнет необходимость отодвигать свалку от наступающих городских строений.

И Петр Петрович вступает в спор с городским начальством. Его убеждали, что особой надобности в парке нет, что главная проблема города — болота, нужно сначала их осушить, а затем, если потребуется, то можно и парк разбить. Но санитарный врач был настойчив, и вскоре с помощью своих товарищей-единомышленников добился выдачи территории свалки и загона под парк. Однако никакой помощи при его возведении оказано не было.

Тогда санитарный врач сам стал воплощать в реальность свой замысел. На его средства были закуплены саженцы из государственных засек. И Петр Петрович стал ежедневно выходить на территорию будущего парка и собственноручно сажать деревья. Посмотреть на эту работу приходила огромная толпа зевак. Одни просто глазели, другие посмеивались, считая, что «барин дурака валяет», а третьи и вовсе возмущались: «Какого выгона не стало! Куда теперь коровушек гонять будем? Выдумщик тоже нашелся,

лихоманка его возьми!» [3, 30].

Но Петр Петрович не обращал внимания на толпу и продолжал трудиться. Поначалу он работал один. Потом к нему присоединились его верные друзья и помощники: председатель санитарной комиссии Викентий Игнатьевич Сидович и городской врач Федор Сергеевич Архангельский. Потом появились учителя гимназий со своими учениками. Постепенно ротозеев и зевак становилось все меньше, число помощников увеличивалось... И вскоре работа закипела! Создание парка стало общим благородным делом. Те, кто еще вчера думали только о себе и равнодушно смотрели на «чужую» неухоженную землю, теперь трудились не покладая рук на благо родного города. Видя, как население неустанно создает зеленый уголок, городские власти, в конце концов, «расшедрились» и выделили средства. И работа пошла с удвоенной силой! Каждую весну труды по озеленению города возобновлялись: покупались новые саженцы, делались подсадки. Парк рос в высоту, расширялся, и вскоре под сенью его деревьев стали мило прогуливаться горожане, вдыхая прелестный запах молодой листвы и цветов.

Вот так, благодаря усилиям П.П. Белоусова, на южной окраине Тулы на месте свалки и выгона появился великолепный парк!

Вскоре, однако, здоровье санитарного врача стало ухудшаться.

Петр Петрович тратил все силы на благоустройство города, ему давно требовался отдых, но санитарный врач продолжал трудиться: без отпусков, без выходных, без передышки... Однажды, в ненастную погоду, собирая пробы почвы с ассенизационных полей, П.П. Белоусов заболел гриппом, который затем осложнился суставным ревматизмом и плевритом. Болезнь на семь месяцев приковала санитарного врача к постели, но он все равно не переставал работать: ведь нужно было защищать диссертацию...

И 13 апреля 1896 года в Москве П.П. Белоусов с успехом защитил свою работу. Он не стоял за кафедрой, а сидел: очень сильно болела нога и беспокоила высокая (38,5) температура. Коллеги высоко оценили вклад тульского санитарного врача в развитие медицины, и 4 мая 1896 года определением университетского Совета Белоусов был утвержден в степени доктора.

Болезнь тем временем прогрессировала. 30 мая Петра Петровича отвезли в Москву в больницу профессора А.А. Остроумова. У больного обнаружили «болотную лихорадку» и развивающийся туберкулез. По рекомендациям врачей Белоусов едет на лечение в Ялту. Через месяц его парализовало. Но и тяжело больной, умирающий санитарный врач продолжает думать о

родном городе: столько еще предстоит сделать! Из-под пера доктора выходит статья «К вопросу об обезвреживании нечистот почвою», которая была опубликована в журнале «Общественно-санитарное обозрение» за 1896 год (№№ 14, 15).

29 июня товарищ-врач привозит умирающего Белоусова домой. И в ночь на 2 августа Петра Петровича не стало.

Заботливый доктор и истинный патриот города был похоронен в Туле на Всехсвятском кладбище в воскресенье, 4 августа. Проводить великого земляка в последний путь собрались люди разных сословий, чинов и профессий: представители администрации, члены судебных ведомств, врачи, педагоги, учащиеся, рабочие... Почти весь город.

Торжественную речь над могилой П.П. Белоусова произнес его близкий друг, доктор Н.И. Долгополов. «Белоусов был велик для города Тулы,— говорил он.— Будущее поколение оценит его и глубоко будет благодарно за самоотверженный труд при создании парка... Будем верить и надеяться, что мечты и идеалы санитарного врача не будут забыты на его родине...» [3, 35]. Н.И. Долгополов также выразил надежду, что туляки в благодарность своему спасителю назовут парк именем его основателя. Спустя некоторое время так и произошло. И хотя парк неоднократно переиме-

новывался (сначала он назывался Петровским: по названию возвышенности, на которой находился; затем, с 1906-го по 1934 годы,— Белоусовским, а во второй половине 30-х годов носил имя полярника-исследователя О.Ю. Шмидта), его создатель не был забыт: 12 октября 1960 года ему был установлен бронзовый бюст, а спустя столетие со дня своего основания парк вновь стал носить имя Петра Петровича Белоусова.

Многое испытал на себе этот прелестный уголок: видел и революции, и Великую Отечественную войну... Но уцелел! И теперь встречает всех гостей своими зелеными объятьями. И от каждого из нас зависит его судьба. Недопустимо, чтобы детище П.П. Белоусова вновь превратилось в свалку! Необходимо помнить, как самоотверженно трудился над его созданием наш дорогой земляк. Поэтому нужно беречь парк, сохранить его для наших детей, внуков, для будущих поколений. Ведь это значит подарить им жизнь, здоровье и долголетие!

Уже давно нет с нами Петра Петровича Белоусова. Но память о нем жива, как и живы плоды его трудов. Вклад доктора в благоустройство города трудно переоценить. Он стал основателем и во многом новатором санитарной работы, которая была с успехом продолжена его преемниками: Леонидом Григорьевичем Су-

hiniным, Виктором Петровичем Балашевым, Маргаритой Дмитриевной Львовой, Диодором Ивановичем Спасским и многими другими [1, 37 — 40]. О жизни и работе выдающегося врача написаны книги, статьи; сведения о нем встречаются в медицинских справочниках, энциклопедиях, биографических словарях...

К счастью, сохранился дом, в



котором жил наш великий земляк: это дом № 36 по улице Пирогова. На его стене висит табличка, которая гласит: «В этом доме проживал основатель Центрального парка культуры и отдыха в г. Туле Белоусов Петр Петрович». Когда С.А. Рассаднев искал сведения о П.П. Белоусове, он заходил и сюда. Новые хозяева дома были очень удивлены и обрадованы тем, что здесь когда-то жил такой замечательный человек.

А время проносится очень быстро. Еще быстрее пролетает человеческая жизнь. И случается, что от человека на земле не остается ничего, кроме двух дат на надгробии и тире между ними...

Печально. Ведь каждый из нас наверняка желает остаться в памяти потомков. И не просто остаться, а чтобы о нем вспоминали с теплом, добротой, радостью...

Сделаем ли мы что-то стоящее или нет, во многом зависит от нас самих. И примером для нас служит жизнь и деятельность выдающегося туляка, доктора медицинских наук, санитарного врача и истинного патриота Петра Петровича Белоусова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Музалевская, Л.С. Их имена мы должны помнить [Текст] / Л.С. Музалевская // Проблемы инфектологии в Тульской области.— 1998.— № 6.— С. 37 — 40.

2. Рассаднев, С.А. Верноподданный санитарии: Петр Петрович Белоусов (1856—1896) [Текст] / С.А. Рассаднев // Гордость земли Тульской.— Тула, 1991.— Т. 2.— С. 364 — 366.

3. Рассаднев, С.А. Здравствуйте, Петр Петрович! (Очерк о санитарном враче П.П. Белоусове) [Текст] / С.А. Рассаднев.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1975.— 48 с.

4. Тульский биографический словарь: В 2 т. [Текст] / Под ред. В.И. Крутикова.— Т. 1: А-Л.— Тула: Пересвет, 1996.— С. 55.

Татьяна ШЕЛЕПИНА (г. Алексин Тульской области)



Член Союза писателей России и Академии российской литературы. Руководитель литературного объединения «АЛЛО».

ОТ 1931 ДО 2015 ГОДА. ВСЕ ОБ «АЛЛО»

Алексин, один из старейших исторических городов Тульской области, основан в 1348 году. Он гордо раскинулся на обоих берегах красавицы Оки с ее многочисленными притоками, с лесными массивами вековых сосен. Алексин известен как город-курорт благодаря целебному климату.

С Алексинским краем связаны имена известных писателей: А.П. Чехова, В.В. Вересаева, Н.Н. Тимковского, И.А. Белоусова, А.А. Чумаченко, Ю.К. Балтрушайтиса, В. Иванова, Б. Пастернака, литературовед Н.Е. Грузинского.

Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина — лауреат Государственной премии и премии Ленинского комсомола так писала о нашем городе в своем письме от 5 декабря 1973 года: «Алексин дал мне очень много и навсегда остался в памяти как самый прекрасный уголок на-

шей Родины, населенный добрыми, хорошими людьми». В нашем прекрасном городе жили и живут одаренные люди, которые реализуют свои творческие таланты, прославляя родные места, посвящая свои произведения труженикам города и своей великой Родине.

Алексинское любительское литературное объединение «АЛЛО» является одним из старейших творческих коллективов. Оно было создано при газете «Знамя Ильича» (ныне «Алексинские вести») Иваном Владимировичем Сотниковым (12.02.1908—22.02.1988 гг.) в феврале 1931 года, где он с 1931 по 1937 годы был редактором ряда отделов газеты. Вот как пишет о нем В.М. Пономарева в книге «Алексин»: «Время пребывания в Алексине (1928—1941 гг.) было годами напряженной работы писателя в области культурного строительства. О людях культурного фронта им была написана книга-репортаж «В атаку» (1933 г.). Его перу принадлежат такие книги, как: «Сильнее огня» (Уфа, 1959 г.), «Дунай в огне» (Уфа, 1960 г.), «Время не останавливается» (Уфа, 1962 г.), «Днепр могучий», где в ряде эпизодов идет речь о родном крае, об Алексине.

Умер Сотников И.В. в Уфе, где

* Архив АХКМ, оп.1, 959. Воспоминания З. И. Воскресенской

он долгие годы работал консультантом Союза писателей Башкирии.

Еще хотелось бы отметить Николая Афанасьевича Козлова (5.12.1912—1989 гг.), который приехал в Алексин в двадцатые годы. В 1933–1936 годах он был сотрудником заводской газеты «Вагранка». Его перу принадлежат романы и повести: «Огни» (1956 г.), «Солнце над Кряжами», «Инженер», «Жаркое лето» и другие. Вот как он вспоминает о годах, проведенных в Алексине: «Я часто, в старости своей, думаю об Алексине, где состоялась моя молодость. Вернуться бы на эти окские милые места, в алексинский бор, пройти еще хоть раз по Советской улице — и вспоминать, вспоминать юность, молодость, все, что было потом — радости и тревоги, любовь и разлуки...» В Союз писателей его приняли в 1957 году. Ушел он из жизни в 1989 году. (Пономарева В.М. «Алексин», 1998 г.)

Из статьи Н.А. Толкачевой — заведующей отделом современности Алексинского художественно-краеведческого музея — мы узнаем о том, что в нашем городе жил и работал с 1963 по 1980 годы А.Н. Ванышев — поэт, журналист, прозаик, заслуженный член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы. Он был редактором газеты «Строитель» (Алексинский завод тяжелой промышленной арматуры) и активно сотрудничал с газетой «Знамя Ильича». Вот как он сам писал: «...Приятно вспоминать

и имена местных писателей, поэтов. Одно время я возглавлял литературное объединение в Алексине. Самые теплые воспоминания обо всех сотрудниках многотиражных газет».

На протяжении существования литобъединения несколько раз меняло свое название — «Поэзия», «Лира», «Окская волна». Многие годы его руководителем был Кузьма Гаврилович Чеботарев. Вот как писал в своей статье «Мы работаем и учимся» в газету «Коммунар» от 11 октября 1987 года К.Г. Чеботарев: «Окская волна» на этот период существовала более четверти века, и основателем ее был учитель Афанасий Николаевич Ефимов. В соавторстве с Малевановым в конце пятидесятых годов ими была написана книжка о нашем городе (1960 г.). Он писал: «Все мы разные, но нас объединяет одно — любовь к литературному творчеству». ... Некоторые наши авторы публиковались в центральных журналах. Два рассказа В.Н. Тарасевич были опубликованы в журнале «Сельская новь». М.В. Стрельникова принимала участие в конкурсе «Недели» на тему «Плач Ярославны» по «Слову о полку Игореве» и заняла там третье призовое место. Горный инженер А. Камаев подготовил подборку стихов для издания сборника и уже получил рецензию Тульской писательской организации. Плодотворно работают члены литобъединения В.П. Кабанов, И.Б. Бейлинсон, С.М. Щучкин, Д.М. Токмачев. Особенно хочется отметить твор-

ческий дебют наших молодых авторов А. Кураева и ученицы десятого класса Вики Трошиной».

К.Г. Чеботарев был подполковником КГБ в отставке. О себе он говорил так: «Двадцать пять лет я отдал работе в органах, двадцать пять лет — работе в газете, а оставшиеся двадцать пять лет оставил себе».

После К.Г. Чеботарева руководителем литобъединения стал Израиль Борисович Бейлинсон (1.07.1920—18.07.1988 гг.), ветеран и инвалид Великой Отечественной войны. Он многие годы работал заведующим ГорОНО, учителем, обладал личным обаянием, чем и притягивал к себе людей. Трагическая гибель прервала его деятельность.

Сменил его на посту руководителя ЛитО «АЛЛЮ» приехавший из Москвы Юрий Кузнецов, окончивший литературный институт, факультет поэзии, где руководителем курса был поэт Евгений Долматовский. Кузнецов в Алексине работал корреспондентом промышленного отдела газеты «Алексинские вести». Но перестройка внесла свои коррективы в литературную деятельность Ю. Кузнецова. В настоящее время о его судьбе ничего не известно.

Недолго руководил «АЛЛЮ» и Виктор Петрович Кабанов (2.06.1937—11.2002 гг.), который сменил Ю. Кузнецова. В.П. Кабанов преподавал изобразительное искусство в школе № 9. Он был хо-

рошим художником и ярким стихотворцем, но патологическим антисемитом, что повлияло на уход из руководителей по собственному желанию.

В 1982 году в литобъединение пришел Александр Кураев (род. 13.06.1960 г.), и соратники по перу выбрали его своим руководителем. Это было в 1988 году. Его руководство было знаменательно тем, что он с 1990 по 2003 год был ведущим ежемесячной передачи на алексинском радио «Литературная гостиная», где представлял произведения участников ЛитО и брал у них интервью. Большой популярностью пользовалась игра «Сочиняйка», которая освещалась на страницах газеты «Алексинские вести», в многоотиражной газете Алексинского опытно-механического завода «Призыв» и одновременно озвучивалась по местному радио. При его непосредственном участии стали проводиться общегородские фестивали поэзии (первый — в 2003-м году) и конкурсы.

А. Кураев печатался в периодических изданиях Алексина, Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Вильнюса. Выпустил три сборника: «Жизнь опять улыбается мне», «Меня любили птицы и цветы», «...И назовите чудом каждый час» (этот сборник в 2013 г. был выпущен на средства Валерия Григорьевича Виноградова). Сборник с его стихами имеется в Королевской библиотеке Стокгольма (Швеция).

Он дипломант многих конкурсов и фестивалей. Удостоен областной литературной премии Фонда поддержки творческой интеллигенции. В сентябре 2007 года от имени Союза писателей России и Конгресса интеллигенции Тульской области ему вручен диплом за поэтическое творчество. В 2009 г. в связи с ухудшением здоровья он оставил свой пост, но связь с «АЛЛО» не теряет и по мере возможности старается быть в центре всех событий и даже принимает участие в конкурсах и фестивалях, помогает поэтам совершенствоваться в своем творчестве.

На недолгое время А. Кураева сменил Анатолий Иванович Камаев (в связи с семейными обстоятельствами он не мог уделять «АЛЛО» достаточно времени). ЛитО он руководил с 2009 по сентябрь 2011 года. Анатолий Иванович родился 25 сентября 1952 г. в селе Новопокровское Богородицкого района Тульской области. По специальности он — горный инженер-строитель. Три года работал в редакции районной газеты, десять лет был горным мастером на строительстве шахты «Никулинская», пять лет горноспасателем. В мае 1986 года принимал участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Награжден орденом «Знак Почета». Печатался в районных и областных газетах, а также в газете «Сельская жизнь» (Москва). Он автор

трех сборников стихов: «Апрельской ночью», «Боль моего сердца» и «Записки из красного блокнота». Сейчас он является активным членом литобъединения «АЛЛО».

В сентябре 2011 года руководителем была избрана Наталья Николаевна Мельникова (р. 11.01.1947 г.), родилась она в Ташкенте, окончила педагогический институт. Жила на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере и опять — в Ташкенте, затем оказалась в Алексине (2004 г.). Она является лауреатом третьего (2007 г.) и четвертого (2009 г.) Алексинских фестивалей поэзии. Выпустила авторский сборник стихов «Напевы». Свои стихи печатает в сборниках и альманахах Тулы, Алексина. В связи с семейными обстоятельствами (временное проживание в Москве) была в сентябре 2012 года переизбрана из руководителей, но продолжает оставаться активным членом ЛитО «АЛЛО».

И в сентябре 2012 года на место руководителя «АЛЛО» избирают меня, Татьяну Викторовну Шелепину (р. 27.11.1945 г., по паспорту Чеголя), автора этой статьи. И сейчас я напишу о себе и своей работе с сентября 2012 по декабрь 2014 года.

Родилась я в городе Алексине, до восьмого класса училась в школе № 3 на Тульской улице, затем в школе № 1 на улице Советской, а вот аттестат получала в вечерней школе, которая располагалась тог-

да в здании нынешнего музея. После того, как по состоянию здоровья мне не удалось закончить педагогический институт в городе Туле, я работала в БТИ, на заводе железобетонных изделий, в лесхозе, на Алексинском опытно-механическом заводе. Последнее место работы — ПРП «Тулэнерго», откуда я ушла на пенсию.

Членом литобъединения «АЛЛО» я стала в марте 2010 года. Также являюсь членом ряда творческих союзов и объединений: Союза писателей России (с 2013 г), Академии Российской литературы (с 2014 г), ЛитО «Пегас» (г. Тула), Московского Совета ЛитО (2011 г.), творческого клуба «Московский Парнас» (с 2013 г). Награждена: дипломом с вручением медали в честь двухсотлетия Лермонтова (2013 г.); нагрудным знаком «Союз писателей России» (2014 г.), а также дипломом «За верное служение отечественной литературе» с вручением медали «60 лет Московской городской организации Союза писателей России 1954-2014 гг.»

Мои стихи были опубликованы в газетах городов Алексина и Тулы. Также я печаталась в альманахах города Москвы: «Созвучие», «Спутник», «Современная литература России», «Московский Парнас»; в альманахах города Тулы: «Ковчег», «На крыльях Пегаса», «Пегасик», «День тульской поэзии», а также в коллективных

сборниках алексинских поэтов: «Великая весна» (2010 г.), «И мысли, и слова» (2011 г.), «АЛЛО» (2012—2014 гг.).

Выпустила в свет четыре сборника: «Понемногу обо всем» (2010 г.), «Калейдоскоп» (2011 г.), «Я желаю вам счастья» (2011 г.), «Я вам пишу» (2013 г.), музыкальный альбом «Песни» (2014 г.).

За участие в алексинском городском конкурсе «Поэтической строкой» в 2011 г. удостоена третьего места. Дипломант конкурса Московского Совета ЛитО (2013 г.). Дипломант областного тульского конкурса «Волшебные места, где я живу», который проходил в городе Щекино (2013 г.). Второе место на VI фестивале «Алексин — город талантов» (2013 г). Дипломант II межрегионального фестиваля патриотической и православной песни «Алексинский благовест» (2014 г.).

А теперь — о самой работе в литобъединении «АЛЛО». Первое, что я сделала, — это журнал регистрации поэтов, где отмечается год вступления в «АЛЛО», день рождения, номера телефонов, домашний адрес. Завела журнал посещения семинаров, журнал архивных документов, куда стали собирать автобиографические и библиографические данные, каждое выступление и каждая публикация в газетах стали регистрироваться. Кроме этого, я просто стала личным фотографом нашего

«АЛЛО» и стараюсь все наши презентации, конкурсы, фестивали, выступления в разных учреждениях запечатлевать, чтоб это было достоянием поколений. Конечно, большую помощь в проведении мероприятий нам оказывают сотрудники Алексинской городской библиотеки, где мы собираемся во вторую и четвертую пятницы каждого месяца. Стараемся, чтобы на наши мероприятия приходило больше людей, которые любят и ценят поэзию, и чтобы в наши ряды вливались молодые силы.

Тамара Дик, Татьяна Шелепина, Валерий Виноградов являются членами Тульского «Пегаса», и многие наши поэты печатаются в альманахах «Ковчег», «На крыльях Пегаса», «Пегасик», «День тульской поэзии».

Впервые в Московский Совет ЛитО я попала в 2011 г. на конкурс, куда меня пригласил Ефремушкин Николай Кузьмич, пришедший в «АЛЛО» в декабре 2010 г. В 2012 г. на конкурс поехали уже пять человек (Ефремушкин Н.К. был дипломантом конкурсов 2011 и 2012 гг.), а вот в 2013 г. поехали сразу одиннадцать человек, и дипломантами стали: Мельникова Н.Н., Тараканов В.В., Шелепина Т.В. Что еще немаловажно, дипломантом конкурса стало наше литературное объединение! А 1 февраля 2014 года на конкурс Московского Сове-

та ЛитО наше «АЛЛО» также стало дипломантом, о чем мы с гордостью говорим и пишем.

На следующий год членами Московского Совета ЛитО стали: Ефремушкин Н., Шелепина Т., Алмазова О., Виноградов В., Динесюк В., Тихомиров В., Кураев А., Тараканов В., Соловьева Т., Тюрина Т., Павлова О., Каргинская М., Фролов В., Богданович Э., Нарышкина Р. И все печатаются в альманахе «Созвучие».

Став членом творческого клуба «Московский Парнас» (1 ноября 2013 г.), я старалась, чтобы и другие были приняты в этот клуб, и сегодня там уже Виноградов В., Нарышкина Р., Камаев А., чьи стихи были напечатаны в альманахе «Московский Парнас». И что еще важно — впервые стихи наших поэтов (одиннадцать человек) увидели свет на страницах «Московского Парнаса». Это большое достижение наших поэтов, и мы благодарны главному редактору «Московского Парнаса», Президенту Академии Российской литературы Ханбекову Леониду Васильевичу за приглашение. Надеюсь, что это не последняя публикация в столь известном альманахе.

И снова в краеведческом музее мы стали проводить презентации альманаха «АЛЛО» и творческие вечера. Впервые в музее

были проведены творческие вечера Т. Дик и В. Виноградова. Также конкурсы и фестивали мы проводим в районном Доме культуры.

Хочется отметить творческий рост наших поэтов — О. Алмазовой, Т. Шелепиной, Т. Соловьевой, В. Виноградова, В. Фролова, А. Кураева, В. Динесюк, Р. Нарышкиной, Э. Богданович, Т. Дик, А. Рязанцева, Н. Евтеева, у которых в 2012—2014 гг. вышли сборники стихов.

Повторюсь: наше объединение было создано в феврале 1931 года, в первый год рождения газеты «Знамя Ильича», и в 2016 г. впервые будет отмечаться юбилей «АЛЛО» — 85-летие. К этому юбилею готовится в 2015 г. выпуск специального альманаха «АЛЛО».

Впервые в этом году были выданы удостоверения членам «АЛЛО». Удостоверение за № 1 было вручено Онищенко Любови Алексеевне, которая с 1957 года не прерывает своей связи с «АЛЛО». Всего было выдано 37 удостоверений.

Теперь на выпусках альманахов «АЛЛО» мы можем ставить свою фирменную печать, которую для «АЛЛО» сделал Валерий Виноградов (эскиз). Конечно, в списки членов «АЛЛО» бу-

дут вноситься изменения, так как с 1931 года они не велись, но мы постараемся восстановить имена тех поэтов, которые имели отношение к литературе в нашем городе.

Слово «впервые» никак нас не покидает. Впервые член ЛитО «АЛЛО» Татьяна Шелепина, то есть я, стала членом Московской городской писательской организации Союза писателей России. И вот уже второй член нашего объединения, Валерий Виноградов, очень надеюсь, также станет членом Союза писателей, тем более что осталось только утвердить в Москве, а Тульская писательская организация его уже приняла. И надеюсь, что из наших рядов еще не один человек станет членом СПР, так как достойные кандидатуры у нас есть!

Вот такая статья-отчет получилась о ЛитО «АЛЛО» с 1931 по 2015 год. Работа продолжается...



Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)



О БОЛЕЗНИ КАКОГО ИРОДА РАЗМЫШЛЯЛ ЧЕХОВ

Одной из иллюстраций чеховского врачебного профессионализма может служить одно малоизвестное его произведение «От какой болезни умер царь Ирод».

В этом произведении Чехов подвергает анализу симптомы, как они описаны в труде Ф. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа». Результатом этого анализа стал вполне обоснованный диагноз болезни, которой страдал и от которой в муках умер царь, имя которого стало нарицательным для обозначения человека жесткого и коварного.

При знакомстве со статьей писателя и сопутствующей теме литературой высветился еще один аспект творческой личности Антона Павловича, мало привлекавший до сих пор внимание.

В XX веке появился ряд статей, в которых утверждается и доказывается с чисто хронологической точки зрения, что не тот Ирод, о болезни которого раз-

мышляет Чехов, был тем Иродом, по приказу которого были убиты младенцы в городе Вифлееме.

Напомню те давние события, как они изложены в Евангелии от Матфея.

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родился Царь иудейский? ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему. Услышав это, Ирод царь встревожился...» (2: 1—3, т.е. глава 2, стихи 1—3). «И послав их (волхвов — Р.А.) в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце, а когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему» (2:8). Волхвы нашли Младенца, поклонились ему «и открывши сокровища свои принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (2:11). После чего «получившие во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (2:12). «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов (2:16). (Сохранены все особенности текста, как он представлен в Евангелии).

Именно с упоминания об этом евангельском событии Чехов начинает свою статью об Ироде. «Ненасытный кровопийца, приказав-

ший избить четырнадцать тысяч младенцев, погиб, как известно, от злейшей болезни, при обстоятельствах, возбуждавших в современниках отвращение и ужас».

Что примечательно в этом «запеве» статьи, автор не подвергает сомнению евангельский факт избияния младенцев. Далее следует указание на «злейшую болезнь» Ирода и отношение к ней его современников. Об этом в канонических Евангелиях нет ни слова. Эти сведения почерпнуты автором из двух упоминаемых им источников. Сочинение английского священника Ф. Фаррара и приведенное в Четьи-Минеях свидетельство византийского писателя XI — XII вв. св. Феофилакта.

Фаррар отмечает, что «это была омерзительная болезнь, которая в истории встречается только с людьми, опозорившими себя кровожадностью и жестокостями». Из этой фразы видно, что речь идет именно о царе Иудейском Ироде, которому евангелист Матфей приписывает указанное выше злодеяние.

Феофилакт упоминает, что болезнь сопровождалась разрушительными процессами на наружных покровах с глубокими язвами, в которых копошились черви. Так написано у Чехова. Стало быть, автор был знаком с сочинениями Фаррара и св. Феофилакта.

Труд первого из них, историка христианства XIX века, пользовался большой популярностью и вскоре

по выходе в Англии переиздавался в России десятки раз. Эта книга была своеобразным ответом на книгу Ж.Э. Ренан «Жизнь Иисуса», в которой автор отвергает евангельскую версию и представляет жизнь Христа как жизнь простого человека. Фаррар же пользовался наряду со священным писанием новейшими для его времени данными библейской археологии, истории и географии.

Книга Ренана тоже пользовалась популярностью в России, и Чехов не мог о ней не знать. Тем не менее, он отдает предпочтение труду, в частности, Фаррара, который не подвергал сомнению того, что нашло отражение в Евангелии.

Сомнения относительно исторической достоверности евангельских текстов о жизни Иисуса Христа и того исторического фона, на котором происходили события того времени, имели место не только в XIX, но и в XX веке.

Какие стороны жизни Иисуса Христа не выдерживают критики, на взгляд историков, современных и XIX века?

Избиение вифлеемских младенцев не было во времена царя Ирода. И Ирод был не тот, не кровожадный и жестокий царь Иудеи, а совсем другой Ирод и, якобы, тоже царь. Да и Иисус Христос родился совсем при другом Ироде, который не причастен к избиянию младенцев.

Сколько было Иродов?

В самом деле, их было несколько. Родоначальником их был Ирод Великий, объявленный царем Иудеи римским сенатом в 40 г. до н.э., и который, как повествует Евангелие, так боялся за свой трон, что пошел якобы на описанные выше злодеяния. У него было семь сыновей, некоторые из которых тоже назывались Иродами! От хасменийской принцессы Мариам I (потому что была еще жена под таким же именем), было два сына Аристубал и Александр. Оба были, как и их мать, казнены Иродом Великим по подозрению в заговоре против отца и измене ему самому жены. Старше Аристубала и Александра был Анипатр от первой жены Ирода Дорис. От Мариам II был сын Ирод. От очередной жены Малтке — Ирод Антипа и Архелай. Наконец, от Клеопатры (из Иерусалима) последний сын Филипп. (Цитируется по Ф.Ф. Брюс «Ирод Антипа, тетрарх Галилеи и Переей», Ежегодное издание Восточного общества университета в Лидсе 5 (1963/65:6—23). Эта династия получила название Иродианов. За несколько дней до смерти, которая последовала после страшной болезни в 4 г. до н.э., Ирод отдал приказ о казни Антипатра, однако успел переменить свое намерение. По завещанию царство было разделено между тремя сыновьями. Антипа должен

был править Галилеей и Переей в качестве тетрарха (четвертовластника). Архелай получить Иудею, включая Самарию и Идумею. Филипп был назначен тетрархом в восточные и северо-восточные пределы Галилейского озера. Однако это завещание должен был утвердить Рим. Антипа был переназначен римским сенатом управлять Галилеей в качестве тетрарха. Это управление было успешным в течение сорока двух лет, но закончилось бесславно — ссылкой за пределы Иудеи.

Кто приказал убивать Вифлеемских младенцев?

Есть историки, которые не признают избивание младенцев, как исторический факт. Одно из оснований — оно описано только в одном из четырех Евангелий, а именно в Евангелии от Матфея. Ни Марк, ни Лука, ни Иоанн — авторы остальных трех Евангелий о нем не упоминают.

Другое основание — Ирод Великий умер, как уже говорилось, в 4 г. до н.э. То есть до рождества Христова. Если придерживаться версии евангелиста Матфея, то Иисус должен был родиться в 7 году до н.э., т.е. в царствование Ирода Великого. Тогда получается, почему приказ был об избивании младенцев «от двух лет и ниже»? В настоящее время есть основание, как будет показано ниже, принять евангельскую версию.

По Матфею, ангел сказал Иосифу, мужу Марии: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (2:13). Сколько времени Святое семейство пробыло в Египте, мы не знаем. Знаем только, что по смерти Ирода, ангел говорит Иосифу: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца» (2:20). Можно полагать, что прошло не малое время — известие о смерти правителя одной страны в другую не могло прийти так быстро, как в наше время. Возможно, прошло с момента бегства в Египет около двух-трех лет.

Из Египта Иосиф отправляется в землю Израилеву, но «услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоояся туда идти ... пошел в пределы Галилейские» (2:22). Было чего бояться Иосифу. Известно, что Архелай проявил себя чрезвычайно жестоким правителем. Как мы знаем, в то время Галилеей управлял Ирод Антипа.

Евангелист Марк, в отличие от других авторов Евангелий, не смешивал Ирода Великого и четвертовластника Ирода Антипу. Так, Марк пишет «...царь Ирод, услышав об Иисусе, ибо имя его стало гласно, говорил: это Иоанн Креститель воскрес из мертвых» (6:14). И у читателей создается

впечатление, что речь идет об Ироде Великом, который давно уже умер, так как, написано «царь Ирод». Дело в том, что, как отмечает Ф.Ф. Брюс, «хотя Антипа не получил титула выше, чем тетрарх, непосредственные подчиненные называли его царем». Только евангелист Лука точно называет того, кто повелел в угоду просьбе своей жены Иродиады отсечь голову Иоанну Крестителю: «Пятнадцатый же год правления Теверия кесаря ... Ирод был четвертовластником ... был глагол Божий Иоанну (Крестителю — Р.А.), сыну Захарии» (3:1). Здесь уместно отметить, что «усекновение головы Иоанна Крестителя» и распятие Иисуса Христа произошло в один год с разницей в несколько месяцев, а именно в 30 г. н.э., если придерживаться общепринятого летоисчисления. Из приведенной выше цитаты из Луки, к моменту казни Крестителя Иисус еще был жив. Когда Ироду Антипе доложили об Иисусе Христе, он подумал, что воскрес обезглавленный им Иоанн Креститель. Лука пишет: «Услышал Ирод четвертовластник (!) о всем, что делал Иисус, и недоумевал: ибо одни говорили, что это Иоанн (Креститель — Р.А.) восстал из мертвых» (9:7). Эта дата (30 г. н.э.) также оспаривается современными историками и отодвигается на 36 г. н.э. Вместе с этим, соответственно, переносятся даты рождения Иисуса, его возраста к моменту распятия не к 30 го-

дам, как сказано в Евангелии, а к 36 и т.д.

Ирод Антипа отличился не только этим страшным преступлением — казнью Иоанна Крестителя. Он женился на собственной племяннице Иродиаде, которая была дочерью его брата Аристубала и женой его другого брата Филиппа. Причем она стала женой Антипы при еще живом первом муже, что по законам Моисея было прелюбодеянием.

Надо отдать справедливость Антипе. Он не был причастен к казни Иисуса Христа. «И, узнав (речь идет о Пилате — Р.А.), что Он (Иисус) из области Иродовой, послал Его к Ироду... Но Ирод со своими воинами, уничивив Его и насмеявшись над ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» (Лука, 23:7,11). Теперь мы знаем, что это был не царь Ирод, а Ирод Антипа четвертовластник.

У нас нет оснований сомневаться в факте избиения младенцев. Евангелия были созданы спустя несколько десятилетий после событий, в них описанных. Авторы пользовались разными источниками, в том числе и устными, и очевидцы или пересказчики могли отразить разные стороны того грандиозного события, которое связано с именем Иисуса Христа. Надо прочесть внимательно первые строки Евангелия от Луки. «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных

между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами...» (1:1—2). Да и сами Евангелия разные по объему: от Матфея содержит 28 глав, от Марка всего 16.

Когда же родился Иисус Христос?

Чтобы ответить на этот вопрос, полезно вспомнить, как и когда было установлено летоисчисление, которым пользуется современный мир и которое дает основание историкам сомневаться в евангельской хронологии. Оно было установлено неким монахом Дионисием Малым (есть другая приставка к имени — Короткий) через 500 (!) лет после рождения Иисуса Христа. Как отмечает историк В. Фролов, исследователи до сих пор спорят, на чем основал свои соображения сей исторический персонаж. Новая хронология долго не признавалась ни светской властью, ни церковной. Только в 1431 г. (по новому календарю!) указом папы Евгения IV она была официально утверждена. Надо привлечь внимание, что дата отсчета исчисления лет устанавливалась в разное время у разных народов по-разному. Иудеи, да и мы до Петра I, до сих пор ведут летоисчисление от сотворения мира. Мусульмане — от вознесения пророка Мухаммеда на небо. Если до сих пор не понятно, каким образом и на основании чего монах Ди-

онисий, скиф по происхождению, установил дату рождения Христа, как можно подвергать сомнению время этого судьбоносного события, как оно представлено в Евангелии? А ведь эта дата, установленная монахом, разделила ход времени на до и после рождения Христа. Вся история Древнего мира с ее царствами и правителями отмечена датами, ориентиром для которых является дата рождения Христа. Так что царь Ирод мог скончаться от своей «омерзительной болезни» и в 4 г. до рождения Христа, если придерживаться установлениям монаха Дионисия, а мог и после Его рождения. Время правления римских цесарей и даты переписи в Иудее, на которые ссылаются скептики, также выведены из летоисчисления, предложенного монахом Дионисием.

Помимо скептически настроенных историков, есть такие, кто считает фактом, что Иисус Христос родился в царствование царя Ирода, отца других Иродов.

Небезынтересно отметить, что время рождения Христа до сих пор волнует многих серьезных исследователей. В их числе и астрономы (не астрологи !).

Недавно по TV прошла информация о том, что некое событие в космосе — сближение двух небесных тел Юпитера и Луны, отмечаемое один раз в 800 лет, позволи-

ло астрономам заявить, что время появления на свет Иисуса можно «подвинуть» вперед на 7 лет. Если это так, то следует принять, что Иисус Христос родился во время правления царя Ирода, что именно он, а не его сын Ирод Антипа приказал убивать виффлемских младенцев, что лет жизни Спасителя на земле было 30 и т.д.

Что-то все-таки привлекло внимание Антона Павловича именно к евангельской трактовке событий, как они изложены в книге Фаррара «Жизнь Иисуса Христа». Некоторые авторы считают, что «принимая в христианской мифологии ее поэтическую сторону, Чехов допускал возможность соединения этой «поэтической правды» с естественнонаучной точкой зрения» (А. Богданова). Как известно, Чехов в свое время (1884—1885) предпринимал научный труд (не заверченный) исторического характера — «Врачебное дело в России». Собирая материал для этой работы, Антон Павлович делает следующую запись, из которой видно, что он серьезно интересовался методологией исторического поиска. «Предания, отчасти и ошибочные, могут заключать в себе известную долю правды, которою пренебрегать не должна история... Из того, что мы имеем несколько разных изображений одного и того же факта и что легковерие примешало ко всем им обсто-

ательства баснословные, еще не следует заключать, что самый факт ложен».

Эта точка зрения, которую, несомненно, разделял и Чехов, ставит его в один ряд с художниками прошлого — живописцами, композиторами, поэтами, черпавшими сюжеты и вдохновение из библейских событий и преданий.

Всякая история складывается из событий и фактов, обрастает преданиями, фантазиями, поверьями, которые ярче, чем сами факты и события, характеризуют время, восприятие этих фактов и событий их свидетелями.

Евангелия — священное писание, а не хроники минувших времен, и именно так к ним следует относиться.

P.S.

Царя Иудеи Ирода, родоначальника династии Иродиадов, постигла кара — «омерзительная болезнь, которая в истории встречается только с людьми, опозорившими себя кровожадностью и жестокостями».

Ирод Антипа четвертовластник был сослан в страну галлов и закончил свою жизнь в изгнании и полной безвестности.



РУБРИКА:

РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ «НАЙТИ СВОИ КОРНИ»

Под таким названием семь лет назад, в 2008 году, как раз в Год Семьи, в городе Дзержинский Московской области был создан генеалогический клуб. Обосновался он при Центральной городской библиотеке и, конечно же, не без поддержки и помощи ее сотрудников, в частности, О.А. Мальковой, О.В. Барановой, во главе с директором Г.А. Устиновой. Душой клуба, его организатором и руководителем является Е.Д. Перепеченко, член РГО (СПб) и ИРО в Москве; человек весьма и весьма непростой судьбы. Елизавета Дмитриевна, родившаяся в Ленинграде, ребенком пережила блокаду, репрессии родителей и исчезновение матери, сгинувшей в сталинских лагерях; детдом, где ее после войны и разыскал чудом уцелевший отец. Ей, с дворянскими корнями, в советское время приходилось скрывать свое происхождение, зато, как только стало возможным в стране говорить открыто, кто ты и откуда, она занялась генеалогическими поисками — в конце 90-х годов. Дело это непростое,

кропотливое и далеко не всегда дающее скорые результаты, но Елизавета Дмитриевна не сдавалась, потому что, как говорит она сама: «Долгие годы советским людям обещали прекрасное будущее — жизнь при коммунизме. Но в то же время у большинства из нас было украдено прошлое. Порой всеми правдами и неправдами уничтожали память о предшествующих поколениях. Детям, как правило, не рассказывали о дедах и прадедах, живших до революции. За годы репрессий не одно поколение россиян выросло «без корней», «иванами, не помнящими родства». Вот и я — не исключение: кроме имени-отчества отца-матери и двух бабушек, не имела никаких сведений. Начав заниматься своей родословной, поразилась, насколько история семьи тесно переплетена с Историей страны. Набравшись опыта на своих поисках, почувствовала необходимость помочь в этом и другим».

Сегодня уже не один десяток людей, увлеченных поисками своих корней, под ее руководством, в тесном контакте с такими же людьми-единомышленниками распутывают запутанный клубок корней своего рода, докапываясь до самых глубин. Вроде бы это — частное занятие, но на самом деле далеко не частное, ибо в истории каждой семьи, о чем говорит и Е.Д. Перепеченко, как море в капле воды, отражается вся история страны. И порой через это частное открываются непознанные ее героические и трагиче-

ские страницы.

Г.Н. Светлаковой, первой из членов этого клуба, много лет занимающейся поиском своих корней и вполне преуспевшей на этом нелегком поприще, предоставляем слово на страницах нашего издания, открывая тем самым новую рубрику — «Российское родословие».

Людмила Алтунина,
г. Тула

Галина СВЕТЛАКОВА

(г. Дзержинский
Московской области)

**СУДЬБА СЕМЬИ —
СУДЬБА СТРАНЫ.
МЫ — ТЕ, КОГО
НАЗЫВАЮТ НАРОД...**



**Девять
поколений семей
Дударевых и
Красниковых**

«Существует два вида стойкого наследства, которые мы можем надеяться передать детям: один — это корни, второй — крылья».

Ходдинг Картер.

РОДОСЛОВНАЯ ДУДАРЕВЫХ

Воспитание патриотизма начинается с семьи. Изучать исто-

рию своей страны на примере собственной семьи очень увлекательно, не говоря о несомненной пользе таких занятий для подрастающего поколения.

Своей родословной я занимаюсь почти двадцать лет. Больше всего сведений собрала по линии своих дедов, Дударевых и Красниковых.

Дударевы — это мои родственники по линии отца. От своей бабушки Марии Яковлевны я знала, что родом они из Могилевской губернии, из деревни Юрковичи. На мой запрос в Минский Национальный исторический архив Белоруссии я получила сведения, которые позволили мне описать уже девять поколений рода Дударевых.

В исповедной ведомости Юрковичской Святотроицкой церкви Белицкого уезда Могилевской губернии за 1827 г., указано, что в деревне Новые Юрковичи проживают: Анисим Максимов, сын Дударев — 48 лет, жена его Ульяния, Леонтьева дочь, шестеро их детей, среди которых и мой прапрадед Григорий. Он родился в 1813 году, его отец Анисим в 1779 году, соответственно, родоначальник рода. Максим Дударев родился примерно в середине 18 века. Предки мои были крепостными крестьянами графов Завадовских.

В статистической описи имения Новые Юрковичи уже за 1847 г. имеются документы и о крестьянах Дударевых. У моего прапрадеда Григория и его жены Василисы — уже четверо детей. У них своя изба, хозяйство. Земли держат 1 ½ четвертины. Платят оброка 24 руб. 85 5/7 коп. серебром. Григорий Дударев был первым крестьянином — собственником земли среди моих предков после отмены крепостного права. Об этом свидетельствует «Дело о разрешении крестьянам выкупа участков земли в с. Новые Юрковичи Гомельского уезда Могилевской губернии помещицей Татьяной Петровной Каблуковой (Завадовской) за 1865—1871 гг.», где среди подписавшихся есть Григорий Дударь.

Есть в метрических книгах Ново-Юрковичевской Троицкой церкви Гомельского уезда Могилевской губернии запись о бракосочетании моего прадеда. «24 января 1883 г. бракосочетались села Ново-Юрковичи крестьянин Малахий (Малофей) Григорьев Дударев, вероисповедания православного, первым браком, 18 лет, и того же села крестьянка девица Матрена Григорьева Прусова, 19 лет». Имеются сведения и о рождении первых детей Малахия. В записях о рождении второго ребенка, Якова, он значится побитым солдатом (старший ун-

тер-офицер), значит, уже повоевал.

В 1895 году Малахий и Матрена поехали в Сибирь, на новые земли. Была эпоха освоения Сибири переселенцами. Мария Яковлевна, моя бабушка, вспоминала рассказы свекрови о поездке: «Когда ехали, Василь в брюхе трепыхался», а родился мой дед 1 января 1896 года уже в Сибири, в с. Зеркалы Барнаульского уезда.

В справке, полученной мной из Барнаульского архива, имеется ссылка на документы об отводе земельных наделов крестьянам села Зеркальского Боровской волости Барнаульского уезда. Моему прадеду Малахию в 1910 г. — уже 47 лет, у него 3 сыновей (среди них мой дед Василий).

Переселенцам давали ссуду. Ее с трудом хватало на то, чтобы купить коровенку — лошаденку, какой-нибудь инвентарь, построить для начала землянку. И землю, ради которой переселенцы шли и ехали в Сибирь, иногда годами дожидались, не всегда давали хорошую. По закону в конце XIX века давали по 15 десятин на лиц мужского пола. Но землемеры отмеряли и заболоченную землю, и часть тайги, и овраги. Для пашни годилась не вся земля. Были даже специальные бригады, подсекающие деревья, а когда те подсыхали, деревья вырубали или выжигали. По-

том корчевали высохшие деревья, и только спустя годы эта земля годилась под пашню.

Перед смертью Малахия у семьи было 25 голов крупного рогатого скота. С ним вместе жили два сына, Яков и Василий (мой дед), с семьями. К 1917 году, судя по анкете моего расстрелянного в 1937 году деда Василия Малофеевича, семья имела и много скота, и пасеку, и сенокосилку, и мельницу. Но по-прежнему жили в одной избе три семьи и вели общее хозяйство. Мой дед Василий Малофеевич был грамотным, учился в церковно-приходской школе в с. Зеркалы. В 1899 г. в этом селе жило почти 2 тысячи человек.

Он был женат дважды. Первый брак был расторгнут в 1923 г. Причина банальна — жена не дождалась Василия с Первой мировой войны, с которой он вернулся в чине старшего унтер-офицера.

После развода он женился на Марии Яковлевне Матвеевой, которая была младше его на 10 лет. (1906—1996 гг.). Это — моя любимая бабушка. Ее родители — Матвеев Яков Тимофеевич и Пелагея Павловна (Тумашева в девичестве). Оба православные. Мария считала свое замужество счастливым. Родился в 1925 году их первенец, мой отец Николай. В селе началась коллективизация.

Ее Василий сначала не принял. Продав свою долю хозяйства, пытался в Барнауле торговать мясом, но бизнес не пошел. Вновь вернулся к крестьянскому труду.

В 1934 году они переехали в с. Майму. У Василия уже было трое сыновей — Николай, Иван, Виталий. В Майме он вступил в колхоз, работал счетоводом. Получили с женой в первый год по 9 кг зерна на трудодень. Это было много, после голодовки 30-х годов. Купили пристройку к деревенскому дому. А 28 июля 1937 г. деда взяли «по линии НКВД». Расстреляли в ноябре 1937 г. Реабилитировали в 1989 г.

В с. Майма (Республика Алтай) в 2005 году был открыт Парк памяти жертв политических репрессий, на территории которого есть памятник и часовня. На памятнике высечена и фамилия моего деда, Дударева В.М. Мы, его внуки, и наши дети посещаем парк, когда бываем в родных местах.

Мария осталась одна с четырьмя детьми в 32 года.

Она работала на ферме одновременно скотницей, дояркой, а вечером отвозила молоко на маслозавод. Нищета была страшная. Бабушка вспоминала, что юбка на ней была из мешка, платок из двух пионерских галстуков, до самого снега ходила

босиком. Дети тоже росли с клеймом «врага народа».

А потом наступила Великая Отечественная война... Старшего, Николая, моего отца, призвали в январе 1943 г.

Мария Яковлевна Дударева вырастила детей, дождалась семерых внуков, умерла в 90 лет.

Мой отец, Николай, с женой, Александрой Васильевной Красниковой, вырастили четверых детей. Владимир Красников был у матери от первого брака. А я, Галина (1951), Татьяна (1955), Евгений (1959) — от Николая.

Николай, после возвращения из армии в 1950 г., работал в Алтайской геофизической экспедиции, несколько лет даже начальником партии. Потом поднимал целину, был в совхозе учетчиком.

Нам, детям, родители помогли получить профессию. Мы с сестрой получили высшее образование в Томске. Я закончила биофак Томского госуниверситета, занимаюсь экологией; имею научные статьи, три изобретения. Сестра, Татьяна Недосекина (фамилия по мужу), — ведущий специалист в области электроники — работает в Академгородке Новосибирска. Брат Евгений — буровик; всю жизнь работает в Алтайском крае, достает людям воду из-под земли. Его жена Татьяна — геофизик. Молодость свою они провели в

геологических маршрутах по Горному Алтаю.

Мой муж, Борис Андреевич Светлаков (1948 г.р.), — баллистик. Он тоже окончил Томский госуниверситет; работает по специальности в «оборонке», в Подмоскowie. Мои дети: Андрей и Денис Светлаковы высшее образование получили в Москве. Старший сын работает в банковской сфере, младший, Денис, занимается пищевыми ингредиентами. Он биотехнолог, к.т.н.

У всех представителей моего поколения есть внуки — девятое поколение. Но фамилию Дударевых носят немногие. Это — Александра и Анастасия, дочери Олега Евгеньевича, внуки моего брата. Но главный продолжатель фамилии по мужскому роду родился в 2015 году, в с. Майма, (Республика Алтай) — Иван Денисович Дударев, внук Геннадия Ивановича Дударева, моего двоюродного брата.

Перечисляю главные «вехи» — девять известных мне поколений по прямой мужской линии: Максим, Анисим, Григорий, Махлай, Василий, Иван, Геннадий, Денис и снова — Иван жили и живут с фамилией Дударев. Живет фамилия, берущая начало из глубинных народных недр! Все основные вехи в истории страны, героические и трагические, так или иначе связаны и с ней, как,

по сути, с каждой российской семьей, какую ни возьми.

КРАСНИКОВЫ

В метрической книге села Колыванского, в церкви Воскресенской отмечено, что 13 июня 1888 года был заключен брак между Красниковым Александром Ефимовичем, рожденным в селе Крутые Хутора, Липецкого уезда, Романовской волости, Тамбовской губернии, 18 лет от роду, православным и девицей Федосией, 17 лет, дочерью крестьянина Тамбовской губернии Липецкого уезда, Романовской волости, села Частые Дубравы Николая Борисовича Травкова, православного.

Это мои прадеды по матери, Красниковой Александре Васильевне (1924—2010). Прадед Александр с 1869 года, прабабушка Федосья с 1870 года рождения. Александр вспоминал, что в Сибирь его привезли пацаненком.

Путешествие длилось три года. Маленькому Саше запомнилось, что пока добирались до Колывани, корова два раза телилась. Волостной выделил им землю для пахоты и для сенокоса. Подростком поступил Александр в работы на горный завод. Там была жесткая дисциплина, били батогами даже за неряшливый внешний вид.

У Александра и Федосьи было

одиннадцать детей, двое умерли в детстве, выжило девять детей: мой дед Василий (1890—1947), Акулина, Марина, Лаврентий, Ефим, Иван, Мария, Лука, Таисия.

Валентин Ефимович Красников (1924—2006), внук Александра, вспоминал, что его дед, Александр Ефимович, был спокойный, рассудительный, трудолюбивый крестьянин. «Помню период 1929—1931 годов. Дед жил с семьей в Колывани. В землянке — избушке в два окна и в четыре или пять венцов сруба под крышей. Зато скотный двор был высок и просторен. Лошадей было с пятok, корова, овцы. В этот период он заготавливал лес, делали с сыновьями срубы и продавали их».

Валентин Ефимович рассказывал и о своем отце Ефиме и дяде Василии: «В период коллективизации весной 1932 г. организовался колхоз «Новый путь». Организатором был Василий Александрович Красников. Он уговорил младшего брата Ефима вступить в колхоз. Работал Ефим на строительстве скотных дворов, складов. А Василий построил с колхозниками мельницу, потом организовал бойню. Мужики забивали и разделявали скот, женщины солили мясо, кожи, делали колбасу и даже варили мыло.

В 1937 году братья Красниковы узнали, что в пяти километрах

от Колывани открылся рудник по добыче вольфрама. Ефим работал там в бурозаправке кузнецом, а во время войны механиком горного цеха».

Этот рудник интенсивно работал во время войны. Там добывали вольфрам для нужд ВПК, металлургической, электротехнической промышленности. За время действия рудника, с 1935 по 1960 годы, было разработано 150 вольфрамовых жил различной мощности на глубине до 200 метров. Поднято на поверхность 315 тысяч тонн руды.

Три брата Красниковых — Лаврентий, Иван и Ефим — механики-самоучки, без специального образования. Они работали на разных шахтах Сибири, Казахстана, Узбекистана.

Мой дед, Василий Александрович, в 1909 г. женился на Татьяне Анисимовне Можаяевой (1891—1969). Ее родители тоже были переселенцами из Оренбургской области. Анисим Петрович Можаяев был ремесленником. Он выделывал шкуры животных, шил сбруи для лошадей, обувь.

У Татьяны и Василия было восемь детей: Иван, Егор, Леонид, Александра (моя мать), Григорий, Анна, Алексей, Вера.

Об Александре Васильевне Красниковой, моей матери, и ее семье я написала в главе «Дуда-

ревы». У нее четверо детей, девять внуков, десять правнуков.

Анна Васильевна Красникова (1928—2005) с мужем Василием Волочуговым вырастили пять детей, девять внуков, дождались десяти внуков. Их старшая дочь Вера вышла замуж за майора медицинской службы Петра Сончика, с ним вырастили двух сыновей, Юрия и Сергея. Петр Петрович Сончик участвовал в ликвидации последствий катастрофы в Чернобыле. Был облучен, болел, рано умер. Семья его живет в Минске.

Трое детей Анны (Татьяна, Борис, Нина) с семьями живут в Республике Алтай. Младший сын, Василий Васильевич Волочуг, работал военным врачом в Санкт-Петербурге, Душанбе.

Всего у Василия Александровича Красникова, моего деда, я насчитала сто четырнадцать прямых потомков. Есть у меня сведения и о детях и внуках других детей моего прадеда Александра Ефимовича. В моих работах описано более двухсот его потомков.

Среди моих родственников не было великих и знаменитых, но не было больных наследственными заболеваниями, не было преступников.

Просто мы — те, кого называют — народ!

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ КРАСНИКОВЫХ И ДУДАРЕВЫХ

У моего прадеда по матери Александра Ефимовича Красникова (1869—1959) и его жены Федосьи Николаевны было девять детей, родившихся с 1890 по 1914 годы: Василий (мой дед), Иван, Акулина, Марина, Лаврентий, Ефим, Мария, Таисия, Лука. Все они к началу Великой Отечественной войны завели свои семьи, имели детей, и всех их задело черным крылом военное лихолетье.

Самый младший сын Александра Ефимовича, Лука, 1911 года рождения, погиб под Тулой 29.11.1941 года. Сержант Красников Л.А. похоронен в г. Алексин Тульской области, без отца остался сын.

Не вернулся с Великой Отечественной войны сын Лаврентия Александровича Георгий. Погибли в Великую Отечественную мужа дочерей Александра Ефимовича: муж Марии Александровны Вишняков Павел Иванович, муж Таисии Александровны Трофимов Семен Иванович.

Марина Александровна Болтунова (урожденная Красникова) не дождалась с войны сына.

Сыну Ефима Александровича Валентину повезло: он вернулся

живым, только дважды был ранен.

Вишняков Павел Иванович, 1904 года рождения, муж Марии Александровны Красниковой, погиб за две недели до окончания войны на территории Германии. Он награжден орденом «Красной Звезды». Рассказ о его храбрости при форсировании реки Шпрее я нашла на сайте «Подвиг народа». У Марии на руках осталось четверо детей: Зоя, Софья, Борис, Юрий...

Василий Александрович Красников (1890—1947), мой дед, участвовал в Первой мировой войне. Пять лет был в австрийском плену, дважды бежал из плена. Он вспоминал, что Альпы переходил тринадцать раз.

Василий Александрович потерял на фронтах Второй мировой троих сыновей: Ивана (1913 г. р.), Леонтия (1917), Егора (1922) — это мои родные дяди, братья моей матери Александры.

Самый большой военный опыт среди фронтовиков этой семьи Красниковых был у Ивана Васильевича Красникова. Он воевал с Японией на озере Хасан, в 1938 году; участвовал в боях на реке Халкин-Гол, проходивших на территории Монголии. Воевал с белофиннами, в 1940 г. Но, к сожалению, боевой опыт не помог ему выжить в Отечественной

войне. И.В. Красников погиб в боях с немцами в 1944 г. уже в звании гвардии майора. Награжден медалью «За отвагу», двумя орденами.

У него было трое детей: Нина, Геннадий, Вячеслав, которых вырастила после его гибели жена Антонина.

Младший политрук Красников Леонтий Васильевич пропал без вести в сентябре 1941 г. Рос без отца его сын Геннадий.

Егор Васильевич Красников (1922—1942), третий сын Василия и Татьяны Красниковых, также пропал без вести на войне. Он был самым красивым и обаятельным парнем из всей семьи. В СаратовЕ Егор закончил курсы парашютистов, успел 25 раз прыгнуть с парашютом и — пропал.

У старшей дочери Александра Ефимовича, Акулины Черемновой, муж погиб еще в Гражданскую войну. Осталась единственная дочь Екатерина, но во время Отечественной войны она несколько лет работала взрывником в шахтах «Колыванстроя» и не убереглась... Нашли засыпанную камнями. Ее сын, Валентин Козлобаев, остался на руках бабушки Акулины.

Мой отец, Дударев Николай Васильевич (1925—2010), вошел в семью Красниковых, став мужем моей матери, Александры Ва-

сильевны Красниковой.

Отец Николая, Василий Малофеевич Дударев (1896—1937) служил в царской армии с 1915 по 1917 гг. В своей анкете арестованного в 1937 году по статье 58—10 УК РСФСР он пишет, что в конце службы был в чине старшего унтер-офицера. С 1919 года по 1920 год служил в рядах Красной армии, партизанил, был комроты, комвзвода. С 1920 года по 1922 год был начальником хозяйственного комитета 151 Московской дивизии.

Николай Васильевич Дударев вернулся с Великой Отечественной войны с двумя ранениями. Восемнадцатилетним начал он свой боевой путь в 1943 году. Войну закончил под Прагой, награжден орденами Славы III степени, «Красной Звезды», Отечественной войны; двумя медалями «За Отвагу».

Самое страшное воспоминание о войне у моего отца связано со словами «форсирование Днепра». В битве за Днепр с обеих сторон погибло более четырех миллионов человек.

Потом у старшего сержанта Дударева Н.В. был долгий военный путь через всю Европу. В 1944 г. он был награжден Орденом Славы III степени, но орден нашел его через 52 года. В описании подвига написано: «Сме-

лый телефонист, устранил 23 порыва линии связи». Как связиста наградили его и в 1945 г. Отец описывает это событие такими словами:

«Привезли нас на берег р. Висла, в Польше. Форсировали Вислу в марте, по льду, ночью. 31 марта подошли к реке Одер. На берегу уже был огромный плакат: «Вот она — проклятая Германия». Солдаты рушили постройки, тащили бревна, плахи и переплавлялись на тот берег. Очень много потонуло, особенно связистов. Нас, связистов, из семи человек осталось двое. Комбат говорит: «Сынок, твоя очередь». Нашли небольшую лодку, и я поплыл. Вода кипела от мин и снарядов, а катушка с кабелем 400 метров. Кабель сносит водой, еле-еле плыву. Недалеко от берега лодка затонула, но я первым в армии на этом участке обеспечил связь. Скоро переплыл командир полка, и с развернутым знаменем солдаты пошли в атаку, а я следом тянул «нитку». За обеспечение связи я был награжден орденом «Красной Звезды». Вручил награду генерал Кропоткин».

Сын Николая Васильевича Дударева, Евгений, 1959 г. р. отслужил положенный срок в Советской Армии. Трое сыновей Евгения, Олег, Антон, Алексей также отслужили по призыву. Антон Ев-

геньевич попал в Чечню, служил сержантом с 11.05.2000 г. по 2.04.2001 г. в Шалинском и Надтеричном районах. Имеет в своем активе 209 боевых дней.

...Муж Анны Васильевны Красниковой, Волочугов Василий Николаевич, был призван на войну в ноябре 1943 года. Стрелок Василий Волочугов немного не дошел до Берлина. 8 апреля 1945 года его полк попал под бомбежку. Тяжелое ранение в бедро. Нogu смогли сохранить, но она стала короче. Единственный из всех фронтовиков нашего рода он жив по сей день, принимал участие в параде Победы 2015 года в селе Майма (Республика Алтай), где и живет в настоящее время.

На сайте объединенной базы данных (ОБД) «Мемориал» с фамилией Красников — 169 страниц, по 20 человек на странице. Больше трех тысяч погибших и пропавших без вести только с такой фамилией.

Война отняла у нашей семьи Красниковых девять человек, несколько человек вернулись с ранениями. Без отцов осталось тринадцать детей.

Мы помним!...

Сергей ХАРЛАМОВ (г. Томск)



ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Когда-то давно знать свои корни было едва ли не священной обязанностью каждого человека. В знатных семьях гордились своим происхождением, вывешивая на стенах своих дворцов генеалогические деревья с портретами предков. Но и в простых семьях о своих корнях знали не меньше, и информация передавалась часто устно, от предков к потомкам. Все это продолжалось вплоть до 1917 года. Новой власти нужны были люди с новой, незапятнанной биографией. Люди отказывались от своих родственных связей, изменяли документы, имена и фамилии, перечеркивая этим свое прошлое, но сохраняя свои жизни. В итоге сейчас мы практически ничего не знаем о своих предках, ограничиваясь обрывочной информацией не далее, чем о прадедах (в лучшем случае!). Иногда человек родословную любимого стаффордширдского терьера знает лучше, чем свою собственную.

Генеалогия очень увлекает. Маленькое дерево растет, обростает новыми ветвями, корни его уходят все глубже; люди, относящиеся к нему, находят свои места в хитросплетениях родственных взаимоотношений, появляются из полного забвения, пусть даже одной единственной короткой строчкой.

Девичья фамилия моей родной бабушки — Куткина. Несколько лет назад меня заинтересовала история этого рода, обратился к архивам, и вот что из этого получилось.

Заглянем на восемь столетий вглубь.

На берегу реки Мокши в 1209 г. был образован городок Кадом, впервые упоминавшийся в Никоновской летописи. Крепость Кадом, поставленная на мордовской территории, будучи младше Москвы всего на 60 лет, стала последним рубежом продвижения русских князей с запада. Проходил он по территории современной Рязанской области, в приграничье с Мордовией.

По одной из концепций средневековой истории Окско-Ценско-Сурского междуречья, в начале распада Золотой Орды в конце XIV — начале XVI веков существовало независимое чингизидское Темниковское княжество. Население Темниковской Мещеры, куда входил и Кадом, составляли кипчаки

(половцы), болгары, буртасы, мордва, русские, чувашы, башкиры, черкесы и др.

Царская грамота на владение «Кадомской мордвой» была дана Иваном IV (Грозным) татарскому князю Янглычу Бедишу, родоначальнику династии князей Енгальчевых (позднее Енгальчевых и Куткиных объединили родственные связи). Янглыч-мурза пожалован был наместничеством «за многие службы» и получал с кадомской мордвы ясак семь рублей с полтиною в год. Но этого ему показалось мало, и он стал беззастенчиво злоупотреблять своей властью, грабя местное население. Кадомская мордва вынуждена была жаловаться на него самому царю. Челобитчики писали, что «от Янглыча и от братин ега идут бои, грабежи и насильства великие, и емлют с кадомской мордвы ясак семь рублей с полтиною на год. Янглычевы пристава с мордвы деньги многия, и той мордве впредь прожити не можно и ухажен их пусты».

Одним из поземельных налогов Московского государства было сошное обложение, единицей измерения которого являлась соха, основанием чего были писцовые книги. Многие сотни этих книг 16—17 веков до сих пор хранятся в московском архиве древних актов. После окончания Смуты, когда отец царя Михаила

Филарет (Федор) возвратился из Польши, оба государя в 1619 г. созвали собор и на нем приговорили послать писцов и дозорщиков, которые бы описали все города, разобрали обывателей и разместили их по местам, где они прежде жили и тянули тягло (система денежных и натуральных государственных повинностей). В силу этого постановления, в 1620-х годах предпринята была общая перепись тяглового населения в государстве с целью привести в известность и устроить его податные силы.

Заглянем в одну из писцовых книг: «Лета ЗРЛА (7131 год — так, буквами, в те стародавние времена часто обозначались цифры, а до 1700 г., т.е. до принятия Петром I летоисчисления от Рождества Христова, в древней Руси был принят календарь, которого придерживалась Византия, от Сотворения Мира в Звездном Храме. При переводе в современный календарь 7131 год соответствовал 1623 году) февраля а де по государеву Цареву и Великого Князя Михаила Федоровича Всея Руси указы писцы Степан Иванович Тарбеев с товарищи дали выпись кадомскому Неверу мурзе Куткину с кадомских книг письма, что за ним поместье в Кадомском уезде жеребий в Старом Мансырове, а в нем двор его помещиков, а живет в нем бобыль его Добрынка Ти-

мофеев, да дворовое пустые пашни перемогом добрые земли семь четьи (четы равна примерно 0,5 га) с осьминою, сена на чуважской пустоши да на тенгушовском поле тридцать пять копен, лесу пашенного десятина. А владеет он тем поместьем по отдельной выписи Смирнова Мотовилова (участвовали в межевании земли кадомским татарам) в 7100 году (т.е. в 1592-м), да за ним же за Невером жеребий в сельце Атенине, в Кадырове, пашни паханные добрые земли четверик с получетвириком, да перелогом двадцать чети в поле и на речке на Ведяже сорок две копны с полукопною». Этот довольно длинный список земель, принадлежащих мурзе Неверу Куткину, завершается стандартно: «К сей выписи Степан Иванович печатъ свою приложил, черпана воску». У подлинной выписи на обороте подписано: «такко приписал подьячей Данило Ивеленев».

Минул 17 век, за это время сменилось несколько поколений Куткиных. У единственного сына Невера Емикей было уже три сына: Уразмает, Шимамет и Кельмей. В 18 веке дети и внуки Бектемира и Семеней принимают православную (греческую) веру вместо прежней мусульманской (магометанской), берут привычные русскому уху имена и отчества по крестным отцам. Причиной такого изменения религии бы-

ло то, что, по указу Вотчинной коллегии, за некрещение отцовские имения отписывались на государево имя и передавались новокрещенным соседям.

Род Куткиных, берущий свое, известное по документам, начало от кадомского мурзы Невера Куткина за эти годы значительно окреп и расширился. Потомки его были шведов под Полтавой, участвовали в крымских походах и во всех других российских сражениях. Были и печальные моменты: так в ноябре 1774 г. из деревни Мокшазорово, Актарского уезда, Данилы Алексева, сына Куткина, жена Анна Федоровна была увезена злодеями (пугачевцами) в Саранск и там какою-то смертью умерщвлена, ей в то время было 60 лет. Анна Федоровна происходила из татарского княжеского рода Чегодаевых, ведущего свое происхождение от князя Чегодая Саконского, сын которого Хозяш, по грамоте великого князя Василия Иоанновича, жалован был в 1524 г. деревней в Муромском уезде. Ушла Екатерина II, и на трон заступил ненадолго ее сын император Павел I. Приведу одно из обращений к нему праправнука Невера Куткина: «Ваше Императорское Величество! Всемиловейший государь! Усердие к службе и труды приемлемые благоприятно у трона твоего милостию и правосудием прославляе-

мого хвалятся везде и в бесчисленных примерах высочайшим благоволением твоим и щедротами с сим упованием подвигнутый бедностью возношу и я к монаршему лицу твоему всеподданнейшее мое прошение. Начальное мое служение было в армии с 1762 г. 9 мая по 1785 г. по 3 апреля из оной с чином секунд майора поступил я в статскую службу 6 февраля 1786 г. во Владимирскую казенную палату в ассессоры, числясь с того же времени старшинством в пожаловании меня в 1790 г. 16 декабря коллежским ассессором. Быв сии 35 лет в службе и в военной и в статской, ни в каких штрафах не бывал, не имел же родового имущества жил всегда единым жалованием. Да и поныне весь прожиток мой при не малом моем семействе состоит единственно от трех сот рублей онаго и потому служа с подобающею честностью, не только не мог составить что либо в прок для будущего времени, но даже и теперь при настоящем моем жаловании крайнюю терплю нужду, как в содержании себя с женою, так и в воспитании пяти малолетних детей моих, трех сыновей и двух дочерей и тем более при таковом бедном состоянии моем мятусь я страхом и отчаянием, что они при старости моей или при хищении меня так как одержимая всегдашней скорбью и болезненными при-

падками со всем остаться должны без пропитания, а потому подвергая сие мое всеподданнейшее прошение к священным стопам Вашего Императорского Величества прошу подкрепите бедность мою от щедрот высоких льющихся преизобильно на верноподданных твоих с усердием и правдою служащих державе твоей! Вмените всемилостивейший государь! Безспорчную и долговременную мою службу в довод милостей Ваших и мне нуждающемуся с семейством благоволите сниспослать хотя что мало для всегдашнего мне, а паче детям моим пропитания. Всемилоостивейший государь Вашего Императорского Величества всеподданнейший коллежский асессор Иван Куткин 3 апреля 1797 г.».

Во времена царствования императора Александра I дворяне Куткины, будучи в большинстве военными, принимали участие в битве с французами, не все из них вернулись с полей сражения.

Право иметь свой родовой герб было прерогативой потомственного дворянства. Само слово "герб" в переводе с немецкого языка от слова "erbe" означает наследство. В современном понимании герб — это графические символы, составленные в определенную композицию по особым геральдическим правилам.

Герб дворян Куткиных был помещен в десятой части на 42-й

стр. «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи», утвержденного государем 3 января 1836 г., то есть Николаем I.

Каждый том включал от 150 до 180 гербов. С 1797 г. было выпущено десять частей, остальные восемь так никогда и не увидели свет, что можно объяснить отсутствием средств и потерей у правительства интереса к публикации «Гербовника».

Герб дворян Куткиных описывался так: «Щит разделен на три



части, из коих в первой в красном поле изображена серебристая луна, рогами обращенная в правую сторону; во второй в голубом поле видна выходящая из облаков рука, держащая меч; в третьей части в золотом поле находится голубой крест. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом

Щит держат два льва».

У татарских родов постоянно видна луна, крест и сабля в том или ином положении, с теми или иными атрибутами, которые мог избирать себе мусульманин по происхождению, обратившийся в христианство и добившийся себе дворянства отличием на поле брани.

Шлемы древнеславянской формы даются только в гербах древних русских родов, ведущих свое начало до царствования Петра Великого и внесенных в шестую часть дворянской родовой книги. Шлем дворянский с пятью прутьями, все прутья золотые.

Дворянская корона состоит из венчика с тремя листьями, между которыми помещены две большие жемчужины. Щитодержатели допускаются только в гербах титулованных родов и древних дворян, внесенных в шестую часть дворянской родословной книги.

В Геральдике существует символ «Божьего меча», карающего неверных, восходящий к образу Апокалипсиса. В европейской и российской символиках широко используется изображение согнутой в локте руки с мечом, иногда выходящей из облака, иногда облаченной в латы, что расшифровывается как «рука Бога».

Свое дворянское происхождение приходилось доказывать таким способом:

Свидетельство

«Сие свидетельство из Темниковского Земского суда титулярному советнику Николаю Евгеньеву Куткину в том, что по учиненному вследствие поданных от него прошений его дознанию через страх под присягою шести лиц старожилков сельца Пливеева оказалось, что дед его князь Алексей Данилов Куткин действительно родился от отца своего князя Даниарбека Семенова (а по крещении в 1749 году Данила Алексеева) Куткина законной жены его Анны Федоровой в 1743 г. в бытность его Данилы еще в иноверчестве и именовался князем Муссалою Данирбековым, а по приходе в совершеннолетие принял так же как и отец его веру греческого исповедания и стал именоваться князем Алексеем Даниловым. Из свидетельства выданного 1856 г. 8 июня деревни Атениной муллою Рызваном Бакбаевым Исеевым видно, что князь Муссал Данирбеков Куткин (а по крещении князь Алексей Данилов обмолитован по магаметанскому закону деревни Атениной бывшим указанным муллою Мустафою умрашевшем Енгальчевым».

Интересные документы сохранились еще об одном из Куткиных, Евгении Петровиче. Родился он 25 декабря 1855 г., из дворян Владимирской губернии.

В службу вступил юнкером в 3-е военное Александровское училище по 1 разряду 25 августа 1872 г.

7 августа 1874 г. по окончании курса наук произведен из портупей-юнкеров в подпоручики, с зачислением по армейской пехоте, прикомандирован к лейб-гвардии Волынскому полку.

17 августа 1875 г. прапорщик лейб-гвардии Волынского полка.

Находился в походах и делах против турок во 2,3,4 период кампании 1877—78 г., с 25 августа 1877 г. по 25 августа 1878 г.

С 1 по 12 октября 1877 г. под начальством князя Карла Румынского в составе западного отряда, получившего 12 октября название отряда войск обложения Плевны. Со 2 декабря 1877 г. по 20 января 1878 г. в составе западного отряда под начальством генерал-адъютанта Гурко. 23 августа 1877 г. в составе полка выступил из г. Варшавы по железным дорогам и перешел границу Румынского княжества в Ульченах.

Перешел Дунай у Систова по сосредоточении всей дивизии под начальством генерал-лейтенанта Кочтилия в с. Акчмере, в северной Болгарии (сентябрь 1877 г.), участвовал в движении к селению Экса-Барач с 16 по 31 сентября. Командирован в штаб обложения Плевны 6 октября 1877 г., в ежедневных перестрелках с турками во все время тесного обложения

Плевны, а 7 ноября в усиленной перестрелке с неприятелем. 28 ноября в отражении вылазки Осман-Паши и взятии в плен турецкой армии. По расформировании отряда обложения Плевны прибыл в полк, располагавшийся по квартирам в г. Плавечно на берегу Мраморного моря. 1 марта 1878 г. — в расположении дивизии по квартирам в окрестностях Силиври. С 1 марта по 12 августа — в расположении дивизии, составляющей резерв первого фланга армии бивуаком на высотах Уярем-Бургас, под стенами Константинополя. 12 августа — в посадке полка на суда для отправки в Россию. Прибыл в Одессу 14 августа и — на постоянные квартиры в Варшаву 25 августа.

За взятие г. Плевны 28 ноября 1877 г. награжден орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». Награжден орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом приказом по действующей армии в августе 1878 г. за переход через Балканы.

Сохранился интересный рассказ о том, как поручики Волынского полка Куткин и Литовского полка Рябинкин семь часов просидели в гостях у Османа-паши в Плевне.

...9 ноября, днем, ехали поручики Куткин и Рябинкин из деревни Дольный Дубняк к себе домой в деревню Тученицу. Их со-

проводил казак. Туман стоял непроницаемый. Заметив влево от себя на склоне горы какое-то укрепление, товарищи вздумали к нему подъехать, чтобы расспросить о дороге в Тученицу: не сбились ли они с пути. Только стали они приближаться к редуту, как видят, что с горы прямо на них спускается верховой, закутанный башлыком и с ружьем за спиной; по виду — совершенно казак, а за ним идут несколько пеших солдат. Поручики остановились.

— Эй!— кричит Куткин.— Куда, братец, ведет эта дорога?

И что же? Верховой, круто осадив коня, вдруг вскрикнул и прицелился из ружья, а из редута выскочили пехотинцы. Наши не на шутку испугались: не было сомнения, что они в тумане заехали к неприятелю. Рябинкин мгновенно нашелся: вынул из кармана платок и стал им махать... Ружья спрятались. Переговорщики, посылаемые неприятелями друг к другу, при приближении своем всегда машут платками, дабы этим показать, что они парламентеры, а не воины, явившиеся с какой-либо другой целью.

— Ну, мы попались!— воскликнул в страхе поручик Куткин.

— Скажем, что мы парламентеры,— ответил ему Рябинкин.

Оба поручика ухватились за эту мысль, единственную, которую можно было придумать для спасения.

Вскоре их окружила толпа турок. Наши слезли с лошадей и поспешили условиться, о чем им переговариваться с Османом-пашой. Выдумали они следующее: что как будто начальник отряда послал их с предложением обоюдно прекратить огонь до утра, так как у русских сегодня большой праздник, и генерал хотел бы дать возможность своим людям спокойно его провести. Поручик Куткин обратился на французском языке к какому-то офицеру и объяснил, в чем состояла их просьба к Осману-паше. Турок ответил, что придется подождать бимбаши (майора), за которым уже послано. Тогда, обменявшись с офицерами папиросами, у новых собеседников завязался разговор. Наконец, явился ожидаемый бимбаши и предложил поручикам сесть на лошадей. Откуда ни возьмись, выскочила конница, окружила наших, и затем все тронулись. Казак-вестовой ехал бледный, как полотно. Вскоре стал виднеться город Плевна со всеми церквями, между которыми одна была православная. Когда они приблизились к городу уже шагов на тысячу; вдруг выехал к ним навстречу всадник и приказал всем повернуть назад. Между прочим, у поручика Куткина имелась очень важная бумага, которую он должен был передать генералу Тотлебену; хранилась она у него в сумке, и, предполагая, что их введут в

светлое помещение, а казак останется при лошадях в темноте, Куткин решил передать сумку казаку. Но как было это сделать, чтобы турки не догадались? Вот на ходу поручик нарочно роняет платок «Казак, подыми!» — громко кричит он и в то время, как тот берет платок, шепотом прибавляет: — Бери сумку, храни пуще ока и не робей».

Все шествие остановилось около большой палатки, по-видимому, только что поставленной. Вот они слезли с лошадей и вошли. Внутри стояли на земле свечка и два табурета. Не успели они присесть, как видят, что и казака вводят в палатку. Опасаясь за сумку, Куткин поспешил объяснить турецкому офицеру, что по русским военным правилам солдат не может находиться в одной палатке с начальником и что его следует оставить при лошадях. Офицер поверил и исполнил просьбу. Между тем, в палатку набралось человек пять турецких офицеров; они присели на корточки, закурили папиросы и стали с любопытством разглядывать русских. Поручик Куткин хотел было начать переговоры, но его попросили обождать прихода паши и переводчика. Черные мысли так и лезли в головы нашим поручикам: «А вдруг не поверят нам и заберут в плен, а там, чего доброго, зверства творить станут», — думали они. Куткин старался завязать разгово-

вор, но ничего не выходило. Наконец, взмошел небольшого роста паша, и все почтительно встали; то был помощник Османа — Тефик-паша. Наши отрекомендовались и объяснили, в чем их просьба. Внимательно выслушав, паша сказал, что он должен сперва известить мушира (Османа) и ждать его приказаний. Написав записку, Тефик-паша вручил ее чаушу (унтер-офицеру). У входа в палатку стоял уже часовой, огромнейшего роста турок с ружьем. Страх совсем разбирает наших офицеров. Затем подали кофе. Разговор не клеился. Через час вошел солдат и подал паше запечатанный конверт.

«Ну, — думал Куткин, — сейчас объявят решение Османа, и, может быть, прощай свобода, прощай товарищи! Снимут одежду, вон тот длинноусый, наверное, возьмет мои сапоги: он уже давно на них умильно поглядывает».

Паша прочел бумагу, передал ее своим офицерам, которые начали что-то толковать и, поглядывая на русских, усмехаться. Это совсем уже испугало Рябинкина: «Догадались, значит, какие мы парламентареры», — думал он. Паша ничего не сказал, но написал вторую записку. Прошло полчаса. Вдруг входит мулла (священник) высокого роста, с черной бородой и садится правее паши. Паша ему сказал что-то по-турецки. Мулла взглянул и, к ве-

личайшему удивлению наших, спросил по-русски:

— Что вам желательно?

— Я имел честь объяснить генералу все, что следовало, и больше ничего не могу прибавить,— ответил Куткин.

Мулла замолчал и даже на вопрос поручика — где он научился говорить по-русски? — не ответил ни слова. Вскоре принесли второй конверт. Турки принялись читать и снова усмехаться над русскими. Тут уже Куткин не выдержал и спросил: «Не касается ли нас содержание полученной бумаги?» Паша с улыбкой на лице объяснил так хитро, что ничего нельзя было понять — да или нет.

Наконец, в одиннадцать часов ночи получена была третья бумага. Пробежав ее глазами, паша встал и торжественно произнес по-французски: «Его превосходительство генерал Осман изволил согласиться на предложение вашего начальника отряда. Мы не будем стрелять, если с вашей стороны, конечно, тоже не будет огня. Затем можете ехать».

Стараясь не показать, до чего они были рады убраться, Куткин и Рябинкин тихо поклонились и попросили провожатого до цепи. Паша ответил, что сейчас придет конвой. Действительно, явились пять солдат с ружьями и поехали вперед, указывая дорогу, но через

шагов триста из пяти верховых остается только один, да и тот, махнув рукой и произнеся: «бурда» (здесь), — тоже исчез.

«А вдруг как хватят залп нам в затылок», — подумал Куткин, — но ничего не случилось, хотя положение их все-таки было скверное: дороги в темноте найти не могли, и легко казалось попасть снова на турецкий редут. Разговаривали они шепотом:

— Счастье наше, брат, что перестрелки действительно не было, — говорил Рябинкин, — а то, представь себе, каково бы они с нами, парламентарями, поступили, просившими не стрелять сегодня, если бы наши первые открыли огонь.

— А я полагаю, что турки потому и держали нас так долго у себя, чтобы посмотреть, действительно ли наши не будут стрелять, — заметил Куткин.

Когда оба товарища вернулись домой, то от счастья готовы были обниматься со всеми.

...Прадедом моим был Михаил Владимирович Куткин. Закончив Казанский ветеринарный институт, он много лет проработал в области ветеринарии. Приоткрою одну из страниц его деятельности.

Известный российский зоолог и географ Л.С. Берг обратился со

следующим хадатайством в Императорское Русское Географическое общество:

«Во время снаряжения экспедиции чрезвычайное содействие оказывал нам ветеринарный врач Михаил Владимирович Куткин в Илийске (Семиреченская обл.) и секретарь семиреченского статистического комитета Владислав Ефимович Недвецкий в Верном. Благодаря их трудам удалось сберечь много денег и времени. Вследствие этого я беру на себя смелость просить И.Р.Г.О. о награждении этих лиц, если возможно, малыми серебряными медалями.

**С.-Петербург 11 ноября 1903 г.
Л. Берг»**

**Императорское Русское
Географическое общество
14 июня 1905г. № 155,
С.-Петербург**

«Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Совет Императорского Русского Географического Общества в заседании 28 января сего 1905 года присудил Вам серебряную медаль за содействие экспедиции Л.С. Берга на Балхаш. Извещая Вас об этой почетной награде Общества и сопровождая

при сем медаль, прошу принять уверение в моем искреннем уважении и преданности».

Семенов

(П.П.Семенов-Тянь-Шанский)

Трогает своей непосредственностью письмо, написанное родным братом моей бабушки Веры Куткиной:

«Дорогия отца и матюся целую вас крепко крепко, а так же и всю команду. Я живу ничего, учусь тоже сносно Русский: 5, 4, 4, 4. Латинский — 5, 3. Чистописание 4. Я оставался без обеда 2 раза в первый раз за то, что плохо стоял в церкви, а другой раз за то, что принес рогатку в гимназию, простите, что я остался без обеда, больше не буду, только разве когда весь класс завтра будет за то, что барабанили в столы. Мундир заказали, и я уже получил его, он стоит 12 рублей. Отеца! позволишь ли ты мне кататься на коньках, если позволишь, то пришли денег рубля 3. Я получил награду похвальный лист и книгу Робинсон Крузо. Мне надо купить сапоги, а то эти изорвались.

Целую вас крепко, крепко.

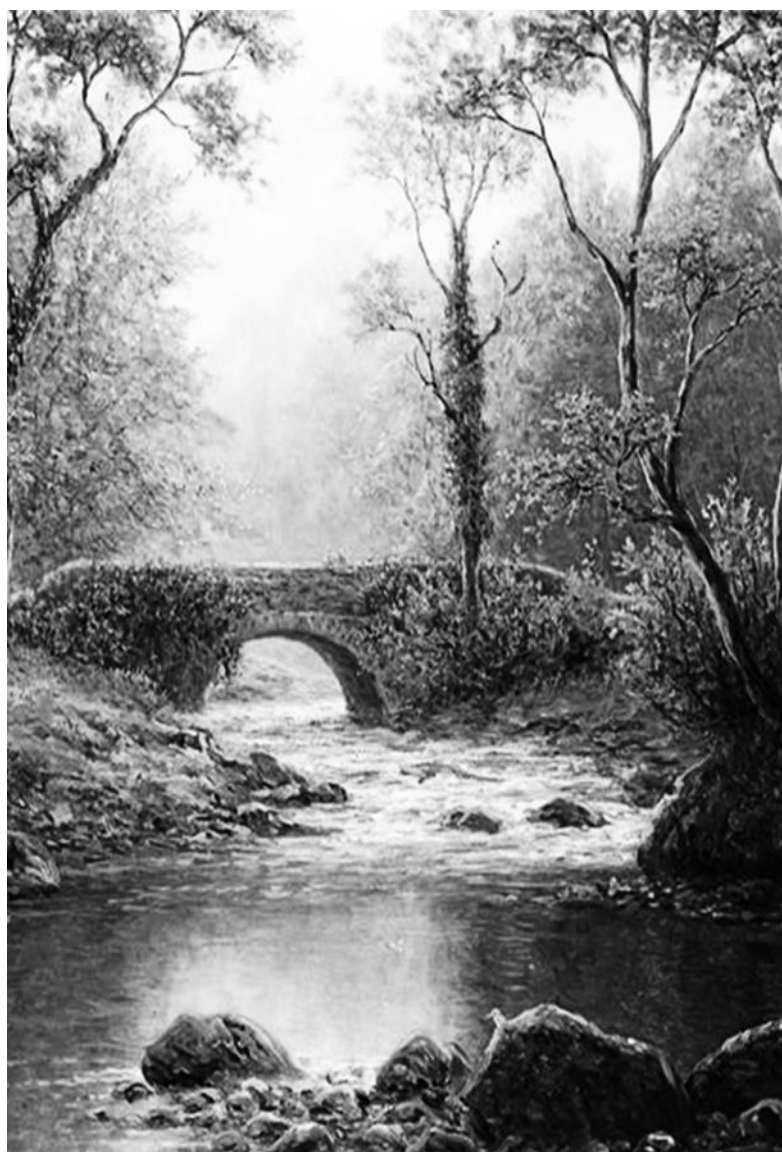
Любящий вас Володя.

1900 г., 19 августа»

После этого краткого экскурса в историю одной семьи может возникнуть вопрос, а стоит ли тратить столько времени, сил, да и средств на все эти поиски? Думаю, стоит. Историю своей семьи каждый из нас начинает изучать в раннем детстве. Едва научившись говорить, мы говорим: «мама», «папа», затем пытаемся называть их по имени, после узнаем, как зовут наших бабушек и дедушек. Для многих занятие генеалогией на этом заканчивается, зачем знать имена тех, кого никогда в жизни не видел? Для кого и для чего это нужно? Прежде всего, думаю, для самого себя. Это похоже на путешествие. Если ты, кроме своего

родного города или деревни, нигде не был, карта для тебя во многом — как разноцветный лоскут, но если тебе удалось попутешествовать, то цветные контуры какой-то далекой страны видятся тебе совсем по-иному. Генеалогия — это увлекательное путешествие во времени, где фамилия твоих далеких предков предстает конкретными людьми, их делами и поступками.

Вглядываясь в глубину веков, по-другому начинаешь относиться к месту своих предков в истории и к самой истории страны, все теперь видится таким живым, настоящим. Это нужно пережить, чтобы понять.





**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
И КРИТИКА,
РЕЦЕНЗИИ**

**АНДРЕЙ МОЖАЕВ
ОЛЬГА БУГРИМОВА**

**ПРИНА КЕДРОВА
ЯКОВ ШАФРАН**

Андрей МОЖАЕВ

(г. Москва)



Андрей Борисович Можяев родился 17 сентября 1955 г. Сценарист, прозаик, публицист, литературовед. Окончил ВГИК (мастерская Л.Н. Нехорошева и Н.А. Фокиной-Кулиджановой). Автор сценариев документальных картин, 2-х книг и публикаций в периодических изданиях. Лауреат нескольких Международных кинофестивалей. Доцент кафедры драматургии кино ВГИК. Сын писателя Б.А. Можяева.

СЕМЕЙСТВО ПУШКИНЫХ И ПОВЕСТЬ «МЕТЕЛЬ»* **

Из цикла «Родословная культуры»

Классическая, прославленная повесть «Метель». Всего десять типографских страниц, а как много сказано о времени, о душе человеческой! Сегодня бытует мнение: повесть держится на исключительном, экзотическом сюжете. Напомним: Пушкин от лица рассказчика Белкина ведет историю о тайном венчании. Остроту ей дают два мастерских, по законам жанра новеллы, поворота.



Сначала бедный жених-прапорщик заблудился во время ночной метели, не поспел в церковь. Невеста в обмороке. Свидетели по ошибке, в полутьме, принимают случайно заехавшего в храм другого офицера за жениха. Тот шутки ради становится под венец. Подводят не

* Из ряда небольших статей о знаменитых произведениях, авторах, явлениях искусства, культуры с малоизвестной или забытой стороны. По статье снят сюжет на т/к "Культура". Его можно посмотреть:

<http://video.yandex.ru/users/elenasemyonova/view/488/>

** В 2016 г. исполняется 185 лет со дня опубликования А.С. Пушкиным повести «Метель» (от составителя).

совсем еще пришедшую в себя девушку. Венчание совершается. И следом открывается подлог. Офицер тут же уезжает.

Прошло три с небольшим года. Наши войска, разбив Наполеона, вернулись из Европы. И судьба вновь неожиданно свела героев повести. Не узнав друг друга, они страстно влюбились. Но прежде совершенное таинство брака мучает их разбуженную христианскую совесть. Герой раскаивается. Взаимное признание, узнавание, счастливое завершение...

Да, Пушкин выстроил сюжет оригинально, неожиданно. Описал событие громкое. Но так ли уж нетипична, экзотична сама коллизия: основа и предпосылка этой истории? Ведь недаром же современники отчего-то укоряли Пушкина в бытописании, прозаизме. Отчего так? Чтобы ответить на вопрос, стоит поискать: а был ли прообраз у этой истории? Может ли нам открыться что-то неожиданное, новое в понимании повести и того канувшего времени?

В этих поисках не придется далеко ходить — обратимся к истории семьи самого Александра Сергеевича. Здесь удалось отыскать целых три близких случая.

Один произошел в селе Уньки, по соседству с тульским имением рода Пушкиных, незадолго до написания повести. Священник тайно, без согласия родителей обвенчал девицу с фамилией Ларина и некоего майора Прокопова. Кстати, в «Метели» Пушкин упоминает именно о тульской гербовой печатке героини.

Второй случай связан лично с Александром Сергеевичем. Вместе с другом семьи Александрой Осиповной Смирновой-Россет он помогал своей сестре Ольге готовить отъезд и такое же тайное, без родительского согласия, венчание с Павлищевым. Увы, тот брак вышел неудачным.

И третий случай — о нем стоит сказать подробней. Он связан с родословием и самым появлением на свет Натальи Николаевны Гончаровой. Эта история отчего-то малоизвестна, хотя о ней подробно писала в мемуарах Александра Арапова, старшая дочь Гончаровой-Пушкиной от ее второго брака с Ланским.

Дед Натальи Николаевны Загряжский был когда-то блестящим гвар-

дейским офицером. Одно время он, молодой, но женатый и уже многодетный, служил в Дерпте, нынешнем эстонском Тарту. Там и познакомился с удивительной юной красавицей, дочерью знатного ливляндского барона Лингарда.

Загряжский был дерзким человеком. Он решил во что бы то ни стало обольстить ее. Прикинулся холостым, страстно влюбленным. И сумел влюбить в себя девушку. Посмел даже просить у отца руки дочери. Получив резкий отказ, уговорил ее бежать. Подкупил сельского попа, разыграл венчание и увез обманутую невесту в Россию.

Скоро он остыл к ней. Начал невольно рассуждать, что же ему делать дальше? Находиться в Петербурге и, вообще, в России становилось опасно. С одной стороны, ему грозили судом и расправой влиятельные при дворе немецкие бароны. А с другой,— Строгановы, еще более влиятельная богатейшая родня супруги. Что же ему делать? Как покрыть свое преступление?

И Загряжский, зная добрый, милосердный нрав жены, поступает совершенно неожиданно. Он привозит ничего не подозревающую Лингард в свое имение Ярополец под Волоколамском. Буквально бросает ее на руки жене, урожденной баронессе Строгановой. Высказывает женщинам всю правду и просит законную супругу позаботиться о незаконной. Сам же, не заходя в дом и лишь поцеловав детей, разворачивается и уезжает в Петербург на тех самых дрожках, в которых приехал.

Обманутая, проклятая своим отцом и уже беременная мнимая супруга была потрясена. Это потрясение скоро сведет ее в могилу здесь же, в Яропольце. После родов у нее открылась горячка. Ни лечение, ни уход и заботы, которыми окружила ее Загряжская-Строганова, не помогли. Она скончалась на руках женщины, ставшей самым ее близким другом, на руках жены человека, так беспощадно, из одного сластолюбия, погубившего ее жизнь.

Строганова удочерила рожденную девочку Наташу, будущую мать Натальи Николаевны Гончаровой. Дала ей фамилию отца, ввела в права наследства наравне со своими родными детьми, воспитала. Отписала на нее часть имения в Яропольце...

Среди любимых домов Пушкина, куда он часто ездил, было семейство Загряжского, двоюродного деда Гончаровой. В екатерининское время

тот принадлежал придворному кругу вельмож. А его жена, дочь малороссийского гетмана Кириллы Разумовского, приходилась двоюродной сестрой княжны Августы Таракановой, дочери императрицы Елизаветы и фельдмаршала Алексея Разумовского. Наталья Кирилловна была замечательной рассказчицей, знала много историй, подробностей быта блестящей, расточительной и жестокой эпохи.

В повести «Метель» у Пушкина есть прямая текстовая отсылка к нравам тех екатерининских времен. Замысел тайного брака, это приключение напомнило одному из персонажей, сорокалетнему Дравину, его молодость, «прежнее время и гусарские проказы». А действие повести начинается в тысяча восемьсот одиннадцатом году.

Итак, из этого краткого сопоставления повести и реальных событий видно: действительность может превосходить по своей яркости художественное воображение. Но не в копировании даже исключительных случаев заключена цель искусства. Эта цель — в постижении и выражении общего духа, сердцевины характера времени. И она требует типизации, помимо всего прочего. Тогда рождается художественная правда в форме личностных обобщений. Такая задача плохо развлекает, не слишком-то «щекочет нервы», но вынуждает размышлять. Автор как бы зовет современников на полемическое нелицеприятное поле. А те часто не готовы к такому строю бесед. И художник не встречает должного отклика. Его труд сполна оценивают позже.

И в завершение этой истории остается сказать вот о чем: своей красотой Наталья Николаевна Гончарова вышла в бабушку и несла эту красоту нестареющей всю недолгую и тяжелую жизнь. Обаяние красоты, кротости и чуткости первой на все времена красавицы России в обрамлении славы нашего национального гения признал и оценил даже предубежденный, резко настроенный против нее Лермонтов. Они встречались у Софьи Карамзиной в самый канун его губительного отъезда на Кавказ и долго искренне беседовали о Пушкине.



Ирина КЕДРОВА

(г. Москва)



О РОМАНЕ ЯКОВА ШАФРАНА «КРУГ ЗАМКНУЛСЯ»*

Яков Наумович Шафран — автор серьезный: стремится к глубокому и всестороннему раскрытию современной жизни, в котором объединены и взгляд из истории Отечества, и переживание сложностей, бед и радостей сегодняшнего времени, и православный настрой, и постоянный поиск ответа на вопрос: как быть, в чем и где искать достойное решение, верный путь развития российского общества?

Действие романа разворачивается широкой ретроспективой: здесь описание событий и мыслей общества начала прошлого века, затем фрагменты из двадцатых, середины тридцатых и сороковых годов, и главное — современность, охватившая в разных сюжетах и воспоминаниях время с восьмидесятых годов через девяностые и далее — к десятым годам нового века.

Временной обзор огромен, и персонажей, охваченных этим обзором, не счесть. Впрочем, можно ограничиться и выделить главных. Предреволюционные, революционные и послереволюционные годы раскрыты в переживаниях и мыслях доцента Московского университета Михаила Григорьевича Заянчицкого, «питерского профессора и писателя» Николая Иннокентьевича Земскова, а также Павла Ивановича Соловьева, в характеристике которого автор указал: «действительный статский советник, в партиях не состоявший, патриот по убеждениям». Разумеется, рассказывая о них, автор называет также жен и детей, показывает нам атмосферу семей, напоминая, что все в жизни людей делается для благополучия родных и близких. И споры эти персонажи ведут для того, чтобы понять суть происходящего, отыскать верный путь дальнейшего развития России.

* Яков Шафран. Круг замкнулся: роман (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Тула: Изд-во «Папирус», 2015. С.— 308

Углубляясь в суть споров, происходивших в начале прошлого века, конечно, опираешься на собственные знания о жизни и политической борьбе того времени: о кадетах, октябристах, эсерах, большевиках, а также о славянофилах и западниках, предвосхищавших борьбу взглядов начала двадцатого века, о силе православных идей, распространенных в обществе, и укреплении, особенно в советское время, взглядов безбожников. Однако главное — не опора на то, что ты знаешь, а внезапное осознание того факта, что в те времена, как и сейчас, шла острая борьба между сторонниками тех или иных взглядов на дальнейшее развитие страны, распространялась непрерывная говорильня, интеллигенция оказалась разобщенной и не смогла найти общую опору, да и не видела в этом необходимости.

Очевидно, такое положение и привело отдельных персонажей романа к бегству сначала в Болгарию, затем во Францию.

Не в первый раз берутся отечественные писатели за раскрытие условий жизни вне России тех, кто вынужден был покинуть Родину. Не углубляется Яков Шафран в трагедию их дальнейшей жизни, лишь слегка касаясь бытовых деталей. Но и не это писатель ставит своей задачей. Он, на наш взгляд, показывает связь мысли того, давнего, времени об особенностях пути России с той же мыслью, распространяемой в наши дни.

Вторая, главная, линия романа заключается в описании жизни героя — Андрея Васильевича Курилова, чей предок — Григорий Курилов — жил до революции во владениях Николая Иннокентьевича, революцию встретил одобрительно, но и барина своего бывшего уважал, потому с радостью встретился с ним в сороковом году, когда оба по делам приехали в Москву: один из Патрусевска, другой из Ленинграда, в который все же вернулся из послереволюционного изгнания.

Писатель подробно описывает жизнь Андрея, его предпринимательские дела и проблемы, устремления и надежды, семейные радости, жизнь в Соединенных Штатах, куда тот решил выбраться, спасая себя и свою семью от тягот установления рыночных отношений, и где, в силу русского менталитета, не смог окончательно обосноваться: душа на Родину стремилась.

В описании жизни героя заложено огромное беспокойство автора за происходящее в стране: невозможность развития собственного дела, хотя в стране звучат неумолкаемые призывы к мелкому предпринимательству; чиновничьи выдумки, направленные на стяжательство с тех, кто принимает на себя труд экономического укрепления страны; отсутствие прочности положения людей, какие бы силы ими ни вкладывались в свою жизнь, предательство сотрудников и тех лиц, которых ты считал товарищем и единомышленником.

Вместе с тем, Яков Шафран, помимо описания жизни и проблем современного предпринимателя, поднимает важнейшие вопросы жизни общества, вводит читателя в круг философских размышлений: о вере и Боге, о патриотизме и духовности, о революционном и эволюционном развитии страны. Он опирается на свои прочные знания, острое переживание происходящего в стране. Он сам неустанно ищет путь дальнейшего развития российского общества.

С какими-то взглядами писателя, мы с тобой, дорогой читатель, непременно согласимся. Не поспоришь с такими высказываниями:

«Много хороших моментов было, есть и будет в жизни — на то она и жизнь, творящая все новое и новое, иногда поражающая своими, казалось бы, парадоксами, но неустанно расставляющая все по своим местам» (с. 19);

«... так получилось с поколением Андрея в начале девяностых, когда молодые люди в двадцать пять — тридцать лет оказались среди жизни, совсем не той, какой их учили и для какой их воспитывали» (с. 20);

«Да у любого продавца в коммерческой сети зарплата больше, чем у врача, отвечающего за здоровье и жизни людей!» (с. 88);

«Если история представляется полной поражений и постыдных деяний, а родина малая и большая — помойкой, то растет не поймешь кто со слабой, бесформенной душкой. И кто угодно будет лепить из нее то, что ему нужно!» (с. 135);

«Теперь же некоторые «специалисты» пытаются внушить — русская культура необязательна. А ведь если отнять ее и традиции от народа, что от него тогда останется, во что он превратится?

Должны ли мы становиться Иванами беспамятными, вернее, имеющими «болонскую» память, то есть память на отдельные слова и термины, используемые в обиходе торговцами и чернорабочими, смысла же всего непонимающими...» (с. 137);

«... разве, не зная Истины, можно управлять?» (с. 141);

«... Земля — это космический организм, в котором, как и в человеческом, все друг на друга влияет» (с. 297).

В приведенных текстовых извлечениях мудрого автора раскрыты и наша жизнь, и наши размышления, и наши переживания.

Яков Шафран чрезвычайно лиричен и чувствителен, потому, при чтении романа, проникаешься описанием любовного чувства, первого интимного прикосновения, проливного дождя. Становишься наблюдателем важных деталей, психологически верно выписанных автором, слышишь шепот матери, льющийся к сыну из небытия и осязаемый им как вполне реальный и явственный. Разве нет у нас с тобой, дорогой читатель, жгучей тоски по матери? Разве не слышим мы в трудную минуту материнские слова поддержки? И не посылаем ли мы к своим детям такие же слова в их трудную минуту?

Особенно выделяется в романе третья линия — линия веры и религии, православия и христианства. О вере и Боге размышляют персонажи прошлого, мучительно быющие в поиске ответа на вопросы: за что Господь наказывает страну, и наказывает ли, или спасает? И главный герой романа, сквозь жизненные перипетии, приходит к Богу. Он идет в храм, критически оглядывает присутствующих в храме, в размышлениях осознает, что везде — на улице, в храмах, в разных учреждениях, в трудовых и других коллективах — встречаются истинно верующие люди, как и те, кто лишь демонстрирует свою веру, на самом деле этой веры не имея. Все зависит от самого человека, его чувства и сознания, только в храме свет и чистота помыслов крепче воздействуют на человека.

Раскрывая третью линию, автор обращается ко времени возникновения христианства, к причинам раскола на православную и католическую веру. Убедителен взгляд писателя на причины падения оплота православной веры — Византийской империи. Сквозь весь роман проходит мысль о связи и органичном единстве православия и России.

Глубокие мысли, острые вопросы и важные проблемы жизни российского общества раскрываются в романе. Оттого скажем: нужен роман, и вышел он вовремя, помогая нам, читателям, осознать единство времени, общность споров интеллигенции начала прошлого и нынешнего веков, положение России в мире тогда и сейчас, великое значение православия в развитии нашей страны.

Однако, нельзя умолчать о том, что мешает чтению романа. В отдельных фрагментах чтение затрудняется. Это связано с тем, что автор, человек огромных знаний и опыта, иной раз забывает о стиле художественного изложения, вводя в текст то, что свойственно публицистическим статьям или научным докладам. Так, например, дается характеристика девяностых годов (с. 19, 21), указываются проценты сторонников государственной и частной медицины (с. 87).

Постоянные рассуждения персонажей не только вызывают интерес и желание понять взгляды описываемой личности или суть возникшего спора, но порой, из-за чрезмерности и манеры изложения, становятся утомительными. Их с нетерпением пролистываешь, и вскоре возвращаешься к ним, чтобы все же разобраться. Полагаем, что автору следовало найти такую манеру изложения, которая не позволяла бы отвлекаться от текста.

Тем не менее, несмотря на какие-то огрехи, которые, при желании, можно найти в любом романе, скажем следующее: дорогой читатель, если ты — человек размышляющий, болееешь за наше Отечество, находишься в поиске выхода России на путь быстрого экономического развития, благоденствия общества, уверенного положения в мире, тогда читай книгу Я.Н. Шафрана «Круг замкнулся». Размышляй над ее страницами, спорь с автором, находи единство в твоих и в его взглядах. Открывай для себя автора и его новую книгу!



Ольга БУГРИМОВА

(г. Тула)



Член Союза писателей России, член Академии Российской литературы

ПОЭЗИЯ ДУШИ ТАТЬЯНЫ ШЕЛЕПИНОЙ К 70-летию поэтессы

Лев Толстой писал: «...Когда мы читаем или созерцаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда такой: «Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей...и что можешь сказать нового?..»

Сказать просто о творчестве Татьяны Шелепиной не получится, поскольку чувства зрелого человека, пришедшего в мир поэзии и переживающего заново эмоции молодости, требуют глубокого осмысления и раздумчивости.

Она ворвалась в тульское литературное сообщество кометой, оставляя после публикации каждой книги разные настроения читателей: от восхищения до непонимания. Для меня это легко объяснимо, если посмотреть на факты ее биографии...

Татьяна родилась в семье директора Алексинского лесхоза Виктора Георгиевича и домохозяйки Надежды Васильевны, которые в строгости воспитывали четверых детей. Мечта получить высшее образование не осуществилась: пришлось оставить учебу в Тульском педагогическом институте из-за болезни.

Работала на предприятиях родного города, освоив различные рабочие профессии от техника-инвентаризатора ЖКХ до крановщицы и даже сварщика. Тогда же начала слагать вирши, пряча свои первые опысы от всех, боясь осуждения.

Неугомонная энергия искала выхода, и она, уйдя на заслуженный отдых, несколько лет посвятила воспитанию внука. Но его забрала в Москву дочь, а Татьяна Викторовна вновь вернулась к своему хобби — стихам. Чувствуя, что ей необходимо получать где-то профессиональные советы, она с 2010 года стала посещать занятия литературного объединения «АЛЛО» при городской библиотеке г. Алексина. Благодаря своей подруге Москаленко Нине Евгеньевне, которая привела ее в «АЛЛО», поэзия нового автора стала доступна читателям. Родная фамилия стала литературным псевдонимом.

Чувствуя потребность в совершенствовании своего творчества, Шелепина регулярно учится на ежемесячных семинарах при Московском Совете ЛитО.

Тогда же, в 2010 году, в сборнике «Великая весна» впервые были опубликованы ее стихи, посвященные юбилею Победы.

За последние пять лет вышли в свет 5 сборников стихов и песен: «Калейдоскоп», «Я желаю счастья вам», «Я вам пишу», «Сборник песен», «Я жизнь люблю».

Набатов звучат строки стихотворения «Верните наши имена» от имени неизвестных героев минувшей войны:

*Верните наши имена —
Мы не безвестные солдаты.
У нас всех Родина одна,
Но мы героями не стали...*

В них она выразила состояние боли за безымянных солдат, которых родные еще ждут и помнят, хотя прошло уже 70 лет.

Как укор звучат строки солдата, попавшего в плен в Афганистане и вернувшегося домой через десять лет:

*Поклонюсь своей земле родной,
Поклонюсь полям, лесам и рекам.
Я увидел край свой дорогой:
Я бежал из плена этим летом...
И сегодня я пришел домой,
Мать меня встречает у порога:
«Здравствуй, мой сыночек дорогой,
Как длинна была твоя дорога!..»*

Печаль автора, матери и солдата переносится на наши ощущения, и мы ясно представляем картину встречи матери и сына.

С каждым новым сборником растет профессионализм автора, хотя, иногда и встречаются «неправильности» русского языка в ее текстах.

«Я калину красную с леса принесла...», — пишет она в стихотворении «Калина». Привычнее было бы сказать «из леса», но предлог «с» смягчает резковатый «из» и придает оттенок мягкости и поэтичности. Уместно сказать, что такие «неправильности» встречаются и у таких известных авторов, как Есенин, Маяковский и многих других.

Следует отметить и некоторую неточность рифм, применяемых в стихах, но отход от классического употребления не портит содержания. Следует отметить, что неточными рифмами «грешил» даже Евтушенко.

Когда попадаешь под власть ритма, не замечаешь, что женская рифма переключается с мужской.

Мне нравится в ее творчестве искренность и скрытая эмоциональность, не доходящая до экспрессии. У Шелепиной напрочь отсутствует наигранность, а искренность делает лиричными и запоминающимися строки стихов.

Фиксируя конкретные наблюдения за изменениями в природе, автор одухотворяет деревья, лето красное, «шаловливый ветер у березки косы заплетает на лету...»

Заговорив негромко и стеснительно, Татьяна Шелепина сразу заняла свою нишу в литературном мире. Ее произведения постоянно появляются на страницах московских и тульских альманахов и сборников. А в 2013 году она была принята в члены Московской городской организации Союза писателей России и творческого клуба «Московский Парнас».

По рекомендациям Президиума Академии Российской литературы, в 2014 году она стала членом Академии.

В настоящее время руководит литературным объединением «АЛЛО» в г. Алексине. С ее помощью алексинцы знакомятся с новыми альманахами и сборниками членов литобъединения, проводят огромную работу среди населения: презентации, творческие встречи, классные часы, фестивали, литературные конкурсы. Татьяна Викторовна восстановила дату образования литературного объединения в Алексине, разыскав в краеведческом музее архивные данные. Сейчас она ведет летопись «АЛЛО», по крупицам собирая литературные материалы. Именно благодаря неутомимости Шелепиной, известность литобъединения распространилась по всему миру.

Успех не приходит к человеку сам по себе, а требует ежедневного труда и воли. Ее поэзия рождается в глубинах широкой души, вмещающей в себя огромную любовь ко всем и ко всему. Только человек, тонко чувствующий обнаженность мира, способен повести за собой других, написать искренние стихи, создать вокруг себя атмосферу доброжелательности и новизны. К таким и относится неутомимая женщина, излучающая энергию света, поэтического настроения,— Татьяна Викторовна Шелепина. С юбилеем Вас, светлый человек! И новых творческих побед!

Яков ШАФРАН

(г. Тула)



ИСТИННОСТЬ, ТАЛАНТ И САМОБЫТНОСТЬ*

О трех значимых книгах

СВЕТ ДУШИ ОЛЕГА ПАНТЮХИНА

Отзыв на книгу «Избранные стихи»**

Когда я впервые открыл книгу Олега Викторовича Пантюхина «Избранные стихи», то испытал ощущение простора и света. И первое, и второе — не столько от оформления (хотя и оно значимо), сколько от буквально излучающих свет строк. Известно, что человек познает мир смыслово-интеллектуальным и интуитивным методами. Однако поэты, проходящие через душевные страдания и муки, благодаря своей тонкой и ранимой душе, в той или иной степени, обладают, подобно пророкам, еще и методом откровения свыше. Видимо, синтез всего этого в творчестве автора сборника и послужил основанием для такого восприятия.

Многие пишут стихи для облегчения, изливая накопившиеся в душе чувства, а кто-то и, ставя перед собой «великие цели», — не менее как облагодетельствовать человечество. Но первое же стихотворение из сборника О. Пантюхина говорит об особом подходе поэта к творчеству. Он понимает его не просто, как «выброс пара» и, уж тем паче, не как создание «шедевров», где и букву поправить — преступление. Поэт относится к стихам, как к ангелам, слетающим с небес, как к средству, исцеляющему душу.

*Стихи, как капельки росы,
Словами питают душу.*

* Самобытность — талант от Бога (из народной мудрости XX века).

** Пантюхин Олег. Избранные стихи: поэтический сборник / Приложение к журналу «Приокские зори». — Тула: Аквариус, 2015. — 64 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

*Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты...*

...

*И в мир наш, что не верит в чудо,
Прольется луч из чистых слов...*

(«Стихи, как капельки росы...», с. 10)

На какую бы тему не было стихотворение, автор говорит о Любви. Тема, во всех ее аспектах, не новая, но, раскрываемая чувствами, пропущенными через осознание пережитого, делает стихи поэта искренними, а его лирический герой предстает перед нами самобытным и непохожим на других. Без Любви, вмещающей в себя все, говорит он, мир — «бездна пустоты», поэтому сердце человеческое находит «волну любви», ибо «оно ведь и не может жить иначе». Душа, открытая небу, а значит, и высокому чувству, находит Любовь и в «песне дождя», и в быстротекущем мгновении, и в окружающей красоте — «аромате цветов», «просторе бескрайних лугов», — и мир снова наполняется содержанием. «Без полета все вокруг — мука...», — пишет Олег Пантюхин.

Тяжелое восприятие жизни происходит порой из-за непонимания человеком связи времен. Ведь как не может быть будущего без настоящего, так и настоящее невозможно без прошлого. Истинный поэт это хорошо понимает. Поэтому один из центральных, ключевых разделов книги О. Пантюхина — «Память сердца» — посвящен Великой Отечественной войне:

...Промчалась годов вереница,

И кажется, что никогда

Не будет уж больше им сниться

Проклятая эта война...

(«Военные сны», с. 30)

Сколько лет прошло, а людям, защитившим нас от уничтожения и рабства, на долгие годы положившим конец войнам на нашей, и не только, земле, не забыть тех тяжелых годин. Ведь это была страшная война: передышек на фронтах практически не было: за все время в общей сложности они составили всего около трех месяцев, а наши общие — военных и гражданского населения — потери в 26,6 милли-

онов человек почти в два раза превысили суммарные потери Германии и ее сателлитов, взятые вместе с потерями наших союзников.

*... Давайте же будем достойны
И памяти будем верны
Людей, победивших все войны,
Героев российской земли!..* («Военные сны», с. 30)

Прошлое наше — это не только память о дальних предках («Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит», В. Гете), но и о родителях. Уважение к отцу и матери — крепость для человека, защищающая его в будущем от страданий. Любви к матери посвящает свои стихи и Олег Пантюхин:

*... Одно лишь свойство у письма есть —
Лишь мать так может написать,
Оно способно сердце сына
Своей любовью согреть.* («Письмо матери», с. 31)

Есть такое понятие — близкие. В число их входят и родители, и другие члены семьи, и верные друзья. Близких нужно всегда держать в сердце, помнить и вспоминать, что является процессом постоянной актуализации образов, мыслей и чувств из прошлого опыта.

*...Вспоминайте любимых!
Они рядом всегда —
В ваших мыслях, душе,
В вашем любящем сердце...* («Вспоминайте любимых», с. 34)

Так укореняется человек. Корни его — в родительском воспитании, в малой родине и в детстве. Во многом то, каким вырастет дерево-человек, определяется его ранними годами жизни. Настоящий поэт — проводник высших истин, а таким, безусловно, является Олег Пантюхин, хорошо понимает это. Отсюда и его отношение к своему детству. Свет души автора идет оттуда.

*Я вчера случайно заглянул
В давний и любимый дворик детства,*

*Будто ветер памяти подул и
Стало хорошо и радостно на сердце...*

...

*Знаю, сколько лет бы ни прошло,
От былого никуда не деться.
Чтобы стало на душе светло,
Загляните в старый дворик детства!*

(«Дворик детства», с. 35)

И чем более прочны основы русского человека, тем более болит у него душа за Россию, за народ, болит, конечно, и от всех «хмуростей» наших дней.

*Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня, словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.
И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?
Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше!*

(«Русская деревня», с. 55)

Поэт как истинный патриот обращается к родной земле:

*Сохрани и спаси
Русская земля!*

(«Зазвони, колокол...», с. 54)

Еще в «Слове о полку Игореве» вся Русская земля объединяется в один конкретный и живой образ — прекрасной и страждущей Родины, что служит призывом всего народа — сверху донизу — к единению,

ибо только единство перед лицом значительных трудностей может спасти и сохранить как весь народ, так и отдельного человека.

Неспокойно на душе у О. Пантюхина — иначе и быть не может — и от мировой несправедливости, от зверств злодеев-террористов. Но он твердо верит:

*... В то, что спасется наша Земля,
Свято верю.
Верю — очистится от беды
Вся планета,
Станет обителью доброты,
Любви и света...*

(«Желтыми листьями октября...», с. 56)

*... Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...*

(«Глоток вины... Так хочется его!..», с. 41)

Автор не только верит, но и знает средство преодоления зла, он воздействует на душу, пользуясь духовной силой слов,— люди, несмотря ни на что, не должны остудить свои сердца.

*... Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнем!*

(«Заметает февраль все дороги...», с. 45)

Любовь, которую человек несет в мир, способна не только помочь миру, но обладает исцеляющей силой и для самого человека. Тот, в ком душа полна любви и света, знает об этом.

*... На языке любви
Поговори с природой,*

И в сердце непогоды

Развеются твои. («Октябрьский теплый день...», с. 49)

«Бог есть любовь»*, — говорит нам Священное Писание, учат апостолы и передают в своих произведениях духовные писатели и поэты. Но неправильно думать, что уже не нужно говорить и писать о том, о чем было сказано и написано до тебя. Писатель, поэт, в силу своего жизненного опыта, образования, той или иной степени развития интуиции, благодаря информации, содержащейся в подсознании, своеобразному сочетанию левого и правого полушарий мозга, проникновению в бессознательную сферу психики, может увидеть то, что никто не видел до него в уже исследованной, казалось бы, области — новая сторона, новый оттенок, новое свойство меры. Так и Олег Пантюхин не боится говорить о Боге, о вере, ибо он глубоко — не формально, но и не фанатично-идолопоклоннически, не по-фарисейски — верит в Бога и понимает, что только в Нем и может человек быть человеком. Он считает:

... *Каждый сам приходит к Богу,*

Чтоб себя не потерять...

(«В храме тихо и просторно...», с. 58)

Добавим — и обрести! Обрести себя настоящего, не половинчатого — только постоянно раскаивающегося и постоянно смиренного, — а цельного, который, наряду с сокрушением о себе, просит у Господа сил на активную, действенную Любовь.

ИИСУСУ ХРИСТУ

Страстям мы предаем себя,

А Ты нас любишь до последних вздохов.

В грехах своих, невежестве, пороках

Живем мы, позабыв Тебя.

Ты видишь каждый жизни нашей шаг.

* «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. (1Иоан. 4:16)

*Твой Ангел неотступно с нами.
От бед хранит он нас крылами,
Скорбит, когда нас побеждает враг.
О, Боже! Дай же нам любви!
Твоей святой, божественной, незримой!
Ни сердцу, ни душе жить без нее нет силы.
Прости нас, Боже, и благослови!
И в час закатный грешная душа
Почувствует, как луч, Твое прощенье,
Оставив силам вражьим прегрешенья,
Воспрянет, божьей радостью дыша!* (с. 60)

В заключение скажем: автору кое-где еще нужно поработать над стихами, но не это главное. "Поэтическое видение мира, ассоциативность, подчиняющаяся своим особым законам, а не законам логики, и ассоциативная образность — вот что, ... в первую очередь определяет поэзию, а не ритм, строфика, или рифма".* Стихи поэта Пантюхина — это непрерывающийся поток чистой живой воды из родника его души, глубоко поэтической души. И странно, что этого не заметил, такой крупный поэт, как В. Пахомов, который должен был — ради непогрешимой истины — осветить своим авторитетом талант автора сборника, но... не сделал этого, и даже наоборот. Однако подобные странности мэтра не умалили и не умалят ценности стихотворений Олега Викторовича Пантюхина. Мы же только повторим за ним:

*Нельзя шутить с судьбою,
Со случаем шутить.
Ты доброю душою
Всегда старайся жить...*
(«Нельзя шутить с судьбою...», с. 61)

* М. Кудинов, вступительная статья к кн. Вольтер "Стихи и проза", 1987

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА
(О книге Владимира Пашутина «Савелий»)**

Владимира Пашутина до сих пор я знал как композитора, поэта, автора и исполнителя песен. Но вот в руки попала его книга — повесть «Савелий», и я открыл для себя Пашутина-прозаика, и очень хорошего прозаика. Произведение написано качественно, профессионально, но главное даже не это — а каждой строкой, каждым диалогом, любой страницей излучаемая доброта автора, его душевность и любовь как к большой, так и малой родине, к людям, патриотизм.

Владимир Пашутин устами одного из своих героев говорит нам о вечном уважении русских к предкам и о неизбывной черте народа — сострадании: «Эх, Русь, сколько ты потеряла за свою историю драгоценных жизней. Сколько еще остается, и будет оставаться детей-сирот, не познавших ласку своих отцов, вдов...» (Владимир Пашутин, «Савелий», с. 30). Фамилия этого героя — Оуэн, зовут Конн. Он — потомок выходцев с Британских островов, ирландцев, эмигрировавших в Россию еще при Петре I. В нем нет ни капли русской крови, но выбор его — быть русским. Это еще раз подтверждает правоту «Декларации русской идентичности», принятой на XVIII Всемирном русском народном соборе, в которой говорится: *«...Русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа»**.

И еще очень важный момент. В повести «Савелий» показано истинное отношение — уважение — русских к другим народам и народностям, населяющим нашу большую страну: «Валерий Зубов распорядился делать походные стоянки подальше от аулов, чтобы не стесняли местных жителей людским и лошадиным обилием. С дагестанцами сложились очень хорошие отношения...» (Там же, с. 8).

В произведении хорошо дан образ светлейшего князя Потемкина, самого достойного (фактического) руководителя страны в постпетровскую эпоху, заботившегося, к примеру, о рядовом солдате, как о собственном сыне. Не случайна ответная любовь к нему солдат и офицеров той поры. «Лет десять — пятнадцать тому назад нам заменили сол-

** Пашутин Владимир. Савелий: повесть. — Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. — 102 с.

* Документ принят 11 ноября 2014 года по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России».

датскую форму на более удобную. Фельдфебель говорил нам: “Эту форму придумал сам Светлейший Потемкин. Носите на здоровье!”» ... «Особое внимание у него было к русскому солдату. Его реформы в этом деле можно поставить рядом с военными победами Суворова...» (Там же, с. 24—26).

В. Пашутин в течение всего повествования удачно вкрапливает в динамично развивающийся сюжет воспоминания главного героя, Савелия, и множество интересных и полезных исторических сведений, что говорит не только о большой эрудиции автора, но и о понимании им непрерывности и преемственности истории.

Повесть Владимира Пашутина — и о Тульском крае. А как может быть иначе, если он — певец нашей земли: ее столицы — Тулы, городов и сел области, уникальных ее памятников и природных красот, где корни и самого автора, и его дальнего предка — Савелия. В частности, Пашутин пишет о истории дома-усадьбы графа А.Г. Бобринского — жемчужины края, о многих реках и тогдашних селах, о земледелии той поры (Там же, с. 57—60). Он хорошо знает историю Тулы и ее прошлые и теперешние значимые места, в частности: Конный рынок, Храм во имя Двенадцати Святых Апостолов, дворец купца I гильдии В.И. Ливенцева и другие (Там же, с. 75).

Остросюжетность в описании боевых действий и событий во время путешествия — одна из замечательных черт повести. Военная обстановка и действия военных в боевых эпизодах так хорошо передаются, будто автор сам был их участником.

Художественная ценность книги во многом определяется и пейзажными зарисовками. Владимир Пашутин делает это мастерски. Вот описание пейзажа, связанного с обстановкой: «Четверо друзей и не заметили, как наступила ночь. Она была очень темной, в двух шагах ничего не видно. Чуть-чуть рассеивали тьму ближние и дальние костры. Небо заволокли тучи. Луны не было. Поначалу теплый легкий, ветерок стал приобретать силу, и она с каждой секундой увеличивалась. Такая погода настораживала. Друзья поспешили ... в свои расположения. Савелий ... стал ждать полковника...» (Там же, с. 12). Короткими фразами, как художник мазками, автор емко рисует красоту окрестной природы: «Дорога проходила по прикаспийской низменности. Сочная зеленая трава была уже достаточно высокой. “В средней России сейчас бы ее уже косили, а через месяц-полтора устроили бы второй укос”, — подумал Савелий. Со всех сторон доносилось: “Спать пора, спать пора”, — это созывали своих цыплят перепелки. Несколько раз Савелий замечал вдали высоко подпрыгивающую лисицу, охотившуюся за мышами. Высоко в небе пели яблочки. Савелий посмотрел на небо и уви-

дел коршуна, который, прижав к телу крылья, стремительно бросился вниз, и, еще не долетев до земли, схватил свою очередную жертву и, раскрыв крылья, спланировал куда-то в сторону, пропав в высокой траве...» (Там же, с. 17—18). Автор хорошо знает мир животных степного края, в котором разворачивается действие большей части повести и красочно изображает его обитателей.

И уж, поскольку мы коснулись этой темы, то следует сказать и о любви к лошадям — тогдашним постоянным спутникам русского солдата-крестьянина. «Привели свежих лошадей. Одну запрягли в телегу, а другую привязали сзади нее. Лошади, которые шли непрерывно от самого Дербента, были уведены для заслуженного отдыха. Когда их увозили, Савелий каждую нежно погладил и поцеловал на прощание. В глазах у него появились слезы...» (Там же, с. 45). Владимир Пашутин как бы говорит нам — без любви к братьям нашим меньшим не может быть большой души у человека.

Автор и в прозе остается поэтом. О любви главного героя он пишет красиво, с достоинством, ведь это — одно из лучших проявлений в жизни человека. А о диковинке того времени на столе, картофеле, в последствии ставшем вторым хлебом в России, он создает целую поэму. «Господи, не в раю ли я? Что за царская еда!»

Однако повторимся, как бы ни красиво было то или иное описание, созданное Пашутиным, каких бы сведений или событий он ни касался, будь то медицинский осмотр врачом раненного офицера и лечебные действия (Там же, с. 47), или что-то другое, это — прежде всего, профессиональный рассказ писателя, в котором простой природный юмор автора то тут, то там искринками рассыпается по всему произведению...



Вот и закончилась 1-я часть повести «Савелий». Перевернута ее последняя страница, на которой Владимир Петрович Пашутин делает посыл к ее продолжению, ко 2-й части — «Савелий и его потомки». Пожелаем и мы доброго пути автору и его героям!

«ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ — В МОРЕ ПУТЬ...»*

О книге Сергея Сомова «В сыр́тах Урала»

Критическому реализму жить.

Людмила Авдеева

(«Приокские зори», №3, 2015 г., стр 210)

Поэт Сергей Павлович Сомов представляет читателям свою новую книгу «В сыр́тах Урала»**. Само название книги говорит, что автор во всем — в оценках прошлого, в характеристиках настоящего, в прогнозах на будущее — идет от своих корней. И символично то, что они, корни, находятся в самой сердцевине России — Урале. Сборник стихов Сомова, настоящего мастера поэзии,— это воплощение работы его души и сердца, выражающее огромный духовный смысл, накопленный им на долгом жизненном пути. Поэт глубоко проникает в суть событий, в состояния общества и страны, в чувства человека. Каждое его стихотворение вызывает к совести, заставляет думать и чувствовать.

*Поэзия! Кораблем будь,
Надежда — парусами,
Любовь к Отчизне — в море путь,
А доплывем мы сами.*

Эти строки можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Сергея Сомова.

Не всякий поэт или прозаик удостоивается предисловия для своей книги известного критика. «... В поэме «Садовое кольцо», заслуженно выдержавшей уже несколько изданий, во весь рост встает альтер-эго поэта — «малокровки набатно-железных лет», не изгой, не блудного сына, не размокшего в покаянном всхлипе интеллигента, не ищущего сочувствия показного словесного трюкача, не эпитгона, не записного краснобая-плюралитика. Альтер-эго подлинного сына своего трудового века, творца невиданных взлетов и побед страны, соорудившей города новостройки; страны, дотянувшейся до звезд, и страны, подвергшейся смертоносному облучению радиации горбистройки ...»,— пишет в предисловии к поэтическому сборнику Леонид Васильевич Ханбеков.

Может ли настоящий российский поэт не быть нонконформистом?

* Сомов С.П. В сыр́тах Урала. С. 4

** Сомов С.П. С 61. В сыр́тах Урала. Стихотворения.— М: Голос-Пресс, 2015.— 136 с.

Нет, он по природе своей не может им не быть. Это вовсе не говорит об активном выступлении против существующего положения вещей, но он всегда в своем творчестве будет честно отстаивать интересы народа, его взгляды всегда будут соответствовать народной общественной позиции.

Почему так? А кто кроме пророка-поэта, сердце которого бьется на одной частоте со страной, возопиет о том, что мировая программа, выражающая чьи-то глобальные интересы, поставила нас уже на грань пропасти? Вот выдержки из этой программы*:

«Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность ... Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства ... культ секса, насилия, садизма, предательства ... Мы будем ... способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться ... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, вражду народов — все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмеище, найдем способ их обогатить и объявить отбросами общества... Мы будем расшитывать таким образом поколение за поколением... Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее ...»

Сомов пишет о творцах жесткого и жестокого глобализма:

*... А чикагствующие куркули ...
в нетерпенье:
— Распни!
Распни его
на ржавых полюсах Земли —*

* А. Даллес. «Искусство разведки» (пер. с англ.).— М.: Изд-во «Иностранная литература», 1963 г.

*мессианствующего
русопета!*

(Соль аттическая, с. 77)

... — *Нет проблем,
под Калифорнию
расколдуем
Сибирь былинную!*
...

*Дранг нах остен!
С распяьем и мошной —
до Беринга ...*

(Торквемада в гриднице, с. 110)

А что же наш доверчивый народ?

... *Выкатив глаза,
Николки
лезут напролом
на сало
в Даллессовской
мышеловке...*

(Зов Атлантиды, с. 128)

Они глумятся над тобою.
(И. Бунин. «Родине»)

«Не то, чтобы я не видела недостатков эпохи социализма — то есть того варианта его построения, который нам довелось наблюдать, но возмущает прежде всего омерзительная неразборчивость — не критики — примитивного огульного оплевывания любых отличительных черт данного исторического периода, вплоть до высочайших и уникальнейших достижений, до сих пор являющихся поддерживающим фундаментом нынешней российской действительности», — пишет Наталья Квасникова.

Сожалеет поэт Сомов об утерянном былом, когда люди были социально защищены и имели возможности для развития и подъема по социальной лестнице вне зависимости от наличия денег, когда нравственность, любовь и сострадание к человеку, доброта и взаимовыручка, которые сейчас, может

быть, живы лишь на зачаточном, бытовом уровне, преобладали на уровне общественном. Он как писатель отвечает за настоящее время, потому глубоко уважает все то хорошее, что было в нашей стране. И как хорошо, что документы тех лет, опубликованные воспоминания живших тогда людей, литературные и публицистические произведения — ведь это все уже оцифровано — не могут быть выброшены из истории, и потому память о том времени будет жить вечно.

С душевной болью С. Сомов смотрит на разбросанные кругом камни разрушенного здания прошлого. Словно недопетая песня, не реализованная до конца сила, передаются от них автору, он пропускает их через свое сердце и они громко звучат в его стихах, воздействуя на читателя четко выверенным поэтическим словом, не отпуская его внимания до конца чтения.

Кто же повинен в произошедшем сломе и потерях?— спрашивает С. Сомов и отвечает: тогдашние «*Слуги желтого дьявола, / Разрушители*» (Муха-цокотуха, с. 118), которые:

*С бесноватых трибун
родства не помнящие Иваны,
на «совковый» барьер навалясь,
златолобому да Мамоне
гремят осанну
под сурдинку
«Что делать,
войдя во власть?..»*

(Соль аттическая, с. 77)

*— Всем по ваучеру!
Не расфордзонитесь —
на себя пеняйте...
А на визит
к Всевышнему
аккурат.*

(Отчет семерке, с. 91)

*... — Упечь бы эту
«Раику»,
куда Макар телят не гонял,
по бушевско-кемпдэвидской
отмашке...*

(Повелитель сущего, с. 14)

Да, констатирует поэт, «с такими друзьями / враги уже не нужны» (Соль аттическая, с. 77) и задает вопрос:

... *Тавро какого Чикатилы
Шагрень душонок их
клеямило?! ...*

(Пост номер один, с. 31)

Вот и выросло нынешнее поколение, какое выросло — «поколение пепси». Так и назвал автор 1-ю часть своей книги.

«Горький сказал: “Человек — это звучит гордо!” Плюнем в Горького презрительно-глупым словечком “совок” — и готово: замороченные люди, к сожалению, даже не только молодежь, обсмеют цитату. “Над чем смеетесь”, несчастные?— “Над собой смеетесь!”» — считает Н. Квасникова.

В своих стихах Сомов сострадает ко всем оскорбленным и униженным гражданам России, но всегда видит перед собой конкретного человека, а не человечество в целом.

*Вымираем.
По миллиону в год.
Изласкали «оттепели»
гиперборейское древо ...*

(«Революций в России не будет...», с. 22)

... *Где-то там,
в Прибайкалье,
в конуре из панельных льдин,
на решетке чугунной
вымерз
некто Аистов —
бывший гвардеец,
штурмовавший Берлин,
вечный должник
чубайсов...*

(«Революций в России не будет...», с. 25)

Но еще недавно и сама Россия была не менее унижена:

... *Глобализм...*
это не вода и вилы.
Зубы

хищника

*острее пилы.
Обескрыленные.
Стоим.
С Курилами
из-под полы ...* (Пост номер один, с. 32)

*Эта черная роза...
Ветра, ветра.
Русь моя!
влет
подбитая птица безвременья...*

(Градоглуловский мироед, с. 83)

*... Русь святую
умыли
смердяковицой
солженицынских «былей»?!* ...

(«Пятилетка — в четыре года...», с. 100)

«Писательство и общественная жизнь — явления взаимосвязанные. Широко известно: в своем творчестве писатель отражает в той или иной степени события и явления, которые происходят в обществе и значимы для его развития. Вместе с тем, творческая деятельность мастера слова воздействует на общество и на взгляды, которые становятся стержнем общественной мысли», — пишет Ирина Кедрова.

Вот и поэту Сергею Сомову видно несоответствие модели «либеральной, монитаристской экономики», неадекватного «рыночно-капиталистического разума» и «безумного своекорыстия», ведущих мир к самоуничтожению, самой сути России и народов, населяющих ее. До еще недавнего времени Россия на всех парах мчалась в этом направлении «вперед планеты всей»... Но постепенно, и более всего в последние годы, страна приходит к осознанию своего особого места в мире и пути развития.

Сейчас многие отмечают феномен Путина. Сожженная Россия, подобно птице Феникс, возрождается из пепла. «Позиция властей по этой важной для любой страны, для любого народа проблеме в последние годы изменилась — и резко...» — говорит Леонид Ханбеков. Однако сказать — так было, но больше не будет, или: «Кончено с Божьей по-

мощью»* пока с полной уверенностью, к сожалению, нельзя. Много еще недобрых факторов действует в нашей жизни.

Автор наверняка согласится с нами, что все революции, в том числе и разрушение Советского Союза — это губительный путь. Однако темы, поднимаемые поэтом — отличный материал для накопления энергии эволюционного движения.

Зов Небесной России побуждает С. Сомова, несмотря на постигшую нас в прошлом катастрофу, верить в наше положительное будущее, в преобразование многих переживаний, страданий, потерь в светлый путь восхождения. Он много думает о будущем России:

*... Порой в трясинный
сорвется юз
грядущей
Руси пята...*

(Повелитель сущего, с. 16)

*... Снова Русь
«меж двух враждебных рас»,
как набат,
как пароль,
как тревожное эхо...
С кем «за други своя»
ты на этот раз,
Россия XXI века?*

(«Революций в России не будет...», с. 24)

В самом начале нашего отзыва мы писали о глубоких корнях Сергея Сомова. В чем же они? Прежде всего — в памяти детства, которое завораживающе притягивает нас, подпитывает нас энергиями земли, дружбы, родительской любви и новизной знания...

*Этот миг апрельской рани,
склянь разлужий
до поры,
чащи в сполохах тумана,
буйство польмя зари!
Глыбой в омут — тяжесть с сердца*

* Игнац Мошелес, ученик Бетховена.

*горьких дум, тревог, обид...
Мне навстречу, вижу, детство
вдоль кювета семенит.*

(Детство, с. 44)

Память войны также укореняет человека поколения Сомова, либо захватившего своим детством те лихие годы, либо родившегося в послевоенные годы, когда родительские судьбы так тесно были связаны с ней — с войной.

*Был солдат тот
безус и брав,
хоть судьбою, видать,
не заласкан —
за спиной вещмешок
и пустой рукав
сколом
статуи галикарнасской.*

(Память, с. 45)

А как значима малая родина в «корневой системе» человека! Сколько об этом говорилось и писалось, но тема эта никогда не будет избитой, а, напротив, всегда будет живой и близкой, как близок нам отчий дом, наша родная земля, где мы появились на свет.

*... Мать-земля
и я — ковыльная остинка
под напряженным
светом
капельки росы ...*

(Лаксис, с. 50)

*... Брезжит
сквозь годов скуделье
росных зорь
мой отчий край.
Сиротееет,
прикорнувши,
старый дом в сиянье грез.
Ах, как исцеляет
душу
пенный водомет берез!*

(«Где же ты, тех дней звонкоголосье...», с. 53)

*... Но все
неодолимее*

*твое притяжение,
отчий дом.*

(Преодоление, с. 56)

*... Этот табор халуп
под нагонной
волн сосняка —
словно беженцы у черты последней,
эти
мышцей
простертые облака —
твой вселенский исход
и твоё наследие ...*

(Дом у дороги, с. 71)

Сомов — самобытная личность, это видно в каждом его стихотворении. Об этом говорит и глубокая лиричность поэта, казалось бы, с головой ушедшего в социальные и общественные темы. Но разве может истинный художник не подметить красоту, не взволноваться городским или природным пейзажем? А светлая радость и высокая грусть, которые дарует нам любовь к женщине? Все это сполна присутствует в поэзии мастера.

*Стелет тени косые
вдоль хат луна,
озеркаленная таровато.
С кровли,
в пряже антенной,
неистовствует
одна
Бетховеновская соната ...*

(Кегельбан, с. 38)

*... Там
на росстаневой глади,
в блеске следа
от саней
под озонным ливнем ладит
колесницу Весновой.
Он промчится
близ купели,
где на холмных берегах
целый день
холстины белит —
Марьюшка-зажги снега ...*

(Марьюшка-зажги снега, с. 46)

*Как отторгнутый
свет угасших звезд
с высоты мироздания,
до сих пор
мне маячит
в юдоли слез
твоих глаз
сияние.*

(Динго, с. 51)

*В сторожке
о восьми углах,
вдали от треволнений прежних,
да будет жизнь твоя светла!
Как этот
мартовский подснежник.*

(Жизнь — светла, с. 52)

Кому-то может не понравится форма стихотворений Сомова, но каждый поэт пишет так, как чувствует, пишет своим неповторимым стилем, в такт биению своего сердца. Обилие образов и ассоциаций, способность мощно влиять на сознание, а порой и на подсознание читателя,— вот еще черты, характеризующие поэзию Сергея Сомова.

Подлинный мастер стиха, он каждую строку, строфу, каждое стихотворение пишет, как самое важное и последнее. Это происходит от того, что в основе его стихов лежит любовь — к Родине, земле, к каждому уголку отчего края, к народу и конкретному человеку, а не столь модное ныне стремление к успеху во что бы то ни стало, поэтому его стихи так близки читателю.

А вот близки ли они многим деятелям современной российской культуры? Потому Сергей Сомов задается вопросом:

*С кем вы, премногоуважаемые
мастера культуры?
Родина — зовет! ...*

(Градоглуловский мироед, с. 83)

Ведь «... человек живет и творит не для себя, не для собственного удовольствия, даже не для своего потомства — продолжения рода, а для продолжения всего человечества в лучших его качествах...»,— устами одного из своих героев говорит Алексей Яшин. Мы полностью согласны с ним, и это можно отнести ко всему творчеству поэта Сергея Сомова.





О дѣтахъ и для дѣтѣй

ВЛАДИМИР ГУДКОВ
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ОЛЬГА АНДРЕЕВА

ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ
ЯКОВ ШАФРАН
ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
СЕРГЕЙ РЕЗВЯКОВ



Владимир ГУДКОВ

(г. Тула)



Печатался в журналах «Природа и человек», «Приокские зори», «Ковчег», «Пегасик». Издал две книжки стихов для детей: «Тучка, слон и два жирафа», «Птичья азбука». Детские стихотворения в 2011 г. вошли в сборник «Лучшие стихи для малышей».

МАЛЫШ И КИТ

В небольшом городке на берегу Северной Атлантики жила семья: молодые папа, мама и их шестилетний сын Никитá. Отец рыбачил, мать вела домашнее хозяйство.

Никитá смотрел с высокого берега, как набегающие волны с бешеной энергией обрушиваются на скалы. Сейчас ему было немного грустно. У многих детей были братья, сестры, а у него не было... Еще Никитá мечтал иметь лошадку — пони, но она стоила больших денег.

На следующий день был полный штиль. Океан будто бы отдыхал от изнурительной работы. Вдруг перед самым берегом всплыл кит — нарвал размером с легковой автомобиль. Он уткнулся в берег своим одиноким левым бивнем и смотрел на мальчика. В его глазах была печаль — такого Никитá еще никогда не видел! С минуту они смотрели друг на друга.

— Почему у тебя такие грустные глаза?— спросил Никитá.

— Я очень одиноко... Мои родители погибли... Был сильный шторм, ветер гнал воду на берег с такой силой, что родители из последних сил вытолкали меня в океан, а сами разбились о скалы...— поведал кит свою историю.

— Мне тоже одиноко... У меня нет ни братика, ни сестренки, а у родителей нет возможности купить мне лошадку — пони...— пожаловался Никитá.

— Как ты можешь говорить об одиночестве?! У тебя же есть папа с мамой, а это такое счастье! Будут у тебя и брат, и сестра, и пони тоже будет — нужно только очень этого хотеть и верить! Слушай, а давай с тобой дружить! А ну, забирайся ко мне на спину!



Нарвал отчалил от берега, и они совершили маленький круиз по акватории. Никитá от восторга пел песни киту, чтобы развеселить его.

— Ты такой забавный, малыш!

На следующий день Никитá пришел со щеткой. Вчера он заметил на спине кита шероховатый налет. Он драил спину нарвала, как его папа корабельную палубу, и напевал песенку, которую сочинил сам:

*В океане Никитá
Встретил грустного кита.
Мы теперь друзья с тобой —
Грусти мы объявим бой!
Спину я тебе почищу —
Потерпи, нарвал-дружнице!*

Кит хлюпал от удовольствия. Он вспомнил, как его гладила плавником мама... Ах, какую чудесную песню сочинил малыш!

Спина кита искрилась от солнечных лучей, и, может быть, благодаря этому блеску он скоро встретил подругу. Теперь они постоянно были вместе и собирались плыть к полярному кругу. Никитá почистил спину подруге нарвала.

Кит подплыл к берегу попрощаться с мальчиком. В его глазах уже не было грусти, а светилась радость!

— Малыш, на память о нашей дружбе я подарю тебе две жемчужины. Я добыл их на большой глубине: ткнул бивнем в камбалу, но это оказалась раковина. Через пробитый панцирь небесным светом блестела крупная жемчужина. Я извлек ее и положил под язык. Потом сорвал со дна еще одну раковину. Эти жемчужины были для меня, как мои родители... В этих широтах нет жемчуга, но в том месте на стыке плит магма находится близко к поверхности. Магма и теплое течение обеспечили нужный микроклимат,— и нарвал аккуратно выложил на отмель две чудесных жемчужины.

Никитá тут же сочинил песенку и спел ее:

*Никитé со дна нарвал
Пару раковин сорвал:
В них он обнаружил
Парочку жемчужин!*



Счастливая парочка удалялась от берега все дальше и дальше... Их спины так сильно сияли на солнце, что матросы с проходящего мимо корабля с восторгом кричали:

— Посмотрите, какая блестящая пара!

Родители одну жемчужину оставили себе — любоваться, а другую продали с аукциона и купили сыну пони. Мама сказала, что в семье скоро появится братик и лошадка будет очень кстати.

ЗАГАДКИ

Он почти не видит света —
К слепоте приводит это!
Роет он метро и грот.
Что за мастер? Это — ... /КРОТ/

Лишь днем она бывает сонной,
Живет в дупле, сама не крошка,
Отлично видит ночью темной,
Мышей таскает, но не кошка! /СОВА/

Нож из алых корнеплодов
В миску нарезает диски!
Кто на грядке любит воду?
Красна девица — ... /РЕДИСКА/

Мне по бумаге ползать скучно, тяжело...
Отдать бы спорту свой талант
иль цирку?!
Отличное вращение, растяжка!
Я острый и блестящий! Кто я? ... /ЦИРКУЛЬ/

Ты его узнаешь просто —
Богатырского он роста,
Груз тяжелый переносит,
Носит шланг он вместо носа,
В нем совсем не много тонн!
Ну конечно, это — ... /СЛОН/

Я — деревянный, остроносый, тонкий!
Танцую на бумаге и картонке! /КАРАНДАШ/



У меня одна забота —
Утро рđјутј отработать!
Мне же затыкают рот —
Невоспитанный народ! /БУДИЛЬНИК/

Ель спасая от болезни,
Клювом долбит, будто спятил!
Лесу очень он полезен!
Кто же этот доктор? ... /ДЯТЕЛ/

Питаюсь я дровами —
Их нужно лишь разжечь.
Тепло нам станет с вами!
Я — каменная ... /ПЕЧЬ/

С комфортом не знаком он.
Ему не нужен дом:
Стоят три снежных кома
С морковкой и ведром! /СНЕГОВИК/

В ней исторические даты,
Есть — драма, лирика, интрига!
Изучишь азбуку, тогда ты
Узнаешь, что такое ... /КНИГА/



Валентина ПИНАЕВСКАЯ

(г. Тула)

ПРАДЕДУШКА

Мой прадедушка — герой —
встал за Родину горой
и в военную годину
гнал фашистов до Берлина.
Преподал врагам урок
ворошиловский стрелок.

Носит храбрый победитель



весь в наградах старый
китель.
Я прадедушкой горжусь!
В спальне чисто приберусь,
пусть живет он долго-долго,
попрошу об этом Бога...

ЛУЧШЕ ВСЯКОГО ЛЕКАРСТВА

Сказка для детей среднего дошкольного возраста Из цикла «Таисенькины сказки»

В лесу жил ежик Портняжка. Так ласково прозвали его друзья, потому что в его шубке было много острых иголочек. А друзей у Портняжки было много. Почему? Да потому, что он был добрым и отзывчивым. Особенно ежик подружился с зайчонок по имени Торопыжка. Да, правильно, вы угадали: зайчонок всегда куда-то спешил. Друзей объединяло одно общее дело. Они любили природу и старались содержать в чистоте берег ручья, убирали мусор и ветки, упавшие с деревьев от ветра. После проделанной работы друзья любили играть, купаться в ручье, гулять по лесу. В жаркий день так приятно спрятаться от солнечных лучей в тени сосен и слушать пение птичек. А уж когда попевала на поляне лесная земляника, друзья с удовольствием лакомились красными ароматными ягодами и собирали их в ведерочки для варенья.

Портняжка и Торопыжка изучали полезные свойства растений. Засушивали веточки, листочки, цветы, чтобы потом приклеивать их на картон, составляя пейзажи и натюрморты. Это увлечение благотворно влияло и на Портняжку, развивая его художественный вкус, и на Торопыжку, который приобретал усидчивость. Картины у них получались такие замечательные, что заслуженно красовались на выставке в детском Доме творчества. Друзья с радостью дарили свои поделки родным и знакомым.

В конце лета Торопыжка переехал жить в другой лес. Портняжка очень скучал по другу, но не рисковал в одиночку отправиться в гости, боялся заблудиться. Однажды знакомая сорока сообщила ежику, что друг его заболел ангиной. Не раздумывая, Портняжка решил навестить зайчонка и расспросил сороку, как добраться до его домика. Взяв рюкзак, наполненный яблоками, ежик отправился в путь.



— Привет! Ты куда идешь?— спросил Портняжку встретившийся волчонок.

— Здравствуй, Волчок! Заболел Торопыжка, лежит с высокой температурой, и я спешу его навестить.

— Я знаю короткую дорогу через лес по просеке. Хочешь, тебя провожу?

Захватив для заболевшего зайчонка баночку малинового варенья, оно, говорят, помогает при простуде, Волчок повел ежика через чащу леса. Внезапно дорогу им преградила бурная река. Волчок удивился:

— Вчера здесь был маленький лесной ручеек!— и, подумав, добавил: — А! Ночью был сильный ливень, вот ручеек и разлился! Как бы нам перебраться на другую сторону?

Портняжка оглянулся и увидел на пригорке избушку.

— Точно! Попросим помочь медвежонка, его зовут Топотуш. Видишь он вышел на крыльцо?— обрадовался Волчок.

— Неудобно. Я с ним даже не знаком,— с сомнением ответил ежик.

— Не нужно бояться просить помощи на добрые дела! Меня так научила мама,— настаивал Волчок.

Медвежонок Топотуш, выслушав друзей, сразу согласился им помочь. Он взял поваленное длинное дерево и перекинул его поперек речки, получился мостик.

— Возьмите для больного зайчонка,— Топотуш протянул друзьям горшочек с медом.

— Спасибо тебе за все, Топотушка!— сердечно поблагодарили его Портняжка и Волчок. Успешно перебравшись по бревнышку через речку, друзья поспешили дальше. Путь оказался неблизким, но они, устав, упорно продолжали идти к цели.

— А вот и дом, где живет зайчонок!— закричал Волчок, показывая в сторону опушки леса.

Торопыжка лежал в постели, сильно кашлял, горло его было укутано в шерстяной шарфик. Он очень обрадовался пришедшим друзьям и сразу повеселел. Портняжка и Волчок принялись за дело: навели в комнате порядок, принесли из колодца воды, и вскоре закипел чайник. Больного напоили горячим чаем с вареньем и медом, угостили сладкими яблоками.

— Спасибо вам, Портняжка и Волчок за то, что пришли помочь в трудную минуту. Мне сразу стало легче!— растроганно прошептал зайчонок.



— Ты, главное, поскорее выздоравливай!— улыбаясь, ответили друзья.

Портняжка остался у друга на несколько дней, ухаживал за ним. Поил зайчонка чаем из целебных трав, рассказывал интересные истории.

Торопыжка быстро пошел на поправку. Ведь лучше всякого лекарства печат внимание, доброта и забота друзей.

ЮМОР ДЕТСКИМИ УСТАМИ

Кто хорошо кушает?

Мама перевела дочь Наташу (3 года) в другой детский сад. Девочка не отличается хорошим аппетитом, поэтому мама, пытаясь хоть как-то привлечь интерес дочери к еде, спрашивает ее:

— А кто в вашей группе всех лучше кушает?

— Инна Григорьевна, воспитательница. Все съедает, на тарелке ничего не оставляет,— ответила Наташа.

Объявление

Двоюродные сестренки Женя (6 лет) и Наташа (5 лет) идут мимо магазина, на дверях которого висит объявление: «Магазину срочно требуются грузчики».

Женя, недавно научившаяся читать, решила похвастаться перед сестрой этим умением и произносит:

— Магазину срочно требуются грузинчики!

Скорая почта

Наташа (4 года) с помощью мамы опустила конверт с письмом в почтовый ящик и спрашивает:

— А бабушка Лида на Севере письмо уже поймала?

Никто не останется голодным

Дедушка учит внука Диму (4 года) считать и предложил ему решить задачку на вычитание:

— К нам придут в гости 8 человек, а вилок в доме только 5 штук. Сколько потребуется вилок остальным гостям?

— Остальные ложками поедят!— ответил Дима.



Людмила ПЕНЬКОВА

(г. Тула)

РАДОСТЬ

РАДОСТЬ необходима каждому человеку так же, как солнце, которое постоянно посылает нам свет, тепло, значит — жизнь!

1. Если разбить слово РАДОСТЬ на слоги, получится: РА — ДОСТЬ. РА — так называлось солнце в древнем Египте.

2. Еще из букв, входящих в слово Р А Д О С Т Ъ, можно получить слово САД. А ведь РАДОСТЬ, как ощущение, состояние, которое испытывает человек, можно, на самом деле, сравнить с красотой цветущего сада. Когда мы улыбаемся, радуемся, становимся похожими на прекрасные цветы из сада РАДОСТИ.

3. Среди букв, образующих слово РАДОСТЬ, находится представительница нотной азбуки — нота ДО.

Ее присутствие в РАДОСТИ говорит о том, что РАДОСТЬ наполняет нас волшебной музыкой жизни и струится сквозь нас, как чудесная песня Счастья.

4. А еще из букв, давших жизнь слову РАДОСТЬ, складывается слово ДАР. Это слово имеет огромное значение для человека. Оно подразумевает способности, дарования, талант.

Такой дар, как дар слова (дар речи), обозначает способность говорить и не только просто говорить, а умение говорить свободно, красноречиво. У всех волшебников множество дарований!

Помни об этом!

5. Я составила еще одно слово, используя три буквы из 7 букв, образующих слово РАДОСТЬ. Это — Р, О, Т.

Получилось новое слово РОТ — губы, очертания губ. Правда ведь, мой друг, без участия губ не заиграла бы лучами улыбка на нашем лице. Улыбка — знак радости. Дело в том, что наше тело тоже умеет говорить, только не при помощи звуков, складывающихся в слова и предложения, а посредством мимики, жестов, телесных знаков. Твоя улыбка, не пользуясь словами, говорит о солнечной погоде в твоём настроении.

6. ДА — утвердительная частица. Буквы Д и А, которые образуют частицу, ты тоже можешь найти в слове РАДОСТЬ.



Ответь мне, пожалуйста, мой очаровательный друг, на следующий вопрос:

Ты умеешь радоваться? Ты жизнерадостный человек!

Ты сказал: «ДА!» Молодец!

Мне хочется задать тебе еще несколько вопросиков. Я знаю, что тебе не составит труда на них ответить.

Ты уважительно общаешься со взрослыми?

Ты готов не ссориться с другими детьми?

Ты веришь в свои волшебные силы?

Ты хочешь много знать и уметь?

Тебя радует мир, в котором ты живешь: весна — цветущая природа, лето — яркое солнышко, осень — золотые листики, урожай фруктов и овощей. А также зима — ледяные горки, хрустальные сосульки и любимый, сказочный праздник — Новый год!

Дорогой друг, если ты ответил на все вопросы ДА, ты — воспитанный, интересный и уверенный в себе человек.

7. Еще одно замечательное слово получилось из букв С, Т, О, входящих в состав слова РАДОСТЬ. Это слово СТО, обозначающее число. У человека, умеющего дарить РАДОСТЬ другим людям, всегда бывает СТО друзей, а это целое богатство!

Мой дорогой друг, а сейчас, прямо сейчас, РАДОСТЬ не надо откладывать «на потом», давай порадуем себя и своих близких.

Улыбнись и скажи тому, с кем ты — рядом: маме, папе, бабушке:

— Хочу стать радостью твоей,

Дарю тебе улыбки свет!

И ты улыбку не жалей,

Мне подари ее в ответ!



Яков ШАФРАН

(г. Тула)

Зима-зимушка, зима,
Бела снега пелена,
Осень быстро проводила,
Все вокруг захолодила.

И на радость ребятам
Снег искрится на лыжне.
Тут и горка пригодилась —
Коркой ледяной покрылась:
Ведь недаром же вчера



Поливала детвора.
— Кто подальше на салазках? —
Ах, зима, ну что за сказка!
Снежну бабу малышам
Каждый лепит — сам с усам.
Крепость мы уж вместе строим
И в нее заходим строим.
Вот и «вражеский» отряд
За нее сразиться рад.
И летят снежки, как пули.

Мамы нам: — Вы б отдохнули!
— Вот закончится сражение,
Будем есть тогда варенье!
— Чей черед вас угощать?
— Мой, — кричу, — готовься,
мать!..
Зима-зимушка, зима,
Бела снега пелена,
Ты на радость ребятам.
Дарит память радость мне.

Ольга АНДРЕЕВА

(г. Тула)



ПРО КУРОЧКУ РЯБУ

Далеко ли, близко ли, высоко ли, низко ли, на Земле, на самом ее отшибе, стояла деревенька. Народ там жил просто. Хлеб сажал, Землю пахал, муку молот, пироги да хлеб пек. Коров пас, масло, сыр делал.

На краю той деревеньки стояла изба, и жили там старик да старуха. Ни кого у них на всем свете не было, кроме одной курочки-рябушки. Обычная была-то курица. Да вот как-то возьми и начни нести яйца не простые, а золотые.

Богатеют старики день ото дня, радуются. Народ им завидует.

Вот как-то раз приходит к старикам сосед в гости, да промеж разговору возьми, да скажи деду:

— Мол, ты бы глянул, что там внутри у твоей курицы завелось, а может там цельный ком золота?

Задумался старик.

Всю ночь ворочается. Глаз сомкнуть не может. Со старухой своей на печи шепчется, думу думает. А поутру вскочил с печи, схватил топор, да со всего маху и отсек своей кормилице-поилице головушку. А внутри-то она была самая обыкновенная, простая курица.

Вот и весь сказ — не жадничай!



ПРО ДЕДКУ И РЕПКУ

В темную и теплую, летнюю ночь, когда звезды на небе мерцают, как светлячки в поле, и луна ровно и спокойно льет свой ласковый свет на землю, посадил дед репку. Дождик ту землю поливал, да и сам дед не плошал: холил и лелеял свою репку. Солнце землю грело, и росла, росла репка, да и выросла. Большая, пребольшая, да такая большая, что за день не объедешь. И стал дед репку тянуть. Тужится, тужится, пыжится, и так и сяк к ней пристроится. Ничего не выходит. Сидит репка, как посадили. Пошел дед к соседу, попросил трактор. Опять трудится, тужится. Сидит репка, как посадили.

Проходила мимо него баба, по воду шла. Глядит, дед пыжится, пот с его лысины на нос капает. Совсем умаялся горемыка. Поставила баба ведро, да и пошла деду помогать. Один ум хорошо, а два еще лучше. Баба за дедку, дедка за репку, тянут, потянут, вытянуть не могут. Сидит репка, как посадили. Измучились старики в конец, а тут еще внучка с подружками пробегала:

— Баба, деда, дайте мы пособим вам.

И стали они все дружно репу тянуть. Тянут, потянут. Сидит репа, как посадили. Ничего путного из этого не вышло. Целый день промаялись. Утро вечера мудренее. Разошлись все по домам спать. Вдруг среди ночи слышат дед да баба подле печи, где они спят, то ли писк, то ли чей-то тоненький голосок раздается. Проснулись и видят: мышка-норушка к самой печке подползла и что-то сказать пытается. Посадил ее дед на ладошку, а мышка ему и говорит:

— Ежели своей репой всю деревню накормишь и всех позовешь на помощь, то вытянешь репку.

Сказала и растаяла, как снег, будто ее и не было вовсе. Поутру пошли дед да баба по всем соседям. В пояс кланяются, о помощи просят, репкой угостить обещают.

Собрался народ со всей деревни. Тянут, потянут. Сидит репка, как посадили. Тужится народ, упирается. Ничего поделать не может. Тут соседский Федяшка подходит к деду и говорит:

— Деда, а про Чесночиху-то кривую забыли. Охромела Чесночиха год назад, когда полено на ногу обронила. С тех пор редко из дома выходит. Больше по двору своему ковыляет.

Сбегали и привели бедолагу хромую. Тянут, потянут; тужатся, упираются. Вытянули репку. Вытянули. Кашу сварили. Всех накормили.



ЭТОЙ НОЧЬЮ

Постучалось утро в дом,
Кот мякнул за окном,
Вдруг сосулька плакать стала,
«Дзинь!» — со звоном вниз упала.
А вчерашний снеговик
Весь скукожился и сник,
Наклонившись странно влево,
Он присел на снег несмело.
Этой ночью что случилось?
К нам с небес весна спустилась!

ЗИМНИЙ ЛЕС

На еловых веках
Кружево лежит,
От дыханья ветра
Зимний лес дрожит,
И поют метели
В том лесном краю
Сосенкам и елям
Колыбельную....

Татьяна СОЛОВЬЕВА

(г. Алексин Тульской области)



Татьяна Ивановна Соловьева родилась 26 октября 1952 г. в г. Алексине Тульской обл. Печаталась в заводской газете «Призыв», в литературных сборниках и альманахах Алексина, Тулы и Москвы. Выпустила 2 книги: стихов, рассказов и сказок (2013) и «Детская мозаика» (2015). Член ЛитО «АЛЛО» и Московского Совета Ли-

тО.



ЮНАЯ ХУДОЖНИЦА

Научилась рисовать я
Человечков и цветы.
И расцветки яркой платья,
И большущие банты!
Все вокруг изрисовала,
Все обои и шкафы.
Показалось мне, что мало, —
Перешла я на полы.
Мамочка моя не знала,
Как рисунки оттирать?
Чтоб за все мне не попало,
Я пошла скорее спать!

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Я хочу быть балериной
И на сцене выступать.
Белых лебедей картины
Не дают ночами спать.
Руки словно крылья машут
Я лечу под небеса...
Ну а мама: «Тебе кашу
Надо кушать, егоза!»
Погуляй немного, дочка!
Лет хотя бы до пяти.
Жизнь расставит свои точки,
Ты расти пока, расти.
А потом пойдешь учиться.
Будешь танцевать балет.
Хочешь многого добиться —
Никакой преграды нет...
Засмеялась я от счастья, —
Так немного поживу!
Натанцуюсь потом всласть я,
Птицей белой поплыву!



ПРОХЛАДНОЙ, ВКУСНОЮ ВОДОЙ...

Прохладной, вкусною водой
Я не могу напиться.
Она искристою струей
Из родника струится.
Бежит, ныряет меж камней,
Спешит к реке широкой.
И я иду, иду за ней,
Напившись у истока.
Хочу увидеть, как она
Сольется с речкой чистой,
Как понесет ее волна
Теченьем быстро-быстро.
Я тоже вроде ручейка,
В просторах мироздания.
Меня несет, несет река
В волшебный мир познания.

Сергей РЕЗВЯКОВ

(г. Тула)

МАШЕНЬКА



Сказка по произведению Л.Н. Толстого «Три медведя»

Расскажу вам сказку, дети,
Слушайте: на белом свете
Внучка Машенька жила;
За грибами в лес пошла,
Шла да шла она, устала,
Дом под елкой увидела —
Три медведя в доме том
Мирно жили день за днем.
В двери Машенька вошла;

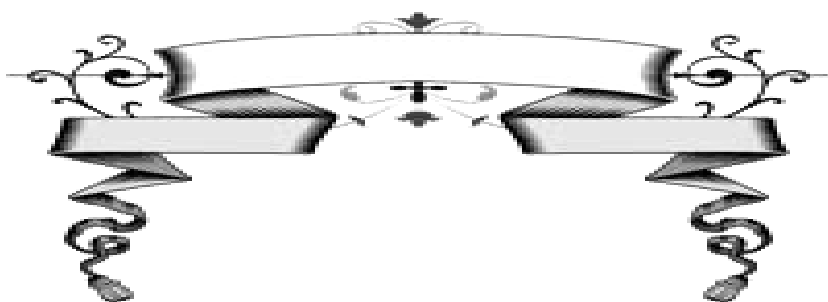


Оглядевшись, поняла,
Что хозяев дома нет.
Видит — на столе обед:
В трех медвежьих чашках каша.
Вот на стул уселась Маша,
Где сидел большой медведь —
Неудобно там сидеть,
И она на средний села,
Где медведица сидела —
Там неловко было ей, —
На пол спрыгнула скорей
И на меньший перешла —
Каша вкусная была.
Захотелось Маше спать:
На большую, на кровать
Взобралась: как высоко!
А на средней — широко,
Впору третья ей пришлась —
Засмеявшись, улеглась,
Потянулась и зевнула,
И скорехонько уснула.
А медведи той порой
Возвращались домой.
Вот вошли медведи в дом,
Видят — беспорядок в нем:
Кто-то за столом сидел,
Сдвинул стулья, кашу ел.
Старший Мишка проревел:
— Кто на стул мой сесть посмел!
А медведица сказала —
Не так громко прорычала:
— Кто и на моем сидел
И из чашки кашу ел!
А Мишутка пропищал:
— Кто мой стульчик разломал?
Глянул Мишка на кровать,
Проревел он: — Кто лежать
Тут осмелился и смял?



— Кто и на моей лежал?—
Вслед медведица сказала,
Не так громко прорычала.
А Мишутка пропищал:
— Кто постель мою измял?
Тут он Машу увидал,
Что есть мочи завизжал,
Будто режут:— Ай-я-йй!
Вот она, держи, хватай!
Маша, скинув одеяло,
Прыг в окно и убежала —
Только пятки засверкали,
И медведи не догнали.





ПѢСНИ

ЯКОВ ШАФРАН
СЕРГЕЙ ГАЛКИН

ВЛАДИМИР ПАШУТИН
ВЛАДИМИР ГУДКОВ



КРАЙ МОЙ МИЛЫЙ

Только в памяти тот рай...

слова Якова ШАФРАНА

музыка Владимира ПАШУТИНА

Спокойно, ласково. В среднем темпе...

1. Край мой милый, край хороший детства незабвенный край. В старый домик, влюбленный, сад и рошадистый рай. Летом сад, деревни, крыши, на веша леская вой на. Мамина зов: До



1. Край мой милый, край хороший —
Детства незабвенный край.
Старый домик в землю вросший,
Сад и роща — просто рай.

Летом — сад, деревья, крыши,
Наша детская война.
Мамин зов: «Домой!» — не слышим,
Заигрались допоздна.

2. И еще любили очень
Старых воинов рассказ:
Летом — лавочка до ночи,
А зимой — у лампы час.

Не смиряется сознание
С тем, что их на свете нет.
Так свежи воспоминания,
Хоть промчалось столько лет.

3. *(Первая половина куплета — проигрыш)*

Край мой милый, край хороший —
Детства незабвенный край.
Старый домик в землю вросший...
Только в памяти тот рай.



СОВСЕМ МОЛОДЕНЬКАЯ ЁЛКА

Не хуже я той ёлки в центре, в игрушках что и фонарях.

слова Якова ШАФРАНА

музыка Владимира ПАШУТИНА

Довольно скоро, весело.

См B7 F C7 F B7 F Де - ре - вья вбе - лых
о С7 де - я F ньях, сне - жи - нки все A7 те ди - вных снов. Dm
Под сне - гом так G7 да вно гу - ля - нья не зна - ли G7 де - ти
ту С7 ля - юв. F Со - всем мо - ло A7 де - нька - я ё - лка Dm
про - шла - ну - ла A7 бо - льшой су - гроб. Cm D7 Е - ё о - ля - бша -



я ме-тёлка ко-рит гу-ля-ю-ших о-соб.
Ко-рит гу-ля-ю-ших о-соб.

Деревья в белых одеяниях, снежинки в мире дивных снов.
Под снегом так давно гулянья не знали дети туляков.
Совсем молоденькая елка проклюнула большой сугроб.
Ее озябшая метелка корит гуляющих особ.
Корит гуляющих особ:

«Что, если я мала росточком, то можно в снеге закопать?
Вы посмотрите хоть глазочком, какая там в сугробе стать!
Не хуже я той елки в центре, в игрушках что и в фонарях.
Пусть умещусь я ростом в метре, но встану я в любых углах!
Но встану я в любых углах!

Но почему я не на рынке? Но почему я здесь расту?»
«Не плачь,— сказа ей Маринка,— весной я ленточку вплету
В твои косички-изумруды, водичкой буду поливать.
Ты вырастешь и просто чудом, на радость будешь здесь стоять!
На радость будешь здесь стоять!

(Первая часть четвертого куплета – проигрыш)
Сейчас, укутавшись сугробом, поспи тихонько до весны.
Я не хочу, засохла чтобы в моем ты доме. Спи, усни!...»



РОМАНС «ПРОСТО ЛЮБЛЮ»

Стихи: Сергей Галкин

Мелодия: Владимир Гудков

КАК СЛО-ВО, КАК ВЗДОХ ИЗ-БЕЖ-НЫ, К ДОБ-РУ ЛИ ТЕ-ПЕРЬ, НЕ К ДОБ-РУ,
ЛЮБ-ЛЮ БЕЗ-НА-ДЕЖ-НО И НЕЖ-НО, НЕ ДУ-МА-Я, ПРОС-ТО ЛЮБ-ЛЮ!
НЕ ДУ-МА-Я, ПРОС-ТО ЛЮБ-ЛЮ... ЛЮБ-ЛЮ С ЗА-ТАЕН-НОЙ ПЕ-ЧАЛЬ-Ю,
ТАК СВЕ-ТИТ О-СЕН-НЯ-Я ДАЛЬ, НО ВИ-ЖУ ЗА СВЕ-ТЛО-Ю ДАЛЬ-Ю
У-ГАС-ШЕЙ НА-ДЕЖ-ДЫ ПЕ-ЧАЛЬ... У-ГАС-ШЕЙ НА-ДЕЖ-ДЫ ПЕ-ЧАЛЬ...

Как слово, как вздох — неизбежны,
К добру ли теперь, не к добру —
Люблю безнадежно и нежно,
Не думая, просто люблю!

Люблю с затаенной печалью,
Так светит осенняя даль,
Но вижу за светлую далью
Угасшей надежды печаль...

Она, как мечта, безмятежна,
И нежные льются слова!
Люблю безнадежно и нежно,
И кругом идет голова!

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

Святейший Патриарх КИРИЛЛ. Выступление на встрече с молодежью в ледовом дворце в Санкт-Петербурге	5
--	---

ПРОЗА

Елена СЕМЕНОВА (г. Москва).....	15
Ирина КЕДРОВА (г. Москва).....	26
Евгений СКОБЛОВ (г. Москва).....	34
Игорь КАРЛОВ (г. Подольск Московской обл.).....	41
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	43
Сергей КРЕСТЬЯНКИН (г. Тула).....	47
Геннадий МАРКИН (г. Щекино Тульской обл.).....	54
Людмила АЛТУНИНА (г. Тула).....	60
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва).....	76
Ольга ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ (г. Москва).....	79
Вячеслав МИХАЙЛОВ (г. Тула).....	85
Сергей ЛЕБЕДЕВ (г. Тольятти Самарской обл.).....	88
Олег СЕВРЮКОВ (г. Москва).....	94
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	98
Елена ГАДЕНОВА (г. Тула).....	99
Валентина ПИНАЕВСКАЯ (г. Тула).....	103
Галина КЛИНКОВА (Волгоградская область).....	105
Татьяна РОГОЖИНА (г. Тула).....	107
Анна МАРТИНА (г. Серпухов Московской обл.).....	113
Станислав ВОРОНЦОВ (г. Серпухов Московской обл.).....	117
Елена БОГДАНОВИЧ (г. Алексин Тульской обл.).....	119
Надежда МИРОНОВА (г. Алексин Тульской обл.).....	121

ПРОЗА

Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула).....	126
Олег СЕВРЮКОВ (г. Москва)	130
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула).....	132
Виктория ТКАЧ (г. Тула).....	134
Галина ЛЯЛИНА (г. Донской Тульской обл.).....	135
Сергей НИКУЛОВ (г. Тула).....	137
Ольга ВАСИЛЕНКО (КРАСНИЦКАЯ) (г. Санкт-Петербург).....	139
Светлана ЛЮКШИНА (г. Тула).....	141
Елизавета БАРАНОВА (г. Тула).....	143

Алексей ЯШИН (г. Тула).....	145
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	146
Валерий ДЕМИДОВ (г. Тула).....	148
Ольга СОКОЛОВА (г. Москва).....	150
Галина УЛЬШИНА (г.Батайск Ростовской обл.).....	151
Сергей РЕДКОВ (г. Тула).....	153
Ольга БОРИСОВА (г. Самара).....	154
Сергей РЕЗВЯКОВ (г. Тула).....	155
Нина ГАВРИКОВА (г. Сокол Вологодской обл.).....	156
Игорь МЕЛЬНИКОВ (г. Тула).....	157
Натали СИЛАЕВА (г. Серпухов Московской обл.).....	158
Валентина ВОЛЧКОВА (г.Серпухов Московской обл.).....	159
Валентина ПИНАЕВСКАЯ (г. Тула).....	161
Людмила АВДЕЕВА (г. Москва).....	162
Олеся МАМАТКУЛОВА(г. Алексин, Тульской обл.).....	164
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	165
Ирина НАЗАРОВА (г. Серпухов Московской обл.).....	166
Елизавета ГРИШИНА (г. Серпухов Московской обл.).....	167
Эльвира БОГДАНОВИЧ (г. Алексин Тульской обл.).....	167
Татьяна ЛЕОНОВА (г. Щекино Тульской обл.).....	168
Ольга ПАВЛОВА (г. Алексин Тульской обл.).....	168
Ольга АНДРЕЕВА (Тула).....	170
Геннадий МИР (г. Щекино Тульской обл.).....	170
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва).....	172
Любовь САМОЙЛЕНКО (г. Донской Тульской обл.).....	173
Валерий ВИНОГРАДОВ (г. Алексин Тульской обл.).....	174
Роман ГОРОДЮК (г. Серпухов Московской обл.).....	175
Кира КРУПСКАЯ (г. Серпухов Московской обл.).....	175
Валентина ДИНЕСЮК (г. Алексин Тульской обл.).....	175

ПУБЛИЦИСТИКА

Рагим МУСАЕВ (г. Тула).....	178
Ирина НИКОЛЬСКАЯ (г. Алексин Тульской обл.).....	181
Людмила АЛТУНИНА (г. Тула).....	189
Галина КЛИНКОВА (Волгоградская обл.).....	200
Вера ХАЙКИНА (г. Алексин Тульской обл.).....	202
Сергей ОВЧИННИКОВ (г. Щекино Тульской обл.).....	211
Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула).....	222
Татьяна ШЕЛЕПИНА (г. Алексин Тульской области).....	230
Рудольф АРТАМОНОВ (г. Москва).....	238

Рубрика: Российское родословие «Найти свои корни»

Вступление Людмилы Алтуниной.....	245
Галина СВЕТЛАКОВА (г. Дзержинский Московской обл.).....	246

Сергей ХАРЛАМОВ (г. Томск).....	255
---------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Андрей МОЖАЕВ (г. Москва).....	268
Ирина КЕДРОВА (г. Москва).....	272
Ольга БУГРИМОВА (г. Тула).....	277
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	280

О АСТЯХ И ДЛЯ АСТЫЙ

Владимир ГУДКОВ (г. Тула).....	303
Валентина ПИНАЕВСКАЯ (г. Тула).....	306
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула).....	309
Яков ШАФРАН (г. Тула).....	311
Ольга АНДРЕЕВА (г. Тула).....	311
Татьяна СОЛОВЬЕВА (г. Алексин Тульской обл.).....	314
Сергей РЕЗВЯКОВ (г. Тула).....	315

ПЕСНИ

Яков Шафран (г. Тула).....	318
Владимир ПАШУТИН (г. Тула).....	318
Сергей ГАЛКИН (г. Тула).....	322
Владимир ГУДКОВ (г. Тула).....	322

**УЧРЕДИТЕЛЬ
АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:**

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО–ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:**

*ЯКОВ ШАФРАН – главный редактор и составитель
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА – зав. отделом
публицистики и литературоведения
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ – зав. отделом поэзии
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН – зав. отделом прозы
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
АЛЕКСЕЙ ЯШИН*

12 +

*В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах
массовой информации» и Федеральным законом
от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», альманах предназначен
для людей старше
12 лет.*

В МАКЕТЕ ОБЛОЖКИ ОБРАЗЦОМ ЯВИЛОСЬ
ФОТО АВТОРА ИРСЕН:
<http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1>

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ОРДЕНА Г.Р. ДЕРЖАВИНА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ВЫПУСК 6

Произведения, опубликованные в альманахе,
даны в авторской редакции

Редакторы: Л.Д. Алтунина, В.Г. Демидов,
С.О. Крестьянкин, Я.Н. Шафран

Корректоры: Л.Д. Алтунина, В.Г. Демидов,
С.О. Крестьянкин, Я.Н. Шафран

Компьютерный набор: авторы

Компьютерная верстка, изготовление

оригинал-макета и оформление: Я.Н. Шафран

Составление: Я.Н. Шафран

Издатель — ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

300040, Тула, ул. Калинина, д. 26, кор. 2, оф. 210

e-mail: bonyans@yandex.ru тел. 8- 953-443-14-69

Подписано в печать 15.08.2016 г.

Формат 60х84/16. Усл.-печ. л. 18.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 165 экз. Заказ № 117.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Папирус»

300041, Тула, ул. Ленина, 12

Тел.: (4872) 38-40-09

